Джейн Биркин

ДНЕВНИК ОБЕЗЬЯНКИ

/1957-1982/

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Для маленькой Джейн обезьянка в костюме жокея – Манки – была самой любимой игрушкой, которую она не выпускала из рук. Для взрослой Джейн плюшевый Манки стал талисманом – она брала его на все важные встречи, не садилась без него в самолет и не ложилась в больницу. Когда умер Серж Генсбур, Джейн положила Манки в его гроб. …Может, потому, что в детстве у Джейн не было близких подруг, она привыкла доверять все свои секреты Манки. К плюшевому конфиденту обращены и записи в дневниках, которые Джейн вела с одиннадцати лет. Но в самой Джейн Биркин нет ничего от куклы – это страстная и смелая женщина, честная с собой и с другими. Певица, актриса и икона стиля не побоялась бросить вызов ханжам и лицемерам: спела с Генсбуром скандально известную «Я тебя люблю… я тебя тоже нет», появлялась на публике в шокирующих туалетах, оставаясь в то же время верной женой, любящей матерью и заботливой дочерью. Дневники несравненной Джейн Биркин – увлекательный рассказ о целой эпохе и живших в ней людях, искренний и откровенный…

- Джейн Биркин
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ 1957
  - ○ 1959
  - ○ 1960
  - ○ 1961
  - ○ 1962
  - ○ 1963
  - ○ 1964
  - ○ 1965
  - ○ 1966
  - ○ 1967
  - ○ 1968
  - ○ 1969
  - ○ 1970
  - ○ 1971
  - ○ 1972
  - ○ 1973
  - ○ 1974
  - ○ 1975

- 1976
- 1977
- 1978
- 1979
- 1980
- 1981
- 1982
- Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199

Джейн Биркин
Дневник обезьянки

Jane Birkin
Munkey Diaries

© LIBRAIRIE ARTHEME FAYARD, 2018
© Sindbad Publishers Ltd., 2019
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2019

* * *

В сотрудничестве с Габриэль Кроуфорд

Когда я заболела, Габриэль занялась разборкой дневников, которые я вела на английском. На протяжении двух лет она работала над их переводом на французский и сканировала все мои рисунки. Не будь ее, я бы давным-давно бросила эту затею. Я благодарна ей за неиссякаемый энтузиазм и доброту. Не зря Серж называл ее «ангелом Гавриилом».

Я начала вести дневник в 11 лет и обращалась в нем к Манки – плюшевой мартышке, которой доверяла тогда все свои секреты. Обезьянку-жокея мне подарил мой дядя – это был приз, выигранный им в лотерею на сельской ярмарке. Мы с Манки не расставались никогда: он делил со мной тоску интерната и больничной койки, мою жизнь с Джоном, Сержем и Жаком; был свидетелем всех моих радостей и печалей. Он обладал волшебной властью: я ни разу не садилась без него в самолет, не ложилась без него в больницу. Папа как-то сказал: «Не исключаю, что в раю нас с распростертыми объятиями встретит Манки!» Кейт, Шарлотта и Лу хранили как святыню его особые одежки для путешествий. Серж до самой смерти носил у себя в дипломате его джинсы… Когда Сержа хоронили, я положила рядом с ним Манки – чтобы моя обезьянка защищала его, словно фараона, в загробной жизни.

Перечитывая свои дневники, я пришла к очевидному выводу: люди не меняются. Какой я была в 12 лет, такой и осталась. Недоверчивость, ревность, желание нравиться… Сегодня я лучше понимаю, почему все мои романы длились недолго. Возможно, читатель удивится, как удивлена я сама, что я мало говорю о своей профессиональной жизни, почти не упоминаю о фильмах,

спектаклях и даже песнях. О тех, кто умер, я вспоминаю месяцы спустя; как и о радостных событиях, особенно важных… их надо было пережить. Счастье распознаешь только задним числом. В дневниках всегда полно несправедливостей. Ты выкладываешь карты на стол, жалуешься, излагаешь свою версию того, что было… Так вот, здесь именно моя версия всего, что было. Я ничего не приглаживала и, поверьте, предпочла бы, чтобы мои поступки выглядели более зрелыми и мудрыми… Я удалила те места, в которых могло содержаться что-то обидное для других людей, но таких мест совсем не много. Как мне кажется, я до сих пор не избавилась от инфантильности и некоторого занудства… Есть провалы в несколько лет, часть блокнотов пропала, кого-то уже нет… Сохранившиеся записи и фотографии образуют полуслучайный набор – в зависимости от того, был у меня с собой в тот или иной день того или иного года фотоаппарат, не стерлась ли магнитофонная кассета. Да и память наша носит селективный характер. Одним словом, мне пришлось заниматься сортировкой.

Я решила написать что-то вроде автобиографии, когда перечитывала эти дневники, заодно вспоминая всякие истории из своей жизни и то, как их комментировали окружающие; я поговорила с людьми, которые играли в моей жизни большую роль, но о которых не говорится в дневниках. В общем, мы сделали некий гибрид – по-моему, до нас никто такого не делал – из выдержек из тогдашних дневников и сегодняшних воспоминаний.

Мне хотелось опубликовать практически все, а живу я давно, поэтому у меня получилось два тома. Первый охватывает события от интерната до расставания с Сержем; второй – от рождения Лу до смерти моей дочери Кейт. В тот день я бросила вести дневник. 11 декабря 2013 года я в последний раз побывала в Безансоне. Для меня началась эпоха параллельной жизни. «Ты была рядом, но тебя как будто не было», – сказал мне Марлоу, сын Лу. Так оно и было. Мне стало не о чем говорить, я словно потеряла право на собственное мнение. С уходом Кейт мой дневник закончился.

Я родилась 14 декабря 1946 года, семи с половиной месяцев – намного раньше срока – в лондонской клинике. Меня и одного новорожденного мальчика уложили в коробку, выстланную влажной тканью, и поставили коробку на батарею. Никаких инкубаторов тогда не существовало. Мама, по ее словам, начала меня терять сразу после завтрака. Ей сделали кесарево сечение, располосовав живот сверху донизу. Она никогда не жаловалась и говорила, что это было избавление – в отличие от кошмара,

пережитого годом раньше, в конце войны, когда она дома рожала моего брата Эндрю.

Мой отец Дэвид Биркин был сыном фабриканта кружев, владельца предприятия «Биркин Лейс» в Ноттингеме. Его мать, урожденная Рассел, происходила из обедневшей аристократии. Так что мой папа, протестантский пастор, был внуком лорда. После неудачной операции гайморовой пазухи у него начались осложнения; стало двоиться в глазах. Он страдал от легочных кровотечений и постоянной слабости. Когда ему было 18 лет, его тетка молилась Богу, чтобы он избавил его от этой голгофы и забрал к себе. Он учился в Кембридже и мечтал стать хирургом – какая ирония судьбы! – но ему пришлось перенести еще несколько таких же неудачных операций, после чего его отправили восстанавливаться в Швейцарию. После объявления войны он вернулся в Англию и упорно пытался поступить в армию, но его не брали по здоровью. Его старший брат был военным, второй брат – блестящим пилотом, а ему, младшему, в конце концов удалось записаться в добровольческий резерв военно-морского флота (*Royal Naval Volunteer Reserve*). В течение года он проходил обычную подготовку, а затем – ускоренный «шпионский» курс в качестве простого матроса на тренировочных кораблях, которые никогда не спускали на воду. Прежде он ни разу не бывал ни на одном морском судне, но, обладая математическим умом, быстро освоился. Вскоре он узнал, что есть возможность попасть на один из двух кораблей, курсировавших между Францией и Англией. Вместе со своим другом Питером Уильямсом[1], который управлял вторым судном в связке, они выполняли ночные задания, совершая рейсы из Дартмута до бретонских берегов, от деревни Абер-Врак до коммуны Пемполь. Он переправлял в Англию бойцов «Свободной Франции», разведчиков, английских и канадских летчиков, которых прятали у себя участники Сопротивления. Каждый месяц приходилось ждать, когда настанет безлунная ночь, и только тогда в полной темноте выходить в неспокойное море. Стоя в крошечной капитанской рубке, он боролся с морской болезнью. Судно мотало, со стола падали карты, включать прожектор и гидролокатор было нельзя. Снова и снова пробираясь у немцев под носом, он ни разу не заблудился.

Все два военных года отец скрывал от сослуживцев свои кровотечения. Во время боевых заданий он всегда просил кого-нибудь быть с ним рядом – боялся, что, попав в плен, под действием обезболивающих начнет болтать и выдаст какой-нибудь важный секрет. Так он и воевал – таясь ото всех и ставя под угрозу судьбу своего соединения и судьбы французских

партизан, которые рассчитывали на помощь британцев. В конце войны мать, дозвонившись ему из телефонной будки, сказала: «Мне кажется, я знаю, чем ты занимаешься…» Какая-то женщина, с которой она познакомилась на вечеринке, поделилась с ней новостями о сыне, вернувшемся из Франции морем. Отец на это буркнул, что этой «курице» надо заткнуться!

После войны он больше ни разу не ступил ногой на палубу ни одного корабля. Мы узнали о его подвигах гораздо позже, примерно в 1967 году – до этого он ничего нам не рассказывал, соблюдая закон о неразглашении секретной информации (*Official Secrets Act*). Кстати, его наградили крестом «За выдающие заслуги» (*Distinguished Service Cross*), который ему вручил король Англии. Он навсегда сохранил восхищение перед французами, в том числе бретонцами, особенно перед Джо Менги – руководителем подпольной сети Сопротивления, который до самой смерти не разрешал назвать улицу своим именем, – и перед Танги, автомехаником из Ланнилиса, который прятал у себя на чердаке английских летчиков, а потом сажал их в кузов грузовика, забрасывал сухими водорослями, вез на побережье и, дождавшись отлива, переправлял на небольшой островок; когда начинался прилив, за ними приходил на своем судне мой отец. Однажды в рождественскую ночь папа приплыл к островку, но летчиков на нем не было. Отец с командой поспешили, пока не рассвело, вернуться в Дартмут. С горя, что миссия не удалась, они всем экипажем напились. Но тут пришла радиограмма: «Жан-Пьер сдал сорочки в стирку», или «Ландыши зацвели», или еще что-нибудь в том же роде, и им пришлось в ту же ночь сделать еще один рейс; на сей раз они подобрали летчиков и доставили их на другой берег целыми и невредимыми. Между прочим, именно мой папа переправлял Франсуа Миттерана из Дартмута в Бег-ан-Фри… После смерти отца мы с мамой объездили все бретонское побережье и во всех местах его швартовок рассыпали немного его праха. Везде нас встречали бывшие участники Сопротивления. На пляже Бонапарта, в Плуа, нас ждал Джо Менги. Он взял горсть моего папы, бросил в море и сказал: «Прощай, Дэвид».

Мать моей матери была актрисой. Она вышла замуж за моего деда, тоже актера. Он происходил из скромной семьи, жившей в Норфолке, и сменил имя Гэмбл на Кэмпбелл, чтобы получить роль шотландца. Вместе с бабушкой они сочиняли мелодрамы и открыли собственный театр в Грентеме, который потом превратили в кинотеатр – один из первых на севере Англии. Моя мать, Джуди, проводила там целые дни. Она говорила, что своим культурным кругозором обязана в основном фильмам, которые смотрела, сидя на коленях у билетерши. В тот же самый

кинотеатр иногда приходила еще одна маленькая девочка – Маргарет Тэтчер.

Мать уехала в Лондон, чтобы стать актрисой. Она была потрясающе красивой. Играла главные роли в театрах с классическим репертуаром и снялась в нескольких фильмах, в том числе в одном с участием Дэвида Нивена и в картине «Зеленый значит опасность», но главной для нее всегда оставалась сцена. Эрик Машвиц написал для нее песню «Соловьиная песня на Беркли-сквер», которую она своим надтреснутым голосом исполняла в лондонском театре под бомбежками. Спускаться в метро она наотрез отказывалась, потому что боялась подземки больше налетов. Очевидцы рассказывали мне, какая она была изящная и с каким самообладанием держалась. Каждый раз, когда то слева, то справа от театра раздавалось очередное «бабах!», публика вскакивала с мест и аплодировала ей стоя. Однажды вечером в «Савой» пришел ужинать знаменитый драматург Ноэл Кауард. Он узнал среди посетителей ресторана мою мать, пригласил ее за свой столик и попросил спеть «Соловья» для таких же смельчаков, как они оба, не желавших прятаться в бомбоубежище. Она спела. Впоследствии она стала его музой, его *leading lady* – исполнительницей главных ролей во всех его комедиях. Они ездили со спектаклями по всей Англии, поднимая моральный дух соотечественников. В дом, где она жила в Лондоне, однажды тоже угодила бомба. «Что из вещей тебе удалось спасти?» – как-то спросила я ее. Она задумалась и ответила: «Духи «Шокинг» в розовом флаконе от Скиапарелли. Если у тебя больше ничего нет, остается цепляться за излишества». Годы спустя, уезжая с одним рюкзаком в Сараево, я взяла с собой губную помаду от Герлен, пару флаконочков духов и шелковое белье для школьниц. Мама была права: да здравствуют излишества!

В Лондоне мама жила в одной квартире еще с двумя актрисами – Сарой Черчилль[2] и Пенелопой Рид, она же Пемпи, кузина моего отца. Именно она познакомила моих родителей. Моей матери она говорила: «Если бы ты знала моего двоюродного брата Дэвида! Он просто чудо!» Отцу она говорила: «Если бы ты знал мою подругу Джуди! Самая восхитительная на свете девушка!» Папа с мамой поженились в 1944 году, и их свадьбу показали по телевидению в новостях, потому что моя мать была знаменитостью. Выглядели они чрезвычайно изысканно. Папа – с повязкой на одном глазу, мама – настоящая кинозвезда, в платье от Виктора Стибеля, моего крестного отца и самого известного кутюрье тех лет; подружками невесты были Сара Черчилль, в будущем – моя крестная, и Пемпи. Родственники отца восприняли

новость о его женитьбе с восторгом. У бабушки было три сына и муж, помешанный на войнах – Первой мировой, Второй мировой и прочих, включая те, на которые его никто не призывал. Поэтому она была счастлива, что в доме наконец-то появится девушка… Зато для маминых родителей этот брак стал катастрофой: они надеялись, что их дочь сделает звездную театральную карьеру! Правда, мой отец обещал, что ни за что не станет мешать жене по-прежнему играть в театре… Promises, promises![3]

Через год родился Эндрю; еще через год – я. Четыре года спустя родилась моя младшая сестра Линда, и папа перевез всех нас на ферму, о которой давно мечтал. Это и в самом деле оказалось райское местечко – для нас, детей, но, к сожалению, каждый вечер ездить оттуда в Лондон на спектакль было слишком далеко. Потом мы жили на другой ферме, в Хенли-он-Темз, а потом у папы ухудшилось здоровье. Ему пришлось перенести несколько операций. Родители поняли, что пора перебираться ближе к Лондону. Возможно, отец согласился на это, чтобы мама могла вернуться на сцену. Они купили в Челси большой викторианский дом – Чейн-Гарденс. Если я ничего не путаю, Эндрю отправили в интернат лет в шесть, как большинство мальчиков из хороших английских семей. Поначалу на выходные его забирали домой, но, поскольку бензин тогда был по карточкам, а мама пришла к выводу – несколько поспешному, – что ему там нравится, то вскоре его перевели на полный пансион; там же он окончил начальную школу, а в 13 лет перешел в Хэрроу – баснословно дорогую частную школу, которую посещали все мальчики из семей с папиной стороны перед поступлением в Кембридж.

Мы с Линдой ходили в дневную школу – *day school* – в Кенсингтоне. Каждая в свою. Моя школа была странной. Наша директриса, мисс Айронсайд, хвалилась, что во время войны принимала у себя двух премьер-министров и одного изменника родины. Но там же, в школе, я познакомилась с двумя учительницами, которые оказали огромное влияние на всю мою дальнейшую жизнь. Их звали мисс Стейнс и мисс Стори, и они преподавали у нас историю, английскую литературу и английский язык. Они возили нас в Стратфорд-на-Эйвоне, смотреть «Святую Иоанну» Бернарда Шоу, или водили в Британский музей, полюбоваться на бриллианты (чтобы мы понимали, что такое *step cut diamond*, то есть разбирались в огранке – на случай, если кто-то преподнесет нам в подарок кольцо с бриллиантом). Мы вместе с ними восхищались красотой украшений королевы Англии Елизаветы I и рыдали над драмой шекспировского Ричарда II… Но это уже совсем другая история.

1957

30 апреля

Дорогой Манки!

Сегодня утром весь дом стоял на ушах. Эндрю надо было возвращаться в интернат, а ему не собрали вещи. Сначала их сложили в чемодан, но выяснилось, что никто не знает, где его белая сорочка, потом вспомнили про *boiler suit*[4], про два розовых галстука и четыре носовых платка и так далее и тому подобное. Через какое-то время нашлось все, кроме подтяжек. Чемодан надо было срочно отправлять, и мы с Эндрю на автобусе поехали в туристическое агентство Томаса Кука. Мы вышли не на той остановке: *Lower*[5] что-то там стрит вместо *Higher*[6] что-то там стрит и до самой *Lower* что-то там стрит нам пришлось бы топать пешком. Я говорю «что-то там стрит» потому, что не помню названия улицы; к счастью, у меня было с собой три с половиной фунта для Эндрю и полтора фунта для себя. Наконец мы добрались до агентства, заполнили квитанцию и стали ждать автобуса. Потом Эндрю уехал. Не могу сказать, что я испытала облегчение. Я боялась, что он опоздает на поезд. Когда я пишу, что у меня оказалось с собой три с чем-то фунта «к счастью», это чистая правда, потому что нам не пришлось идти пешком от *Higher* что-то там стрит до *Lower* что-то там стрит. Я помахала Эндрю на прощание и вернулась домой. Больше ничего писать не буду, потому что больше ничего интересного не было.

30 октября

В среду мы с Линдой придумали новую игру. Мы играли, как будто мы мальчики и живем в интернате. Странное совпадение – в тот же вечер мама сказала, что меня, может быть, тоже отправят в интернат. Вроде бы они собирались отправить меня в интернат, который называется «Леди Иден'с», или в «Нью-Форест», или куда-то в Даунс, или еще в какой-то, на побережье, у меня там учится подружка. Потом я смотрела по телевизору передачу про свиней.

* * *

В конце концов родители отправили нас с младшей сестрой Линдой в школу для девочек – *school for girls* – под названием «Аппер-Чайн», расположенную на острове Уайт. Я сама настояла на отъезде, потому что все мои школьные подружки уже учились

в интернате. Мне было 12 лет, и я вся была в предвкушении новой жизни. Линда и другие младшие девочки жили в основном здании; там же у нас проходили уроки. Нас поселили в отдельных домиках – *houses*, где распоряжались воспитательница и ее помощница. Нашим домиком командовали воспитательница Вандербан и мисс Томас. Еще у нас были старосты. Нашу старосту – *head girl* – звали достопочтенная Джейн Уэлплей. Старше меня на несколько лет, она носила длинную толстую косу и была моим кумиром. Ни за что на свете я не хотела бы ее огорчить. Если у меня накапливалось слишком много *late marks* – замечаний об опоздании, – я больше всего боялась услышать от нее: «Девяносто девять, вы очень меня разочаровываете». 99 – это был мой номер. Номер Линды был 177. Наш цвет был зеленый. Каждый дом носил имя британского исследователя. Я жила в «Скотте», Линда – кажется, в «Роудсе». В каждом доме было по нескольку спален на восемь человек.

Когда звонил утренний колокол, надо было быстро натянуть школьную форму – не очень красивую, но определенного фасона. Заметив, что на мне не темно-, а светло-коричневые туфли, воспитательница строго сказала: «Эти туфли неправильного цвета». Потом из нашего дома надо было бегом бежать в основное здание, по пути проскочив через мостик над речушкой – она называлась Чайн. Опоздание каралось замечанием – *late mark*. Накопив три таких замечания, ты получала *mark of disobedience* – нечто вроде предупреждения, отметки за плохое поведение. После нескольких предупреждений ученицу исключали из школы. Меня не покидало ощущение, что я несу всю полноту ответственности за порядок в «Скотте» и во всей школе «Аппер-Чайн» и что своими глупыми поступками не только подвожу мою обожаемую Джейн Уэлплей, но и ставлю под угрозу существование Англии.

Линда была маленькой, а малышам учителя позволяли многое, например лакомиться клубникой, в отличие от нас – *the bulk years*[7]. Нас, рожденных в первый послевоенный год, было слишком много; мы были почти подростки – нескладные, лишенные умильной детской прелести. Мне кажется, я провела в интернате три года, хотя моя мать утверждала, что всего два. К счастью, однажды родители задали мне немного туманный вопрос: «А ты не хотела бы уйти из интерната?» Мать говорила, что я ответила: «Если я останусь там еще на один семестр, то умру». Меня забрали, и я с радостью вернулась в свою любимую маленькую школу в Кенсингтоне, где училась экстерном. Интернат был для меня пыткой. Во-первых, там меня окружали только девочки, а во-вторых, после первого семестра нас даже не

отпускали домой на каникулы: боялись, что мы будем жаловаться и не захотим туда возвращаться. Но даже позже родителям разрешали навещать нас всего несколько раз в году – в воскресенье, после утренней церковной службы и с обязательством вернуться к вечерней. За это время мы успевали только посидеть с родителями в *tea shop* – чайной, расположенной в соседней деревне. Если мне не изменяет память, в последний год меня пару-тройку раз отпускали переночевать домой. У родителей был на острове Уайт небольшой коттедж – кстати, выбирая для нас с Линдой школу, они как раз и хотели, чтобы мы были поблизости – в отличие от Эндрю.

Уже в пятилетнем возрасте Эндрю отправили сначала в подготовительную (*pre-prep school*), потом в начальную (*prep school*), наконец, в школу Хэрроу, соперничавшую с Итоном и расположенную неподалеку от Лондона. Отец забрал его оттуда буквально в последнюю минуту, когда его уже собирались исключить за то, что он ходил в кино на фильм «Великолепие в траве» с Натали Вуд. Он сбежал из школы, спрятавшись в корзине с грязным бельем, но, к несчастью, забыл выбросить билет, на чем его и поймали. Кроме того, его подозревали в поджоге дома, когда-то принадлежавшего посольству Японии. Эндрю снимал фильм и решил, что для пущего драматического эффекта надо чиркнуть спичкой и поднести ее к оконной шторе. Нельзя сказать, что он нарушал правила, – потому что он вообще не признавал никаких правил! Годы спустя я летела в самолете, и незнакомый мужчина спросил меня, правда ли я – сестра Негодяя Биркина (он сказал: *«Mad Birkin»*). Когда я это подтвердила, он рассказал мне, что Эндрю каждый понедельник секли розгами, а однажды нашли его под машиной, куда он спрятался от дождя и читал книгу – вместо того чтобы идти в знаменитую часовню, где бывали Черчилль и лорд Монтгомери. Я сама несколько раз в дни посещений – *visitor's days* – заходила в эту часовню, в том числе когда проповедь читал лорд Монтгомери. Он провозглашал с кафедры: *«God says…»* – и как бы в сторону добавлял: *«And I agree with him»*[8]. Я помню, что во время службы не смогла сдержать слез, глядя в затылки мальчиков в одинаковой форме: младших в *bum freezers*[9] – коротеньких курточках – и старших во фраках. Каждый принятый в школу новичок становился рабом более старшего ученика; если за завтраком старшему захотелось хлеба с маслом, он рычал: «Fag!»[10] – и младший опрометью бросался выполнять поручение. Каждый, кто отчаянно стремился присоединиться к какой-нибудь группе, испытывал жестокие страдания. Мой брат нисколько не страдал, потому что не желал присоединяться ни к одной группе. В пятницу вам сообщали, что

в понедельник вас высекут, так что вы могли все выходные наслаждаться этой мыслью. Эндрю считался оригиналом; он не блистал в спорте – в отличие от нашего отца, учившегося в той же школе, – но своими чудачествами заслужил уважение со стороны seniors – старшеклассников, хоть те его и поколачивали. Но ему было на это плевать; он здраво рассудил, что лучше колотушки, чем табель с плохими оценками, который высылали отцу.

Что касается меня, его младшей сестры, то в моем табеле обычно писали: «Джейн хорошо себя ведет и очень старается, но, к сожалению… Очевидно, что учеба дается ей с трудом. Ничего не поделаешь, кто-то должен быть последним». Возможно, последних слов они и не писали, но мне кажется, что-то в этом роде все-таки было. Линда очень быстро обзавелась подружками; она росла скрытной и позволяла себе всякие шалости, но вокруг нее всегда крутился народ. Кудри, унаследованные от матери, губки бантиком… На каникулах на острове Уайт и в Ноттингеме мы играли вместе, но в остальное время виделись редко, потому что жили раздельно и учились в разных классах; я не могла поцеловать ее вечером и пожелать ей спокойной ночи. Чтобы меня не донимали ровесницы, я допоздна засиживалась в классной комнате, где делала уроки, а также в классной комнате старших девочек, где делала записи в своем дневнике…

1959

Декабрь

Дорогой Манки!

Сегодня я ненавижу школу. Я чувствую себя опустошенной и мертвой. Я понимаю: если кто-нибудь скажет мне что-нибудь неприятное, или распустит обо мне какую-нибудь глупую сплетню, или просто случится что-нибудь плохое, я закричу. Слава богу, ждать осталось всего несколько дней. Как же мне не терпится увидеть папу с мамой. Все вокруг такие добренькие, только я зла как ведьма. Ужасно, что я такая. Вчера вечером я расплакалась в часовне. Все у меня наперекосяк, за что я ни возьмусь, все выходит боком. До чего мне все это надоело.

Пока. Извини, что надоедаю тебе своим нытьем. Но этот дневник – единственный для меня способ выразить, что я чувствую.

Love[11],

Джейн Биркин

* * *

Родители долго не могли выбрать мне имя. Матери хотелось чего-нибудь пооригинальнее, и она – неслыханное дело! – предложила назвать меня Джорджианой; вроде бы была когда-то некая графиня Джорджиана Бедфорд. Но отец счел, что от этого попахивает снобизмом, и сказал: «А может, лучше Джейн? Как на рекламе сексуальных трусов?»[12] Отец любил вещи попроще. Зато мать отыгралась на моем втором имени – Мэллори, которое она изобрела самостоятельно, слегка переделав фамилию сэра Томаса Мэлори, автора «Книги о короле Артуре…». Возможно, ей казалось, что это имя цветка, хотя она ошибалась. Цветок называется *mallow* – мальва. Во всяком случае, я думаю, что Джейн Мэллори было бы вполне подходящим именем для актрисы, но я сообразила это слишком поздно, когда уже добилась известности, а отец успел хлебнуть неприятностей из-за фильма «Фотоувеличение» и песни «Я люблю тебя, я тебя тоже нет», поэтому я из чувства солидарности решила сохранить фамилию Биркин. По-французски оно звучит красиво и немного чудно – Жанна Биркúн, с ударением на последнем слоге, во всяком случае, гораздо лучше, чем тяжеловесное английское *Birkin*, от которого веет чем-то немецким (впрочем, корни у него и в самом деле немецкие, а означает оно «березка»).

1960

19 января

Очень странно, что:

А) у меня теперь всего одна бабушка; Б) я вернулась в школу. Мисс Томас и воспитательница очень милые.

* * *

Бабушка Кэмпбелл, мать моей матери, умерла в больнице. Мамин отец умер намного раньше, когда я только родилась или что-то около того. В тот же год умерла бабушка Биркин и папин пес Кловер, к которому он был страшно привязан. Отец тогда сказал: «В один год потерять двух бабок и пекинеса! Не хватало еще, чтобы мы лишились Черчилля!»

* * *

Среда 20 января

Проверяем и распаковываем вещички. У меня не хватает одной вешалки и одной пары черных трико[13]. Сейчас надо разложить все по ящикам. Меня поселили в симпатичную спальню. Вечером еще напишу.

Воскресенье

Только что вернулась после встречи с мамой и папой. Они с большим пониманием отнеслись к моему огорчению из-за того, что у меня нет подруг. Мне очень хочется, чтобы у меня был хороший табель, надеюсь, что у меня получится не хуже, чем в прошлый раз. Я забыла предупредить няню, что должна уйти. Надеюсь, скоро меня запишут в вожатые. Надо выучить правила. По-моему, правила такие:

1. Вожатая должна быть достойной доверия.
2. Вожатая дружит со всеми и считает себя сестрой всем остальным вожатым.
3. Вожатая вежлива.
4. Вожатая любит животных.
5. Вожатая соблюдает чистоту в помыслах, словах и поступках.
6. Вожатая всегда говорит правду.
7. Вожатая соблюдает правила. 8. Вожатая не тратит лишнего.

9. Внушать доверие, быть честной, услужливой и чистой, как ветер.

Понедельник

Ужасно волнуюсь. Не успела сделать уроки. Сижу сейчас в комнате для шитья. Мы застелили постель Сильвии и сложили верхнюю простыню вдвое, чтобы она не могла вытянуть ноги, но она заметила, что что-то не так. Личный дневник – очень полезная штука, и я страшно рада, что Линда подала мне эту идею. Мне надо научиться исправлять оценки и дополнительно заняться французским. Допишу позже.

Среда

До чего скучная книга – «Третье приключение господина Констанса»[14]! Правда, я не продвинулась дальше первой страницы, поэтому вряд ли имею право ее критиковать.

Мне надо заниматься. Переписать упражнения по французскому и повторить латинскую грамматику – вот ужас. А уже почти пора переодеваться к чаю.

Эндрю прислал нам с Линдой целую кучу экземпляров «Вестника Хэрроу»[15]. Вот молодец! А еще открытки с розами. Мама написала мне очень личное письмо о друзьях и прочем, которое здорово меня поддержало. Папа тоже прислал мне открытку с кораблем и написал, что мой святой Христофор[16] почти готов и скоро он мне его пришлет. Ну не замечательно?

Эндрю предложил поставить для мамы с папой пьесу про капитана Крукшенка[17]. Отличная идея! Еще мы решили подарить им огромную коробку с шоколадными батончиками «Аэро», шоколадками «Тоблерон», конфетами «Смартис» и другими сладостями, которые они обожают. До чего я люблю получать от них письма! Мама с папой и Эндрю часто нам пишут, и как же я радуюсь каждому письму! Вот только сегодня получила посылку, письмо и две красивые цветные открытки. Все, пора делать уроки.

Четверг

Сегодня четверг. Вот здорово, до субботы остается всего один день. Сегодня в спальне произошел случай, которого лучше бы не было: пришла Б. и увидела, что Сьюзен лежит на кровати и читает. Я спросила, где остальные, а она сказала, что не знает. Тогда я тоже легла и стала рассматривать своего святого Христофора, которого мне только что прислали. Тут я заметила, что занавеска перед гардеробной шевелится и оттуда слышно хихиканье. Вдруг они всем скопом оттуда выскочили и заорали:

«Бу!» – да так громко, что прибежала воспитательница. «Что тут происходит? Что вы делаете?» Они сказали: «Мы прятались от Джейн». Воспитательница посмотрела на меня: «Вы имеете к этому какое-то отношение?» – «Нет», – ответила я, и это была чистая правда. «Полагаю, вы устали. Полагаю, вам пора спать!»

Пятница

Я сдавала экзамен на вожатую. Ответила на все вопросы, прочитала клятву, рассказала все правила, назвала девиз. Теперь я почти вожатая. Мне пока не разрешили ходить в форме, а вот Линде разрешили. Это ужасно несправедливо. Линда может даже носить значок с крылышками, а я не могу, потому что я не была проводником. У Линды все всегда хорошо, ей все легко дается, а у меня вечно все наперекосяк. Учиться очень трудно, но только не Линде. Конечно, если бы и я попала сюда в том же возрасте, что Линда! Ей все шуточки! Пойду в часовню, пока никто не видит. Чувствую себя полным ничтожеством.

Суббота

Миссис Райдер разрешила мне рисовать в художественной мастерской плакат для дома Скотта. Она очень добрая. Рисовать буду на переменах. Миссис Райдер дала мне ключи. Сейчас я чувствую себя намного лучше, особенно после вчерашнего – я весь вечер проплакала. Мне кажется, у меня появился друг. Ужасно скучаю по маме и папе. Скоро каникулы. Мне уже больше нравится «Третье приключение господина Кон-станса», я сейчас на 20-й странице. Плакат закончила, но он мне не нравится.

Воскресенье

Опять у меня все плохо. Кажется, мне опять поставят С+ [18]. Сегодня в раздевалке я видела, как девочки залезали на шкафчики. Мне было нечего делать, и я тоже полезла на шкафчик. Тогда одна из них крикнула мне: «Ты с нами не играешь!»

Линду принимают в любую компанию и посвящают в любые тайны, а меня нет. Она говорит, что это прекрасно, но откуда мне знать, если меня туда не пускают. Единственное в школе место, где можно спокойно поплакать, – это туалет, вот я там и сижу. Ненавижу школу. У меня плохие оценки, и я…

Вторник

Еще один обычный день, дрянной, но забавный. Сильвия ужасно добрая, она мне очень нравится. Скоро пора идти спать. Нас наказали и заставляют рано ложиться. Я не ужинала, но есть

не хочу. Опять я сидела одна и плакала. Все-таки я ужасная плакса.

Среда

Спрашивается: я вообще живая или нет? Может, мне это вообще только снится? Я сегодня утром просыпалась? Я вообще хоть когда-нибудь просыпалась? Или все это сон? Может, я просто снюсь Сьюзен? Или Богу? Скоро зазвонит колокол, а я еще не выпила горячее молоко. Я до сих пор валяюсь в постели, и от этого мне еще страшнее.

Суббота

В нашей спальне не девчонки, а ужас. Дайана – гадина. Говорила, что прозвонит в колокол, когда надо будет объявить о середине семестра, а теперь обвиняет меня, что я этого не сделала. Они все очень злые, постоянно говорят про меня гадости, а мне не дают и слова сказать. Дайана все время настраивает Сьюзен против меня. Если она прочтет, что я тут пишу, так ей и надо, нечего совать свой нос куда не просят.

Среда

Скучища, скучища… Скука смертная.

Четверг

Документальный фильм про зеленых дятлов – чем питаются, как заводят семьи и выводят птенцов.

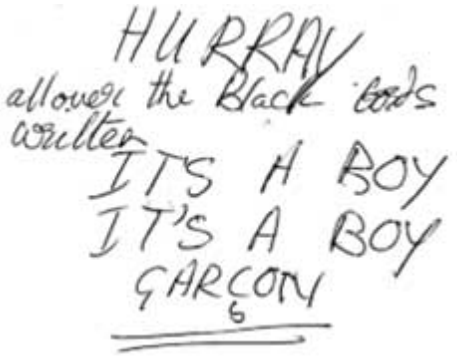
Воскресенье

Приезжали мама с папой. Было здорово. Мы ходили обедать в отель. Обед был превосходный. В Лондоне скоро пойдет спектакль с маминым участием.

Как ужасно после всего этого возвращаться в школу.

Пятница

У королевы родился мальчик! 19 февраля в 16 часов. Говорят, что его назовут Альбертом, но я надеюсь, что нет. Вся школа кричит ура, а в каждом классе на доске написали: «Это мальчик! Это мальчик!»



Воскресенье

Пастор читал проповедь. Довольно милый. В проповеди он сказал: «Одна очень юная ученица этой школы спросила, что такое Дух Святой». Я знаю, что он имел в виду Анджелу, свою дочь, потому что она у нас самая маленькая. Когда все запели гимн, я заплакала.

Понедельник

Что толку стараться, если ничего не получается?

Вторник

Делаю уроки. Мэгги все у меня списала. Жуткая хитрованка.

Школа – это какое-то скопище несправедливостей.

На самом деле Мэгги очень добрая. Я поняла это, когда она сказала: «Возлюби ближнего своего как самого себя».

Суббота

Сегодня не произошло ничего особенного. Как мне все надоело. Танцевать не хочу. Ничего не хочу. Все ужасно, просто ужасно. Я чувствую себя камешком, брошенным на обочине дороги, по которой мчатся машины.

Линда сегодня накрасила губы и напудрилась. Я попробовала пососать красную конфетку «Смартис», чтобы казалось, что у меня тоже накрашены губы, но ничего не вышло.

Уроки сделать не успела.

Воскресенье

Обычное воскресенье. Очень волнуюсь из-за папы, у него плохо с глазом, но надеюсь, что все обойдется. За что ему столько несчастий? Лучше бы они свалились на меня. Я хочу, чтобы Бог у меня отнял глаз, а папе вернул. Когда я молюсь, всегда прошу одного и того же: сделать так, чтобы все были счастливы. Вчера я придумала такую больницу, в которой палаты были оклеены

обоями в розах; папе каждый день делали массаж глаза, а мама проходила сеансы физиотерапии, и они чувствовали себя владыками мира.

Сегодня я кое-что узнала о Боге. Я часто думаю о Нем. Странное Он существо. Он вообще человек? У Него есть тело? Если тела у Него нет, что же, значит, Он – пустота? А если Он – пустота, то как Он может исполнить наши мольбы?

Сейчас, когда я купила себе губную помаду и у меня наконец-то начала расти грудь, я чувствую себя более взрослой. Я лучше учусь и по-другому думаю. Еще у меня теперь есть чулки[19], и малявки смотрят на меня с восхищением.

* * *

По утрам я находила свои кроссовки чисто вымытыми чьими-то неведомыми руками; внутри лежали записочки без подписи, нацарапанные на туалетной бумаге… В первое время после поступления в интернат я делала то же самое для Джейн Уэлплей, нашей старосты. Однажды в субботу на уроке танцев я крепко ее обняла – помню, мы танцевали под Are You Lonesome Tonight Элвиса Пресли. Джейн Уэлплей заканчивала школу, и я сунула ей в карман деревянное сердечко (когда я его покупала, мне сказали, что оно вырезано из сердцевины дерева, но я подозреваю, что это была фасолина в форме сердечка), любовно завернутое в туалетную бумагу со словами «Для Джейн», – разумеется, без подписи. Сейчас она работает в Канаде ветеринаром, и у нее куча детей. В 1970-е годы она как-то приезжала на запись телевизионной программы с моим участием и страшно удивилась, узнав, как я ее обожала. Я даже не уверена, что она меня вспомнила, – во всяком случае, выглядела она скорее смущенной.

Я чувствую себя очень странно – возможно, это и есть взросление? Кстати, не такое уж неприятное чувство. Мой мозг размышляет о совсем других вещах, например о Боге. Наверное, через это в определенный момент времени проходят все. Сейчас по радио передают «На прекрасном голубом Дунае». Какая волнующая, какая романтичная музыка! Думаю, я напишу поэму или, может, книгу.

Без даты

С тех пор как я написала эти строки, произошло очень много вещей. Примерно за четыре недели. Я упала с лошади и три недели провалялась в постели. Нога у меня в гипсе. А завтра мне должны удалить миндалины.

* * *

С загипсованной ногой меня посадили в поезд и отправили с острова Уайт в Лондон, в больницу Святого Фомы. Архиепископ

расписался на моем гипсе и под своим именем поставил крестик; носильщик, который помог мне подняться в вагон, тоже расписался на гипсе, а под своим именем поставил две буквы – *BR*, что означало *«British Rail»*[20].

* * *

Операция по удалению миндалин (письмо для класса)

Дорогие все!

Я очень без вас скучаю. Сегодня мне сделали операцию. Утром мне почти ничего не дали на завтрак, а потом сделали укол. Я должна была заснуть, но не заснула. На меня надели белый больничный льняной халат, на ноги – белые спортивные носки. Я очень волновалась и немного боялась. Сначала я легла, но потом села – просто чтобы убедиться, что я не сплю. Примерно через полчаса подогнали каталку. Две медсестры и санитар повезли меня в операционное отделение, а оттуда – в небольшую комнату, где нас уже ждали врачи в зеленых робах и с масками на лицах. В руках они держали маленькие ножики. Мне в локоть всадили иглу, и после этого я уже ничего не чувствовала, пока не проснулась. Первым, что я увидела, было огромное кровавое пятно у меня на халате. С меня сняли окровавленную одежду и переодели в чистую. Какой противный вкус у крови! У меня до сих пор жутко болит горло, и я не могу разговаривать и почти не могу есть. Ко мне приходил молодой доктор, он объяснил мне, как устроен стетоскоп. Он дал мне послушать его руку, и я услышала далекий шум – это был звук, с каким его сердце качало кровь. Вчера он снова заходил и спросил, учусь ли я в школе.

Мне сняли гипс и назначили сеансы кинезитерапии. Я нахожусь совсем рядом с Биг-Беном, и если привстану и посмотрю в окно, то могу его увидеть. Он издает очень приятный звук, а как раз сейчас звонит.

Только что привезли американского мальчика, ему тоже завтра будут удалять миндалины. Он очень волнуется, и мне приходится ему рассказывать, как все это происходит, и говорить, что это совсем не страшно.

Понедельник

У нас сломался орган, но мы все равно пели и хлопали в ладоши! Да, мы это сделали!

Суббота

Дядя Джон[21] обручился! Он собирается жениться на

Элизабет Джонсон. Она математик и довольно симпатичная.

Я в основном сидела в часовне. Обожаю одиночество и тишину.

Вторник

Нам проставили оценки. Обо мне написали: «Хорошее поведение. Добросовестна в учебе». Еще я выиграла кубок вожатых.

Наконец-то нас отпустили на свободу. По этому случаю был великолепный завтрак.

Папа встретил нас на Ватерлоо. Он очень доволен моим кубком.

Эндрю с мамой в Париже, во Франции.

Вторник

«Соломон и царица Савская» – это просто чудо. С Юлом Бриннером и Джиной Лоллобриджидой. В сцене, где ее забрасывают камнями, она великолепна! Светло-голубой наряд на фоне золотисто-желтых камней! Черные волосы… Само собой, она играла царицу Савскую. Но Бог говорил с американским акцентом! Когда я вышла из кинотеатра, раздался грохот. Оказалось, это салют в честь Шарля де Голля. Юл Бриннер был в парике. Какой он красивый! С настоящей бородой и таким нежным голосом.

Мама и Эндрю вернулись домой.

Суббота

Мы навещали тетю Мэдж[22]. Она сильно болеет, а на прошлой неделе чуть не умерла. Мы принесли ей виноград и цветы.

Когда Эндрю с мамой вернулись из Парижа, Эндрю подарил мне статуэтку, изображающую какое-то фантастическое существо[23]. Их заперли в саду Марии-Антуанетты, и, чтобы выбраться наружу, им пришлось карабкаться на строительные леса. Они побывали на маленькой ферме, где королева изображала из себя молочницу. Гид проникся симпатией к маме и Эндрю и показал им, как там все устроено, хотя, по его словам, туристов туда не пускают. Это секретное место Версальского дворца.

Воскресенье

Мы с Линдой ходили в церковь. Сегодня Вербное воскресенье, но нам было очень неуютно, потому что пели почти что мы одни.

Пинни может умереть. Надеюсь, что нет. Я ей напишу.

* * *

Полагаю, что Пинни – это Марджори Рассел, сестра папиной матери, Оливии Исабел Рассел. У нее было шесть братьев и сестер, в том числе сэр Томас Уэнтуорт Рассел, более известный как Рассел-паша. Ее роскошный попугай жако целыми днями орал: «То-о-о-мас!» Он жил у моей бабушки вместе с Полли – зеленым попугаем, который после смерти бабушки достался мне в наследство. Детей в семье воспитывал отец – преподобный Генри Чарльз Рассел, потому что их мать умерла довольно молодой. В Уоллатоне у него была церковь и дом священника. Его старший брат унаследовал Уоллатон-холл, который сегодня открыт для посещения. В детстве он производил на нас очень сильное впечатление. Именно там родилась моя бабка – раньше срока, в то время, когда ее родители гостили у старшего брата отца.

* * *

Жду парома на Портсмут. На предыдущий сесть не удалось – он был битком. В конце концов мы сели на паром «Саутгемптон-Коуз». Шел дождь. У мамы остановились часы – сразу двое, потому мы и опоздали на паром. В Саутгемптоне мы позвонили папе, и он здорово поднял нам настроение.

Вторник

Утром мы с Линдой ходили на пляж и притащили оттуда такую штуку с надписью КРАСНЫМИ буквами «Опасно! Руками не трогать! Не перемещать!». Отнесем ее назад. Папа очень ласково сказал нам, что именно так он бы и поступил. У моего святого Христофора порвалась цепочка.

* * *

Окончательно я потеряла свой медальон святого Христофора, когда была с Сержем. Я носила его на цепочке, на щиколотке. Однажды вечером, возвращаясь на такси из ночного клуба, я неизвестно зачем высунула ноги из окна машины. Дома обнаружилось, что моего святого Христофора со мной больше нет. Этот медальон мой отец носил с собой всю войну. На его аверсе было выбито «Англиканская церковь» – чтобы тот, кто найдет тело солдата, знал, по какому обряду его хоронить. А я его потеряла, и потеряла по глупости. Сказать об этом отцу я не

решилась. Во время съемок «Смерти на Ниле» мы с отцом и с Сержем жили в одном дуплексе. Стояла жара – термометр поднимался до 42 градусов, но я носила сапоги на волчьем меху, лишь бы отец ничего не заметил. Уже позже, в Лондоне, я ему сказала: «Я должна кое в чем тебе признаться». – «Ну ясное дело. Ты потеряла святого Христофора!» Оказывается, он давным-давно обо всем догадался.

Воскресенье

Мы ходили в симпатичный кинотеатр, смотрели «Я в порядке, Джек». Директор показал нам будку киномеханика. Потрясающе – мы как будто побывали на Марсе! Еще он дал нам несколько журналов, афиш и стикеры с рекламой фильмов.

Сегодня вечером собираем вещи. Мама обнаружила, что ее самая красивая мальтийская подушка залита клеем. Кто ее испортил, неизвестно. Это ужасно, потому что, хоть мама и сказала: «Бросьте, ничего страшного», мы все оказались под подозрением. Я призналась, что пролила чернила на ковер в комнате Линды. Надеюсь, они не подумают, что раз насчет чернил я призналась не сразу, то подушку тоже испортила я.

Пятница

Телефонный звонок. Бабуля тяжело больна. У нее воспаление легких. Два дня назад она упала, и отец должен срочно к ней ехать. Господи, я предложу ему взять с собой и меня. У дяди Майкла был такой голос, как будто она умирает. О нет! Я закричала и стала молиться. Я очень слабохарактерная. Вот бабуля и Пин – они смелые.

Ох, вокруг только и разговоров что про смерть: она «почти умерла». Отец сел в Коузе на паром, его отвезла мама. Помоему, Пин поехала с ними… Бабуля прислала маме письмо, но ее почерк нельзя узнать, такой он дрожащий. Эндрю очень помогает нам с Линдой. Он притворяется веселым, хотя я знаю, что в душе…

Случилось ужасное. Бабуля умерла. Больше у меня нет бабушек и дедушек, а у мамы с папой нет родителей. Смерть наступает так внезапно. Когда я думаю, что больше никогда не поеду с ней в город… Надеюсь, она сейчас в раю – в том раю, о котором она мечтала. Отец к ней опоздал. Она умерла в три часа ночи. Она была без сознания и скончалась мирно. Я всегда считала ее такой сильной. Бабуля, как она писала в своем последнем письме, упала, и очки улетели от нее на два метра. Она хотела кому-нибудь позвонить, но зацепилась ногой за ковер. Наверное, она потеряла сознание. Когда я услышала эту новость,

проплакала несколько часов. Бедные Пин и папа! Благослови Господь миссис Гриффит[24]: бабуля всегда говорила, что ее послал ей в своем милосердии Бог. Они с Пин вели себя очень мужественно и навсегда останутся для нас примером.

Среда

Похороны бабули. Очень печальное событие. Раньше я никогда не видела столько цветов сразу. Когда мы в «роллс-ройсе» ехали через Уоллатон-парк, они устилали дорогу как ковер. В Линкольн-Хаусе вся мебель была затянута траурной тканью. Мы поехали на кладбище в Уилфорд-Хилл, и ветер раздувал полы облачения каноника Джайлза и каноника Инглза так, что были видны их штаны.

Вторник

Сегодня плохой день. Очень плохой. К тому же я отвратительно себя чувствую. По латыни мне поставили 2 из 10, и, по-моему, это несправедливо. Мне пришлось рано ужинать, и я не успела доделать уроки. Хотелось бы мне все начать заново, но я не могу, а дела идут все хуже и хуже. Я хочу бросить латынь, и французский, и английский язык, и английскую литературу, и словарь, и геометрию, и алгебру, и арифметику, и вообще такую жизнь, во всяком случае школьную. Я ненавижу школу. Ненавижу, ненавижу, ненавижу.

Лето

Первые дни каникул, для всех, кроме Эндрю. Ничего особенного мы не делали, съездили к тете Мэдж. У нее было мило, и она подарила нам пакет с шестипенсовыми монетами.

После божественного ужина мы ходили смотреть «Оливера Твиста». Мы ели сосиски и *spam*[25], а потом зеленые сливы и пили кока-колу. «Оливер» – гениальный фильм, мальчик, который его играл, потрясающе талантлив. Сироты тоже, а мистер Феджин просто один из лучших!

Пятница

Мама сшила мне платье. В последние пару дней она интересуется моими нарядами и еще купила мне туфли – белые с серебром.

* * *

Она сшила мне это платье потому, что я была подружкой

невесты на свадьбе моего дяди Майкла, а также потому, что меня должны были представить королеве во время ее визита на кружевную фабрику моего деда в Ноттингеме. Герцог Эдинбургский наклонился ко мне и спросил: «Did you grow the flowers yourself?»[26] Подозреваю, что он задавал этот вопрос всем девочкам, которые преподносили ему цветы. После съемок в фильмах по книгам Агаты Кристи всю нашу съемочную группу также представили королеве Елизавете, и я помню, как актриса, игравшая одну из героинь, Лоис Чайлз, запаниковала, потому что не знала, что надо было явиться на прием в длинных перчатках. Тогда я быстро сняла левую перчатку и вывернула ее наизнанку. У меня осталась только одна перчатка, но вторую руку я держала за спиной, так что ее никто не видел, зато Лоис смогла пожать руку королеве. Еще раз я видела ее на ужине в Елисейском дворце, где она выступила с невероятно смешной речью. Не помню точно, но, возможно, именно в тот раз я оказалась рядом с леди Дианой, у которой была обворожительная манера краснеть… Я сказала ей, что ей надо перебираться жить в Париж, чтобы пресса оставила ее в покое…

* * *

Прелестный бал. Я танцевала с очень милыми и симпатичными мальчиками. Ни один из них не умел танцевать, и для меня это было тем более неудобно, что сама я танцевать тоже не умела!

Суббота

Эндрю в Ноттингеме. Он нашел старые газеты за 1719 год – потрясающе интересно! Мы с Линдой вечером ходили смотреть «Святую Иоанну». Ужасно впечатляюще.

Вторник

Ходили плавать, а потом Лилиан[27] повела нас в Национальную галерею. Там есть несколько хороших Тёрнеров и Констеблей. Потом мы ходили смотреть на драгоценности королевы.

Четверг в Ноттингеме

Мы поехали в город купить кроссовки и джинсы. Настоящих джинсов не было ни в одном магазине, даже в «Маркс-энд-Спенсере». В конце концов мы их все-таки нашли и еще купили очень красивую юбку. Мы поиграли в саду, а потом вернулись в

Линкольн-Хаус, к тете Гертруде[28], которая ждала нас к чаю. У нее в саду мы играли в прятки. Отец прятался, а мы его искали. Он дал нам подсказку. Мы побежали к теплицам и во второй теплице нашли его под скамейкой. Еще мы искали в саду червяков, но их склевали птицы. Мы еще поиграли в саду, а потом помогли Мэй[29] вымыть лестницу. Потом мы пошли в старый дом Пин и через дырку в стене подглядывали, как работает кузнец.

В тот же день на обед приходила Сара Черчилль. Мама сняла нас на камеру на фоне страстоцветов. Мы опять играли с папой, и в этот раз нашла его я – он спрятался за стеклянной дверью, присев на корточки.

Суббота

Лилиан возила нас в Уоллатон-холл. Я мысленно составила генеалогическое древо. Этот дом мог бы принадлежать папе, если бы не Миддлтоны, которые находятся на главной ветви, ветви Рассел.

Мы осмотрели все большие залы. Было очень увлекательно. Соломенные чучела животных и птиц[30], яйца – огромная коллекция. Особенно заинтересовался Эндрю – много биологии и ботаники.

Еще была деревенская ярмарка, организованная Национальным институтом железнодорожных рабочих.

* * *

Мне рассказывали, что у моего деда был собственный вагон, в котором он ездил в Лондон. Кажется, он был акционером железнодорожного оператора *British Railways*. Он всегда останавливался в отеле рядом с вокзалом Сент-Панкрас и в город почти не выбирался, только чтобы навестить моего отца в больнице, где ему делали очередную операцию. Он нашел ему лучшего хирурга – к несчастью, именно из-за этого знаменитого специалиста у отца и появились проблемы с глазами. Вечером после первой операции он вместе с одной медсестрой удрал из больницы по черной лестнице, чтобы пойти в кино. Ему было 19 лет. Когда они вернулись, у него поднялась температура, но он так и не признался, что совершил побег, чтобы у медсестры не было неприятностей. Врачи решили, что дело серьезное, и снова его разрезали. Бедфорд Рассел, тот самый знаменитый хирург, уронил скальпель и нечаянно рассек отцу зрительный нерв. Из-за этого у него и стало двоиться в глазах. Не знаю, сколько еще операций он после этого перенес, но ему делали пересадку

тканей бедра в глазное яблоко. Вот почему на свадьбе он выглядел так романтично – с повязкой на одном глазу. Легочные кровотечения, от которых он страдал всю жизнь, тоже были следствием многочисленных операций, вернее следствием наркоза.

* * *

Линкольн-Хаус снесут, на его месте построят многоквартирный дом, а квартиры продадут. Дуб спилят. Мы в последний раз съездили на него посмотреть. Неизвестно, кто там поселится, но другого выхода нет. Сейчас он приносит всего 2000 фунтов, а квартиры принесут 5000.

Воскресенье

Мы с Линдой и Эндрю ездили в церковь в Уоллатоне.

Глаз у папы не заживает и очень сильно болит. Бедный папа! Ему будут делать еще одну операцию. Мы ходили смотреть на дом, в котором жили бабуля, Пин и тетя Шейла. Поговорили с каноником Джайлзом. Он показал нам сад при доме священника и проводил на кладбище Уоллатона, к могиле Пин. Там еще нет могильного камня. Потом мы пошли в дом Пин, и мама нашла мне большую соломенную шляпу с лентой.

Папа выбросил несколько писем бабули, но два я подобрала. Они могут представлять собой немалую ценность – одно из них написано Робертом Браунингом[31].

Уолли[32] перерезал всех кур. Сегодня должны вывезти вещи. Комнаты превратили в подобие склада. Мне досталось бюро, копенгагенский фарфор, шкатулка для бумаг и еще одна шкатулка – с птицами на крышке. И еще одна книга по искусству и ежегодник на будущий год, так и не понадобившийся бывшей владелице.

Понедельник

Клуб любителей кошек. Идеи. Первая встреча на летних каникулах.

Присутствовали: Эндрю, Джейн, Линда.

Собирать на продажу полевые цветы.

Продавать грибы (если найдем).

Собирать ежевику и малину.

Мелкие подработки. Окончание встречи.

Поскольку мы уже собрали 8 фунтов и 10 шиллингов на нужды PDSA[33], почетный член Дэвид Биркин предлагает

объявить сбор средств для другой ассоциации.

Конец.

Вторник

Ездили смотреть дом, в котором родился папа. Медный купол, греческие окна, чудовищных размеров парк… Сейчас там школа.

Четверг

Мы с Эндрю и Линдой играли в прятки в саду и побежали в теплицу, потому что там лучше всего прятаться. На чердаке мы играли в змеи и лестницы, но тут настоящая лестница подломилась, и Эндрю упал прямо на меня! Он мог убиться. Хорошо, что там валялись мешки, не то он сломал бы себе шею.

Пятница

Вечером, когда стемнело, мы возле мусоросжигателя подожгли «гая»[34], которого смастерили Эндрю и Линда. Папа принес огнетушитель, но он оказался порошковый и не сработал.

Суббота

Мама и Эндрю первыми уехали на остров Уайт. Мы с Линдой ходили в церковь. Проповедь была какая-то туманная.

Понедельник

Мы с Линдой ходили по магазинам, а потом готовили. Миссис Кларк из зоомагазина сказала, что для перевозки попугая Полли нужна деревянная клетка. Дома папа подарил нам каски, которые он и бабуля носили во время последней войны, и патронташ времен Англо-бурской войны.

Четверг пятница суббота воскресенье понедельник вторник среда – остров Уайт

В среду мы ходили на пляж. На велосипедах доехали до Комптона. Собирали ракушки, водоросли и камешки и ловили крабов, потому что у меня возникла идея показать, что именно можно найти на морском побережье. Мы промочили ноги – я думала, что будет отлив, но ошиблась. Мы нашли огромный желтый пластмассовый мяч и принесли его домой. Он весил целую тонну. У меня сломался велосипед; я позвонила предупредить, что мы опоздаем. Эндрю с Линдой укатили на велосипедах, а я пошла пешком. Мама сказала, что этот желтый мяч – возможно, буй. После обеда мы опять пошли на пляж и по пути увидели кролика, явно больного миксоматозом; он был

мокрый и весь покрыт личинками, но еще живой. Эндрю быстро его прикончил, шмякнув об забор. Мы опять опоздали, но на ужин у нас был кролик!

Сейчас папа меня рисует. Вышло солнце.

К нам должен приехать друг Эндрю. Мы с Линдой на пляже. На берегу было холодно, и мы поплавали. Сходили за молоком к Хуки и вернулись домой. Эндрю с другом пока не появились. После обеда мы спросили у Эндрю, не хочет ли он пойти поплавать, и плавали очень долго. Помню, я забеспокоилась, правильно ли у него идут часы. Если они отстают, это будет ужасно! Я вылезла из воды, Линда – за мной. Эндрю звал нас со скалы. Мы быстро оделись и сели на велосипеды.

Вдруг Линда сказала: «Твои часы отстают! На моих уже семь часов, а я их ставила по кухонным. Сейчас семь, а не шесть тридцать пять». Мы испугались и спросили у пожилого джентльмена, который проезжал мимо на машине, который час. «Семь с минутами», – ответил он. Я побежала в телефонную будку. «У тебя мелочь есть?» – спросила я Эндрю. «Нет. Звони за счет абонента». Так я и сделала. Папа велел нам возвращаться как можно скорей.

Понедельник

Мы с мамой и Линдой ездили осматривать римскую виллу. Забавно думать, что по этой земле когда-то ступала нога древнего римлянина. Мама с папой собираются снять небольшой фильм о наших ракушках.

Вторник

Вечером мы готовились к пикнику, который состоится в полночь. Было здорово. Потом мы бросали в море горящие ветки.

А вот сюжет будущего фильма.

Папа – бандит-контрабандист. Мы с Линдой обнаружили его убежище в заброшенной хижине. Мы влезли на крышу хижины, и тут из нее вдруг вышел папа. Мы спрятались, он вроде бы ушел, но вернулся и погнался за Линдой. Я стукнула его по голове и побежала за помощью. Чем там все кончится, я пока не знаю.

Кловер[35] очень больна. Мы пытались ее лечить, но в конце концов пришлось звонить ветеринару. Он был в кино, и тогда папа попросил сделать в кинозале объявление. Ветеринар приехал и сделал ей укол. Это было ужасно.

Сегодня 6 октября

Надеюсь, что глаз у папы больше не болит. Как это несправедливо, что он всю жизнь мучается с этим глазом. Я

молюсь, чтобы он поправился.

Вторник

Папу выписали из больницы! Вот радость!

Четверг, Аппер-Чайн

Кажется, папе лучше. Я забыла спросить у него про швы. Надо будет ему написать и спросить.

Сильвия и Сьюзен получили по замечанию за плохое поведение. Они пошли за яблоками и протопали прямо по газону.

Спокойной ночи.

Воскресенье

Меня отпустили на выходной, и мама сказала, что Кловер умерла. Скончалась тихо, после приступа. Утром папа ее гладил, и она еще дышала, но все реже и реже, а потом с ней случилось что-то вроде судороги, и она умерла. Они положили ее в корзинку. Трейси[36] украсила корзинку алыми розами и белыми гвоздиками и вообще вела себя безупречно. Мама с папой отвезли Кловер на остров Уайт и завернули в мамину белую шаль и папин свитер цвета меди, который она так хорошо знала. Мистер Барнс выкопал в саду глубокую могилу и опустил в нее корзинку. Он сказал: «Не буду слишком далеко разбрасывать землю».

Папа сказал, что она была такая красивая, как никогда в жизни. Ушки назад, огромные глаза закрыты, влажный нос. Шерстка *fiuffy*[37], как будто она уснула. Мы заказали камень, на котором будет простая надпись: «Кловер. Покойся с миром». Все мы очень несчастны. Уж лучше бы она попала под машину или с ней случилось бы еще что-нибудь в том же роде. Больше всех горюют мама, папа и Эндрю. Бедный Эндрю, представляю, каково ему было услышать эту новость по телефону.

Понедельник 11 декабря

Давно я ничего не писала. Когда я беру в руки перо, чтобы писать, чувствую себя какой-то старой. Слишком много всего случилось. Перечислю коротко.

День рождения папы. Купила кисть и два карандаша.

Лондон. Вернулась домой и провела два чудесных дня. Нигде не могла найти свои брекеты и очень расстроилась. В конце концов нашла: они упали под стул.

День рождения Сьюзен. Подарила ей коробку талька и пластинки. Все прямо ахнули!

День рождения Эндрю. Послала две открытки и письмо. Подарок вручу на каникулах.

Мой день рождения. Отметили замечательно. Пирожные с ягодами, пончики, сэндвичи с яйцом, фруктовый салат, мусс, *bridgerolls*[38], оранжад, лимонад, имбирное печенье.

Готовиться было еще веселее. Линда мне помогала.

Каникулы!

Купила рождественские подарки. Маме – тапочки и конфеты, папе – два альбома для рисования, ластик и угольные карандаши. Линде – два кукольных платья. Эндрю – два комикса Джайлза.

Рождество

Мамочка, какой роскошный ужин!

Мама с папой подарили мне то, о чем я давно мечтала: радиоприемник. Эндрю подарил мне диски *«You've Got an Angel Face»* и *«How About That»* и четыре плитки шоколада. Линда подарила мне карандаши и ручки с гравировкой – мое имя золотыми буквами.

Рождественские елки: одну, серебряную, поставили на площадке; вторую – зеленую – в гостиной; третью – золотистую – в столовой.

Я надела юбку из шотландки и бархатный воротничок. Сразу испробовала карандаши *Woodlanders* и съела весь подаренный Эндрю шоколад.

Вторник

Сыграли пьесу. Эндрю сделал отличные декорации. Мама загримировала папу, получилось здорово. Я боялась провала, потому что идея была моя, но все прошло хорошо. Эндрю помогал с постановкой, Найджел[39] – со светом, а Линда быстро выучила свою роль и не пропустила ни одной репетиции.

Было очень забавно, когда я сказала: «Начинается снег», и мне на голову посыпались самодельные конфетти, а сверху была видна рука Эндрю, который раскидывал их горстями. «Это не индюшка, а кондор!» – сказал Эндрю и принялся размахивать руками, изображая крылья и корча рожи. От смеха я не могла вымолвить ни слова. «Индюшке» полагалась реплика: «Слабеющее дыхание юной девы несет смерть!» – но вместо нее стояла мертвая тишина!

Мы ходили к тете Мэдж на чай, и она сунула нам пакетик с шестипенсовыми монетами. Мы стали отказываться, но она шепнула: «Я их стащила! Специально для вас стащила!» Тетя Мэдж чуть не задушила нас поцелуями. Когда мы вернулись домой, Эндрю набрал зеленых веток для декораций и спросил у мамы, можно ли взять ее плащ с капюшоном для костюма палача. На следующий вечер мы играли свою пьесу.

Остров Уайт

Папа заказал себе летучих белок[40] и пообещал, что весной нам возьмут щенка. Но если маме с папой придется на некоторое время уехать за границу, с этим возникнут проблемы. Я уверена, что папе это необходимо, у него опять болит глаз. Бедный папа, у него шла носом кровь и вместе с ней вышел кусок пересаженной кожи.

Мне выделили прелестную комнатку на чердаке, и я каждый вечер смотрю в телескоп, который мне дал папа. Довольно долго наблюдала за тремя фазанами.

Среда, возвращение в школу

Мне надо сделать огромное количество уроков. Я слушала выступление мистера Туми на староанглийском. Какой зычный голос! Надо выучить наизусть. И еще большой кусок из Шекспира. На самом деле мне даже нравится – про Оберона, который поссорился с королевой.

1961

Май, Аппер-Чайн

Получила очень веселое письмо от Эндрю. Он пишет, что ваяет статую под названием «Изабелла на водопое». Вчера мне написали мама с папой, сообщили новости. Папа собирается купить лодку. Они на месяц уезжают в Венецию. Я огорчилась, но потом вспомнила, что у нас есть девочки-интерны, которые по два года не видят своих родителей.

За карту по географии мне поставили A[41]. Я очень долго над ней сидела, но сейчас довольна.

Пора бежать. Возможно, все плохо потому, что сегодня тринадцатое число.

Джейн

XXX

Пятница, вечер

После того как погасили огни, все начали рассказывать всякие истории. Я пыталась заткнуть уши, но ты знаешь, что это бесполезно. Я была уверена, что сейчас примчится воспитательница и наставит нам замечаний по поведению. Ты знаешь, каково это, когда устанешь, а я жутко устала и расстроилась из-за того, что средняя оценка у меня выходит B[42], к тому же я ничего не поняла про графики по алгебре и чуть не разревелась, а когда подумала, что влипну на выходные, мне и вовсе стало тоскливо и я накрылась одеялом с головой. Но тут меня обдало кошмарным запахом тухлых яиц. Это все крем для удаления волос Veet!

Джон прислал мне еще одно письмо. Он явно ко мне клеится. Спрашивает, что я хочу получить в подарок – мыло и т. п. Папа велел ему ответить, что пусть сам решает. Мама предложила попросить сувенир из Швейцарии и его фотографию.

В беге в мешках я пришла второй. У меня новое платье, сшитое вручную, я его надевала в коттедже, когда меня отпускали из школы. Миссис Сэндерсон поставила мне два замечания за плохое поведение. Надо очень постараться получить хорошие оценки, чтобы не огорчать папу и маму. Пора бежать. Пойду пожелать Линде спокойной ночи.

Среда

Прошлым вечером я смотрела на свой будильник с 21:30 до 22:00. Я думала вот о чем: мама репетирует роль в спектакле, который будут показывать по телевидению в прямом эфире.

Сегодня вся школа только об этом и говорит, и все повторяют, какая у меня потрясающая мама. Мне было очень приятно. Ее имя стоит на самом верху афиши: «Джуди Кэмпбелл в роли миссис Скеффингтон», а уже дальше все остальные артисты. Я прямо замурлыкала от удовольствия. Послала маме письмо, чтобы ее поздравить, и нарисовала красную розу.

Сегодня сияет солнце, все веселые, а мне хочется сочинить какую-нибудь историю. Хотя на самом деле мне скорее хочется играть словами, а не придумывать и записывать историю.

Среда

В прошлое воскресенье вернулись из Парижа мама и папа, а сейчас они собираются поездом ехать в Италию, в небольшую деревушку близ Венеции. Надеюсь, что папино здоровье там улучшится.

Видела фотографию нашего класса. Я там вообще никакая. Стою в последнем ряду, на стуле. Но, думаю, хуже, чем в прошлом году, быть уже не может. Накануне я накрутила волосы на бигуди. С одной стороны, все удалось, но с другой – полная ерунда.

Сегодня у нас урок изобразительных искусств. Мне поставили А за картину, которую я нарисовала на прошлой неделе, когда у нас были дни открытых дверей. Я – единственная, чьи родители приходят на дни открытых дверей и смотрят, как их дочь рисует. Это немного смущает. Но все-таки я довольна.

В Венеции идут дожди!

Четверг

К нам приходила лекторша. Потрясающе интересно! Я почти решила, кем хочу быть. Она рассказывала нам о работе медсестер, о больницах и о кинезитерапии. Судя по всему, профессия стюардессы не такая уж увлекательная, как мне казалось. Я задала лекторше вопрос, чего никогда раньше не делала! Я спросила, может ли девушка работать в тюрьме советником по условно-досрочному освобождению. Она сказала, что по правилам туда не принимают девушек моложе 21 года и что лучше поискать работу в молодежной организации. Я собираюсь найти что-нибудь подходящее, чтобы получить GCE[43], потому что я очень хочу работать в социальной сфере и помогать заключенным. Может, это только мечта – помогать людям, которые попали в беду и стараются не пропасть окончательно. Ночью мне снится, что я разговариваю с несчастным отчаявшимся созданием, которое нуждается в помощи и добрых советах, и я ему помогаю. Какое это блаженство – помочь человеку решить его проблему. Когда я это сказала, все засмеялись, а кто-то заметил, что я могу напороться на сексуального маньяка!

* * *

Мои родители были людьми с обостренным чувством социальной ответственности. Отец добровольно исполнял обязанности *probation officer* и брал на себя ручательство за молодых правонарушителей, добиваясь для них условного срока вместо тюрьмы. Помню одного парня – его звали Том Белл. Он жил в Баттерси и был пироманом. Мы с отцом и Линдой туда ездили. В доме у миссис Белл на столе лежал труп. Еще один привезли на тележке. Мать Тома работала бальзамировщицей. Том был в спальне. Он целыми днями себя ощупывал, и папа шепнул нам, что, если бы он жил в таком месте, делал бы то же самое. Из щелей в дощатом полу то и дело выглядывал крысиный хвост. Миссис Белл воздела руки и воскликнула: «Ох, мистер Биркин, когда наступит скорбный день, я сотворю из вас шедевр!» Она была счастлива, что Тома не отправили за решетку. Он и правда, стоило ему увидеть табличку *«her majesty's property»*[44] или хоть бы куст, испытывал непреодолимое желание поднести к нему спичку.

* * *

Сейчас я могу намного лучше объяснить в этом дневнике, кто я такая и что это значит – взрослеть… Сейчас я понимаю важность вещей, о которых раньше даже не задумывалась. Я чувствую себя более ответственной и в то же самое время боюсь, что стану еще старше и мне придется самой зарабатывать себе на жизнь. Стараюсь читать поменьше книг вроде «Пейтон-Плейс» и «Возвращение в Пейтон-Плейс», хотя они меня чем-то притягивают. Мне это не нравится, потому что я чувствую, что все это банальность и пошлость, и это ужасно. Меня занимает вопрос: правда ли большинство женщин носит узкие юбки и чулки и красит глаза и губы. Все взрослые так делают, и даже если я считаю, что это ужасно, иногда у меня возникают сомнения: а вдруг я ошибаюсь? Может, я просто боюсь попробовать?

Что со мной не так? Все, что я умею делать, – это писать и петь. В памяти у меня ничего не задерживается, а мне так хочется все запоминать. Когда-нибудь я этого добьюсь. Я стараюсь не терять надежды, что все наладится, но пока никаких улучшений не заметно. Орфография, глаголы, даже музыка, которую я люблю больше всего на свете, – ничего в голове не задерживается. Я не могу учить стихи: стараюсь, повторяю, но все кончается слезами. Наверное, у меня в мозгу стоит какой-то блок или еще что-нибудь в том же роде. Как мне хочется помнить все красивое, что есть в жизни, – закатное небо, восходы солнца… Каждую ночь я реву в

подушку. Плачу из-за папы, из-за того, что творится в мире, из-за того, что я тоже когда-нибудь уйду и солнце перестанет для меня сиять, а мой свет угаснет.

Я играла в скрэббл, а потом поговорила с мамой о похоронах. Я не люблю разговаривать о смерти, потому что эти разговоры меня пугают, правда, и я сразу начинаю плакать, как только подумаю, что мама, папа, Эндрю или Линда, или кто-нибудь еще умрет. Наверное, это потому, что я недостаточно верую в Бога. Люди, которые твердо веруют в Бога и в рай, спокойно относятся к мыслям о смерти. Мне кажется, бабуля Биркин всегда относилась к этому спокойно и на самом деле верила, что существует потусторонний мир. Я уверена, что у нее никаких сомнений никогда не было, а вот у меня они есть. Я ни в чем *не уверена*, хотя я христианка и так далее и тому подобное…

Пятница 30 июня

О том, что произошло вчера или сегодня, я могу рассказывать часами. Мой ум похож на испуганную курицу – он не в состоянии выносить жестокие пытки, которым подвергается его хрупкая сущность. Как можно забыть про нищету, как можно не думать про печальные глаза и сердца? Трудно выразить одновременно и свои мысли, и всю тоску этого дня.

Упражнение *«I must I must increase my bust»*[45]. Проделать 100 раз, и тогда грудь увеличится. Я чувствую себя настолько отверженной! Каждый раз, когда у меня появляется повод быть довольной собой, обязательно найдется кто-нибудь, кто скажет: «У тебя ни наверху ничего нет, ни внизу ничего нет. Зря стараешься!» А остальные подпоют: «Да ты просто *half-caste*[46]!» Или еще: «Ты не девочка, ты парень!»

И я чувствую, что я не такая, как все.

Но я и правда не такая, как все.

«Зачем ты носишь лифчик, если у тебя нет груди?»

Откуда я знаю зачем? Может, мне просто не хочется быть белой вороной. Надо мной и так все смеются, и за спиной, и в лицо, из-за того, что я медленно развиваюсь. Например, кто-нибудь найдет желудь, молодой желудь. Его спрашивают: «Что это такое?» – «Это недоразвитый желудь». И кто-нибудь обязательно добавит: «А я знаю еще кое-кого недоразвитого. Но это не желудь, а человек!»

Представь себе девочку 14 лет, у которой пока *не началось*[47], у которой ничего нет ни наверху, ни внизу. Ха-ха-ха. Может, это такие шутки, но мне от них больно.

Джейн XXX

Четверг

Последние новости. Дженни подхватила ветрянку. Общее число жертв: 7 человек. Готова спорить: я буду следующей.

20 июля, после экзаменов

Завтра заканчиваются занятия. Меня второй год подряд наградили призом за успехи в ваянии.

Суббота, последний день в интернате

Это была лучшая пятница из всех, какие я провела в Аппер-Чайне. Я выкинула свои черные трико в речку Солент. Посмотрела «Вестсайдскую историю» и ревела как корова. Это история современных Ромео и Джульетты, перенесенная в Америку.

Я ходила в гости к подруге, мы слушали пластинки и т. д. Закурили по сигарете, но мне не понравилось, и я свою сразу затушила. Ходила смотреть «Ромео и Джульетту». Божественно. Особенно хороша последняя сцена в склепе, благодаря особому освещению. Пойду смотреть «Остановите Землю – я сойду»[48] с Рейчел Гарни. Это мамина подруга.

Вторник, остров Уайт

Эндрю нашел молодую чайку, пострадавшую во время шторма, и принес ее домой. Мы положили ее на лужайку, на солнце, и она умерла. Мы с Эндрю похоронили ее на пляже. Сначала мы хотели бросить ее в море, но волнами ее каждый раз выбрасывало обратно на берег.

Посмотрела «Форт Аламо». Слишком много крови и кетчупа.

Я себя не понимаю. Я ненавижу свой возраст – еще не женщина, но уже не ребенок. Ненавижу, когда мне говорят, что для каких-то вещей я уже слишком большая, но в 100 тысяч раз сильнее ненавижу, когда со мной обращаются как с ребенком. Я ни то ни другое. Я завидую Линде – ей разрешают носить вещи, например *slip-on*[49], которые мне запрещали надевать до 13 лет, а ей разрешают, хотя ей всего 11. Или взять губную помаду. Мне не разрешают красить губы, а ей разрешат, когда ей исполнится 13 лет. Почему я думаю о таких вещах? Меня переполняет обида, когда мне говорят, что мне пора немного повзрослеть, потому что я слишком часто плачу; но другие красят губы и носят туфли на каблуке и чулки. Не понимаю, почему я не могу быть такой же, как другие девочки моего возраста. Мне хотелось бы ходить на вечеринки, встречаться с мальчиками, ходить на танцы и развлекаться, хотя бы немножко. Хочется, чтобы ко мне относились как к взрослой и разрешали возвращаться не в

половине десятого вечера, а позже. Дженни приходит домой в 11 вечера или даже в половине двенадцатого. Почему ей можно, а мне нельзя?

1962

Возвращение в Чейн-Гарденс и школу для девочек мисс Айронсайд

Воскресенье 11 февраля

Сегодня утром я проспала, а все из-за вчерашнего. Я мертвецки устала. На самом деле. Но маме не спалось. Ее пьесу «Дом, где разбиваются сердца» вчера сняли с репертуара. Это жуткое гадство. У них уже была продана куча билетов, но появился некий Обри, который хочет, чтобы шла его пьеса про какой-то «суп», хотя театр теряет на ней деньги тоннами. Но в результате мамину труппу выставили и освободили место для этого «супа». Гадство, я же говорю.

* * *

Это был один из тех редких случаев, когда я видела свою мать на сцене, потому что в основном ее карьера разворачивалась до нашего рождения. Когда она вернулась в театр, я была во Франции. В интернате нас не выпускали по вечерам, а отец никогда не водил нас на ее спектакли. Впоследствии я видела ее в Чи-честере, на театральном фестивале, она играла вместе с Омаром Шерифом. Она исполняла многие комедийные роли, а после смерти моего отца снова, к моей радости, начала петь. В 80 лет она еще пела в маленьком кабаре, и по вечерам в нем яблоку было негде упасть. Когда звучали первые ноты «Песни соловья на Беркли-стрит», посетители вставали со своих мест, и у многих, я видела, на глазах блестели слезы. Она никогда не терялась и находила выход из любого положения. В театр ездила только за рулем, никогда не брала такси и не признавала никаких правил движения. Когда ее останавливала полиция из-за того, что она проехала на красный свет – в машине, которая не была даже зарегистрирована на ее имя, – она приглашала их на чашку чая! Она ненавидела вранье, была упряма и потрясающе независима. Когда я думаю, как многим она пожертвовала ради моего отца, меня оторопь берет. В «Ройал-Корте» – одном из наших лучших авангардистских театров – в конце 1960-х собирались ставить очень известную пьесу, и ей предложили в ней роль. Но ее героиня должна была произнести со сцены слово *«fuck»* – и мать отказалась, чтобы не оскорбить семью моего отца. Я помню, что родители сняли небольшой коттедж в Уэллсе, без электричества, и там мы с Эндрю и Линдой, засев на лестнице, наблюдали за их

невероятной ссорой: мать лила отцу на голову молоко, а он размазывал ей по волосам сливочное масло. Мы ничего не поняли, а брат даже рассмеялся, и тогда родители повернулись к нему и сердито на него уставились. Как выяснилось, мама просто хотела пойти сделать укладку в местной парикмахерской, а отец сказал: «Зачем? Все равно здесь никто тебя не видит». С его стороны это было свинство, потому что мама отказалась от предложения сыграть в мюзикле на Бродвее, который шел как раз во время этих каникул. Позже она признавалась, что немного завидует нам – мы стали звездами и имели возможность брать с собой на съемки детей вместе с няней и снимать в отеле второй номер. Она не могла требовать для себя ничего подобного, потому что ни ее статус, ни средства ей этого не позволяли. Когда ей было уже за 80, она на протяжении восьми лет делала что хотела: участвовала в разных театральных постановках и встречалась со своим дорогим Джоном Вудом – моим агентом, который стал и ее агентом. После папиной смерти мой брат возил ее в Голливуд на церемонию вручения «Оскара», где она увиделась со своими подругами по сцене. Это была ее мечта, и она осуществилась. После 11 сентября она уехала в Нью-Йорк, где выступала в городской ратуше и исполняла «Песню соловья на Беркли-стрит». Впоследствии мне рассказывали, что публика принимала ее необыкновенно тепло – еще бы, пожилая леди, заставшая лондонские бомбежки, нашла в себе силы приехать в Нью-Йорк! Там мама была в своей стихии; по слухам, она до утра тусовалась в ночных клубах!

* * *

Я позавтракала и отнесла папе чай. На нашу кормушку прилетела сойка. Сначала я подумала, что это голубь. Кстати, на святого Валентина я получила от Саймона открытку, даже две, каждая по три шиллинга. Неплохо, очень неплохо. Не знаю, должна ли я тоже послать ему открытку – у нас же не високосный год. Думаю, что вторую он отправил по ошибке, но именно на ней написано «Я тебя люблю», и я страшно довольна.

Мои «дела» начались 29 января, вот счастье-то. Ничего общего с тем, что было раньше, – теперь я такая же, как все. Дома, не считая Линды, был только папа, и он повел себя просто восхитительно, ты даже себе не представляешь насколько. Я в полнейшем восторге – три года молитв, и вот наконец мечта сбылась. Ладно, мне пора бежать, скоро обед. *Bye*[50].

Понедельник 12 февраля

Бедная мамочка! Три пломбы! Она даже говорить не может. У папы жутко покраснел глаз, а у Линды завтра вступительные экзамены в школе, бедняжка!

Ладно, прерываюсь, *bye*.

Воскресенье, 18-е

Не писала целую вечность, прости, но было столько уроков! Вчера ходила смотреть «Как вам это понравится» с Ванессой Редгрейв. Гениально, правда гениально. После спектакля мы пошли за кулисы. Мне очень понравился пастух Уильям. Он играл лучше всех. И у него такое ангельское личико.

* * *

Ванессе было от силы лет двадцать, и она была очень беременна. Ее мать дружила с моей матерью. Я ее обожала. Мы общались всю жизнь, но на съемках «Фотоувеличения» так и не встретились. Кроме того, я восхищалась ее братом Корином. Они с Ванессой не входили в ближний круг моих друзей, но, несмотря на это, каждая наша встреча приносила мне радость; она, в свою очередь, знала, что всегда может рассчитывать на поддержку моей матери. Позже мы пересеклись в Югославии, в Сараеве, во время манифестаций. Она была гораздо красноречивее меня и настроена более радикально; она не боялась совершать отчаянные поступки, которые могли повредить ее карьере. Это одна из наших лучших во всех отношениях актрис, обладающая уникальным дарованием.

* * *

Линда с папой пошли пускать кораблики на *Round Pond*[51]. Мне тоже хотелось пойти с ними, но у меня полно уроков. Папа говорит, что я трачу на них слишком много времени и на это невыносимо смотреть. Ну конечно, я же корплю над ними ради удовольствия! Господи, да меня от них уже тошнит! Я из-за них пропустила *Juke Box Jury*[52]!

Я забыла попросить перенести завтрашнее занятие музыкой, потому что мне надо к зубному. Подозреваю, что все кончится жутким скандалом – так мне, идиотке, и надо. За дурость приходится платить. А потом на меня набросятся и в школе, и дома и устроят мне еще одну пытку. Я сказала маме, что все

уладила, – не представляю, как можно быть такой дурой, – а на самом деле даже и пальцем не пошевелила. Как бы то ни было, надо набраться смелости и признаться, что я наврала и не договорилась с учительницей музыки, хотя она, честно говоря, оказалась сама доброта; Богом клянусь, зря я целую ночь мучилась сознанием своей вины за вранье. Но я тут ни при чем, это все, видишь ли, моя совесть. *Bye*.

Апрель

Сегодня все идет наперекосяк.

Я написала письма и пошла вниз, показать их маме и папе. Еще одно письмо я написала в бюро находок – мама потеряла зонтик. Тут они хором на меня набросились: почерк у меня ужасный, ничего нельзя понять, уйма орфографических ошибок, я не в состоянии запомнить ни один адрес – не то что Линда. Линда у нас – гений, она помнит даже адрес бюро находок и адрес тети Мэдж. Разумеется, все это было сказано при всех. Господи, я чуть не разревелась. Это невыносимо. Они постоянно меня принижают и превозносят Линду. Порой так и подмывает заорать. Когда я сказала папе, что, мне кажется, правильный адрес – Дюренд-Гарденс, 30, как подтвердила и Линда, он ответил, что Линда – умница и у нее блестящие способности и что я должна этим пользоваться. По-моему, все засмеялись. Я слышала, как мама сокрушалась из-за моего ужасного почерка. Папа спросил меня, что со мной не так, но я ничего не ответила и продолжала читать программу телевидения, хотя у меня было чувство, что мир вокруг меня разваливается на куски. Видимо, все дело во мне самой. Они и раньше меня критиковали, но мне было плевать, а теперь это меня смертельно обижает, честное слово. Они славные, они сами не понимают, что творят. Как мне хотелось бы уткнуться кому-нибудь в плечо и поплакать, снова стать маленькой девочкой и перестать быть такой, какая я сейчас. Вот бы найти местечко, где можно спокойно и не краснея все обдумать. Линда приготовила вкусное желе. Мама разразилась целой речью на предмет того, какая она прекрасная хозяйка и прочее в том же духе, и излила на нее потоки елея… Но я не уверена, что все было именно так. «Изумительно, Линда! Прими мои поздравления!» А мне папа просто бросил: «Спасибо», – уже кое-что, но мама не сказала ни слова. Знай только нахваливала Линду, а я, между прочим, еще убирала со стола. *Gosh!*[53] Сколько можно это терпеть? Еще пара комментариев на тему моей криворукости и превосходства Линды, и я начну орать, – а чего они хотели, раз я такая испорченная? Но больше всего меня угнетает сознание того, что я должна измениться. Позволь мне

сказать тебе как на духу, что никто из них не виноват – ни папа, ни мама, ни Эндрю, ни Линда. Виновата во всем только я. И от этого выть хочется.

Пасхальное воскресенье

Ездила на вокзал Кингс-Кросс встречать Мэрилин. Вместе с Уильямсами ходили в парк Баттерси. Я плохо себя чувствовала, но Саймон был просто прелесть, хотя тоже чувствовал себя не очень.

* * *

Саймон Уильямс был лучшим другом моего брата Эндрю и моим первым женихом. Его сестра Полианна дружила с Эндрю. Мы вместе сняли фильм. Сценаристом и режиссером был Эндрю, ему тогда исполнилось 15, мы с Саймоном играли влюбленных. Я умирала от туберкулеза в Брайтоне, на прибрежном утесе. В фильме была сцена с поцелуем на берегу озера Баттерси; если я ничего не путаю, в школе Хэрроу, где Эндрю впервые показал фильм, ее вырезали из соображений цензуры.

* * *

1 мая

Мы с папой едем в мягком вагоне в Шотландию. Я услышала, как носильщик говорит на гэльском, и поняла, что мы пересекли границу. Мама и Эндрю провожали нас на вокзале Кингс-Кросс, а бедняжка Линда так рыдала, что мне пришлось дать ей обещание, что я буду целовать все открытки, которые ей пошлю, и дам ей из своих запасов две таблетки от язвочек во рту.

Без даты

Да, мы сняли целый фильм! Со мной в главной роли! В главной мужской роли – Саймон. Было ужасно весело. Озеро Баттерси, американское посольство, разные кафе и прочее и прочее. В основе сюжета – история любви. Продюсировал Эндрю. Мы с ним вместе ездили в Сассекс. Никогда в жизни я так не смеялась. Разумеется, мы снимали. Я умирала в дюнах, в метре от кромки моря, возле скалистых утесов Брайтона, под проливным дождем. Потом мы все вместе пошли смотреть «Историю монахини». Саймон – прелесть. Он дал мне свой плащ и сказал, что у меня хорошо пахнет от волос. Он вел себя очень

внимательно и старался меня подбодрить после сцены на пляже, когда я насквозь промокла.

Мы играли у них дома в *«Murder in the dark»*[54], пока не было родителей. Билл оказался отличным детективом. На следующий день Саймон заболел. Он из-за чего-то рассердился на своих родителей, и к вечеру мы уехали из Лондона.

Август 1962, поездка во Францию

В четверг я ходила в шикарную парикмахерскую[55] на Слоун-стрит. Мне сделали перманент. Волосы были покрыты коркой, и, пока я сидела под сушкой и пила чай, голову нестерпимо жгло и кололо. Но дело того стоило. То, что делают их стилисты, попросту божественно. В тот вечер я чувствовала невероятное возбуждение. У себя в комнате я уложила в чемодан вещи и составила список. Обожаю готовиться к путешествиям. У меня прямо пятки горят.

Я проснулась в 4:30, потом в 5:00, а потом уже все встали. Я надела плиссированную блузку и бирюзовую юбку. Папа отвез нас в Кенсингтон. Там мы посидели в небольшом и очень современном зале в ожидании автобуса, на котором поехали в лондонский аэропорт. Когда мы прощались с папой, я немножко поплакала, но незаметно для остальных, и папа сказал, что скоро присоединится к нам в Париже. Мама встретила свою подругу, которая доехала вместе с нами до аэропорта. Она была очень милая. Меня от нетерпения буквально трясло. Нас посадили в самолет, и мне досталось место возле иллюминатора. В полете у меня жутко закладывало уши и тошнило, и мне пришлось на всякий случай держать перед собой пакет. Мы приземлились в Париже, где нас встретили знакомые, говорившие по-французски. От счастья я была готова зацеловать маму до смерти. Мы провели в Париже день. Моросил дождик. Эндрю пришлось еще раз ехать в аэропорт, потому что он забыл там свою сумку. Он был в отвратительном настроении, когда зашел к нам. Мы в это время сидели за жутко дорогим завтраком. Мы побывали возле Триумфальной арки, над которой развевался огромный флаг, поскольку это был *Liberty Day*[56]. Короче говоря, они славили этого старого хвастуна Бонапарта. На Могиле Неизвестного Солдата горел Вечный огонь. Полицейский велел Линде быть внимательней, потому что она наступила на эту могилу. Потом мы зашли в магазин пластинок и ужасно дорогое кафе.

Ночной поезд нас удивил: он был очень старый, но удобный. Меня не покидало ощущение, что я – солдат, отправляющийся на войну. В спальном вагоне вместе с нами ехали две француженки – мать с маленькой дочкой. Мама сокрушалась, что нам не удастся

втиснуть весь наш багаж, но мы его втиснули. Эндрю отдал свое единственное одеяло какому-то австралийцу и заснул, пока мы с Линдой ужинали.

Мы прибыли на вокзал и пересели в поезд, который шел в Экс-сюр-Мер. Предыдущие постояльцы еще не выехали, и мы пошли купаться, а потом купили у очень симпатичного молодого парня пляжный зонтик и складной стул. Меня ужалила медуза. Большую часть дня мы провели на пляже, а вечером пошли ужинать в прелестный ресторан с окнами, увитыми диким виноградом. Мы включили музыкальный автомат и танцевали твист. В понедельник мы все сгорели на пляже, особенно Линда. Мы нашли еще один пляж, на котором мальчишки ныряли в море со скалы, и я тоже нырнула. На обратном пути мы подобрали старые газеты, которые гонял ветер, и увидели фотографии принцессы Маргарет и Мэрилин Монро[57].

Вторник

Поезд остановился. Пользуюсь минутой, чтобы наверстать упущенное и сообщить последние новости: я еду из Сассекса на остров Уайт.

Пятница, остров Уайт

Мы ходили на пляж, и я встретила друзей Ноэлл. Мы купались. Жара стояла немыслимая. Забавная вещь: никогда раньше я не входила в воду так быстро и без колебаний, а тут прямо-таки бросилась в море. На мне было бикини из миткаля. Мальчишки смотрели на нас как на героинь – они стояли на берегу и стучали зубами от холода. Мы забрались на плот и брызгались друг на друга, и я старалась быть как можно соблазнительнее, изображая из себя сирену. Когда я вылезла на берег, волосы у меня походили на крысиные хвосты. Я специально не надела шапочку, потому что она испортила бы весь эффект.

В тот вечер Питер и Джон собирали гостей. Я выпила немного сидра, но совсем чуть-чуть, потому что, если я буду пить, у меня не будет машины, я отказалась от пива и других крепких напитков и пила оранжад и лимонный сок. Росмэри совершенно напилась, и это было неприятно. Я радовалась, что послушала советов мамы и папы, а она вела себя странно и беспрестанно хихикала. Во всяком случае, я разговаривала сразу с четырьмя мальчиками. Дэвид знал все места в Ноттингеме, которые знаю и я, и было забавно с ним болтать; он рассказывал мне о детской психологии, советовал читать комиксы и просил, чтобы я рассказала ему, что мне снится. Джон пытался мне внушить, что сидр – безалкогольный напиток, и постоянно подливал мне в стакан, но я взяла и перелила все содержимое ему в стакан. Он хотел, чтобы я прочитала ему свои стихи, но я сказала, что напишу стихотворение специально для него; мне очень понравилось, что на меня сквозь пламя свечи все время смотрел какой-то сумрачного вида парень. Он был невероятно красив, почти божественно красив. В этот момент Росмэри стало плохо, и все стали приводить ее в чувство при помощи черного кофе. Она выпила шесть стаканов сидра и стакан пива – он-то чуть ее и не доконал.

Без даты; балет Большого театра

Вчера мы ходили в театр, на балет Большого театра. Божественно. Одной балерине публика аплодировала целых полчаса. Я встретила леди Нинет де Валуа. Она обворожительна. Она сказала мне, что я слишком большая, чтобы поступать в

балетную школу.

С Нилом все складывается отлично. Я ходила к нему в гости, мы пили красное вино, а на прощание, когда я уже стояла на пороге, он поцеловал меня в шею. Я его очень люблю и думаю о нем день и ночь. Как прекрасно так сильно кого-то любить! Он сказал, что чувствует то же самое. Господи, до чего ужасно – не думать ни о ком другом, даже о Клиффе Ричарде. Это правда невыносимо.

* * *

Нил был нашим соседом по Чейн-Гарденс, они жили в доме напротив. Летом я его почти не видела из-за густой листвы, но зимой, поскольку моя комната располагалась этажом выше, чем его, я изображала из себя балерину – с попугаем на плече. Мы с сестрой Линдой придумали шифр, которым сообщали друг другу, вышел он на балкон или нет. Если мы говорили: «Дождь идет», это означало, что он там. Однажды Линда сказала, что идет дождь, и я взяла альбом и пошла на берег Темзы, якобы для того, чтобы рисовать фонари. Вскоре он подошел ко мне. Я впервые услышала его голос – он говорил с новозеландским акцентом. Я обернулась и обнаружила, что у него под правым глазом большое родимое пятно и ему лет сорок. Когда я пошла к нему в первый раз, папа не возражал, потому что мог наблюдать за нами с балкона. Но он не мог видеть, что сразу за порогом Нил начал меня целовать. На следующий год Нил переехал. Он пригласил меня к себе. За ужином – мы ели рататуй – я слишком много выпила: намешала красное вино с виски. Он попытался на меня улечься; я сказала, что у меня «дела», а он возразил, что ничего страшного. Мне стало противно, и я убежала. Домой я вернулась очень поздно и не позвонила папе, как обещала. По лестнице я поднималась бесшумно, как воровка. Папа ждал меня на площадке: «Почему так поздно?» – «Извини». – «Извинения недостаточно». Я пошла к себе в комнату и проглотила весь свой запас аспирина, который давно собирала на всякий случай. Сестра заглянула ко мне в четыре утра, увидела, что я бледная как смерть, и позвала маму. Мне сделали промывание желудка. Мать отхлестала меня по щекам, и правильно сделала. С тех пор я терпеть не могу виски и в рот не беру рататуй.

* * *

Когда я стану старухой, лет сорока или около того, с сотней детей и всем прочим, возможно, мне будет немного больно читать написанное кем-то молодым. Когда я начну хромать, я, возможно, буду оплакивать свою юность и всхлипывать, вспоминая свою гибкость и свои идеалы. Понимая, что когда-нибудь эти дни настанут, я хочу высказаться на темы, имеющие всеобщий интерес.

Человек полетел в космос. Гагарин, Шепард и многие другие. Умерла Мэрилин Монро – ей было тридцать с небольшим. Несравненное и несчастное создание. Судя по всему, она покончила с собой. У нее в руках нашли пустые пузырьки из-под аспирина.

Любовь? Не знаю. Мне нравится Саймон, я обожаю Брафа, хотя не виделась с ним с прошлого года, но идеал для меня – это Клифф Ричард, я его люблю, и не только как поклонница. Если бы он мне предложил выйти за него замуж, я согласилась бы не раздумывая, но он никогда мне этого не предложит… Я правда его люблю, очень сильно люблю, больше всех на свете, с ним никто не сравнится, и я его люблю.

* * *

Стихи

Попытка самоубийства
Ты знаешь дорогу в другие места
И как мне туда попасть?
Туда, где не будет уже ничего?
Скажи, я хочу это знать.
Я просто трусиха, зачем себе лгать?
Ребенок, боящийся жить.
Я заблудилась на этом пути.
Попробуй меня простить.

Искра, что тихо мерцала в душе,
Погасла давным-давно.
Зачем я живу? Впереди – пустота.
На небеса мне уже не попасть.
Скажи, где дорога та?

Ревность
Я оплакала все, чему не бывать,
Все надежды, которых нет,

И звезды густую, как ночь, бирюзу,
И луны мерцающий свет.

Все, что сбыться могло, но не сбылось,
Все накрыла смертная тень.
Но в лицо судьбы я спокойно смотрю
И с улыбкой – в завтрашний день.

Все, о чем я мечтала, чего я ждала,
Все пропало, ушло в пустоту.
Может быть, слишком смелой была та мечта,
Но я верила в эту мечту!

Остается одно – только плакать и ждать,
Молча ждать, когда солнце взойдет,
И согреет мне сердце, утешит его,
И растопит в нем ревности лед.

1963

Париж, бульвар Ланн, 67

* * *

Отец, неравнодушный к французам, решил отправить меня во Францию, в пансион миссис П. Нас у нее было шесть англичанок. Днем мы садились на автобус или в метро и ехали на площадь Соединенных Штатов к мадам Аните – монахине, которая ходила в обычной одежде и учила нас говорить по-французски и готовить шоколадные трюфели, а также водила в Музей человека, где мы осматривали всякие диковины в банках. Предполагалось, что по возвращении в Англию состоится мой выход в свет и я выйду замуж за приличного человека.

* * *

Я прилетела в Париж два дня назад и поселилась у миссис П., которая живет на шестом и последнем этаже в доме 67 на бульваре Ланн. Когда мы позвонили в дверь, она спросила: «Кто там?» – но быстро поняла, кто мы такие. Поскольку мы четверо прибыли первыми, нам удалось выбрать себе спальни. Я остановилась на шумной, но просторной комнате, окнами выходившей на Булонский лес. Из них открывался очень красивый вид. Вместе со мной эту спальню делила еще одна девочка. После чая толстый сын миссис П. принес наши чемоданы, и мы разложили свои вещи. Он неплохой парень, у него есть чувство юмора, и он ненавидит генерала де Голля. Мне кажется, его ненавидят ВСЕ. Не понимаю, почему его до сих пор не убили. Судя по всему, люди не хотят, чтобы его воспринимали как мученика. Но половина молодежи, выходившей на манифестации против него, сидит по тюрьмам.

Еда здесь восхитительная, хотя они везде пихают чеснок, и мне приходится в неимоверных количествах поглощать мятные пастилки.

Вчера мы ходили смотреть на Эйфелеву башню и винные погреба, устроенные монахами. Во время Революции монастырь сгорел, и погреба были заброшены. Владелец двух ресторанов на Эйфелевой башне угостил нас бокалом белого вина.

Завтра должен позвонить Робер[58] – парень, который опекал

меня во время морской прогулки по греческим островам, когда меня выворачивало наизнанку. Слушаю по радио новости из Англии, и мне становится грустно.

Суббота

Ходила в Булонский лес кататься на лодке с Бертраном[59]. Какой прекрасный день! Сначала светило солнце, но потом пошел дождь, и мы побежали к машине, а затем вернулись в старый парижский парк, где было полно битников и прочих субъектов артистического вида. До чего здорово прогуливаться по узким улочкам, посреди каких-то подозрительных иностранцев. Мы пили английский чай в модном чайном салоне.

На обратном пути мы прошли мимо Триумфальной арки. Господи, до чего прекрасен Париж! И как приятно гулять с Бертраном! Он мне как брат. Мы вели откровенный разговор о любви. Он делился со мной своими романами с разными девушками. Я не боялась, что он неправильно поймет мои намерения, и мне не пришлось думать про себя: «Господи, надеюсь, он не собирается меня тискать. И что мне делать, если он меня поцелует?» Возможно, в четверг мы пойдем смотреть «55 дней в Пекине».

Воскресенье

Ходили в роскошную католическую церковь. Снаружи она выглядит впечатляюще, но, когда мы зашли внутрь, оказалось, что в ней нет окон. Это самая большая в мире церковь без окон, но самое ужасное, что конгрегация НЕ УЧАСТВУЕТ В МЕССЕ и даже не произносит: «Аминь». Некоторые прихожане сидели, другие стояли, третьи сидели на корточках, четвертые стояли на коленях, а один просто зевал. Священник постоянно звонил в три колокола и дымил на всех ладаном. Все это могло бы показаться интересным, но, на мой взгляд, было затянуто и скучно. Я очень рада, что принадлежу к англиканской церкви.

Днем я хотела пойти одна в Булонский лес, чтобы писать, но миссис П. сказала, что это слишком опасно и она никому не разрешает ходить туда в одиночку. Тогда я вернулась в то место, где мы с папой были в прошлом году. Я чуть не расплакалась, так мне его не хватает и так хочется с ним поговорить.

Понедельник

Сегодня днем всей школой ходили на блошиный рынок. Было замечательно, но за нами постоянно таскались какие-то отвратительного вида старикашки. Несмотря на это, было очень интересно – повсюду целые горы всякой всячины. Я

прогуливалась между рядами, ничего не покупая, и оторвалась от группы. Тут меня напугали два сексуальных маньяка, которые следовали за мной по пятам и пытались со мной заговорить. Я пошла быстрее, стараясь их не слушать. Начал накрапывать дождь. Я накрыла голову носовым платком в горошек и побежала к метро, где нас ждала воспитательница. Остальные девочки опаздывали, и она волновалась.

Среда

Проклятый диктант! Учительница застала нас врасплох, заставив писать глаголы. И подсмотреть негде.

Днем ходили в Зал для игры в мяч смотреть французских импрессионистов. Я в восторге. Особенно от танцовщицы Де-га – она ничего не делает, просто поднимает голову (кстати, на лицо она довольно-таки страшненькая), но с какой грацией! И эта прозрачная пачка на загорелом теле! Больше всего мне нравятся танцовщицы Дега, которые завязывают пуанты. Еще мне нравятся краски у Гогена, но большинство его персонажей ужасно уродливы. Мне нравится бедняга Тулуз-Лотрек, в его живописи столько печали. В его картинах видна вся вульгарная сущность людей, понапрасну растрачивающих свою жизнь. Мне нравится Ренуар, но только не его толстые красные ню – не женщины, а какие-то бочки!

Четверг

За мной зашел Бертран и повез меня в Версаль. Он сидел за рулем. Мы обсуждали любовные приключения до свадьбы. Мне кажется, что он говорит разумные вещи, и я думаю, что он прав. Возле самого входа мы видели следы аварии – кровь на асфальте. Бедняга Б. попытался убедить меня, что это масло, но масло не бывает такого красного цвета. Версаль – это самое красивое место в мире: весь этот зеленый парк, и белые ступени, и неожиданные руины, и озера. Дорогому Шарлю, в смысле генералу де Голлю, следовало бы перенести свою резиденцию сюда.

Сегодня вечером ходили смотреть «Самый длинный день». О господи, это и правда длинно!

Купила себе бюстгальтер в «Эно» – там даже в 9 вечера было открыто! Сунула себе в карман и весь сеанс боялась, что он у меня выпадет. Там же, в кино, его примерила. Странный фасон, весь в каких-то буграх.

Пятница

Вернулась обедать и обнаружила перед нашим домом огромную очередь. Мы знали, что там живет Эдит Пиаф, и

решили, что это как-то связано с ней. Все посмеялись, довольно зло, над этими чудаками, но я подумала, что это здорово. К нам подошел фотограф и сказал: *«No cheese»*. Я ответила: «*No cheese*, у меня нет никакого сыра». Он еле сдержал смех, а второй фотограф шепнул нам: «Тсс!» Мы немного удивились и вошли в лифт. Чуть позже кто-то сказал нам, что Эдит Пиаф умерла. Это было ужасно. А мы еще смеялись! Мы почувствовали себя полными ничтожествами. После обеда толпа стала еще гуще.

Ходили в Лувр на выставку Делакруа. Очень красиво, но слишком много секса.

Суббота

Перед домом собралась огромная толпа. Вокруг полно полицейских. Днем, когда я выходила из дома, какая-то идиотка крикнула: «Франсуаза Арди!» Это одна из самых популярных французских певиц[60]. Кажется, я немного на нее похожа, и, поскольку я выходила из подъезда Эдит Пиаф, все решили, что я точно кинозвезда. К ней пришли ее друзья – Ив Монтан и Б. Б. Поначалу это было даже забавно, но очень скоро обернулось настоящим кошмаром – журналисты и какие-то типы с фотокамерами обступили меня: «Вы Франсуаза Арди?» И не желали верить, что это не она!

Воскресенье

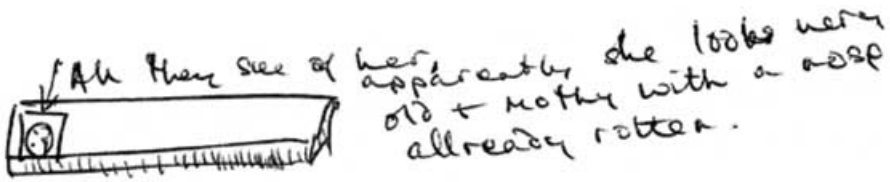
Мы прибились к церкви при британском посольстве. Служба была очень красивая, и проповедь хорошая, но сколько же там собралось снобов и девиц на выданье! Миллионы! А мужчин я насчитала всего троих. От чая у викария мы отвертелись, потихоньку удрав.

На обратном пути нам встретилась многотысячная толпа, выстроившаяся в очередь. Тело Эдит Пиаф выставили на всеобщее обозрение. Ну не ужас? Я с трудом пробилась через толпу – меня не хотели пропускать, думали, что я норовлю пролезть без очереди, чтобы посмотреть на труп. В нескольких метрах от подъезда меня схватил за рукав полицейский.

«Я здесь живу!» – крикнула я, сама не своя от изумления.

«НЕТ! – отрезал он и добавил: – Убирайтесь отсюда!»

Я достала свое удостоверение личности и сунула ему под нос. Он дико обозлился, но пропустил меня.



Зеваки, привлеченные видом смерти, заходили через черную лестницу, а выходили через парадную. Насколько я поняла из их разговоров, все, что они увидели, – это что она старая и невзрачная, а нос у нее уже начал разлагаться…

Понедельник

Ходили в Лувр смотреть греческие и римские статуи. Очень красиво! Но одна из тех, которые понравились мне больше всего, оказалась копией!

Сегодня утром похоронили Эдит Пиаф. Мы видели возле подъезда гору цветов и венков. Дверь завесили черной тканью. К вечеру на улице осталось всего несколько зевак и двое полицейских.

Вторник

На площади Холма собираются лучшие художники. Двое из них увязались за мной. Хотела бы я жить на Монмартре! Один чрезвычайно приятный мужчина предложил написать мой портрет. Я бы согласилась, но у меня совсем не было времени, к тому же я не знала, это бесплатно или нет.

Кстати, я получила два чудесных письма от Саймона. И – хочешь верь, хочешь нет, – но этот прекрасный писатель, Робер, ответил на мое письмо и прислал мне свою книгу «Дневник человеческого существа». Я не понимаю в ней ни слова, но очень рада, что она у меня есть. Возможно, в один прекрасный день я смогу ее прочитать.

A star fell from the sky last night. Звезда упал из неба один ночь назад[61].

1964

В 17:30 я приехала на вокзал Ватерлоо. Странно было вернуться в Лондон с его серыми зданиями и солидными кирпичными домами. В своей школьной форме я чувствовала себя маленькой и ничего собой не представляющей. Мне хотелось как можно скорее попасть домой и переодеться. В Челси я взяла такси. Кингс-Роуд нисколько не изменилась. Когда я увидела старую ратушу Челси и бассейн справа от нее, меня охватило чувство, что я дома. «Поезжайте вниз по улице, а потом сверните направо». Вот наконец и наш дом. Мне открыла Эльда. Она меня расцеловала.

* * *

Эльда жила у нас, что называется, «за стол и кров». Она постоянно ходила в черном и была потрясающе интересной личностью. Годы спустя я встретилась с ней в Милане. Мы были с Сержем и пригласили ее в бар «Гарри». Какая-то светская дама высокомерно смерила ее взглядом, потому что юбка у нее была заколота английской булавкой. Я сказала, что это моя мать. Серж вел себя с ней превосходно. Когда мы с Линдой были маленькими, она по утрам, перед школой, готовила нам сабайон из яичных желтков и марсалы. «*Darling*, – приговаривала она, – это очень полезно для здоровья». Она проводила с нами каждое лето. Приезжала из Италии с пустым чемоданом, а уезжала с битком набитым красочными приложениями к газетам. Она никогда не ходила посередине тротуара и всегда, как тень, скользила, прижимаясь к стенам.

* * *

«*Darling!*» – Эльда заплакала и позвала сверху маму и папу. Они ничуть не изменились. Оба всегда болезненно воспринимали тот факт, что я становлюсь взрослой, что должно было меня растрогать, поскольку означало, что они стареют. После ужина я пошла к себе в комнату. Посмотрелась в зеркало и поняла, что выгляжу никак. Тогда я взяла ножницы и выстригла себе челку. Так стало значительно лучше, и я осталась довольна.

На следующий день я отправилась на Кингс-Роуд и купила все необходимое: тушь для ресниц и губную помаду, хотя я не

люблю красить губы, потому что разрушает трагичность образа типа «я всю ночь не спала, думая о тебе», а потом зашла в туалет «Питера Джонса»[62] и всем этим намазалась. Мне показалось, что вышло очень даже неплохо, во всяком случае, намного лучше, чем было. Дома, у себя в комнате, я надела матроску и влезла в суперузкие джинсы. Они сели, как и было задумано, потому что я два с половиной часа просидела в них в обжигающе горячей ванне. Мама с папой встретили меня восхищенными возгласами, оправдав мои надежды, а я изобразила из себя страдалицу, за обедом отказавшись от персиков со взбитыми сливками. Они-то не изменились, а вот я – еще как. Я переоделась в более скромный наряд, но макияж с глаз не смыла. Папа воскликнул: «Ты похожа на Клеопатру и на шлюху!» Его замечание меня обидело; он этого не понял, но я все равно обиделась.

Я вышла из дома и отправилась прогуляться к реке. Моя гордость была задета. Я думала, что выгляжу сногсшибательно, и не собиралась отказываться от этой мысли. У реки жизнь пошла чуть веселее. Старая добрая Темза – все такая же зеленая, вонючая и восхитительная! Я добежала до места, куда часто ходила, когда была маленькой. Там висела табличка «Детям запрещено играть на ступенях». Передо мной мелькнула чья-то большая изящная тень. Это был мужчина лет тридцати семи[63]. Никогда еще я не видела такого красавца. Меня на миг охватило безумное желание, чтобы он за мной увязался. Странное желание. Мне следовало возмутиться, но этого не произошло, – при виде его силуэта на меня напало какое-то наваждение. Я нарочно стала с шумом двигаться, чтобы привлечь его внимание, а потом принялась кормить чаек. Когда я почувствовала, что он на меня смотрит, меня окатило теплой волной. Он подошел ко мне, хотя я почти не сомневалась, что он этого не сделает.

– Привет! Что это ты тут делаешь одна?

– О! – Я изобразила удивление, но, пожалуй, не слишком убедительно, потому что продолжала есть его глазами.

– Я люблю сюда приходить. Обожаю чаек.

– Я тоже.

– Ты художница?

– В каком-то смысле.

– А что ты пишешь?

– Все, что захочу.

– О!

– Что ты делаешь в выходные?

– Пойду в кино. Ты любишь кино?

– Да. Особенно в жанре кухонной мойки[64].

Не слишком блестящий ответ, но я чувствовала, что должна

сказать именно это.

– А что ты уже видела?

– «Такую вот любовь». Ты смотрел?

– Вроде бы. Про что там?

– Одна девушка и один парень…

– Точно, смотрел.

Я засмеялась. Неважно, шутил он или нет, но его слова помогли мне сбросить напряжение. На самом деле я видела всего три фильма с маркировкой «Х» и поспешила их перечислить: «Угловая комната», «Квартира»…

1965

* * *

Вскоре после моего возвращения из Парижа мы с отцом поехали в Италию. Мы побывали в Венеции и Флоренции, а в Риме поселились вместе Кэролом Ридом и его женой Пемпи, двоюродной сестрой моего отца. Кэрол снимал там «Муки и радости» с Чарлтоном Хестоном – игровой фильм о жизни Микеланджело. На съемочной площадке, куда он меня пустил и которая произвела на меня неизгладимое впечатление, я спросила его, есть ли у меня шанс стать актрисой. «Если камера в вас влюбится», – ответил он. Мне кажется, я тогда мечтала пойти по стопам матери и стать театральной актрисой, но отцу ни за что в этом не призналась бы, потому что он хотел, чтобы я поступила в *art school*[65] неподалеку от нашего дома. Мама, благодаря своим театральным связям, знала, где какие пьесы готовятся к постановке и какие труппы ищут актрис. Мы уходили в парк Баттерси, и она помогала мне учить текст пьесы *«The Lady Is not For Burning»*[66] Кристофера Фрая для моего первого показа. Я отправилась туда в маленьком платье, которое мама купила мне для поездки в Италию. Папа приколол мне на него розу и пожелал удачи. Перед театром выстроился длинный хвост из девушек в майках и джинсах; я встала в его конец. Когда подошла моя очередь и я вышла на сцену, выяснилось, что я забыла текст. Режиссер сказал: «Ну, это много времени не займет» – и спросил меня, много ли я вешу. Ко мне подошел худощавый парень. Он поднял меня и подтвердил, что я легкая. Они сказали, что я им подхожу на роль глухонемой девушки, которую преследует своими домогательствами некий доктор и которая от отчаяния бросается под колеса автобуса. Ее оставляют лежать мертвой у подножия статуи Бога, которую ваяет скульптор (актер сэр Ральф Ричардсон). Автор пьесы – мой любимый писатель Грэм Грин, по книгам которого Кэрол Рид снял фильмы «Третий человек» и «Наш человек в Гаване», – сидел тут же, в зале. У него были такие голубые глаза, что казалось, будто ты сквозь дырки в его черепе смотришь в лазурное небо. Я получила роль. Мне было 17 лет. Мой дебют состоялся в Брайтоне, а затем в «Хеймаркете» – одном из лучших лондонских театров. Критика встретила постановку в штыки, оскорбленная тем, что Ральф Ричардсон осмелился ваять интимные части тела Бога. Если я ничего не путаю, поскольку мы играли в Вест-Энде, – кстати, там же, на соседнем рынке я купила

себе корзинку, которая потом стала знаменитой, – нас приходили смотреть известные актеры, в том числе Майкл Кроуфорд[67]. Однажды он пригласил меня в «Пиквик-клуб», где я познакомилась с Габриэль – ведущей музыкальной программы на радио и актрисой, его будущей женой.

Я знаю, что с Романом Полански и его продюсером Джином Гутовски я познакомилась в очень модном тогда заведении *Ad Lib Club*. Они и уговорили меня пойти на прослушивание к постановке мюзикла «Отель “Цветок страсти”». Композитором мюзикла был Джон Барри. Я получила роль, и для меня сочинили комическую песенку *«I must I must increase my bust»*. Мне попрежнему было 17 лет, Джону Барри – 30. Он уже успел создать знаменитую группу *John Barry Seven* и сочинил музыку к трем фильмам Бондианы – «Доктор Но», «Из России с любовью» и «Голдфингер». Он был самым известным в то время композитором, работавшим для кино, и невероятно привлекательным мужчиной.

Очень скоро он сделал мне предложение. Мой отец был категорически против и даже собирался подать на него в суд, потому что я была несовершеннолетней. В саду родительского дома в Челси состоялись переговоры, заснятые на камеру Эндрю. На записи видно, как отец безуспешно пытается уговорить Джона Барри отложить дату свадьбы, как Эндрю корчит рожи, а я с корзинкой в руках через весь дом иду за Джоном к его «ягуару» спортивной модели и сажусь в него. Три месяца спустя мне исполнилось 18, и мы стали *man and wife*[68].

* * *

Август, свадьба с Джоном Барри

Через 7 недель я выхожу замуж. Кажется, что это еще не скоро, но время летит быстро. Я выхожу за композитора Джона Барри. Он сочинил музыку ко всем фильмам Бондианы, и к «Сеансу дождливым вечером», и еще к куче фильмов. Мы познакомились в феврале на вечеринке, которую Роман Полански устраивал в клубе *Ad Lib*. Мы с Джоном и Джином Гутовски вместе поднимались в лифте, но, поскольку мы явились намного раньше времени, я целую вечность провела в туалете. Потом мы наконец-то смогли сесть. Джон и Джин спросили, умею ли я петь и танцевать, я ответила, что да – самонадеянная идиотка! – и тогда они предложили мне прийти на прослушивание к мюзиклу «Отель „Цветок страсти“». Я задавала Джону глупейшие вопросы типа: «Как вы сочиняете музыку?» Сейчас он говорит, что в тот

вечер не обратил на меня особого внимания. Музыку к «Сноровке» написал тоже он, и я не без гордости сказала, что снималась в нем. Позже он признался, что, посмотрев картину и убедившись, что роль у меня там микроскопическая, подумал: «Ну и хвастунья!» После этого мы долго не виделись. До самого прослушивания «Отеля…».

При следующей встрече он показался мне настоящим красавцем. Мы столкнулись на лестнице, и я подумала: «Если он скажет мне хоть слово, я умру». Он заговорил со мной о преподавателе вокала. Я чуть не грохнулась в обморок, и он ушел.

Ноябрь

Сижу в студии *CTS*. Джон записывает музыку к «Шаровой молнии». Я замужем уже почти четыре недели, и, если подумать, это как-то странно. Мы с ним знакомы всего полгода, но я знаю, что он хороший. Он уже был женат, и у него есть ребенок – прелестная белокурая девочка. Он как раз гулял с ней, когда в самом начале мы встретились, и я постаралась вести себя с ней так, как будто это моя дочь. Еще у него была шведская *girlfriend*[69], потрясающе красивая. Не понимаю, как он мог влюбиться в меня после нее. У них тоже есть общая дочь, и тоже очень хорошенькая и беленькая. Она еще совсем маленькая, ей всего два года. Мне кажется, он переживает из-за того, что не увидит, как она растет, – в смысле день за днем и час за часом. На каждой новой фотографии, которую он получает, она прибавляет по 15 сантиметров. По-моему, он очень рад, что у него две дочки. Будь я на его месте, я бы тоже этому радовалась. Меня нисколько не огорчает, что в его жизни были эти две женщины. Он сам мне про них рассказал в первые пять часов нашего знакомства, поэтому я принимаю его таким, какой он есть, как ребенок принимает все, считая это нормальным. Тот факт, что одна из девочек родилась вне брака, в наши дни уже никого не шокирует. Он намного старше меня, и это замечательно: ему 32 года, а мне 18, и он ведет себя со мной очень предупредительно. Иногда я на него немного дуюсь, потому что очень его люблю и хочу, чтобы мы проводили вместе больше времени. Весь день я чувствую себя как на иголках, мне не терпится его увидеть, а вечером, когда я прихожу домой после репетиций в этом ужасном «Отеле „Цветок страсти“», я просто счастлива. Меня переполняет энергия, которой ему, бедняжке, уже не хватает, и он просит меня успокоиться; тогда я плачу как дура, но только потому, что не могу видеть его постоянно, и мне кажется, это добрый знак.

18 ноября

День начался плохо. Утром я играла, но была печальная и холодная. Мне не терпелось позвонить Джону, но он не ответил на мой звонок. Мне стало совсем грустно, и я отыграла второй спектакль. Джон сказал, что позвонит мне или зайдет за мной, и я переодевалась как в горячке, а потом почти полчаса сидела, его ждала. Возле театра дежурили двое полицейских – те же самые, которые были в понедельник вечером, когда Джон за мной так и не заехал. Я два часа простояла на холоде. Они меня дразнили: «Что, жизнь уже не так прекрасна, как раньше, а? Никто не подает автомобиль? Он, наверно, с кем-нибудь развлекается!» И так далее и тому подобное. «Ничего подобного, – ответила я, – он мне звонил». На самом деле никто мне не звонил. Я взяла такси и попросила водителя ехать как можно быстрее. Дома я еще раз ему позвонила, но никто не брал трубку. Тогда я оделась как можно сексуальнее – черные чулки и все такое, как в прошлый вечер, и села в якобы непринужденной позе, а сама прислушивалась, не шумит ли лифт, чтобы не пропустить прихода Джона. Так прошло полчаса. Я позвонила в ресторан «Ла-Попот», и мне сказали, что Джон ушел час назад. Я уже начала беспокоиться, даже вышла на балкон. Я злилась на себя за то, что мне без него так плохо и так одиноко. Я смыла макияж и села на кровать. Между двумя спектаклями я уже звонила в «Ла-Попот» и знала, что Джон заказал столик на двоих на 21 час, но сейчас его не было ни в ресторане, ни дома. Я уже была на грани слез, когда хлопнула дверь. Дж. прошел сразу в ванную, он был мертвецки пьян. «Где ты был?» – спросила я. «С женщиной», – ответил он. Я решила, что он шутит, но он повторил это еще раз. От шока я чуть не разрыдалась, а он сказал: «Ты же не хочешь, чтобы я тебе лгал?» Я весь вечер его ждала, а он развлекался с другой женщиной. «Извини, – добавил он, – не заметил, как пролетело время». Это было еще хуже. Ты не заметил, как пролетело это чертово время? Он сказал, что я не знаю всех обстоятельств дела и с моей стороны глупо плакать. У меня вновь вспыхнула надежда, что он пошутил, а на самом деле был со своей матерью или со своей секретаршей, но он уточнил, что встречался с Эдиной Ронай, – сногсшибательной блондинкой в стиле Брижит Бардо – про которую все знали, что она – девушка Майкла Кейна. Он сказал, что собирался ужинать с Ником и Эдиной, но Ник не смог прийти, поэтому они ужинали вдвоем, а потом он проводил Эдину домой. Представляешь, каково мне было это слушать? Какое унижение! Я вовсе не подозревала Джона в неверности, дело было совсем не в этом, просто я не могла не думать, что, пока я дрожала от холода и лила слезы, он спокойно ужинал. Джон велел мне прекратить нытье и идти спать.

Когда я вставала с постели, налетела на дверной косяк. Теперь у меня под глазом синяк, а в сердце тоскливый вой. В ярости я вышла в коридор. На кухне разбила в раковину яйца и принялась скорлупой драть себе ноги, пока не пошла кровь. Мне было очень плохо. Потом я вернулась в постель. «Прекрати!» – буркнул Джон и добавил, чтобы я перестала хныкать и ради всего святого дала ему поспать. Мне хотелось с ним поговорить, объяснить ему, что я не могу так долго сидеть одна… Я встала, пошла к мини-бару и достала херес и портвейн в надежде напиться. Но тут в гостиную влетел Джон и заорал, чтобы я шла спать, потому что он устал и ему надо выспаться. Кажется, после этого я уснула. Не знаю, почему я вечером так взбесилась. Просто чувствовала себя ничтожеством, и мне было очень грустно.

На следующее утро

По дороге в театр настроение у меня не улучшилось. Меня не покидало ощущение, что я в любую минуту могу разреветься. Завтра в 11 утра у меня фотосессия. Надеюсь, что синяк под глазом к этому времени пройдет, а мои свинячьи глазки раскроются. Чувствую я себя ужасно. Вчера вечером мне было так плохо, а утром я лежала рядом с Джоном и дрожала. Он ворочался во сне. Только что я ходила на прием к доктору Роберту, что всегда дается мне нелегко. Мы с ним просто поговорили. Он сказал, что не видит ничего страшного в том, что у меня кровит, возможно, месячные пришли немного раньше срока, но я объяснила, что после этой кошмарной недели чувствую себя отвратительно. Тогда он сказал, что, возможно, я беременна и это начало выкидыша.

Декабрь

Дорогой Джон!

Мне так хочется с тобой поговорить, но ты спишь. Я очень странно себя чувствую, но сама не могу объяснить почему. Если бы я это понимала, мне не было бы так плохо. Мой разум сейчас похож на сорную траву, которая все собой заполонила, и все, чего мне хочется, – это от нее освободиться. Я чувствую, что способна причинить себе вред. Я вижу стакан и думаю, как его разбить, чтобы порезаться осколками. Это не значит, что я мечтаю о смерти, – я вовсе не хочу умирать, потому что я тебя люблю и у меня масса причин продолжать жить, но иногда, когда ты спишь, а я понимаю, что так и не сумела рассказать тебе о том, что я чувствую, единственным способом – отвратительным способом – вернуть себе душевное спокойствие остается возможность в кровь разодрать свою кожу, чтобы боль вытеснила печаль. Опять я

плачу – от одиночества, от того, что я с тобой, но мне все равно одиноко. Больнее всего то, что я не способна с тобой поговорить. Порой мне кажется, что я задыхаюсь, мне хочется запереться в туалете, сесть на унитаз и выть, пока не лопнут легкие, и до крови исцарапать себе руки и ноги. Я замужем, я живу с мужчиной, но меня убивает недостаток общения. Я не могу выразить словами, до какой степени я тебя хочу, люблю, до какой степени ты мне нужен. Бывают минуты, когда моя любовь к тебе так сильна, что причиняет мне боль, и тогда я говорю себе, что лучше бы я перестала дышать. Мне должно быть безразлично, что тебя нет дома, что ты проводишь время с кем-то другим, что ты меня не замечаешь и не разговариваешь со мной, а если разговариваешь, то кричишь на меня. Раньше мне было плевать на людей, которые так себя ведут, но с тобой все иначе. С тобой все это делает меня несчастной. Прости, что я так нетерпелива в своей любви. У тебя столько дел, что ты, как мне кажется, вообще не придаешь значения тому, что мы почти не видимся. Я стараюсь, это правда, я внушаю себе: он работает, он дал слово, у него обязанности, он за многое отвечает, к тому же скоро он закончит, но вокруг меня молчание одиночества и пустыня вопросов, на которые нет ответов. Меня так легко обидеть. Я так безнадежно тебя люблю, что вынуждена плакать и делать себе больно, потому что в темноте спальни, когда я слушаю звуки твоего дыхания, меня охватывает паника одиночества.

Дорогой Джон, я люблю тебя. Я очень хочу сказать тебе обо всем, но не могу, потому что это всегда некстати. У меня был выбор – написать об этом или взорваться изнутри. Я решила написать.

Без даты

В 1965 году, учитывая рост преступности, вспыхнула дискуссия о возможности вернуть смертную казнь. Я всегда была против смертной казни – я и сейчас против. Хладнокровно приговорить человека к смерти? Я убеждена, что это недопустимо и глубоко неправильно с моральной точки зрения. Я не верю в ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб». Когда-то давно отец сказал мне одну вещь: «Если ты сама не способна это сделать, нельзя перекладывать эту ответственность на кого-то другого».

* * *

С раннего детства я сопровождала отца на манифестации

против смертной казни и писала письма в министерство внутренних дел. Позже, переехав во Францию, к Сержу, я продолжала делать то же самое уже с Сержем. В редакции газеты *France-Soir* я познакомилась с Робером Бадентером и написала статью «Браво», адресованную присяжным из Труа, участвовавшим в суде над Патриком Анри. Я полагала, что этот процесс ознаменует отмену смертной казни во Франции. Серж говорил, что ему на все это плевать, и мне даже кажется, что моя активность его раздражала, хотя он все-таки помог мне написать письмо президенту Жоржу Помпиду.

* * *

Без даты

Все, чего я сейчас хочу, – это ребенок. Пока это только мечты, что неудивительно, учитывая, что мы спим вместе не чаще трех раз в месяц. Моя жизнь представляется мне ненормальной: играть с самой собой, когда ты замужем, представляется мне унизительным, и я чувствую, как у меня портится характер. Меня потихоньку душит чувство, что я нелюбима и нежеланна. Джон всегда говорил по поводу Уллы: «Мы постарались сделать ребенка». Я думаю, что это правда, с ней он и в самом деле очень постарался, чего не скажешь обо мне. У меня паршивое настроение. Почему? Потому что у него никогда нет на меня времени? Или потому, что он не хочет, чтобы я – в отличие от Уллы – родила ему ребенка? Или я больше не внушаю ему страсти? Я не могу с ним даже поговорить, а мне надо ему сказать, что мне одиноко и это приводит меня в отчаяние, но каждый раз, когда я пытаюсь объяснить ему, что у меня на уме, он только отмахивается и бросает: «Давай не сейчас». Очень хорошо. Только я боюсь, что, если мы не поговорим прямо сейчас, потом будет поздно. Мне 19 лет, и я чувствую себя старухой. Мне нужно немножко любви, чтобы быть счастливой, но у него нет времени на любовь. Это превращается у него в привычку. Никогда бы не подумала, что со мной такое случится. Я плачу каждую ночь. Он ничего мне не прощает. Если я что-нибудь сделаю не так, он никогда не скажет: «Не переживай! Когда я был моложе, я тоже делал глупости! Так что не волнуйся! Я люблю тебя несмотря ни на что!» От него таких слов, а еще лучше – поцелуя – не дождешься. Сейчас я сплю в другой комнате, одна, потому что бужу его своим плачем. Он меня не утешает, не гладит, не целует. Пробурчит: «Заткнись, чтоб тебя!» – и перевернется на другой бок.

Завтра утром я проснусь и попрошу у него прощения. Не знаю

почему, но мои опухшие глаза заставляют его делать вывод, что я в чем-то виновата. Потом он скажет: «Чай?» – и я пойду на кухню его заваривать и принесу ему газеты. Он прочтет одну, за ней вторую… Я наполню ему ванну, он побреется и примет ванну. Все в том же унынии я провожу его до дверей. Он бросит мне: *«Cheer up!»*[70] – и испарится. Я выйду на балкон помахать ему на прощание рукой, его фигура скроется вдали, а я опять буду плакать. Делать мне будет нечего. Я нарочито медленно вымоюсь и оденусь. Мне совершенно НЕЧЕГО делать весь длинный день. Работы у меня нет. Возможно, я пойду на очередной урок вождения, или схожу в гости к кому-нибудь такому же одинокому, или отправлюсь тратить деньги. Может, навещу папу, и он меня развеселит. Обычно он тоже целыми днями сидит один.

Джон скажет: «Я позвоню тебе ближе к обеду. Ты будешь дома?» Я подумаю: «Может, да, а может, и нет». Не исключено, что я даже произнесу это вслух, но на самом деле я буду сидеть на месте, потому что я его люблю и хочу слышать его голос. Правда, я не думаю, что он расстроится, если меня не будет дома; зато я точно расстроюсь. Мне грустно и плохо. Все, что я сейчас могу сказать, – это что я его люблю, хотя моя гордость страдает оттого, что я до такой степени его люблю и беспрестанно задаю себе вопрос: «А он любит меня так же, как я его?» Или еще хуже: «А он любит меня так же, как любил других женщин?»

Послушай, даже когда он спит, а я терзаю себя подобными вопросами, я ему не нужна. Я надеялась, что он будет настаивать, чтобы я спала с ним, но, знаешь, это не так. Я понимаю, что замыкаюсь в себе, становлюсь холодной, заледеневшей изнутри, состоящей из раненого самолюбия и неосуществленных желаний. Я становлюсь мелодраматичной. Это опасное ощущение, оно питает не поддающиеся контролю чувства и эмоции, и с ним надо покончить. Сделать это может только Джон. Но как это осуществить, если мы вообще не общаемся, а у него нет времени на чувства?

Ты так нужен мне, Джон, я так тебя люблю, пожалуйста, не дай мне засохнуть. Джон, я люблю тебя. Я знаю, что должна не реагировать на происходящее в настоящем, а думать о будущем, но какое у меня будущее? Работа? У меня нет ничего стоящего, ничего такого, чем я дорожила бы больше, чем тобой. В том-то все и дело. А что до остального… Я боюсь одиноких дней и часов, ничем не заполненных, бесполезных минут, вместе с которыми утекает моя жизнь. Я способна на большее, у меня есть мозги, воображение и чувства, я люблю людей, но у меня должна быть цель. Если бы у меня был ребенок, больше я ни в чем не нуждалась бы. Во всяком случае, я стала бы добрее.

1966

Понедельник 3 января

В субботу закончили работу над «Отелем „Цветок страсти“». Она была не слишком утомительной, но все же я рада, что целую неделю ничего не буду делать, а 11-го мы уезжаем в Нью-Йорк. Не знаю, какую работу буду искать потом. На вечеринке встретила Уоррена Битти; он сказал, что видел меня в Риме с Джоном. Я ему нравлюсь; он расточал мне комплименты и без конца говорил про меня Джону всякие любезности. По его словам, я умею смешить и он подумывает о том, чтобы предложить мне роль в своем будущем фильме. В субботу он был на утреннем представлении «Отеля…», но таинственным образом исчез после антракта. Джон повел себя очень мило, потому что я решила, что спектакль провалился, а Уоррен счел меня бездарью. Правда, Джон от кого-то слышал, что Уоррен раздает обещания направо и налево, но никогда их не исполняет. Джон – сама доброта. О, чуть не забыла: я познакомилась с Питером О'Тулом. Он просто чудо, как и его жена. Мы проговорили до трех часов ночи.

Воскресенье, утро

Позвонил Уоррен. Сказал, что ушел в антракте потому, что ему надо было позвонить режиссеру и продюсерам, но, поняв из разговора, что у них сейчас Чарли Чаплин, решил к ним присоединиться. Вроде бы Чарли Чаплин хорошо обо мне отозвался. Там они и застряли и не пришли на второе представление, и это к лучшему, потому что оно было последним, на всех нас напал дурацкий смех, и мы играли кое-как. Все же это лучше, чем услышать похвалу от С.С.

Пятница, Брайтон

Только что посмотрела спектакль с маминым участием. Она была блистательна – живая, органичная, – и пьеса мне понравилась, хотя я готовилась к худшему. Сэр Ральф был восхитителен, его игра меня по-настоящему растрогала. Мы с мамой прошлись до побережья – прекрасная прогулка. Я, как была в черных шерстяных чулках, зашла в воду, позволив прибою замочить мне ноги, и умылась морской водой. Мы с мамой проговорили до четырех часов утра. Это было замечательно. Я совсем не чувствовала усталости и не заметила, как пролетело время. Как же я ее люблю.

Какое-то время мне казалось, что все настроены против меня, а она – больше всех. Я думала, что она меня не любит и завидует

моей свободе и той легкости, с какой я без всяких видимых усилий отвоевала себе место под солнцем. Меня не покидало чувство, что она ревнует меня к отцу, которого я обожаю, а его упрекает в том, что он постоянно оказывает мне знаки внимания. С моей стороны это был чистый эгоизм, и сейчас я понимаю, что, бесконечно жалея себя, наносила ей глубокую обиду. Должно быть, она чувствовала себя брошенной и никому не нужной – и все из-за меня. Я понятия не имела, что она только и говорила что обо мне, и волновалась из-за всего, что со мной происходило. Своей холодностью и равнодушием я как будто отхлестала ее по щекам. Подозреваю, что жизнь у нее была несладкая, и она, наверное, часто чувствовала себя одиноко. Я помню, что она поддержала меня, когда я сказала, что хочу стать актрисой; с тех пор папа твердит, что она чуть ли не принудила меня пойти на сцену. Она даже не пыталась защищаться, а я попросту забыла о ее существовании, о ее любви, ее помощи и ее потребности быть частью моей жизни. Она такая гордая… Она все всегда держит в себе, никогда ни о чем не говорит, пока ее не доведут до кипения, и только тогда она выплескивает наружу всю горечь обид, которые пожирают ее изнутри. До чего же легко причинить боль тому, кто так тебя любит. Так у нас все и шло. Видимо, у меня в голове сложилась совершенно превратная картина: мама вечно всем недовольна, она ко мне несправедлива, ну и ладно, я тоже буду с ней холодна, все равно я всегда все делаю не так, а она никогда меня не понимала… Оказывается, она страшно переживала из-за того, что я не приглашаю ее к нам. Какое счастье, что эту ночь мы провели вместе. У меня ощущение, что теперь я наконец-то ее узнала, и это прекрасно.

Мама сказала, что утром ей звонил ее режиссер. «Это твою дочь мы видели в театре?» – спросил он. Мама подтвердила, и тогда он сказал: «Так я и думал. Я сидел рядом с прелестной девочкой с удивительно черными глазами и длиннющими ногами в черных чулках; я заметил у нее на пальце обручальное кольцо и подумал, что она слишком юна, чтобы быть замужем. Под креслом у нее стояла огромная корзина. Через некоторое время из корзины донеслось тиканье. *Curioser and curioser*[71]. Замужнее дитя с корзиной, в которой тикает бомба… Я понял, кто она такая, по твоему описанию: малость с приветом, очень молодая, ходит с огромной корзиной».

Без даты

Вчера вечером я выставила себя в глупом свете. Мы с Ником и Джоном пошли ужинать в «Кассроль». Не знаю почему, но разговор зашел о бывших подружках Джона, и я повторила то, что

уже говорила не раз: что я хочу увидеть фотографию Уллы. Джон пришел в ярость и сказал, что прошлое осталось в прошлом и что он в любом случае не желает, чтобы я на нее смотрела. Ник добавил, что он прав и что я все разрушаю. Джон спросил, до каких пределов доходит мое любопытство, и я ответила, что считаю свой интерес нормальным – я же не собираюсь над ней издеваться или что-нибудь в этом роде, – и что отношусь к ней с большой симпатией. Мне грустно, что у меня не такая фигура, как у нее, но, если нельзя быть такой же красивой, имеет смысл быть хотя бы другой. Готова спорить, что Джону хотелось бы посмотреть фотографии моих бывших дружков, если бы они у меня были или если бы я от одного из них родила ребенка. Как бы там ни было, я заявила, что больше не буду об этом говорить и самую память об этом поставлю в рамку с черным траурным кантом. Джон за весь вечер не сказал мне больше ни слова. А мне всего-то и нужно было, что услышать от Джона: «Я люблю тебя, ни о чем не беспокойся». Но он этого не сделал, а потом сказал, что плохо себя чувствует и хочет спать. Он и правда заснул сразу, как только лег. Я шептала ему: «Ты меня любишь? Ты меня понимаешь?» Но он спал и меня не слышал. В комнате было темно, ледяная луна тактично удалилась, уступив место серому туману. Голова у меня гудит от ночных обид. Я утратила свою мечту.

* * *

От Трейси Рид – дочери Кэрола и Пемпи – я услышала, что Микеланджело Антониони проводит в одной из студий в окрестностях Лондона пробы к фильму «Фотоувеличение». Там была большая черная стена. Мне дали кусок мела и попросили написать свое имя. Через каждые три буквы меня поворачивали в профиль, чтобы убедиться в моей фотогеничности. Происходило это так. Я написала: J, A, N – профиль; E, B, I – профиль. Вошел какой-то итальянец и сказал: «Крупнее! Напишите свое имя как можно более крупно!» Я начала сначала: J, A, N – профиль; E, B, I – профиль. «Это так вы хотите получить роль? – спросил итальянец. – Вы считаете себя такой великой, что пишете свое имя такими огромными буквами?» От смущения я не нашлась с ответом, хотя должна была ему сказать: «Вы же сами меня об этом попросили! Или меня пробуют на роль политической активистки? Типа *Ban the Bomb!*[72]?» Итальянский синьор гнул свое: «Вы что, рассчитываете таким образом обольстить режиссера?» Тут я не выдержала и расплакалась. Тогда ко мне подошел другой синьор,

очень элегантный, с приятными манерами, и сказал: «Это все, что я хотел видеть». Это был Антониони. Он дал мне несколько страниц сценария, велел ехать домой и хорошенько подумать, потому что сниматься предстояло совершенно обнаженной. На размышления он дал мне несколько дней. Дома я обо всем рассказала Джону Барри, и он сказал, что у меня ни за что не хватит на это духу, потому что я всегда выключаю свет, когда раздеваюсь. Впрочем, он добавил, что Антониони – великий режиссер, о чем я понятия не имела, и что если уж сниматься голой, так только у него, потому что игра стоит свеч. Но я все равно не осмелюсь. Я осмелилась.

Я провела несколько незабываемых дней с Джиллиан Хиллс. Во всем «веселящемся Лондоне» Антониони не смог найти для нас костюмы и сам нарисовал эскизы наших платьев и туфель, он же был архитектором. Ее одели в розовые, а меня – в зеленые колготки; меня перекрасили в блондинку, а ее – в брюнетку. Для нас съемки начались в небольшом домике. Мы снимались с Дэвидом Хеммингсом, который вел себя как ангел. Когда я пыталась спрятаться от камер, которых насчитывалось по меньшей мере три, он сказал мне: «Скорее уж вам следовало бы прятаться от меня». Уличные мальчишки забирались на фонари, чтобы подсмотреть, что происходит на площадке, где как раз снимали сцену с документами. Антониони проявил себя настоящим перфекционистом. Помню, как он накричал на гримершу, у которой не оказалось под рукой пульверизатора, чтобы изобразить пот. Она думала, что просто нанесет капли влаги на лицо Дэвида рукой, но Антониони моментально это заметил. Он страшно злился, если кто-нибудь хоть на сантиметр передвигал предметы мебели, которые он расставил в точном соответствии со своим замыслом; а он тщательно обдумывал абсолютно все, ничего не оставляя на волю случая. На самом деле в «Фотоувеличении» мы с Джиллиан Хиллс служим своего рода отвлекающим маневром, средством подчеркнуть, как растет напряжение Дэвида Хеммингса, пока он проявляет свои фотоснимки. Я помню один план из фильма, который преследует меня всю жизнь: я в сумерках иду через парк, поднимаю глаза к кронам деревьев – картинка практически черно-белая – и слушаю вой ветра в листве; затем мой взгляд скользит вниз по древесному стволу, и я с ужасом понимаю, что сейчас он наткнется на фигуру Ванессы Редгрейв, склоненную над мертвым телом.

Джон Барри обрадовал меня, когда рассказал, что в Нью-Йорке очередь перед кинотеатром, где шел фильм, тянулась вокруг всей площади Таймс-сквер, а киномеханики вырезали из

ленты кадры, запечатлевшие нас с Джиллиан в обнаженном виде. Если я не ошибаюсь, это был первый случай, когда в кино целиком показали обнаженное тело. Газеты подняли страшный скандал. Ко мне прилепилась кличка «Джейн Фотоувеличение Биркин». Она не отлипала от меня до того момента, когда я превратилась в «Джейн Я-тебя-люблю Биркин». В 1967 году, когда фильм показали на Каннском фестивале и он получил Золотую пальмовую ветвь, я была беременна Кейт и уже ходила с необъятным животом. Заранее напуганная шумихой, я отправила мать посмотреть «Фотоувеличение» в кинотеатре на Кингс-Роуд, но она, как всегда, оказалась на высоте: «Это прелестно! Вы там как две девочки в городском бассейне!» Я испытала огромное облегчение. Никто меня не узнал. Фильм не принес мне никакой славы, никто не засыпал меня предложениями новых ролей, зато несколько месяцев спустя у меня появилась Кейт.

* * *

Калифорния

Сегодня я впервые за пять дней выбралась на калифорнийский пляж, потому что наконец-то установилась хорошая погода. До того шел дождь и висел туман. Говорят, здесь это часто бывает. Я не особенно надеюсь загореть, но все равно приятно. Рассчитываю завтра вернуться домой. Страшно скучаю по Джону. Он сказал, что загорел и похорошел, хотя провел в Истбурне всего пару дней или что-то в этом роде. С ума сойти, гр-р-р-р…

В четверг я ходила к Тони Кёртису на пробы к фильму «Не гони волну». Не знаю, подойду я им или нет. Вроде бы они остались мной довольны, но у меня такое ощущение, что им нужна звезда – они придают огромное значение громким именам. Не исключено также, что я слишком молодо выгляжу, а они не хотят иметь проблем – мне на вид не больше шестнадцати лет. Не знаю, чем все кончится.

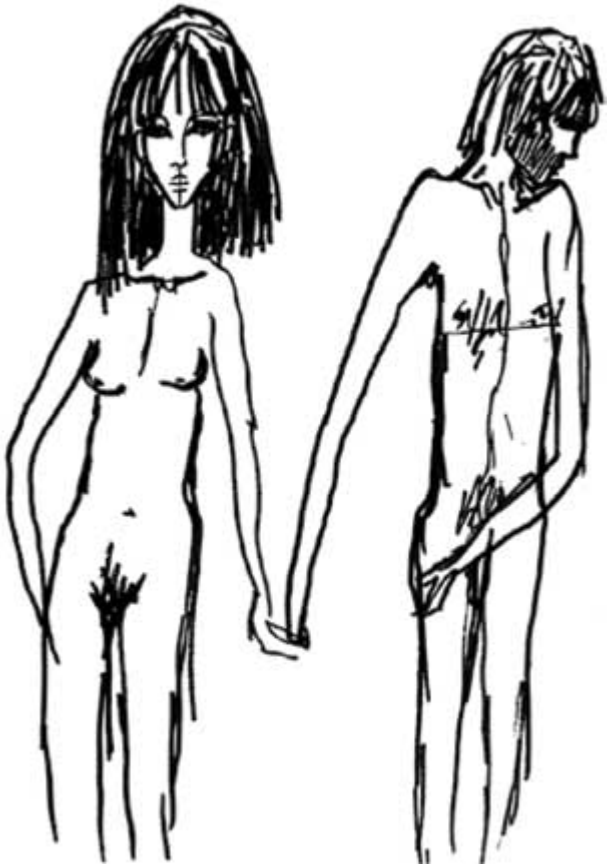
Лондон

Вчера провела восхитительный вечер с Дж. Никаких ссор, никаких споров. Я уж думала, что сегодня к обеду между нами наконец-то произойдет какое-то сближение. В четверг Дж. снова уезжает. У него это успело войти в привычку, вот я и подумала, что хотя бы накануне отъезда он проявит ко мне немного внимания. Но я почти его не видела. Он все время работал. Вчера он ни разу меня не обнял, даже не сказал: «Привет» – только

читал, а потом лег спать. Я одинока и несчастна. Он уезжает как минимум на неделю – и это всего пять дней спустя после моего возвращения из Америки. Не знала, что меня ждет такое одиночество.

11 декабря

У меня будет ребенок. Какое странное чувство. Всего девять месяцев – и пожалуйста. У меня было ужасное предчувствие, что я никогда не стану матерью. Я так на это надеялась и так часто делала вид, что не верю в возможность забеременеть, – что впору сунуть себе под платье мячик, чтобы извлечь его перед тем, как принять ванну, признав, что все это – вранье. В детстве перед сном я могла часами размышлять о том, как это будет – идеальный дом, семеро детишек… Я воображала, какие у них будут волосики, какие глазки… В моем представлении они были полным совершенством. Мама сказала, что в свое время занималась тем же самым. У нее было для обозначения этого особое словечко – *thinkums*[73]. Я боялась засыпать, потому что во сне теряла контроль над своими планами: моих любовников могли убить, мой дом разрушить, моих детей стереть с лица земли. Сейчас, когда у меня начал расти живот, я испытываю постоянную потребность его трогать. Как же это чудесно – перестать по-идиотски витать в облаках и растолстеть по-настоящему, и не только потому, что я нарочно выпячиваю живот. У меня болит грудь, и это доставляет мне огромное удовольствие. Странно будет рожать. Во всяком случае, так было, когда я перед зеркалом изображала родовые схватки и так в это верила, что на глазах появлялись слезы.



В поезде по пути в замок Меркюэс

Сейчас 18:10, на место я должна прибыть около полуночи. Журнал *Elle* прислал очень милого сотрудника по имени Франсуа, который проводил меня на вокзал. Я дала ему денег, в пересчете на наши примерно фунт, чему он очень удивился. Но он правда был чрезвычайно предупредителен, и без него я ни за что бы не нашла нужный вагон.

Выясняется, что быть замужем – очень полезно, и я стараюсь всем демонстрировать свое обручальное кольцо. С ним я, как мне кажется, выгляжу гораздо старше, тогда как раньше чувствовала себя более уязвимой. Поскорее бы в купе появились два остальных пассажира: пока что здесь только я и какой-то мужчина, который делает вид, что читает газету, а сам разглядывает меня. Я знаю, что, когда стемнеет, я буду умирать от страха. Ненавижу путешествовать в одиночку. Интересно, как пройдет фотосессия. На вокзале меня должна встречать Инид – мать Ингрид. Если я не ошибаюсь, она возглавляет отдел моды в *Elle*. Ну, хоть одно знакомое лицо! Я пыталась дозвониться до миссис П., но на линии был слышен только какой-то неясный гул.

Полагаю, их никого не было дома. Я все время думаю, скучает ли по мне Джон. Я жутко по нему скучаю и даже взяла с собой его майку, в которой собираюсь спать, но ему ничего не сказала – он наверняка решит, что я слишком сентиментальна. Как чудесно – знать, что у тебя внутри растет ребенок! Пока еще ничего не видно, но я-то знаю, что он там есть, и постоянно повторяю про себя: «Будь что будет, но он уже во мне и я его люблю». Если я его потеряю, то умру от отчаяния. Надеюсь, что Джон его полюбит, даже если он будет не такой прекрасный, как двое других его детей, и будет совсем на них не похож…

1967

Рождение Кейт. «Baby Book»

Все началось 7 апреля, незадолго до полуночи.

Я шла по Кингс-Роуд, собираясь на чай к маме и папе, и упала. По-видимому, это и послужило толчком. Шагала я довольно быстро, чтобы отвязаться от вроде бы безобидного, но совершенно пьяного старикашки, который все пытался со мной заговорить и почти кричал. Мне было неловко, потому что вокруг было полно народу. То ли я поскользнулась, то ли попала каблуком в щель в тротуаре – во всяком случае, именно об этом твердил старик, пока я валялась на земле, выставив себя на всеобщее обозрение: «Надо подать жалобу! Она из-за этого упала!» Два молодых парня помогли мне подняться. Они боялись, что я начну рожать прямо у них на глазах. Они усадили меня и предложили зайти выпить чаю, но эта история так меня смутила, что я постаралась поскорее оттуда убраться. Быстро купив то, что мне было нужно, я взяла такси и поехала к маме с папой. Когда я вернулась домой, Джон брился. Я приготовила ужин и вымыла голову. Пару раз за вечер я почувствовала острую боль в области живота, но в последнее время ребенок так брыкался, что я не придала этому значения. Мы довольно рано легли спать. Джон принял снотворное и мгновенно заснул как убитый. Мне не спалось, и я взяла книгу доктора Спока. Живот у меня затвердел, и появились болезненные ощущения, но вполне терпимые. Я кругами ходила по комнате с часами Дж. в руках и замеряла промежутки между схватками. Я дважды пыталась его разбудить, но он спал очень крепко. Когда до меня дошло, что происходит, схватки повторялись через каждые пять минут, с завидной регулярностью, не то что недавнее беспорядочное покалывание. Тогда я поднялась этажом выше, чтобы позвонить в лондонскую клинику… Для этого мне пришлось набраться храбрости, но все я это сделала. Когда боль отступала, я забывала, какой сильной она была, и думала, что, может быть, я зря волнуюсь. Как бы там ни было, я дозвонилась до медсестры в роддоме. Пока она искала акушерку, меня настигла очередная схватка. Они сказали, что подготовят мне палату. Я спустилась вниз, надела платье, чуть-чуть подкрасилась, чтобы не быть похожей на чудовище, и разбудила Джона. Он с трудом разлепил глаза. Ему стоило неимоверных усилий подняться, но в конце концов он встал, и мы поехали в роддом, прихватив мой чемодан и Манки. Из подъезда я вышла в таком возбуждении, что даже не удивилась, увидев рядом с нашей машиной еще одну, белую, и двух типов, только

подумала, что нас, кажется, собираются ограбить. Типы посмотрели на меня с изумлением – еще бы, человеческая гора, которая стояла на тротуаре, корчась в схватках. Они быстро смылись, но рядом с нашей машиной мы обнаружили шланг и канистру. Оказывается, они воровали у нас бензин! На меня напал сумасшедший смех. Я успела посмотреть на номера машины, на которой они удирали, в надежде, что их будет легко поймать, и, разумеется, увидела, что номера иностранные. Мы погнались за ними, чтобы вернуть свой бензин. На Понт-стрит мы остановились возле телефонной будки, я позвонила в полицию и сообщила номера машины, после чего мы поехали на заправку на Парк-лейн, поскольку остались практически без горючего. Это было по пути к больнице. Меня положили на кровать. Дж. мне помог, потому что боль становилась все сильнее. Медсестра ощупала мой живот и сказала: «О да, прекрасные схватки!» Мне дали четыре таблетки. Потом меня побрили. Помню, что я морщилась, глядя на Джона, – это был момент, которого я боялась больше всего. Я смущенно хихикала, потому что Джон тоже морщился и корчил рожи… Схватки достигли невероятной интенсивности, мое дыхание стало прерывистым. Джон напомнил мне, что я должна делать упражнения, но у меня не было сил, остался только страх перед очередной схваткой. Они уже шли по две без перерыва, потом – по три, потом слились в одну мучительную схватку. Бедный Джон сидел рядом со мной, вжавшись в кресло, он выглядел измученным. Он мог бы уйти, и в какой-то ужасный момент мне показалось, что он так и сделает. Присутствовавшая при этом монахиня уговаривала его удалиться, но медсестра сказала: «Если хотите, можете остаться», и он остался, чему я обрадовалась – без него я бы не справилась. Помню, что я с шумом дышала, а когда боль достигала пика, у меня мутилось сознание и становилось очень страшно. Джон держал меня за руку и заставлял меня дышать ровнее. Если бы не он, я бы, наверное, сошла с ума. Дальнейшее я помню смутно. Кажется, я сказала Джону: «Пока, *fatty*[74]!» Потом мне велели тужиться, и это было самое сильное из всех физических ощущений, какие я когда-либо переживала; наверное, мне было очень больно, но я помню только приказ тужиться; вроде бы я вела себя не очень мужественно и даже слегка задохнулась, во всяком случае, позже мне сказали, что я устроила то еще представление; еще я помню, что отчаянно за кого-то цеплялась, и анестезиолог что-то сказал насчет цвета волос у ребенка; я была уверена, что он сказал «темные», но он утверждал, что сказал «светлые» и что у меня девочка; я была как пьяная и не чувствовала своего лица; мистер Шнайдер сказал: «Смотрите-ка,

кто тут у нас». Это был Джон. Я ужасно его люблю.

Кейт[75] весит 3 кг 200 г, и это очень много и хорошо. Она была просто прелесть, с челкой темных волос и огромными синими глазами, на правом зрачке у нее была черная полоска, и я сразу сказала, что, когда она вырастет, это придаст ей неотразимый шарм. Она постоянно улыбается, хотя ей всего неделя от роду. Пэмпи сфотографировала ее с этой улыбкой. Ест она просто прекрасно, и для меня это спасение. У меня так много молока, ты даже себе не представляешь, насколько много… Через три дня после ее рождения Джон пришел сообщить мне, что он получил два «Оскара». За лучшую музыку и лучшую песню[76].

Джону разрешили отвести нас поужинать в городе, что он и сделал в пятницу. Он так страстно поцеловал меня в губы, что у меня чуть грудь из выреза платья не выскочила.

Мы с Кейт выписались из больницы в субботу или в воскресенье. Когда она вдохнула вольного воздуха, то произнесла: «О-о-о-о!» – и я была так горда, что мне хотелось крикнуть на весь мир: «У меня родился ребенок! У меня есть маленькая дочка!»

У нее самые красивые на свете ручки. Сначала она казалась немножко сморщенной, но все равно оставалась самым красивым ребенком в роддоме – правда, и самым крикливым! На Майорке она вела себя превосходно. Мы взяли с собой Бекки, нашу няню, но я старалась возиться с ней сама. Я стала ужасной собственницей. Кормить Кейт грудью я перестала, когда ей исполнилось три месяца, потому что мы с Джоном уезжали в Лондон на премьеру фильма «Живешь только дважды». Мы вернулись на следующий день. Когда она меня увидела, то не улыбнулась мне. На самом деле она расплакалась, и это меня напугало, встревожило и лишний раз убедило, что я должна сама заботиться о Кейт.

2 мая

Джон записывает песню с Нэнси Синатрой, а я жду его звонка. Странный денек. Я боялась встречи Джона с сексуальной Нэнси – я имею в виду, что она пожирательница мужчин, а Джону только того и надо, – и знала, что он начнет с ней отчаянно флиртовать. В качестве талисмана он взял с собой пинетку Кейт. Мне кажется, он немного трусит из-за песни, но я уверена, что песня гениальная и они отлично сработаются.

Майорка

Сижу на бортике бассейна. Солнце не печет, хотя совсем не холодно. Кейт с каждым днем становится все краше и часто улыбается, особенно если ей пощекотать губки или грудку. Прелесть моя. Она еще в роддоме пыталась поднимать головку, и все медсестры в один голос твердили, что она отлично двигает шейкой, ручками и ножками. Сейчас, когда она улыбается, она улыбается по-настоящему, и смотреть на нее одно удовольствие. Я могу часами держать ее на руках и наслаждаться, глядя на нее. Вот она открыла ротик и вздохнула, но продолжает спокойно спать. Недавно она немного поплакала во сне, и мне стало не по себе. Ужасно видеть, как ее крохотное личико все сжимается. Когда она кричит, то делает это с такой яростью, что на меня нападает смех. Она уже умеет заливисто смеяться – подозреваю, что эту манеру она переняла у Бекки, – но все же для двухмесячного младенца это необычно. Бекки говорит, что никогда еще не видела, чтобы такой маленький ребенок умел так смеяться. Ручки и ножки у нее стройные и очень красивые – как у Джона.

Я уверена, что она так или иначе станет актрисой. Крестить ее мы будем здесь, в частной часовне. Предполагается, что крестный отец и крестная мать должны быть католиками, но в нашем случае ничего подобного не будет – ни Эндрю, ни Линда

никакие не католики. Возможно, мне предстоит выслушать ряд упреков, потому что я тоже не католичка. На самом деле единственный истинный католик среди нас – это Джон, но его отношение к религии я назвала бы прохладным. Он в разводе, у него есть внебрачный ребенок и было два гражданских брака, которые церковь не признает. С их точки зрения, Кейт – незаконнорожденное дитя, а мы живем во грехе. Следовательно, у него трое незаконных детей. Надеюсь, что граф[77] знает, о чем говорит, когда объясняет, что Эндрю и Линде во время обряда можно будет молчать. Он сказал, что предупредил остальных, что все мы – католики, и, если нас прямо спросят, не отрицать этого, а пробормотать что-нибудь невразумительное[78]. Я считала, что католики пойдут на все, лишь бы заполучить в свое стадо еще одну овечку, но, судя по всему, здесь, на Майорке, они более требовательны[79].

Майорка

Чувствую себя ужасно виноватой. Я проснулась и проплакала несколько часов. Глаза у меня жутко опухли. Не знаю, с кем мне поговорить. Джон спит, но он все равно меня не поймет, если я вдруг решу перед ним исповедаться. Сейчас мне кажется странным, что каких-нибудь два года назад я думала, что нравлюсь мужчинам сама по себе, а не потому, что у них на уме только секс, но теперь я понимаю, что все обстоит с точностью до наоборот: если мужчина проявляет ко мне интерес как к человеку, это значит, что я не привлекаю его как женщина. Иногда, просыпаясь, я представляю себе, как можно заниматься сексом стоя или в ванной, – все вокруг постоянно об этом говорят, подсмеиваются, подмигивают друг другу, и Джон охотно в этом участвует, и только я ничего об этом не знаю: я никогда не занималась сексом на лугу или на морском берегу. Только в постели или на полу. Выглядит это довольно мерзко, но мне надо знать наверняка. Я хочу быть настолько желанной, чтобы ему не хватило терпения дождаться, когда мы придем домой. А в машине? Я бы не прочь попробовать. Но больше всего мне хочется быть желанной, хотя я ни за что не сделаю первый шаг и не стану никого соблазнять. Мне опротивело быть сексуально привлекательной, в смысле привлекательной исключительно в плане секса, и меня постоянно, в том числе сегодня, гложет чувство вины. Мне нравится секс, но из-за этого я чувствую себя легкодоступной, *cheap*[80]. Мне хотелось бы быть недотрогой, но тогда придется проститься с любовью. До встречи с Джоном я была *such a good girl*[81], благопристойной до тошноты. Если мужчина подкатывался ко мне с определенной целью, я говорила:

«Нет», потому что была для этого слишком *bloody good*[82]. Я могла лечь с мужиком в постель, потому что хотела его до всхлипа, но в последний момент всегда останавливалась; мне внушили, что это нехорошо, и я оставляла беднягу страдать от разочарования. Если хорошенько подумать, какой же дурой я была! Сколько возможностей я упустила! Я могла бы любить Джона совсем по-другому, так, как он любит меня, то есть будучи зрелым человеком. Я помню каждый раз, когда мы с ним занимались любовью, и о каждом могу рассказать тебе в подробностях; я помню ночь, в которую мы зачали Кейт, помню эти чудные мгновенья в Манчестере – тогда он не скрывал, что жаждет меня; и в замке на южном побережье, и в его квартире в доме 69 по Кадоган-сквер… Честно говоря, все это происходило в то время, когда я играла в спектакле «Отель „Цветок страсти“». Но вот что меня тревожит: каждый раз повторяется одно и то же. Почти каждую ночь я злюсь на него за то, что он спит; злюсь на него за то, что он столько работает, – хотя нет, я злюсь на него за то, что он занят всем, чем угодно, кроме меня. Иногда, если я знакомлюсь с каким-нибудь парнем и ясно вижу, что он был бы не прочь со мной переспать, во мне свербит мысль: «А что, если я позволю себя соблазнить?» Это любопытство внушает мне беспокойство. Предполагалось, что в последние шесть недель он будет половину времени посвящать работе, а вторую половину – отдыху. Он написал великолепную симфонию, и я им горжусь, но я-то надеялась, что у нас будет что-то вроде медового месяца, а послезавтра мы уже уезжаем.

Во время моего последнего визита к мистеру Шнайдеру он выписал мне таблетки и сказал: «Вы должны воздерживаться в течение хотя бы двух недель». – «Ничего страшного», – ответила я. Мистер Шнайдер очень удивился: «Да, но как это воспримет Джон? Для мужчины даже десять дней – это много, а у вас и так был трехмесячный перерыв из-за ребенка». Меня так и подмывало сказать ему: «Да ему на это плевать, он и три недели может ко мне не прикасаться. Видите ли, я его не так уж сильно привлекаю». Разумеется, я не сказала ничего подобного – еще не хватало, чтобы за ним закрепилась репутация странного и холодного мужчины, что неправда – он чудесный, и я его люблю. «О да, бедный Джон!» – вздохнула я, и доктор Ш. рассмеялся: «Ну ничего, вы еще свое наверстаете!» Я чуть не разревелась.

Я обожаю Джона, и поэтому мне так трудно сказать ему, что он женился на сексуальной маньячке. У меня есть Кейт, мое сокровище. Я ни за что на свете не согласилась бы с ней расстаться, она моя любовь и мое счастье. Как бы мне хотелось перестать думать о сексе, но мне всего 20 лет и я занимаюсь этим

всего два года, да и то почти год, пока я была беременна, он ко мне не прикасался; у меня не было мужчин, кроме Джона, и я готова спорить, что раньше он был такой же, как я, но сумел избавиться от этого наваждения благодаря Улле, и для меня это как пощечина, потому что она потрясающе сексуальна и привлекательна. Конечно, я ее ненавижу – ну, не то чтобы ненавижу, ведь я с ней даже не знакома, но я зла на нее за то, что она получила от него так много, и за то, что он желал ее больше, чем желает меня. Это ревность, вот что это такое.

Если бы он признался, что изменяет мне, я бы умерла на месте, от ревности к этой неведомой девице я была бы готова ее убить. Да, я уверена, что так бы и сделала. Мне не верится, что я – просто сексуально озабоченная особа, я явно не такая, но для меня это становится каким-то наваждением. Это последнее – на самом деле последнее, – чего я хотела бы для себя в жизни.

Понедельник

Джон в Париже, уехал на встречу с гитаристкой, которая считает себя лучшей в мире, чтобы сыграть ей тему своей сонаты. Джона должны показать в фильме – он будет играть и управлять оркестром. Я сейчас в саду, а вокруг поднимается настоящий ураган. Сегодня утром звонила мама. Отец в больнице, у него прободение язвы. Я решила сейчас же ехать в Лондон. С Кейт останется Джон. Я обменялась билетами с Глорией[83], которая туда не хочет. Мой дорогой Джон, он сама доброта. Он сказал, что, если бы ему позвонила я, он примчался бы сразу. Судя по всему, папу положили в больницу в пятницу.

3 июля

Никогда я не была так несчастна, как в эти дни. Честное слово, меня так много раз охватывало желание умереть, что я невольно задумываюсь: а вдруг я правда скоро умру? Ты даже не представляешь себе, до чего я подавлена, разочарована и опустошена; никогда еще я не чувствовала такого равнодушия к себе со стороны мужчины, которого я люблю; меня не покидает ощущение, что моя жизнь катится под откос, и я не знаю, как долго смогу продержаться в этом состоянии. Боюсь я одного: что, если решусь на разрыв, это сделает меня еще несчастнее. Моя гордость задета. Мое сердце разбито. Моя карьера захлебнулась. Он не дал мне ни единого шанса, потому что никогда не верил в меня. Богом клянусь: если все останется по-прежнему, я уйду к первому встречному, к любому, кто согласится посвящать мне хоть немножко больше времени; кто захочет, чтобы я раскрыла свои способности; кто будет во мне нуждаться и хотя бы чуть-чуть

обо мне беспокоиться; к тому, кто не будет каждую секунду думать только о себе. Я начинаю его ненавидеть. Я ненавижу его эгоизм.

Я взрослею, но он этого не замечает. По его мнению, мне надлежит держать рот на замке и молчать в тряпочку. Он меня не уважает, а ведь именно уважение заставляет женщину почувствовать себя женщиной. Меня гнетет одиночество, а я хочу быть желанной, я хочу, чтобы меня целовали и обнимали, я хочу ВСЕГО. Проблема в том, что я хочу получить все это только от Джона, потому что я его люблю, но мне кажется, что он меня разрушает, как до меня разрушил других женщин.

Август. Я ухожу от Джона

Я стою под дождем. В одной руке – чемодан, в другой – переносная колыбель. У меня кружится голова. Мне 20 лет, но мне так холодно и одиноко, как не было никогда в жизни. Я молю Бога, чтобы дал мне силы вернуться назад, домой, в тепло, и снова стать такой же влюбленной, как раньше. На Кадоган-сквер было темно. Я пешком дошла до Кингс-Роуд, похожая на испуганную героиню бульварного романа. Проходя мимо припаркованной машины, я увидела в оконном стекле свое отражение – лохматая, по щекам растеклась тушь. Если со мной что-нибудь случится, подумала я, он умрет от беспокойства, но я слишком хорошо знала, что он спокойно спит. Наша ссора не произвела на него никакого впечатления. Я всегда знала, что этим кончится. Если бы только я позволила, как обычно, себя раздавить… Но я чувствовала, что должна оставаться холодной и ни в чем ему не уступать. Он стал мне настолько чужим, что это было только справедливо.

* * *

То, что я записала в дневнике, чем-то напоминает сценарий небольшого эпизода. Я и правда ушла из дома, что было с моей стороны огромной ошибкой. Я только что вернулась из Альмерии, где Эндрю участвовал в съемках фильма «Грязная игра» с Майклом Кейном в главной роли. Любопытно, что в это же время там находилась Брижит Бардо, только что расставшаяся с Сержем: отсюда в его песне «Инициалы Б. Б.» возникает слово «Альмерия». Я вернулась в Лондон, потому что мне позвонил отец и сообщил, что Джон Барри в Риме, живет в том самом отеле, где мы проводили медовый месяц, и живет там не один. Поэтому я и вернулась вместе с *poor*[84] Кейт, которой исполнилось всего три

месяца. В аэропорту я разбила ее бутылочки, и Майкл Кейн посоветовал напоить ее из чашки, что мне превосходно удалось. Когда я приехала на Кадоган-сквер, оказалось, что Джон дома. Он с царственным видом восседал на стуле. Я начала возмущаться: как он мог уехать в Рим с другой женщиной, на что он мне ответил: *«The time has come for us to go our separate ways»*[85]. Я уложила Кейт в переносную колыбель, из которой еле успела ее достать, и навсегда покинула этот дом.

Вместе с Кейт я вернулась к родителям в Чейн-Гарденс. Я позвонила им из телефонной будки на Кадоган-сквер и сообщила, что мой брак распался. Они велели мне немедленно ехать к ним. Они ни разу не сказали мне: «А ведь мы тебя предупреждали!» Они встретили нас с Кейт с распростертыми объятьями.

* * *

Чейн-Гарденс

Ты видел, что Эндрю притащил из Линкольн-Хауса[86]? Кусок каминной трубы. Дом перестраивают. Я думала, что некоторые вещи никогда не меняются, но вот что мы сейчас наблюдаем: дом разнесен в щепки, а щепки разбросаны по всей округе. Уму непостижимо. Мать моего отца жила одна со своими пекинесами, двумя попугаями и выводком канареек, которых сажала на чайник и кормила печеньем *«Huntley & Palmers»*. Ее шофер Уолли жил со своей женой Мейвис в небольшом домике, расположенном во дворе. Я помню, как он приезжал встречать нас на вокзал на своем «ровере», на заднем сиденье которого сидели пекинесы. Когда мы приближались к большим белым воротам парка, собаки начинали скулить.

Без даты

Посылаю тебе булавку, надеясь, что, вскрывая это письмо, ты уколешь себе палец,

и будешь вынужден думать обо мне целый день,

я хочу, чтобы ты проводил время без пользы, как оно провело меня[87].

* * *

Стихи

[88]

* * *

Все что нам осталось – пара лет
Пустых нетронутых неведомых
Все надежды, поиски, мечты
Мы все обретем – чтобы вновь потерять
Все.

* * *

Ничего не осталось
После нас – ничего
Ничего мы не породили
Никому не даровали дыхания
От нас не осталось ничего
Ни оболочки ни кости ничего

Что соединяло нас
Паутина разорвана, любовь ушла
Ушла не оставив и тени
Никто не прочтет, никто не скажет:
«Как они любили друг друга»
Остались слезы
Они бегут по лицу
По лицу которое было моим.
У него была девушка
Плакать не надо
Мы ничего не написали не доказали
Что были в ночи неразлучны
Что он говорил что любит меня.
Он любил меня недолго.
Все что от нас осталось – несколько фотографий
Но и они мутнеют
Мне не с кем вспоминать не с кем смеяться
Некому сказать я помню
Как пролетели годы.
От тебя не осталось ничего
Я забыла как это – быть с тобой
Мои мечты потускнели
Как выцвело все что осталось от тебя
Мы смеялись я уверена что мы смеялись
Но не осталось ничего
Это было давным-давно
Скоро я забуду его имя
А больше от него ничего не осталось

Призраки
Лежу без сна
Мечтаю о конце
Мечтаю о финале
Мечтаю о смерти
О как я боюсь тебя
Призраки призраки
О как я боюсь тебя
Глаза не спят
Уши не спят
Думаю о глухоте
Глухота знает все
Глухота грядет
О как я боюсь тебя
Призраки призраки

Помни что страх обновляет

Нервы не спят
Кровь жива
Пусть она свернется
Пусть свернутся вены
Пусть свернется сердце
О как я боюсь тебя
Призраки призраки
О как я боюсь тебя

Лежу без сна
Думаю как рушится кладка
Из кожи и крови
Лежу без сна
Кричу смерти
Кричу концу
О как я боюсь тебя мой призрак
О как я боюсь тебя

Уродец
Я любила его моего уродца
Я делила с ним столько мечтаний
Как ни с кем другим
Мой уродец
Пробуждал столько чувств и столько грехов
Как никто другой
Я любила его своего уродца
Любила сильнее чем знала сама
До кончиков ногтей
Начали сниться сны
Его печальное лицо взбиралось все выше
Не ведая границ не зная конца

* * *

Теперь ты ушел
Теперь я в это верю
Теперь я знаю
Ты не вернешься никогда.
Было время я бы тебя умоляла
Заклинала остаться
Снова любить снова пытаться

Простить и снова жить
Но теперь ты ушел
И я снова одна
Хорошо бы проснуться и сказать
Это был сон

* * *

Сижу в кровати с сигаретой
Дым ест глаза
Рот открыт а глаза закрыты
Плакать нет сил.
Я учусь курить
Как я ненавидела этот запах
Но теперь я его полюбила
Теперь он мне необходим
Я одна в сером тумане.
Прикуриваю еще одну
Лежу в постели голая.
Я все хочу тебе рассказать
Вывалить все чтоб тебя придавило.
Чтобы ты понял.
Но ты не поймешь.
Рассказать как я люблю
Как всегда любила тебя
Как я думала что может быть
Ты тоже любишь меня
Что ты хочешь меня целовать
Но ты меня не целовал.
Я хотела коснуться тебя обнять тебя поцеловать
Я женщина.
Быть сильной позволить тебе быть слабым.
Слишком много рассказать о себе
Но я не рассказала.
Мне казалось я вижу что ты плачешь
Может быть мы все начнем сначала
Но мы не смогли.

1968

* * *

Пока я была у родителей, до меня дошел слух, что некий француз по имени Пьер Грембла проводит в студии Хью Хадсона[89] фотопробы. Я обедала с Габриэль в ресторане «Альваро» на Кингс-Роуд, как раз напротив студии, и оглянуться не успела, как в компании других девушек, олицетворяющих «свингующий Лондон», уже оказалась в очереди на пробы. Вроде бы меня заметил Джаст Джекин, который и сказал Пьеру, что нужная ему актриса сидит этажом выше в ожидании, когда ее вызовут. Спускаясь по лестнице, я заставила Пьера засмеяться. На мне была мини-юбка, и он отпустил замечание насчет моих ног, на что я ответила, что, если потребуется выпрямить мои кривые ноги, я готова на хирургическую операцию. Он предложил мне приехать в Париж на кинопробы, но я сказала, что в данный момент это невозможно, потому что у меня маленький ребенок. «Ну, тогда через несколько дней», – сказал он. Так я попала в его парижскую квартиру, где меня встретил его слуга-китаец. Мы репетировали три сцены: знакомство, признание в любви и разрыв – и это при том, что я ни слова не говорила по-французски. Я помню, что в машине, которая везла меня в дом номер 50 по набережной Пуэн-дю-Жур, я мечтала, чтобы мы попали в аварию, – ничего серьезного, просто чтобы у меня появился предлог не явиться на пробы, поскольку с моей стороны это было жутким нахальством – произносить текст на языке, которого я не знала. Прибыв на место, я стала свидетельницей того, как этот текст безупречно произносит Мариса Беренсон – изумительная актриса, впоследствии сыгравшая в фильме «Барри Линдон». Но вот подошла моя очередь спуститься по лестнице и сыграть сцену с моим партнером Сержем Генсбуром. Он окинул меня саркастическим и даже презрительным взглядом: что это за англичаночка в каком-то нелепом платье, которая бормочет свои реплики на языке, отдаленно напоминающем французский, и рыдает, смешивая эмоции, необходимые для роли, с личными переживаниями, чего он терпеть не мог. Позже он признавался, что плакала я очень хорошо, а он даже подсказал мне пару реплик, которые я забыла. Одним словом, он вел себя холодно и отчужденно, но вовсе не враждебно. И хотя он, как звезда, имел полное право наложить вето на выбор актрисы, он этим правом не воспользовался. Я ушла с Пьером. На бульваре Сен-Жермен его

«порше», припаркованный напротив кафе, взорвали. Шел 68-й год. Я вернулась в Лондон. Вскоре мне позвонили и сказали, что я получила роль. Но выехать в Париж я не могла из-за начавшейся революции. Пассажирские самолеты не летали, хотя багаж иногда удавалось отправить. Так я отправила в Бурже пеленки Кейт. Мы с ней сумели добраться до Парижа только в июне.

Нас сопровождал мой брат Эндрю, который тогда работал со Стэнли Кубриком и подбирал декорации к фильму «Наполеон». Мы вчетвером – Эндрю, Кейт, наша няня Кристин и я – поселились в отеле «Эсмеральда», в Пятом округе, рядом с книжным магазином «Шекспир и Ко». Мы стирали пеленки Кейт в биде, и я развешивала их сушиться на подоконнике, превращая отель «Эсмеральда» в подобие дома в неаполитанском квартале. Однажды вечером за мной заехал Серж Генсбур. Он увидел, как из отеля выходит молодой красивый англичанин и садится в автомобиль с откидывающимся верхом, и решил, что Эндрю – мой любовник. Начались съемки «Слогана». Я жаловалась Пьеру Грембла на Сержа. В сцене в ванной – я наклоняюсь над ванной, в которой лежит Серж в сине-бело-красных плавках, – мне показалось, что он смотрит на меня злобно. «Но он совсем не такой», – сказал мне Пьер и, если я правильно помню, устроил ужин в ресторане «Режин», чтобы дать мне возможность увидеться с Сержем вне съемочной площадки и лучше его узнать.

После ужина Пьер испарился, а я потащила Сержа на танцпол. К моему изумлению, он двигался ужасно неуклюже и постоянно наступал мне на ноги, из чего я вывела, что он совершенно не умеет танцевать. Это невероятно меня растрогало. Я поняла, что все его высокомерие и презрение – не более чем маска, за которой скрывается поразительно робкий и ранимый человек. Мы изрядно выпили, и Серж пригласил меня в «Распутин» – русский ночной клуб. Он заказал оркестрантам «Грустный вальс» Сибелиуса, и они проводили нас музыкой до такси, на котором мы собирались отправиться еще куда-нибудь. Серж совал им в скрипки стофранковые банкноты, шепча мне на ухо: «Все они продажные твари, такие же, как я!» Мы приехали в еще один клуб, «Кальвадос». Там играли мексиканские музыканты; Серж взял гитару и присоединился к ним, после чего присел за рояль к знаменитому черному джазовому пианисту, Джо Тёрнеру, и стал играть с ним в четыре руки. Потом он повез меня в «Мадам Артюр» – клуб, в котором собирались трансвеститы. Это было умопомрачительно. Мужчины в женской одежде; мужчины, наряженные курами, – эти подходили к обалдевшим зрителям и, приговаривая: «Ко-ко-ко», вынимали у них из-под мышек куриные яйца. Сержа они встретили криками:

«Серхио!» – и бросились с ним обниматься. Как выяснилось, отец Сержа два десятка лет был в «Мадам Артюр» пианистом и в новогодний вечер приносил ему и его сестрам «тещины языки» и конфетти. По-моему, уже ближе к утру мы очутились на рынке Ле-Аль, и мясники в окровавленных фартуках пили с Сержем шампанское. Впрочем, я столько раз рассказывала эту историю, что не исключаю, что путаю реальные события с эпизодом из фильма «Моя прекрасная леди».

Как бы там ни было, Серж сел в такси вместе со мной и предложил проводить меня в отель «Эсмеральда», на что я, к собственному удивлению, ответила отказом, почему-то решив, что он намерен отвезти меня к своим родителям. В результате мы приехали в отель «Хилтон», и ночной портье, обращаясь к Сержу, сказал: «Ваш обычный номер, месье Генсбур?» В лифте я строила рожи своему отражению в бронзовом табло с кнопками этажей и чувствовала себя отчаянно смелой. В номере я первым делом заперлась в ванной, надеясь выиграть время, потому что поняла, что зашла слишком далеко. Когда я вышла, обнаружила, что Серж спит, вытянувшись на спине. Тогда я тихонько выскользнула из номера, оставив приоткрытой дверь с табличкой *«Do not disturb»*[90], добежала до ближайшего магазина, купила сорокапятку с песней *«Yummy, Yummy, Yummy, I Got Love in My Tummy»*, под которую в одиночестве танцевала в «Режин», вернулась в «Хилтон», осторожно сунула пластинку Сержу в руку и как ни в чем не бывало отправилась в свой отель, к дочери и брату.

После окончания божественных съемок «Лозунга» с восхитительно романтичным Сержем я собиралась вернуться в Лондон – меня не прельщала жизнь зависимой женщины, существующей в тени мужчины, как это было с Джоном Барри. Мы остановились в отеле под названием «Отель» на улице Боз-Ар, в котором когда-то умер Оскар Уайльд. Накануне моего отъезда Серж тихо проплакал всю ночь, при зажженной свече, – очень драматично и по-русски, – а на следующий вечер, когда мы ужинали с ним и Гримблатом, мне повезло: за мной по совету Пьера тайком подглядывал Жак Дере, который хотел посмотреть, гожусь ли я на роль Пенелопы – дочери Мориса Роне в «Бассейне». Этот фильм он несколько месяцев спустя начал снимать в Сен-Тропе с Аленом Делоном и Роми Шнайдер. Так мне удалось, не теряя достоинства, остаться во Франции с Сержем и вместе с Кейт перебраться на улицу Вернёй, где мы спали на раскладушках. Эта квартира стала моим домом на следующие двенадцать лет.

* * *

Август

Понедельник

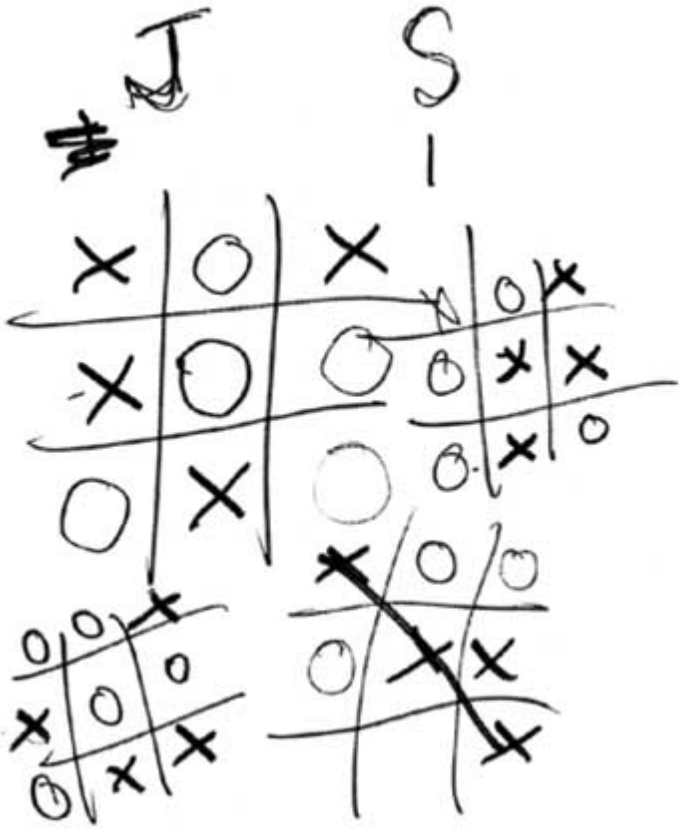
Из Парижа я уехала в Сен-Тропе – надо было выяснить, снимаюсь я в фильме или нет. С тех пор как я порвала с Джоном, произошло столько событий! Я только что снялась во Франции в фильме «Лозунг», главную роль в котором сыграл человек, которого я люблю. Его зовут Серж Генсбур. Он немного странный, но я его люблю. Он не похож ни на кого из моих прежних знакомых – довольно опустившийся, но в то же время чистый.

* * *

Во время съемок «Бассейна» мы с Сержем и Кейт жили в отеле «Библо» в Сен-Тропе. Чтобы перевезти нас из Парижа, Серж арендовал огромный лимузин. На крышу привязали коляску Кейт и тюки с ее вещами, что несколько портило величественный вид лимузина. Кроме того, ему было трудно пробираться узкими улочками Сен-Тропе, поэтому до отеля, номера в котором мы сняли на месяц, нам пришлось идти пешком, нагрузившись вещами. Туда же приехали мои родители. Их номер еще не был готов, и я предложила матери принять душ в нашем люксе. Она сказала мне, что на зеркале в ванной комнате губной помадой были нарисованы сердечки и написано: «Я люблю тебя, Серж, люблю, люблю». Она все поняла! По тому же отелю бродил Демис Руссос – бородатая фигура в просторном балахоне, пугавшая Кейт своим громким голосом. Наша личная жизнь не имела никаких точек соприкосновения со съемками, на которых царила странная и тяжелая атмосфера. Мне было нелегко к ней приспособиться. Однажды Роми предложила мне привести с собой Кейт, чтобы она могла поиграть с ее сыном Дэвидом и сыном Делона Энтони. Мне показалось, что это здравая идея, и как-то раз я действительно взяла Кейт с собой. Дере, наш режиссер, на меня наорал: предполагалось, что мне 18 лет, о чем сообщили прессе. Я подхватила Кейт и закрылась в туалете, вызволять откуда меня пришла Роми. Я отказывалась выходить, и тогда она сказала, что ее прислал Жак Дере и что он готов передо мной извиниться. Так он и поступил. Что до Роми, то она проявила ко мне похвальное чувство полной солидарности. Когда мы снимали постельную сцену с Делоном, меня заставили взять в рот карандаш, чтобы я отчетливее произносила свои реплики. Это было унизительно. Зато у меня сложились прекрасные дружеские отношения со

съемочной группой, особенно с главным оператором Жан-Полем Мерисом. Как-то раз я спросила у него, почему он постоянно измеряет рулеткой расстояние от камеры до Делона, и он ответил: «Вопрос денег!» В том смысле, что лицо и фигура звезды всегда должны быть в фокусе. Вообще во время этих съемок я усвоила одну истину, справедливость которой подтвердила вся моя дальнейшая жизнь: главное на площадке – это хорошие отношения с техническими специалистами. Если они на твоей стороне – все будет в порядке. Мы организовали нечто вроде клуба «Сен-Тропе», и вечером в пятницу объедались местными пирогами. Ребята поместили мою фотографию внутрь камеры, чтобы смотреть на нее каждый раз, когда меняли пленку. Это здорово меня поддержало.

В образах «Бассейна» присутствует особый, довольно тяжелый аромат. Этот фильм не похож ни на один другой из всех, в каких я снималась, настолько ощутим в нем эротизм и настолько он пропитан атмосферой опасности. Ближе к концу съемок произошел ужасный случай: телохранителя Алена Делона нашли мертвым в пластиковом мешке. В сцене утопления Мориса Роне на площадке настоящие детективы сновали вперемежку с киношными. Я чувствовала себя маленькой девочкой, втянутой в какие-то взрослые игры. Я не понимала ничего, включая значение своей роли, и позволяла остальным – которые как раз все понимали очень хорошо – манипулировать собой.



Вторник

Я заключила *gentleman's agreement*[91] и надеюсь, что смогу его выполнить. Он страшно боится, что я сбегу, как Бардо в Альмерии. Он любит ее и до сих пор носит подаренное ею обручальное кольцо. Но вот в субботу он в первый раз его снял – ради меня. Вся эта история развивалась слишком быстро – во всяком случае, слишком быстро для меня. Я желала его, но не хотела отдаваться ему всем сердцем. Нет, только не сердцем! Но вот так вышло, что он меня полюбил, и в каком-то смысле я именно этого и хотела, потому что я тоже его люблю, но кроме него мне нужен весь мир, потому что вместе с ним для меня все только начинается, а это и есть мое самое большое желание. Он открыл во мне нечто такое, о существовании чего я сама не подозревала, – способность любить, которая всегда меня пугала. Я люблю его. Да, это правда, но я вижу всех, кто находится рядом, и надеюсь быть сильной.

Серж сочиняет музыку. Для меня очень странно оказаться в этом мире. Не потому, что мне не хватало возможности побренчать на старом рояле – просто я боялась повторения.

Мы собираемся на каникулы. Скорей бы! С тех пор как мы познакомились, мы только и делали, что работали. Он сказал, что будет приходить ко мне в выходные. Я хочу, чтобы у меня была своя квартира, потому что тогда он сможет оставаться у меня подольше. Впервые в жизни мне ни перед кем не надо отчитываться – ни перед мамой, ни перед папой, ни перед Джоном. Я собираюсь хранить СГ верность, иначе все изменится, и явно не к лучшему. А лучшее, что у меня сейчас есть, – это он. Странно, но я чувствую себя так, словно я моложе, чем была до рождения Кейт, как будто и не было этих двух лет. Но у меня есть доказательство того, что они были, – это Кейт. Следовательно, я их все-таки прожила. В нашей жизни с Джоном бывали моменты, когда мы оба слишком сильно давили пальцами на магнитную доску, оставляя на ней следы ногтей, и теперь, как ни старайся стереть рисунок, они все равно видны. Серж говорит, что я должна нанести на доску новый рисунок поверх старого, чтобы все следы исчезли, изобразить что-нибудь новое и прекрасное, необычное и возвышенное, – тогда я забуду, что там было раньше. Это мне почти удалось. Мой рисунок – странный и эротичный – это Серж и все, что он сделал для меня. Впервые в жизни я повстречала мужчину. Я танцевала с ним. Почти сразу я легла с ним в постель и больше не хотела с ним расставаться. Я была так счастлива. Мы ходили ужинать в *King Club*, к Режине, а потом отправились в «Хилтон». Он был возбужден и невероятно притягателен. Я нервничала, но мне хотелось быть современной и свободной – и доказать, что я такая и есть.

Пигаль

«Хочу в бордель!» – заявила я после двух дюжин устриц и чрезмерного количества вина. Я не прикидывалась. Мне давно до смерти хотелось посмотреть, на что это похоже, и сейчас вроде бы настал подходящий, если можно так выразиться, момент. Мы велели таксисту пересечь небольшую спокойную улочку, по тротуарам которой неспешно фланировали дамы. Все это показалось мне слишком респектабельным. Если уж посещать клоаку, то надо выбирать самое дно, не так ли? Не двухзвездочный отель, а настоящую дыру; я же прямо сказала: наихудшее место из всех!

Десять минут спустя мы вышли на площади Пигаль и двинулись вперед по отвратительного вида улице. Сердце у меня колотилось – теория становилась практикой. Я шла в мини-юбке и сексуальных сапогах-ботфортах. «А ну, выцарапайте ей зенки», – крикнула одна сильно потасканная девица, и сейчас же с другого конца улицы ко мне направились ее четыре разъяренные товарки. Я мгновенно поняла, что означает слово «агрессия». Жуткий квартет был от нас в опасной близости, когда Люсьен[92] схватил меня за руку и потащил за собой в сквер, страшным голосом бормоча на ходу: «За что мне это?» Сбившиеся в небольшую кучку французы, минуту назад пытавшиеся впарить нам порнографические открытки, хохотали и притоптывали ногами.

Они находили сцену *забавной*, но нам было не до смеха. Уже в такси Люсьен объяснил мне причину злобы проституток, намеревавшихся выцарапать мне «зенки», то есть глаза. Я привлекала к себе слишком много внимания, тогда как они считали эту территорию своей, так что неудивительно, что они так рассвирепели.

Мы проехали чуть дальше и обошли две другие улицы, но они показались мне недостаточно мерзкими, и час спустя мы вернулись на площадь Пигаль. Я тряслась от страха как осиновый лист. На сей раз нам удалось добраться до отеля – я выбрала самый грязный и обшарпанный – целыми и невредимыми. Видимо, четыре мои подружки в это время были заняты делом. Отель и правда был достоин звания самого злачного места на свете. Нам пришлось зайти в расположенный по соседству бар со стриптизом и выпить для храбрости по две рюмки коньяка. Отель, на первый взгляд, был самым обыкновенным – если бы не красная вывеска на фасаде, подтверждающая, что мы нашли то, что искали.

– Номер, – спокойным и уверенным голосом сказал Люсьен. Я стояла рядом и задыхалась от ужаса.

– Сколько лет девчонке? – спросил старик-портье.

– Она совершеннолетняя, – ответил Люсьен.

От смущения я не могла поднять глаз.

– Нет, с этой девчонкой нельзя, – отрезал старик.

– Ей двадцать один год, – продолжал настаивать Люсьен, хотя голос у него слегка дрогнул.

– Документы, – потребовал старик.

Все это выглядело еще неприятнее. К нам подошли четыре тощих парня. Еще чуть-чуть, подумала я, и меня здесь изнасилуют.

– Покажи ему свой паспорт, – приказал мне Люсьен.

Oh dear, oh dear… Час от часу не легче. Я полезла к себе в сумку. Пока старик изучал мои британские данные, мне хотелось провалиться сквозь землю. Потом они все вместе принялись высчитывать, сколько мне должно быть лет, если я родилась в 1946 году. Я про себя молилась, чтобы защита ее величества оказалась достаточно надежной в арабском борделе Парижа, когда Люсьен, успевший сунуть портье лишнюю купюру, толкнул меня локтем в направлении лестницы.

Неосвещенная лестница немилосердно скрипела. Пока мы шли, я думала о том, сколько проституток в данный момент обслуживают клиентов в других номерах. Мы поднялись на два этажа и свернули по коридору направо. Портье отпер дверь номера, в последний раз покосился на меня – белокурую жертву

мужской похоти – и удалился.

Внутри обстановка была совершенно невообразимой. Грязно-серые стены, яркая лампа прямо над кроватью и «романтический» зелено-розовый букет искусственных цветов, накрытый сеткой и густо покрытый пылью. Люсьен взял букет и подвесил его к голой лампочке над кроватью, чтобы свет не так бил в глаза. Никогда не забуду рисунок на потолке, похожий на *criss-cross*[93], и то, как он качался, вызывая головокружение.

«Сыграй проститутку», – сказал он. Я сняла черные чулки и пояс. В комнате, вот ужас, не было ничего, кроме двуспальной кровати и биде, – ни телевизора, ни чего-нибудь еще, даже раковины, чтобы вымыть руки, – только биде для мытья «там», чудовищно грязное и с подтекающим краном; в тишине раздавалось его настойчивое «кап-кап-кап». Но я ведь сама захотела изобразить из себя шлюху. Поэтому я легла на кровать. Постель была сырой. Раньше мне никогда не приходилось ложиться в такую сырую постель – полагаю, поваляйся в ней с полчаса, и воспаление легких тебе обеспечено. Я постаралась принять сексуальный вид, гоня от себя мысли о клопах. Легла я прямо на покрывало, опасаясь обнаружить на простынях черные точки, как в фильме «Угловая комната». Я повернулась на бок, изображая женщину-вамп. Люсьен лег рядом, и в тот самый момент, когда нам почти удалось забыть о том, где мы находимся, в дверь постучали и чей-то голос крикнул: «Откройте!»

Oh Christ! Я решила, что нас пришли арестовывать: не могла вспомнить, является ли посещение борделя нарушением закона. Я с головой нырнула под покрывало – черт с ними, с клопами, – и оказалась в душной темноте. За пару минут до того Люсьен выключил свет, чтобы не видеть биде.

– Открой дверь! – снова потребовал голос.

– Не открою! – ответил Люсьен. – Я заплатил свои семь франков.

На мой взгляд, это был очень грубый и вполне профессиональный ответ. Я почувствовала себя сексуальной рабыней. Мы услышали, как шаги удаляются по коридору. Мы снова остались одни.

В окна проникал неверный уличный свет, и вся атмосфера этой комнаты, имеющей единственное предназначение, вдруг показалась мне одновременно гнусной и эротичной. Мы вернулись друг к другу, и я, как мне представляется, понемногу начала входить в роль проститутки, когда в дверь снова задубасили. Я была на грани истерики. Люсьена сотрясала дрожь.

– Вали отсюда! – злобно крикнул он.

– Открывай давай! – прорычал голос за дверью.

До нас донеслись другие голоса. Их там было несколько человек. «Открывай, не то выломаем дверь!» – пригрозил первый голос.

Мы молча ждали, что будет дальше.

– Открывай, тебе говорят!

Мы не шелохнулись.

– Одевайся, – наконец шепнул мне Люсьен, встал с постели и потянулся за брюками, но в этот миг раздался треск и сорванная с петель дверь упала в комнату. Вместе с ней ворвались четверо мужчин. Люсьен закричал, испугавшись, что меня сейчас изнасилуют и похитят. Он ничего не мог поделать, потому что был зажат упавшей дверью.

– Не давай им до тебя дотронуться! – заорал он. – Лупи их ногами!

Полагаю, это было то еще зрелище: я, голая, если не считать пояса и черных чулок, пытаюсь забиться под кровать.

Передо мной возник главарь.

– С тобой все в порядке, малявка? – обеспокоенно спросил он.

– Да, – пролепетала я, прикрываясь простыней.

– Вас не затруднит убраться вон и дать нам одеться? – дрожащим голосом спросил голый Люсьен.

Они не хотели убираться вон. Мне пришлось искать свои трусы на глазах четверых мужиков, явно смущенных происходящим. Мы очень торопились. Болвану, который их привел, явно не верилось, что со мной не случилось ничего страшного. Он выглядел чуть ли не расстроенным из-за того, что в комнате не оказалось следов крови и выпущенных кишок. Ломая руки, он объяснил, что всю жизнь бьется за добрую репутацию своего заведения и еще одно убийство ему ни к чему.

– Убийство? – чуть слышно пробормотала я.

Как выяснилось, неделю назад здесь, в номере напротив, действительно произошло кровавое убийство. Вспоминая об этом, портье до сих пор не мог прийти в себя. Он рассказал, что я так кричала, что переполошила весь бар на первом этаже, поэтому он счел необходимым вмешаться.

– Но я его люблю, поймите, – сказала я.

– И вы меня поймите, – ответил он. – Я как увидел, что вы такая *маленькая*, так и перепугался.

Нас вытолкали на полутемную лестницу и проводили до самого выхода. Удивленные арабы провожали взглядами единственную, надо думать, парочку, которую выставили отсюда вон за настоящую, а не фальшивую страсть.

Мы дошли до стоянки такси и вернулись в свой шикарный

отель, где можно заниматься чем заблагорассудится.

1969

[94]

* * *

Когда мы только познакомились с Сержем, он жил у своих родителей, на авеню Бюжо. Я пришла к нему, когда он давал интервью, в котором не отказал себе в удовольствии представить собственную версию разрыва с Бардо – вариация на тему знаменитой песни «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет». Я жутко стеснялась и не выпускала руки из японской коробки печенья. Серж, воодушевленный успехом песни, не обращал на меня внимания и во все глаза смотрел на Лоранс – очень красивую жену актера Ива Лефевра, который и брал у него интервью. Она полулежала на кушетке, безупречно, как все француженки, одетая: довольно длинная юбка из шотландки, белые чулки, туфельки с золотыми цепочками, шарфик от «Эрме», повязанный на ручке сумочки от «Шанель», бархатная полоска вокруг головы… Она воплощала собой идеал парижской экзотики, и я видела, что Серж находит ее восхитительной. Немного позже, когда я распевала что-то в ванной, Серж вдруг спросил меня: «А ты не хочешь спеть со мной “Я тебя люблю… Я тебя тоже нет”?» – «Конечно хочу», – ответила я, во-первых, потому, что считала эту песню очень красивой, а во-вторых, потому, что мне категорически не нравилась мысль о том, что он будет сидеть в тесной кабине звукозаписи с такой секс-бомбой, как Мирей Дарк. Он сыграл мне мелодию на фортепиано, и после этого я больше не желала слушать оригинальную версию песни, настолько страстно это звучало. Разумеется, я пела на октаву выше, и Серж решил, что это потрясающе, – нечто вроде детского голоска из церковного хора… В итоге мы поехали в Лондон, в крупную студию звукозаписи «Фонограм», расположенную в районе Мраморной арки. Серж сидел в километре от меня и махал мне руками, чтобы я, поглощенная звуками дыхания, не ошиблась с высокими нотами. Если я ничего не путаю, тогда же я спела прелюдию Шопена «Джейн Б.», которая, разумеется, нравилась мне намного больше, чем «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет», поскольку была практически моей визитной карточкой. «Голубые глаза, каштановые волосы» – все это звучало чуть ли не как первая страница моего паспорта. В Париж мы вернулись с записанным диском. Поселились мы в отеле «Отель», в подвале

которого был оборудован ресторан, состоявший из нескольких отдельных ниш. Там поздним вечером собиралась на ужин шикарная публика. У них имелся проигрыватель, и Серж поставил «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет». Посетители вдруг перестали жевать и замерли с ножами и вилками в руках. Серж шепнул мне: *«I think we got a hit record!»*[95] Несколько дней спустя мы были в «Фонограме», в кабинете директора мистера Мейерстайна; я сидела на полу со своей корзинкой. Он прослушал «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет» и сказал: «Ну вот что, дети мои, я готов отправиться за решетку, но не ради сорокапятки. Возвращайтесь в Лондон и запишите *long playing*[96]. Мы выпустим ее в целлофане». Мы с Сержем опять поехали в Лондон. Чтобы вышла «Я тебя люблю…», мы спели еще несколько песен, в том числе «69-й, эротичный год». Серж проявил благородство и настоял, чтобы на обложке диска поместили мою фотографию – только мою, – потому что он мечтал сделать из меня звезду. Песня взлетела во всех европейских чартах. Нас проклял папа римский. Серж говорил, что он – «наш лучший пиарщик». И правда, сразу после выхода номера ватиканской газеты *L'Osservatore romano* пластинка начала продаваться как горячие пирожки. В Южной Америке люди ввозили ее нелегально, в конвертах от дисков Марии Каллас! Би-би-си тоже осудила «Я тебя люблю…», но, поскольку песня вошла в Top Ten и лидировала во всех британских чартах, они были вынуждены ее транслировать, пусть и в оркестровой версии. Песню перепели Бурвиль и Жаклин Майан. Мы присутствовали на записи, и Серж сказал, что получилось шикарно. А в прошлом году *Guardian* назвала «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет» самой сексуальной песней в мире. Я ставила пластинку своим родителям, но каждый раз, когда доходило до моих вздохов, поднимала иглу проигрывателя. Слов они не понимали, а мелодия им понравилась. Но потом приехал мой брат и проиграл им пластинку целиком. Родители повели себя мужественно. Отец защищал меня перед своими друзьями из адмиралтейства, а мама продолжала утверждать, что это самая красивая в мире мелодия.

В тот же год мы снялись в фильме «Дороги Катманду» режиссера Андре Кайата. Главные роли достались Рено Верле и мне. Серж согласился на роль второго плана и играл злодея. Ему пудрили волосы, добиваясь эффекта седины, и клеили кошмарные усы, из-за которых у него немела верхняя губа, так что потом ему пришлось дублировать в студии собственный голос. Пока мы были в Катманду, я мечтала попробовать покурить гашиш, в Европе строго запрещенный. На рыночной площади один тип продал мне комок размером с крикетный мяч, и я

радостно направилась к себе в отель, предвкушая ночи, полные эротики. По пути меня остановил какой-то парнишка. «Тебя надули, – сказал он. – Тебе впарили пустышку». Он продал мне нечто, больше всего напоминавшее верблюжьи катышки. С ними я и вернулась в отель. Вся съемочная группа – и актеры, и технические специалисты – вели себя точно так же. Всем не терпелось попробовать гашиш. Накурившись, они ложились на лужайку перед фасадом отеля и хохотали, пытаясь определить свои окна. «Я тоже так хочу, – сказала я Сержу. – Я тоже хочу так смеяться». Мы поднялись в свой номер, и я для создания подходящей атмосферы накрыла все лампы своими красными шарфами. Серж выпотрошил сигарету «Житан» и набил гильзу купленными мной верблюжьими катышками. Он никогда не прикасался к наркотикам – ни раньше, ни потом. После первой же затяжки комната вокруг меня приобрела странный вид и мне показалось, что у меня по лицу ползет паук. Я испугалась, что он проникнет мне в горло, и, пытаясь его сбросить, расцарапала себе губы. Позже Серж сказал, что я совала голову в унитаз, чтобы утопить паука. К счастью, то, что называется «приходом», настигало нас не одновременно, и в миг просветления я сообразила позвонить гостиничному врачу, которого успели замучить ненормальные обкурившиеся французы, молящие о помощи. Он пришел с докторским чемоданчиком в руке, и Серж накинулся на меня, обвиняя в том, что я вызвала ЦРУ. Врач наполнил шприц, но Серж ткнул в меня пальцем и сказал: «Ей!» – а сам согласился только проглотить таблетку. Врач некоторое время оставался с нами. Прощаясь, он сказал: «Вам-то ничего не грозило, а вот он мог умереть. У него слабое сердце…»

В те годы мы жили на улице Вернёй. Сначала спали на раскладушках, потом устроились с большими удобствами. Серж снял еще одну угловую комнату за кухней для Кейт; там же спала за ширмой няня – сначала Кристин, потом Бренда. Серж требовал, чтобы ее не было ни видно, ни слышно; приняв ванну, она должна была убирать с глаз долой свою губку и шапочку для душа и вообще быть прозрачной. В агентстве по найму нянь мне объяснили, что на таких условиях нечего рассчитывать на первоклассную няню наподобие швейцарки в форменной одежде, потому что ей придется предоставить отдельную комнату. Но нам везло: в основном с нами работали отличные девушки, готовые делить одну спальню сначала на двоих, а потом и на троих.

Позже, когда Шарлотту мучили страшные сны, это стало настоящим испытанием для Кейт. Она вставала, шла через холл, мимо картины с изображением человека с обнаженными мышцами, поднималась на второй этаж и стучала к нам в дверь,

чтобы сообщить, что Шарлотте опять снятся крокодилы. Чтобы пойти ночью в туалет, Кейт и Шарлотте нужно было пробираться через гостиную, со стены которой на них смотрело чудище с головой в виде капустного кочана. Поэтому они частенько предпочитали писать в окно, на соседский участок. Когда родилась Шарлотта, я поставила на место кровати Кейт двухэтажную кровать. Серж категорически не желал что-либо менять. Даже когда я сказала ему, что у Шарлотты свешиваются с кровати ноги, он мне ответил: «Надень ей носки, и все дела!» Чтобы не оскорблять его эстетический взор, двухэтажную кровать я купила из красного дерева. Эти двенадцать лет мы прожили в страшной тесноте. Если Сержа не было дома, нам запрещалось заходить в гостиную и прикасаться к его роялю. Впрочем, когда он был дома, действовал тот же запрет. Мы никогда не чувствовали себя по-настоящему дома. По воскресеньям мы собирались в маленькой кухоньке и смотрели Жана Мартена или какой-нибудь вестерн, пока в духовке жарилась курица. Серж если и уделял детям внимание, то с единственной целью – научить их хорошим манерам. «Не снимай запястье со стола; не перекрещивай вилку и нож…» Это было поистине викторианское воспитание. Ничего общего с чудаком, который, проходя гостиничным коридором, прыгал по чужим ботинкам, выставленным для чистки, и, чуть спуская штаны, кричал: «Пук-пук!»

* * *

1970

Фантастический январь

Суббота. Мы с Сержем обедали в ресторане «Липп», когда его осенила идея отправиться на выходные вместе с Кейт в Довиль. Мы быстро вернулись домой и сели за телефон, чтобы забронировать номер в отеле и арендовать машину. Телефон, который был выключен у нас уже несколько дней, чудесным образом заработал.

И вот мы в Нормандии, в Довиле. Мы сняли люкс. Кейт спит у себя в комнате с большой кроватью – видна только белокурая головка. Серж читает в гостиной, а я сижу в другой большой комнате и пишу этот дневник. Мы уже останавливались в этом отеле в прошлом году, когда снимались в «Лозунге». Сколько всего произошло с тех пор! Еще семь фильмов и множество новых стран и новых мест.

Наш роман с Сержем начался всего полтора года назад. После недели, проведенной здесь, мы вернулись в Париж и я осталась ночевать в доме его родителей. Я хорошо помню эту ночь и эту странную спальню. Он укутал меня одеялом, а сам ушел спать в другую комнату. Не думаю, что сейчас я могла бы полюбить кого-то сильнее, чем люблю его. На первый взгляд, он был последний человек, с кем у меня могло что-то получиться, но сейчас я не представляю себе никого другого на его месте. Он кажется мне очень красивым. Если честно, я никогда не считала его внешность уродливой – разве что странной.

Он очень мягкий и нежный и в то же время очень сильный, он очень тонко все воспринимает, а в плане секса он просто чудо. Тем не менее я чувствую, что он – нечто большее, чем сексуально привлекательный мужчина. Он блистательно талантлив и уникален. Если я его потеряю, для меня это будет самая страшная потеря, потому что я еще никогда не была так счастлива. Это настоящая любовь, и она делает меня сильной. Мы с ним словно дополняем друг друга, тогда как с Джоном мы занимались взаимным разрушением.

Я давно ничего не писала в дневник, потому что было очень много тяжелой работы, но эта работа так меня радовала, что я ни о чем другом даже не помышляла. Но тут мне вдруг подумалось, что случилось так много всего разного и важного, что неплохо было бы когда-нибудь потом об этом прочитать.

В субботу мы уезжаем в Америку, для продвижения «Я тебя люблю…». Это потрясающе – ехать вместе с человеком, которого любишь и вместе с которым работаешь. Даже если нас ждет

полный провал, мы, я уверена, над этим только посмеемся. Кроме того, в Нью-Йорке состоится премьера «Лозунга», и мы должны кое-что сделать для «Коламбии». Кейт я оставляю с подругой – она присмотрит за ней, пока я не найду новую няню. 13-го мы с Сержем должны ехать в Лондон, но постараемся перенести поездку на 14-е, потому что на 13-е выпадает пятница. Десять дней на восстановление сил, а потом – дубляж «Майского утра», итальянского фильма, который мы снимали в Оксфорде. Затем мы с Сержем возвращаемся в Париж, чтобы закончить съемки в «Марихуане». Возможно, летом мы с Сержем будем сниматься в Югославии у Гая Хэмилтона. Туда можно будет взять с собой Кейт – лучше и желать нельзя.

Завтра едем в Трувиль – город, словно перенесенный в реальный мир из мультсериала «Игрушечная страна». Там есть потрясающий рыбный ресторан, в который мы ходили в прошлый раз.

Сегодня вечером мы взяли с собой в казино Кейт. В своем черном бархатном платьице с белым воротничком из органзы из детской коллекции Диора она выглядела восхитительно, напоминая маленького лорда Фаунтлероя, и вела себя образцово. Подумать только, ей ведь всего два с половиной года! Скрипач – странного вида мужчина с вытянутым лицом и глазами навыкате – буквально ел ее взглядом. Картинка прямо из фильма Феллини! На нас вообще все глазели – еще бы, скандально известная пара, и с таким ангелочком! Скрипач играл русскую музыку, и Кейт пританцовывала ей в такт. Представляю, каким необычным казалось ей все вокруг. Интересно, что из увиденного она запомнит?

Что до меня, то я в мельчайших деталях помню все, что связано с Сержем. Нашу первую ночь в «Хилтоне», Венецию, «Ле-Туке», Довиль, Париж, отель «Боз-Ар», в котором мы прожили месяц, Сен-Тропе, где мы снимались в «Бассейне». Индию и Катманду, где проходили съемки «Дорог Катманду». Канны. Оксфорд и отель «Бер»[97], где мы были вместе с итальянцами, а Серж следил за тем, как «Я тебя люблю…» неуклонно поднимается в британских чартах. Потом был Париж и съемки «Марихуаны». Потом мы переехали в его Черный дом.

Рождество мы, как и в прошлом году, встретили в Лондоне, а Новый год – в ресторане «Максим». Этот год выдался невероятно успешным! Благодаря песне «Я тебя люблю…» и фильму «Лозунг» я добилась известности. Мы стали парой года. А как мы развлекались! Целой жизни может не хватить, чтобы вместить все удовольствия, которые мы пережили. Что принесет нам будущий год? Покорение Америки? Кейт исполнится три года. С тех пор

как она родилась, в моей жизни случилось столько перемен… Порой мне кажется, что я бросила Джона и решила все начать с нуля век назад…

Возвращение из Довиля

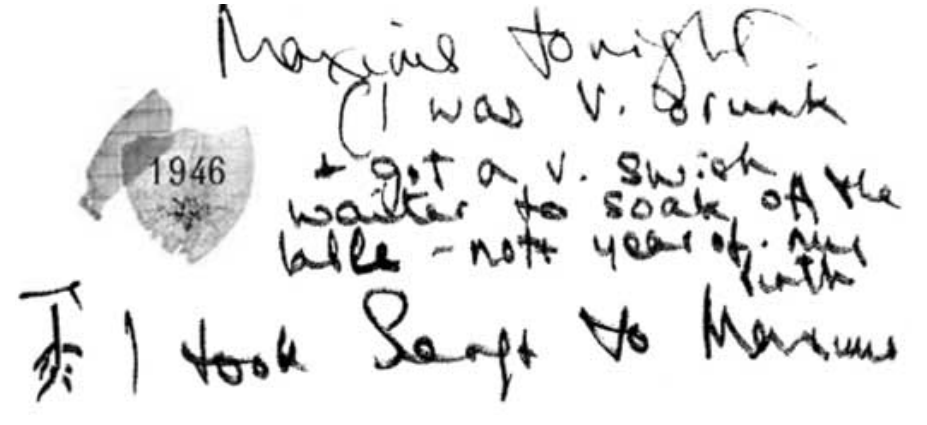
Мы ужинали с Сержем и его родителями в русской манере. С нами был месье Азан[98] с женой и сестра Сержа Жаклин. Серж был уставшим – он весь день провел на радио, участвуя в передаче. Ему пришлось встать на мою защиту, когда какая-то женщина подошла к нам и стала обвинять меня в том, что я снялась на развороте журнала «Люи». Она утверждала, что это порнография. Серж сказал ей: «Ах вот как? Значит, вы читаете порнографические журналы?» Она замотала головой, дескать, журнал купил ее муж. «О, совсем хорошо!» – засмеялся Серж. Он был в веселом настроении и добавил: «Вы можете потрогать только фото, а у меня есть настоящая!»

Сегодня я сделала еще несколько снимков для Жанлу Сиеффа. Он сказал, что обложка в номере за прошлую неделю получилась отличная и американцы хотят, чтобы я снялась для «Плейбоя»: они видели номер «Люи» и слышали наш диск.

Февраль

Умер Бертран Рассел[99].

Вечером ходили к «Максиму». Я жутко напилась и попросила невероятно шикарного официанта содрать этикетку с бутылки шампанского «Дом Периньон» 1946 года – года моего рождения! Это я пригласила Сержа в ресторан. Я стараюсь почаще вытаскивать его из дома, чтобы сменить обстановку. Мне хотелось, чтобы нам подали вино того года, в котором я родилась. Но официант очень тактично объяснил мне, что это был плохой год, и добавил, что было бы гораздо лучше, если бы я родилась в 1967-м. Несмотря ни на что, мы прикончили бутылку. Я совершенно опьянела и бормотала: «О, какая прелестная пыль», показывая на запыленную бутылку. Не сомневаюсь, что они специально запылили бутылку, попшикав на нее из какого-нибудь баллончика.



Я водила Кейт на чай к родителям Сержа. Было замечательно, и мы съели гору шоколадных конфет. Там же были племянники Сержа, Изабель и Ив, и дети несколько часов играли.

Из «Максима» мы отправились в «Режин».

Сегодня суббота. В Нью-Йорк или Чикаго мы полетим не раньше 5 марта, после моей операции, поэтому завтра мы с Сержем едем в Лондон. Вчера ходили на вернисаж Бернара Бюффе – очень много фотографий. Журналист *France-Interne* спросил меня, что я думаю о картинах. Как будто я могла высказаться на эту тему в 30 сантиметрах от ушей жены Б. Бюффе!

Сегодня нечего делать. Без Кейт в доме тихо и одиноко. Мне ужасно ее не хватает, гораздо больше, чем раньше. Мой материнский инстинкт развивается и приобретает невероятный размах.

Я сфотографировала Сержа с его матерью. Они оба просто прелесть. Мы ходили в русский ресторан. Было замечательно. Там пела цыганка, очень толстая, и она пела для нас с Сержем, потому что мы дали ей 1000 новых франков и попросили спеть еще для его родителей. Серж такой внимательный, он все время думает о других. Не имеет смысла уточнять, что он тоже напился в стельку, и через два часа мы пошли в «Распутин». За нами увязался охотник за автографами. На Елисейских Полях он тормозил проезжающие автомобили и выпрашивал у водителей ручку.

Собираюсь к Жюльетт Греко за Сержем. Он написал для нее две новые песни. Она такая сдержанная, такая изысканная. Хотелось бы мне быть такой же, как она, – интересной и загадочной.

Без даты

Я в больнице. Операция[100] назначена на завтрашнее утро.

Как-то странно быть одной, без Сержа. Я как будто вернулась назад.

На прошлой неделе мы с Сержем страшно поссорились. В субботу вечером мы ходили в «Кастель». Я плохо помню, что там было, кажется, он упомянул какую-то девушку, актрису или что-то в этом роде. Я шлепнула его по щеке – совсем легонько, в шутку, – а он в ответ влепил мне настоящую оплеуху, прямо в правый глаз. Мне пришлось целых полчаса прятать лицо в ладонях, а из глаз ручьем текли слезы. Я потянулась к своей корзинке, но Серж ее опрокинул. Все мое барахло рассыпалось по полу «Кастеля». Нечего и говорить, как это было унизительно. Я ползала по полу, собирая свои вещи, и нечаянно обожгла Сержа сигаретой, которую не успела затушить. Тогда он снова ударил меня, схватил за волосы, дал еще одну пощечину и покинул ресторан. Я не знала, что мне делать. Мне было стыдно, я чувствовала себя несчастной уродиной. Я еще полчаса просидела в ресторане, а соседи по столу подливали мне виски. Между собой они разговаривали по-французски, полагая, что я ничего не понимаю. Но я все поняла. Они говорили: «Жалко, что здесь нет репортера из *France-Dimanche*». Тут уж до меня дошло, что надо сматываться, и я, злая, как фурия, убралась оттуда. Боже, что за сцена! Я была красная, как вареный рак, и впопыхах забыла свою накидку и книжку с кулинарными рецептами. Я пошла вниз по улице, пытаясь поймать такси. Первый водитель отказался меня посадить, но второй все же довез до отеля «Пон-Руайаль», что прямо напротив дома 5-бис[101]. Я вышла из машины вся в слезах. Помню, что какой-то тип, сидевший в автомобиле на стоянке возле отеля, во все глаза пялился на меня, пока я выбиралась из такси. Кое-как я доползла до дома 5-бис, позвонила в звонок и упала прямо в подъезде. Больше я ничего не помню. Серж сказал, что ему пришлось вытолкать взашей того типа, который вслед за мной проник в подъезд, и тащить на себе мое бесчувственное тело. Я помню, что мне было больно. Меня жутко мутило, и я была сама себе отвратительна. Я молчала, а он донес меня до спальни и раздел. Меня начало рвать. Я облевала всю постель, подушки, свои волосы. Серж был сама предупредительность. Мне было по-настоящему плохо, а он держал мне голову, которая раскалывалась от боли. Потом он велел мне сунуть два пальца в рот. Он вел себя как ангел, но в то же время как обычный человек: пока он смотрел, как меня выворачивает, его тоже вырвало.

Я проспала как убитая до 8 часов. Потом встала, приняла ванну и вымыла голову. Все воскресенье мы провели в постели. Я обнаружила, что вокруг правого глаза у меня багровый фингал. Парень в аптеке сказал, что опухоль спадет через сутки, но, по-

моему, он проявил излишний оптимизм.

* * *

Однажды вечером, сильно набравшись, мы затеяли *argument*[102] на первом этаже ресторана «Кастель», там, где собиралась «престижная» публика. Серж до того меня разозлил, а соседи так подзуживали, что в какой-то момент я сунула ладонь под кусок кремового торта и запустила им Сержу в лицо. И я не промахнулась! Он не стал комично размахивать руками, как делают персонажи мультиков, чтобы счистить с глаз налипший крем, а просто направился к выходу, и девушка, стоявшая в дверях, его пропустила. Я была в ужасе от того, что натворила, и бросилась за ним. Он повернул направо, на бульвар Сен-Жермен. На ходу у него с лица падали куски торта. Я следовала за ним на безопасном расстоянии и видела, что он пошел по улице Сен-Пер. Тут я поняла, что должна предпринять нечто исключительное, пока он не повернул налево, на улицу Вернёй. Я побежала вперед, обогнала его, добежала до набережной и спустилась по ступенькам к Сене. Я надеялась заинтриговать Сержа, но главное, надеялась, что он меня простит. Позже он рассказал мне, что я спряталась за небольшим деревцем и подождала несколько секунд, чтобы убедиться, что он тоже спускается, а потом бросилась в Сену. Меня подхватило течением, и я молотила руками и ногами, как обезумевшее животное. Серж начал снимать с руки часы, в которых не было водозащитного стекла, собираясь меня спасать, но меня уже выловили пожарные, находившиеся неподалеку. Выбравшись из воды, я убедилась, что надпись на этикетке моей блузки от Сен-Лорана – «Только сухая чистка» – полностью соответствовала действительности: блузка села до размеров детской распашонки. На улицу Вернёй мы с Сержем шли под руку. Мы простили друг друга.

* * *

Да, теперь я его люблю. Люблю его волосы, его руки, его тепло. Я хочу обнять его и не разжимать объятий, пока от любви к нему у меня из глаз не хлынут слезы, настолько он прекрасен. Из-за того что я принимаю снотворное, в голове у меня стоит легкий туман, но я не могу думать ни о чем другом, кроме Сержа – блистательного Сержа. Я хочу выйти за него замуж и быть с ним всю жизнь, до самой смерти. Мне не нужен никто, кроме него.

Говорят, что на смертном одре женщина произносит имя единственного мужчины, которого любила всем сердцем. Имя Джона полностью стерто, вычеркнуто, вытеснено невероятной силой и полнотой моей любви к Сержу. Не представляю себе, как можно любить иначе. Для меня это идеал любви. Я молю Бога, чтобы и он любил меня так же.

Сегодня воскресенье. Завтра после операции смогу наверстать упущенное и записать в дневник о том, что произошло. Пока что все, что я вижу, – это мама и папа, Эндрю и Линда, их доброта и бесконечная любовь, которую я к ним испытываю.

Я хочу ради Сержа обратиться в иудаизм. Я на все готова, чтобы доказать ему свою любовь, доказать, что я буду всегда ему верна. Господи! Разве это имеет значение – какому Богу молиться? Не думаю, что Бог осудит меня за то, что я хочу, чтобы это длилось вечно. Клясться в верности сегодня – этого слишком мало. Я хочу отдать ему себя навсегда.

My darling little Kate[103]… Как мне ее не хватает, моей крохи. Что бы я без нее делала? Она – часть меня, но самая красивая, самая чистая, самая добрая часть. Не знаю, из какой именно части меня она вышла, но она во всем лучше меня, она – отдельная личность, и я уже горжусь ею, горжусь ее независимостью и ее красотой, потому что она добрая и нежная, и такой я ее люблю.

Диск занял 69-е место в рейтинге *Billboard*. Он вышел перед Рождеством и сразу попал на 89-е место, но вскоре поднялся еще на 20 позиций. Мы оба страшно возбуждены. В пятницу мы не работаем, летим рейсом «Эр-Франс» Париж – Чикаго. Собираемся в спешке.

Сегодня папа привез меня в больницу. Он просто прелесть, такой добрый и смелый. Я убедилась, до какой степени мама любит Кейт. Она сказала мне, что я могу оставить с ними Кейт на сколько угодно времени. Я так счастлива, что Кейт доставляет радость маме и всем остальным. Эндрю нарисовал ужасную и очень смешную *cartoon*[104] на тему аборта, чтобы меня развлечь. Он такой остроумный. Линда выглядела сногсшибательно – в платье, сшитом своими руками, потрясающе оригинальном, в стиле, близком к прерафаэлитам[105].

Больше не могу писать. Мой милый Манки снова со мной[106]. На шее у меня цепочка с сердечком, подаренная папой; на пальце и на запястье – кольцо и браслет, подаренные Сержем. Как мне его сейчас не хватает! Просто чтобы поговорить. Дотронуться до него. Поцеловать его.

* * *

Золотой медальон в форме сердечка папа подарил мне в Венеции, когда мне было 15 лет. Когда я рожала Кейт, я так его искусала, что он стал плоским. Я никогда его не снимала. Серж дал мне ключ – точно такой же был у него, это видно на некоторых снимках. Это был ключ от его секретного чемоданчика, в котором хранились эротические фотографии. Позже он расплавил оба ключа и отдал отлить из них звезду Давида. В одной лавчонке на улице Сент-Оноре, которая торговала подержанными русскими драгоценностями, я купила для него небольшой бриллиантик в подвеску на шею и пару сапфиров для браслетов. Однажды в новогоднюю ночь Серж в три часа ночи вернулся домой в слезах. С ним был Эндрю. «У меня украли все драгоценности!» – пожаловался он. На самом деле они с Эндрю сели в машину к каким-то подозрительным типам. Один из них начал его обнимать и целовать, и Серж думал, что тот в него влюбился, но, когда он выбрался из машины, оказалось, что его полностью обчистили. Такси уехало, теряя по пути фальшивые номера. Серж, рыдая, попросил меня позвонить в полицию, что я и сделала, но там мне ответили: «Месье Генсбур должен быть разборчивее в знакомствах!» Впоследствии я подарила ему сердечко из сапфира, а он мне – бриллиантовое сердечко в викторианском стиле, совершенно не *flash*[107], и я носила его не снимая рядом с папиным, но годы спустя, играя служанку в пьесе Хоровица «Где-то в этой жизни», я его сняла и не запомнила, куда положила. Ночью в театре случился пожар, в котором погиб наш кот, наш настоящий партнер; мой бриллиант тоже пропал. Пришлось признаться Сержу, что я потеряла его подарок. На каждое Рождество он дарил мне по кольцу – то с сапфиром, то с бриллиантом, то с изумрудом, – но я не любила их носить, потому что у меня некрасивые пальцы, и кольца смотрелись на них как на сосисках. Тогда Серж забрал их назад, как и часы «Дали» от Картье, потому что меня угораздило их разбить практически сразу, когда он преподнес мне их в ресторане «Тур д'Аржан». Это выглядело очень романтично, но стрелки чуть не отвалились, а заодно чуть не разлетелся на осколки стакан. Тогда Серж собрал все мои кольца, добавил к ним несколько бриллиантов из часов и заказал сделать из них браслет. Четыре года назад, когда я думала, что умираю, я подарила этот браслет Шарлотте. Кроме того, Серж подарил мне браслет с сапфирами. Он бросил его мне на стол – мы сидели в ресторане «Распутин» – на глазах у Бамбу и сказал: «Кажется, за мной должок». Я тогда же передарила браслет Луи. Но у меня в шкатулке все же

хранится одна вещица – бриллиант, который Серж купил за три дня до смерти. Его мажордом Фулберт рассказал мне, что он вызвал такси и выбрал в витрине большой бриллиант – как он сказал, на случай, если жизнь повернет не туда. Это был последний раз, когда я разговаривала с Сержем по телефону. Когда он сказал мне, что сделал, я, кажется, его даже не поблагодарила – не помню. Надеюсь, что все-таки поблагодарила.

* * *

Среда, вечер

Пришли телеграммы от Сержа, мамы, папы, Жаклин, от всей команды *Philips, Vogue* и *CMA*; целое море цветов от Джина Гутовски, Керолайн Пфайффер, кинокомпании *Cider Films* и милой, бесконечно милой Жюльетт Греко. Папа принес нарциссы, мама – мимозу, *darling* Серж – семейство шоколадных зайцев: Зайца-папу, Зайца-сына и Зайку-дочку с живой фиалкой. Он прислал мне несколько дюжин красных роз, невероятно красивых, и букет белых цветов, которые он принял за сирень, но которые оказались огромными лилиями. Серж навещает меня каждый день и приносит *goodies*[108] – всякие пасхальные пирожные и прочее. Он словно пчела, таскающая мне мед.

Воскресенье

Неделю назад вернулась домой. Все эти дни Серж сам занимался стряпней. Он пообещал мне, что сегодня ужин буду готовить я. Я знаю, что это его развлекает, но вчера вечером он бросил мне, что он всю неделю не отходил от плиты, а я только искала повод, чтобы с ним поссориться: и правда, мы страшно повздорили из-за войны. На ужин пришли мама, папа и Линда. Я не соглашалась с мамой и папой по поводу бомбардировки Дрездена. Я знаю об этом не больше, чем кто-либо другой, если не считать статьи из иллюстрированного журнала, которую прочитал и пересказал мне Эндрю. Серж присоединился к моим родителям, защищая англичан и говоря, что война есть война. То ли от природной злости, то ли потому, что я была настроена против него, то ли из-за раздражения, вызванного его пресмыкательством, но в конце концов я не выдержала и заявила: «Ты же всегда был против англичан!» Это чистая правда – во всяком случае, он высказывается в этом смысле, когда ему удобно. Всего неделю назад в разговоре с Эндрю о Дрездене он нападал на англичан и вдруг – что я слышу! Такое впечатление, что он хотел показаться большим англичанином, чем Джек

Тар[109]! Неудивительно, что я вышла из себя! Но это было лишь предвестие большой ссоры. Я сказала, что даже на войне позволено далеко не все. Немцы и японцы вели себя не так, как англичане. Я не намерена любой ценой поддерживать Англию, но у нас хотя бы не было официальной практики пыток! Разумеется, мы уже допивали последнюю бутылку вина, и я слегка захмелела, и меня потянуло на сантименты, а в голосе прорезались истеричные нотки. Серж ответил: «У вас своя манера пытать – вы бомбите людей». Я возразила, что это разные вещи, и я бы тоже бомбила врага, чтобы выиграть войну. Но пытки – нет, никогда, ни при каких обстоятельствах! Серж сказал, что это трусость, и я ответила: «Возможно». Как бы там ни было, я стояла на своем, он – на своем. Мама заняла мою сторону. Серж назвал меня романтичной дурочкой, и это меня взбесило, потому что я точно не такая. Использовать тайную полицию и вырывать людям ногти, одновременно шантажируя их угрозами родным, включая детей, – да я лучше умру в страданиях, чем соглашусь на это. Одного этого критерия мне достаточно, чтобы составить себе мнение о человеке.

В общем, ты легко представишь себе эту сцену. Мама, папа и Линда засобирались домой. Я поняла, что наломала дров. «Спасибо за ужин, – сказала я. – Хочешь, я помогу тебе вымыть посуду?» Он ответил по-французски: «Ты меня уже отблагодарила своими нападками!» Кстати, это он целился в меня ножом. Я помню, что сказала папе: «Прекрати наставлять на меня нож!» – хотя это был не он, а Серж. Я была в ярости, но, несмотря ни на что, сама перетащила в спальню радиатор, чтобы он не замерз, поцеловала его и пожелала ему спокойной ночи.

Все это я пишу, чтобы объяснить, почему меня так разозлило, когда сегодня он сказал, что сам приготовит ужин. Он отправил в помойку соус, потому что тот оказался отвратительным на вкус, и пошел смотреть телевизор. Тогда я сама спустилась на кухню и обнаружила, что в холодильнике, разумеется, пусто. Серж спустился следом за мной и сказал, что готов удовольствоваться хлебом и сыром. От злости я разбросала по всей кухне поваренные книги. К счастью, в этот момент он ушел и не видел, как я ползаю по полу, собирая их и аккуратно вкладывая между страниц закладки. Короче говоря, хлеб и сыр – вот и весь *junket*[110]! Но все шло более или менее нормально, пока я не предложила: «Пойдем смотреть телевизор в мою спальню». Он ответил: «Пойдем», и тут я ляпнула: «Отлично, мистер *Poop*[111]»; он взбеленился и наговорил мне гадостей; я тоже разозлилась и крикнула ему: «Катись отсюда!» Он развернулся и ушел вниз. Я завопила ему вслед: «Вернись, вернись, вернись!» – и вопила, пока

в легких не кончился воздух. Он не реагировал. Тут раздался телефонный звонок. Звонил Джон Стайнер. Он сказал, что находится поблизости, и спросил, нельзя ли ему к нам заглянуть. Конечно, можно. Я пошла к Сержу извиняться. Не тут-то было. Весь белый от ярости, он сел играть сонату. Ну и играй, подумала я и пошла открывать дверь Стайнеру. Серж повел себя грубо, как он на это способен, и даже не включил нам телевизор. Мы с Джоном обсуждали его скорую женитьбу, работу, Оксфорд и «Белую язычницу». Примерно через полчаса явился Серж и демонстративно выключил телевизор. Джон Стайнер понял, что мы в ссоре, и заторопился уходить. Я снова включила телевизор. Я слышала, как Серж колотит по клавишам, играя сонату за сонатой, – слишком громко и драматично. Мне не хотелось в очередной раз идти к нему с извинениями, я и так делала это слишком часто. Он всегда говорит, что во всем виновата я; мы миримся, но прощения всегда прошу я. Сейчас он поставил на проигрыватель старую пластинку и убавил звук до минимума.

Завтра я работаю с 14:00, озвучиваем «Белую язычницу». Первый день на ногах. Перед уходом оставлю ему записку, иначе и жить не стоит, любовь моя. В любом случае я ненавижу ссоры. Предпочитаю «примирение на подушке», как тут выражаются. Господи, кем бы ты ни был, и мой несравненный Манки, пожелайте мне удачи.

С любовью, Джейн.

Чикаго. Серж. Продвижение «Я тебя люблю…»

Я в Чикаго. Только что участвовала в телепередаче. Сделали несколько записей на радио – все это в благодарность за прекрасную работу по продвижению диска «Я тебя люблю…». Мы поселились в отеле *Water Tower*, но не в одном номере: в США это запрещено. Вскоре едем в Нью-Йорк. Вчера я снималась для «Плейбоя» – это нечто. Я добилась всего, чего хотела, то есть сама отобрала снимки, которые мне понравились; их разместят на трех полосах согласно моим пожеланиям.

Нью-Йорк. В первый же вечер мы отправились на вручение премий «Эмми». Местное время было 23:30, для нас – 6 часов утра. Джону вручили сразу две награды за «Полуночного ковбоя». Какое совпадение!

Меня представили как «девушку, которая снималась в “Фотоувеличении”». От смущения я была как в тумане. Нас принимают невероятно доброжелательно, и все в восторге от диска. Мы принимали участие в шоу Дика Каветта, а затем в шоу Мерва Гриффина, который видел меня у Дика Каветта. Нам повезло, потому что сначала они сказали нет, все места уже

распределены, но после того, как посмотрели первую передачу, сами позвонили нам и спросили: «Когда вам удобно прийти?» Вот сколько всего я успела сделать, не говоря уже о куче мероприятий по продвижению «Лозунга» вместе с Сержем. Летим в Орли.

13 июля

Мы с Сержем в югославском самолете. Летим в Загреб сниматься в «Романе конокрада» с Юлом Бриннером и Илаем Уоллоком. Мне от нетерпения не сидится на месте. Режиссер фильма – Абрахам Полонски, который снял «Вилли-Боя»[112]. Он просто чудо. Будет также Джин Гутовски, продюсер «Отеля „Цветок страсти“» – он всегда был ко мне очень внимателен. Это и правда какое-то чудо – мы с Сержем будем сниматься в одном фильме, хотя мы не играем пару, как в «Лозунге» или «Марихуане». Моего возлюбленного будет играть парень, который участвовал в записи диска *Hair*[113], костюмы разрабатывает милейшая Рут[114]. Съемки будут проходить в Югославии. Я всегда мечтала побывать в этой стране. Действие фильма происходит в 1905 году – фантастический период. Сценарий я еще не читала, но вроде бы написано очень хорошо. В среду к нам присоединятся Кейт с няней. Ребенок Рут тоже будет с нами, и это прекрасно – для меня и для любви. Нас навестят папа, мама и Эндрю, а возможно, и Линда. Все это почти слишком замечательно, чтобы быть правдой.

В самолете я сижу рядом с Сержем. На нем лиловая рубашка с белым воротником, которую я купила ему в *Turnbull & Asser*. Он так красив, и романтичен, и элегантен, и мрачен… Гениально! Полагаю, мы будем жить в отеле в Вуковаре, но все же надеюсь, что нам удастся снять дом – ради Кейт. Я набила чемодан бумажными носовыми платками и тампаксами, как будто мы на год едем в саванну, но я заранее с сожалением думаю о том, как примитивно устроена жизнь в югославской деревне. В некотором смысле мне страшно начинать новый фильм, учитывая, сколько потенциальных опасностей меня ждет: гримерши, парикмахерши, ассистентки режиссера, не говоря уже об итальянской старлетке с большими сиськами, которую Серж будет всячески обхаживать и обнимать во время любовных сцен. Я уверена, что она представляет собой нечто среднее между Бардо и Лорен – полная противоположность тому, какой я была в свои 18 лет, – то есть влажные черные глаза, которые будут еще чернее, если она попытается обворожить Сержа, пухлые губы, волосы цвета воронова крыла и грудь как два спелых персика, готовых по первому зову выпрыгнуть из платья. Брр! От одной мысли об этом меня передергивает от отвращения. Господи! Подумать только,

мне придется каждый день сталкиваться с такими же опасностями и понимать, что они не прекратятся, пока нам не исполнится по 70 лет и не станет уже слишком поздно для чего бы то ни было!

Через четверть часа садимся в Загребе. Я все больше нервничаю. Вроде бы облачно и висит туман, но подозреваю, что погода будет жаркой. Напишу снова, когда будет о чем рассказать. Пока что мы движемся в неизвестном направлении, и с таким же успехом могли оказаться на Марсе нос к носу с горбатыми зелеными насекомыми.

Суббота

Да, в последний раз я открывала этот дневник, когда мы летели в Загреб. Тогда я не знала, что ждет нас с Сержем и как все пройдет. Сейчас, когда съемки фильма закончены, я могу сказать, что нас ждало! Все было просто гениально! Мы все – Юл Бриннер, Илай Уоллок, Лэйни Казан, Оливер Тобиас, Полонски, Гутовски с семьями – жили в бывшем музее, выходящем на Дунай. Первые три недели мы жили в довольно тесном двойном номере, а дальше по коридору тянулись другие тесные номера с ванной, окна которой выходили на парковку! Квартиру для Юла, который еще не приехал, приготовить не успели, и, пока обустраивали ее, не могли заняться нашими.

Несчастный владелец музея – вернее говоря, не владелец, поскольку он был коммунист, а скорее сторож этого приюта, по имени Сулейман – постоянно из-за чего-нибудь беспокоился. За все время, что мы там провели, я, кажется, ни разу не видела, чтобы он улыбнулся. Предполагаю, что он волновался из-за погоды. По-моему, все перемены, которые произвели в этом музее, пошли ему на пользу, ведь они были вынуждены привезти мебель в ванные комнаты, люстры и прочее, что стоило бешеных денег, чтобы превратить заброшенный музей Илока в отель «Беверли-Хиллз»! Нашему продюсеру удалось убедить их, что эти вложения окупятся сторицей и будут выгодны коммунистическому обществу. Он внушил им, что отныне ВСЕ фильмы будут снимать в Илоке и, как только в деревне появится пятизвездочный отель, сюда толпами хлынут американские туристы! По-моему, сомнения зародились у Сулеймана, когда у него в саду состоялось собрание местной коммунистической ячейки и какие-то типы в габардиновых пальто и мягких шляпах принялись шушукаться между собой, явно замышляя что-то нехорошее. Возможно, он понял, что стук сапог слышен все ближе, а Большой Брат очень скоро придет к выводу, что деньги были потрачены зря!

Как бы там ни было, день приезда Юла Бриннера

неотвратимо приближался, и каждый вечер столовая заполнялась его потенциальными зрителями и преисполненными надежд поклонниками. А Юла все не было и не было! И вот он наконец явился – его встречали с восторгом и страхом, как настоящее божество. Мы с Сержем были у себя в номере, когда он приехал. Никогда не забуду, как я стояла у окна и через москитную сетку пыталась разглядеть его огромный красный американский лимузин. Из него хлынула целая свора собак, а затем появились шляпные коробки, его элегантная супруга в ковбойской шляпе, какие-то ящики и короба… В толпе вокруг нервно перешептывались. Персонал отеля в знак уважения к гостю выстроился в шеренгу, вытолкнув вперед девочку с букетом цветов. Согласно сценарию, она вручила букет Юлу, а тот передал его своей спутнице, Жаклин де Круасси. В тот момент я успела разглядеть только ее стройный силуэт и то, как она держалась – естественно и спокойно, с врожденным чувством уверенности в себе, позволяющим в любых обстоятельствах вести себя непринужденно. Шляпа на ней была – как мне показалось – итальянская, туфли – фирмы *Villon*, а брюки ей, несомненно, кроил сам Баленсиага. Мы с Сержем, притаившись за москитной сеткой, хмыкали, наблюдая за всеми этими реверансами и пируэтами, но он понимал, что внутренне я вся горю и изо всех сил надеюсь, что меня не слишком заденет их торжественный выход. В душе я радовалась, что никто не видит моей униженной позы возле окна.

Несмотря на все наши насмешки, в конце концов мы влюбились в Юла. Особенно мне нравится его жена Жаклин. Все в ней меня восхищает. Она повсюду как дома – что на кухне, что на званом ужине. Чтобы поддерживать беседу с коллегами Юла, она научилась разбираться в мире кино. Она проявляет интерес ко всему, что интересует его, при этом не теряя ни чувства меры, ни чувства собственного достоинства. Юл остался точно таким, каким я его запомнила с момента нашей предыдущей встречи три года назад. С нами он мил и любезен, но во время работы впадает в настоящую ярость. «Эй ты, членосос, а ну иди сюда! Пошевеливайся, а не ползи, как дохлая муха!» Он не просто кричит, он орет. Один раз он наорал и на меня. Перед очередной летучкой, которая должна была состояться через пять минут, я стояла в саду – на солнце и без шляпы. Юл стукнул меня по голове сложенным номером *New York Herald Tribune* – эту газету ему доставляли каждые два дня, – закричал, что я веду себя непрофессионально, и назвал соплячкой. Я залилась краской, ведь на нас смотрела вся съемочная группа. К счастью, я надела огромные темные очки, и никто не видел, как у меня из глаз

полились, скатываясь по щекам, слезы. Как назло, рядом стояла Кейт. «Мама, почему этот дядя тебя ударил? – спросила она. – Ты плохо себя вела?» Не считая этого случая и еще одного спора по поводу корриды, других трений между нами не было. Зато другие получали от него по полной программе. «Членососом» он обозвал нашего композитора Морта Шумана за то, что тот поставил свою машину слишком близко к лимузину Юла[115], и на того пахнуло выхлопными газами!

Еще у нас была потрясающая вечеринка! Эта гениальная идея пришла в голову Сержу. Он предложил устроить что-то вроде маскарада, и чтобы все переоделись артистами цирка. Я никогда раньше не видела такого рвения! Жаклин вместе со своей дочерью сидели в саду и лихорадочно шили, няня семейства Гутовски что-то кроила из москитных сеток, Илай Уоллок заперся у себя в комнате и явно готовил какой-то сюрприз, Лэйни Казан разрисовывала майки, а ее помощницы тоже, как безумные, что-то шили. Но вот настал вечер великого дня. Все были в предвкушении. Югославы отмечали какой-то партийный праздник, и нам, чтобы их не обидеть, пришлось в нем поучаствовать. Но Юл никуда не пошел, потому что был слишком занят приготовлениями, как, впрочем, и Серж.

Мы с Сержем украсили свою комнату воздушными шариками. Потом отправились на рынок и ходили там несколько часов, выбирая свистки, дуделки и прочие детские игрушки. Я купила пижаму, намереваясь ее разорвать, а Серж – ярко-синее трикотажное платье и дамскую шляпку «клош» в форме колокольчика. Когда он во все это нарядился, получилось уморительно: кошмарные нейлоновые носки и красно-фиолетовые в зелено-лиловую полоску пижамные штаны, обрезанные по колено! Синее трикотажное платье он разорвал слева на груди, а на шею надел воротник в красно-белую полоску. Сзади на штаны он прицепил две красные в белый горох тряпки, а на голову натянул шляпку, которая еле-еле налезла ему на макушку и из-под которой торчали его уши. Кейт нарядилась в черный купальник, на который я нашила москитную сетку, – вышло что-то вроде балетной пачки. На ней были черные чулки, а в волосах – красный бант и цветы из моей соломенной шляпы. Она выглядела сногсшибательно – этакая миниатюрная Коломбина. Я нарумянила ей щечки и накрасила губки. Я закуталась в москитную сетку, как в паранджу, из-под которой виднелась майка с глубоким вырезом и надписью *«Ilok Circus»*[116], повязала себе пышный красный бант а-ля Минни-Маус и намазала красным гримом щеки и нос. Когда Серж появился на глазах у остальных в огромных клоунских башмаках, из-под которых

выглядывали жуткие блескучие голубые носки с красным рисунком, все чуть не попадали на пол от смеха!

Мы украсили комнату как для Рождества. Серж приготовил из красного вина, гвоздики и персиков португальскую сангрию. Народ начал собираться к девяти часам вечера. Одним из первых пришел Юл. Это было нечто! Профессиональный клоун, он в прошлом работал на трапеции. Сейчас он оделся в легкие фисташкового цвета штаны на помочах, майку в черную полоску, бледно-розовые носки и такого же цвета галстук на резинке. С черной шляпы у него грустно свешивался цветок, как у мима Марсо. Но главное, у него совершенно изменилось лицо, и Кейт его даже не узнала. Возле глаз и рта он нарисовал себе черные круги, подчеркивавшие выражение печали или радости; на нос прикрепил выкрашенный в красный цвет шарик для пинг-понга; из-под черной шляпы торчали клоки ярко-красных волос. Накануне он отправил Жаклин к портному за костюмом, который затем старательно изрезал. В его облике все было продумано до мельчайших деталей, а лицо представляло собой настоящую маску. Он просто прелесть – потратить столько трудов, приложить столько усилий! Я им восхищалась. Жаклин сшила для своей дочери Софи костюм Коломбины, а для себя – костюм Пьеро, и даже с помпонами. Она выбелила себе лицо и соорудила шапочку. Илай Уоллок и Лэйни Казан нарядились клоунами-ковбоями, Дэвид Опатошу – бородатой женщиной (он подложил под платье мячики, нацепил черный парик и накрасил себе губы; борода у него была своя!). Его жена переоделась девочкой-клоунессой…

Появление каждого нового участника маскарада производило на остальных все более сильное впечатление. Но всех затмил Морт Шуман. Толстяк натянул на себя голубую шелковую юбку с буфами, из-за пояса которой наружу вываливался его необъятный волосатый живот. На груди у него красовался лифчик от купальника с затолкнутыми внутрь воздушными шарами, а голову венчал кудрявый белый парик. Разумеется, он накрасил губы и размалевал себе щеки. При виде его мы чуть не померли со смеху. Его жена разрисовала себе все тело татуировками. Парикмахер Лэйни Казан явился в облике тощего атлета в леопардовых трусах от купальника, привязав к палке два воздушных шара. Хэнк и Абрахам Полонски пришли в разрисованных от руки блестящей зеленой краской южноамериканских масках, похожие на Железного Дровосека из «Страны Оз». Оливер нарядился клоуном и приделал себе огро-о-о-мный красный нос, который ему почти сразу пришлось снять, потому что тот не давал ему дышать. На нем был пышный

воротник, галстук, куртка, купленные мной штаны с буфами на помочах и большущие башмаки.

Мы веселились и шутили как дети, но было почти грустно видеть лица некоторых актеров, когда кто-то один привлекал к себе всеобщее внимание. Из-за обилия сангрии мы изрядно набрались, а ели бедненьких молочных поросят. Серж не смог проглотить ни кусочка, потому что видел их лежащих на блюде сырыми – крошечных, розовых, напоминающих младенцев. Праздник продолжался до трех часов ночи. Серж, Оливер и Юл показали несколько очень смешных реприз, а потом поспешили в ванную репетировать следующие. Мы слышали, как они там прыскают от смеха. Они делали вид, что мочатся на коврик, – правда, Юл не притворялся… Кейт воспринимала все это как ставший явью прекрасный сон. Она до сих пор то и дело спрашивает меня: «А ты помнишь, как Юл и Серж переоделись клоунами?»

Около трех часов мы вышли в сад. Они начали убирать балкон и музыкальные инструменты. Постепенно праздник угас. Я не ожидала, что он настолько удастся. Юл сказал, что уже лет десять так не смеялся, и, по-моему, он не кривил душой. Глаза у него сияли, он прямо-таки попал в свою стихию. Эйб Полонски играл на ударных, и даже его жена Сильвия, которая вообще-то не любит шумных сборищ, по-настоящему развеселилась. Сколько же мы хохотали! И потом еще несколько недель вспоминали, как было здорово.

К концу съемок в Илоке сильно похолодало, но все равно это было потрясающе. Мне пришлось вернуться в Лондон, на операцию. Вот так все и произошло.

* * *

После моей поездки в Лондон – я решила родить еще одного ребенка, и мне нужно было повидать врача, – мы приняли участие в съемках второго фильма в Югославии, в горах. Мы сняли небольшой домик, в котором поселились вместе с Кейт, Брендой и моим братом. Фильм, финансирование которого взяла на себя партия, прославлял Тито и назывался «Девятнадцать девушек и один моряк». Серж, разумеется, играл моряка, а я – одну из медсестер. Я полуобнаженной купалась в озере, отвлекая внимание нацистов и позволяя Сержу обежать вокруг озера с пулеметом и всех их скосить. По пути он подвернул лодыжку, и я услышала, как он закричал: «Ой-ой-ой!» Среди персонажей был предатель, которого я подозревала и который был, что

называется, с приветом, а также югославская королева красоты. Под впечатлением от этих съемок Серж хотел снять собственный фильм. По его задумке, половина югославских актеров должны были выходить к завтраку в нацистской форме, а между парикмахершей и «психом» плелись сложные интриги. Последние кадры он предполагал снимать с операторского крана, чтобы зрителю стало понятно, что вся картина – это киносъемка. На гонорар Серж купил «роллс-ройс». Больше всего его забавлял тот факт, что он заплатил за него деньгами, полученными от коммунистов. Обе буквы «Р» были красными, потому что господа Роллс и Ройс оба были еще живы. Это был один из первых «роллс-ройсов». Он держал его в гараже *British Motors*, а чтобы ездить, нанимал шофера, потому что у него не было водительских прав.

* * *

1971

21 января

В последний раз я писала в Югославии. По возвращении оттуда, зимой, мы поехали в Венецию. Это было как сон. Город казался таким хрупким по сравнению с летом, когда площадь Святого Марка – на мой взгляд, слишком аляповатую – заливает солнце. Зимой все краски приглушены и словно подернуты серой дымкой. Мы поселились в великолепном отеле – Серж уже останавливался в нем, когда снимали «Лозунг». После четырех месяцев, проведенных в Югославии, у нас захватывало дух от роскоши, великолепия и атмосферы старины. Мы сошли с катера, и нас мгновенно окутал низко стлавшийся туман, сопровождавший нас до самого отеля «Даниэли». Мы с Сержем провели три романтических дня в божественном номере; Кейт и Бренда в основном носились по площади Святого Марка, распугивая ободранных голубей. Лучшего способа вернуться к цивилизации и выдумать было нельзя, но на всем пути от Дубровника до Венеции меня терзала ужасная боль в боку. Водитель, которого Серж взял с собой в Венецию и поселил в одном из лучших номеров «Даниэли», был просто прелесть. Он, как ребенок, собирал и хранил все гостиничные счета – в доказательство того, что он и в самом деле здесь жил. На площади Святого Марка он просидел, не двигаясь, целых четыре часа и сказал, что никогда не видел ничего прекраснее и обязательно привезет сюда свою жену, чтобы все ей показать. Серж подарил ему магнитофон для машины. Прощаясь с нами, он выглядел смущенным: слишком много впечатлений. Было невероятно трогательно наблюдать, как он лучился счастьем. Так вот, именно Джон, наш водитель, сказал, что, возможно, у меня аппендицит. Я ему не поверила и в ответ только рассмеялась. В Париже я пошла к гинекологу, и он подтвердил, что у меня аппендицит, но мне все равно в это не верилось. Тогда он сделал тест на беременность, и угадай, что выяснилось? Анализ крови показал увеличенное количество кровяных телец. Значит, я беременна! Забавно было узнать, что внутри тебя что-то происходит, но врач тут же меня напугал. Он сказал, что я точно беременна, но не исключено, что плод находится в маточной трубе. Господи, от страха я чуть с ума не сошла!

– Если плод в одной из труб, его придется удалить, – сказал он.

– А сколько у меня этих труб?

– Две.

Я решила проконсультироваться с кем-то, кого я хорошо знала и кому доверяла, и позвонила мистеру Шнайдеру. Он велел немедленно приезжать. В тот же вечер мы с Сержем помчались в аэропорт. Если плод и правда находился в маточной трубе, его следовало как можно скорее извлечь, иначе меня разорвало бы изнутри! Рейсы в Лондон были отменены. Я чуть не умерла от тревоги. Мы с Сержем поужинали в ресторане аэропорта. Надежды улететь не было. Все самолеты возвращались в Париж, потому что Лондон не принимал.

Я смогла уехать только на следующий день и сразу отправилась к маме с папой, но их не было дома. Зато я застала Линду. Она напоила меня чаем и отвезла к доктору Шнайдеру. После осмотра он сказал, что никакого плода в маточной трубе нет, ребенок находится в правильном месте, но у меня, скорее всего, острый аппендицит, и нужна срочная операция, чтобы избежать риска, которому я подверглась накануне вечером и ночью. Поэтому в 19:30 я уже была в маленькой палате лондонской клиники. Меня провожала Линда, и я безмерно благодарна ей за ласковую заботу. Я попыталась связаться с Сержем, который остался в Париже. В конце концов мне удалось дозвониться до него в доме его родителей. Мне к этому времени уже сделали первый укол и вот-вот должны были везти в операционную. Он повел себя безупречно и повторял, как он меня любит. Мы все еще разговаривали, когда в палату вошла медсестра и приказала мне повесить трубку. За пять минут до того я поговорила с мамой и папой. Линда рассказала им, что происходит, и они бросили все свои дела в Сассексе и собрались ехать в Лондон.

Я пишу эти строки в последние минуты перед операцией. Мне очень страшно – вдруг я сюда уже не вернусь? По правде говоря, в голове у меня туман, и я жду последний укол. Я так влюблена, что готова умереть, зная, что меня окружают любящие люди – папа, мама, Линда и Эндрю. Как мне с ними повезло! Хотелось бы мне всех их сейчас расцеловать. Милая Кейт, *darling* Серж! Я так хочу ребенка от тебя. Господи, пожалуйста, не забирай его у меня! Странно, какое отчаяние охватывает, когда дописываешь свое последнее письмо. Боюсь, я слишком редко говорила маме и папе, как я их люблю, так же как Линде и Эндрю. В такие моменты, как этот, тебя охватывает неистребимое желание сказать им о своей любви. А Серж… Даже если бы мне предстояло прожить еще миллион лет, я никогда никого не смогла бы полюбить так же сильно, как люблю его.

17 мая

В понедельник утром мы прилетели в Японию. Летели с остановкой для дозаправки в Москве, где я купила Кейт куклу. Поспать в самолете не удалось, и в аэропорту Токио мое платье напоминало смятый носовой платок. Они не ожидали увидеть меня в таком состоянии, но были очень любезны и не осыпали меня проклятиями. В аэропорту собралось множество фотографов. Некоторые люди стояли с плакатами *«Welcome Mr Gainsbourg and Miss Birkin»*[117]. На выходе нас ждал огромный черный лимузин с сиденьями, покрытыми кружевом. Мы уселись в салоне – Серж и я со своей корзиной, которая весила целую тонну, потому что в самолете я набила ее всякими *goodies*. С покрасневшими глазами, без косметики, в мятом платье – я была совершенно не готова к тому, что нас выйдет встречать так много народу. От цветов в машине нас почти не было видно.

Автомагистраль в Токио. Чудовищная пробка. 15-минутный путь занял у нас почти час. Дорожная сеть здесь представляет собой настоящий лабиринт, проложенный между домами и, кажется, ведущий прямо на 11-й этаж небоскреба. Чувствуешь себя словно в городе Бэтмана в 2000 году! Возможно, лет через десять и Трафальгар-сквер превратится в нечто похожее. Мои знакомые говорили мне о Токио кошмарные вещи: якобы город лишен своего лица, над ним не видно неба, а только серая завеса смога, но я думаю, что это уникальное в мире место, абсолютно современное и к тому же переживающее потрясающий экономический подъем. Да, здесь не хватает истории, но в каком-то смысле это и придает ему индивидуальность и собственный характер. Под виадуками приютились маленькие домики, в которых живут люди; они ходят узкими улочками и переулками; отовсюду доносятся аппетитные запахи; тут и там мигает огнями реклама, в том числе неоновые вывески *Coca-Cola*. Пешеходы снуют туда-сюда посреди миллиона автомобилей, но, несмотря ни на что, женщины в кимоно церемонно приветствуют друг друга и вежливо раскланиваются – такое впечатление, что у тебя перед глазами ожил японский эстамп.

Мы живем в очень современном отеле, расположенном неподалеку от Телевизионной башни Токио, которая служит антенной и напоминает Эйфелеву башню, только оранжевого цвета. Потолки в нашем номере были выше, чем у других; нам предоставили люкс с гостиной, в которой стоял огромный цветной телевизор. Мы ужинали с пресс-атташе фильма «Марихуана»; он же взялся повсюду сопровождать нас. Сержа слегка пошатывало, да и мне стоило немалого труда сосредоточиться на том, что нам говорил этот человек, – из-за разницы во времени и из-за того, что в самолете не удалось

поспать. Я клевала носом; в голове все плыло. Ему хватило деликатности сказать, что до завтра у нас ничего не запланировано, и мы отправились к себе. Я проспала до полуночи. Когда проснулась, мы заказали в номер так называемый «полночный сэндвич», после чего снова рухнули спать. Наутро, около семи часов, возле стойки портье нас ждала девушка, чтобы везти на телевидение. Наше появление на экране должно было состояться с 7:30 до 7:50, минута в минуту. Нам преподнесли в дар два восхитительных кимоно с надписью по-японски «Я хозяин». Только позже я узнала, что таков старинный японский обычай – по каждому поводу дарить друг другу подарки.

В час дня – пресс-конференция, а до того – свободное время. Мы решили заняться шопингом в торговой галерее своего отеля. Повсюду, куда ни бросишь взгляд, сплошное *Sony* – и цены как минимум вдвое ниже, чем в Париже. Я искала для мамы маленький радиоприемник, а Серж хватал все подряд. Потом мы пошли в японский ресторан и ели сырую рыбу. Это очень здоровая кухня, вернее сказать, отсутствие кухни. Я выпила несколько литров саке. Нас повезли на пресс-конференцию. Открыли перед нами небольшую дверь, которая вела на темную лестницу, и мы оказались в ночном клубе, залитом светом мигающих огней. Спутникам пришлось держать меня, чтобы я не упала и не разбила себе физиономию, иначе дело кончилось бы срочной отправкой в токийскую больницу. Клуб располагался на двух этажах с балконом. Как только мы вошли, фоном зазвучала песня «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет»; в полуподвале демонстрировали кадры из фильма «Марихуана». Одним словом, все было отлично организовано. С балкона я видела огромное скопище народу, но не могла поверить, что эти сотни мужчин и женщин явились сюда ради нас. Я насчитала человек тридцать фотографов и шесть или семь журналистов с микрофонами. Нас представили, и началась пресс-конференция. Вопросы, вопросы, вопросы… Вспышки фотокамер… При этом – никакой агрессии. Нашим переводчикам было нелегко переводить ответы Сержа, как всегда, странные, смешные и двусмысленные.

После пресс-конференции три десятка фотографов следовали за нами по всему городу. Я купила себе двух водных черепашек, которых таскала за собой в картонных стаканчиках. «А что они едят? Ням-ням?» – на языке жестов спросила я у продавца-японца. «Нет! Не для есть!» – ответил он, с ужасом глядя на сумасшедшую туристку, которая собралась сожрать его черепашек.

Я попыталась дать им немного риса, но они не проявили к нему никакого интереса. Тогда я подсунула им кусочек стейка, и

на него они набросились с жадностью. В эту минуту они потеряли для меня всякую привлекательность. Вместо милых домашних зверушек у нас в ванной плавали два крошечных восточных каннибала.

Затем – полет до Осаки. Нас устроили в отеле при аэропорте – это меня-то, великую артистку! И больше никаких кимоно! Пока я искала прочный пластиковый пакет для своих черепашек, эти чертовы твари плавали в раковине. Полет занял примерно час. Из аэропорта нас на машине повезли в центр Осаки, в очень современный отель. Я нашла для черепашек красное пластмассовое ведро, в котором они смотрелись еще отвратительнее. Мы с Сержем перепробовали всю местную еду, а в баре, которым заправляли три очень услужливых гея, – чуть ли не все местные напитки. Парни без конца хохотали и восхищенно фыркали, когда Серж тыкал пальцем в очередную настойку. Затем мы отправились в кинотеатр, где был устроен кошмарный закрытый показ «Марихуаны». Нас предупредили, что зал может оказаться полупустым, потому что в тот день проходила забастовка транспортных рабочих, но народу набилось битком. Мне было очень страшно. Мы сказали несколько слов перед началом фильма и подарили афишу «Марихуаны» со своими автографами несчастной девчушке, которая, чтобы попасть на показ, прождала в кинотеатре целую ночь. За ней следом к нам поднялись еще две девчонки – они хихикали и прикрывали лица руками. Они преподнесли мне подарки для Кейт – кимоно, *happy-coat*[118], зонтик от солнца и крошечные раскрашенные деревянные сандалии. Я сказала, что сфотографирую Кейт в этом одеянии и пришлю им снимок. Нас завалили цветами. К счастью, вскоре начался показ фильма и мы смогли потихоньку исчезнуть. Нас на машине повезли в Киото. Поездка длилась два дня. Японцы оказали нам любезность, организовав ее, – никаких дел у нас в этом городе не было, зато мы осмотрели старинные японские памятники.

Отель в Киото в очередной раз поразил нас своим современным видом. Черепашки переселились в новый контейнер, вызвав приступ смеха у двух наших горничных. Рано утром следующего дня мы отправились осматривать храмы. После двух восточных *tea gardens*[119] Серж взмолился о пощаде: он страшно устал, у него опухли ноги и болело все тело. В каждом *tea house*[120] требовалось разуваться, и – фу! – в нос сразу шибало вонью потных ног. Мы чуть со смеху не померли. К чайной церемонии здесь относятся очень серьезно – никаких вам *crumpets*[121], никакого молока или сахара, а главное – никакого веселья. Время чаепития посвящено медитации. Затем мы

отправились в город, где проходило нечто вроде карнавала. Здесь было огромное количество детей, и один малыш спал прямо на сиденье мотоцикла! Маленьких девочек – лет восьми, не старше – накрасили в восточной манере. Я выронила свой «поляроид» и чуть не расплакалась – две пленки пропали, ни одного снимка не сохранится! Сержу надоело позировать. Две минуты спустя я уже ругалась как сапожник, потому что эта дрянь не желала вылезать из аппарата. После ярмарки нам хотелось отдохнуть, но нас повезли в очередной *tea house.* Нам подали шесть блюд, и только тут выяснилось, что произошло недоразумение: официантка решила, что ужин заказан на четверых, – и это не считая чая!

Назад в отель; полчаса на переодевание и – в кинотеатр. Чайный сервиз, икебана, танцы и кукольное представление – в общем, ты можешь себе представить. Мы с Сержем удостоились роли дегустаторов разных сортов чая. Серж съел мои печенья с предсказаниями, и все засмеялись. Мы пригласили на ужин двух наших постоянных сопровождающих. Ели говядину Кобе, очень вкусную. Но мы с Сержем уже пробовали лучшее мясо, которое готовят в Токио: его жарят у вас на глазах на большой раскаленной жаровне, а затем накрывают. Это невероятно вкусно.

Следующий день был последним, и мы отказались от посещения храмов, а вместо этого обошли три крупных универмага. Я купила детскую коляску. Своих черепашек я подарила парню, который нас сопровождал, сунув их в гигиенический пакет для рвоты. В любом случае во Франции их бы у меня конфисковали, а так я была счастлива, что наконец-то от них избавилась. Мы в последнюю минуту впрыгнули в поезд «Токио-экспресс» – самый скоростной в мире; внутри был даже телефон. Во время одной из стоянок нас встречали на перроне приветственными плакатами представители компании *Nippon Herald Films.* Мне подарили искусственный жемчуг, а Сержу – булавку для галстука. Потом мы сели в самолет, и той же ночью уже летели над полюсом.

На следующее утро мы сели в Анкоридже, где я купила плюшевого белого мишку и открытку *made in California!* Еще там продавали шляпы из тюленьей кожи и ужасных эскимосских кукол. Само собой разумеется, их я покупать не стала. Я сфотографировала Сержа на самолетном трапе. Снимок вышел размытым – гору не видно, не говоря уже о полярных медведях.

В Париж мы прилетели в 8 часов следующего утра. Серж без конца фотографировал Северный полюс и пил, одновременно демонстрируя стюардессам и стюардам фотоальбом с памятными снимками, который нам презентовали наши японские друзья.

После ужина мы вместе с Ги де Ротшильдом пошли на

премьеру фильма «Смерть в Венеции». Я сидела рядом с Ги, а Серж – рядом с Мари-Элен. Сержу фильм понравился. Наша с Ротшильдами реакция была более сдержанной: фильм очень красивый, но не такой тонкий, как книга; в романе герой – в первую очередь эстет, а в картине слишком много страстных вздохов и стонов…

7 июня

Наконец-то Кейт поправилась после бронхита. Сейчас ей не сидится на месте, она лазает повсюду – ни минуты покоя.

В прошлую субботу случилось ужасное событие. Мы с Сержем решили в выходные спокойно отдохнуть в Туке. Но в пятницу вечером позвонила явно встревоженная Линда и сказала, что заболел папа. Все в шоке: у него обнаружили опухоль, и не исключено, что злокачественную. Линда была в отчаянии. Папа запретил ей звонить мне, чтобы меня не волновать, но бедная Линда была совсем одна: Эндрю работал, а мама уехала в Кембридж на репетиции своей пьесы. Я очень испугалась и позвонила в Лондон доктору Робертсу, но его помощница сказала, что он не может подойти к телефону. Я объяснила ей, кто я такая и почему так волнуюсь за папу; если она сможет связаться с доктором Робертсом, пусть попросит его перезвонить мне из деревни за мой счет. Доктор Робертс перезвонил через два часа, которые мне показались вечностью. Он сказал, что не видит причин для срочной операции и запланировал ее на среду, что никакой опасности нет и тревожиться не о чем. Я хотела немедленно лететь в Лондон, но он сказал: «Ни в коем случае не делайте этого! Вы только заставите его напрасно волноваться!» Я согласилась, но добавила, что мне просто хочется быть рядом с ним, чтобы его поддержать. Ночью я почти не спала и решила лететь в Лондон в субботу утром. Серж повел себя наилучшим образом и отменил наш уик-энд в Туке. В 4:30 мы вылетели и в 6:15 были уже в Чейн-Гарденс.

Линда предупредила, что папа не такой, как всегда, потому что находится под действием сильных обезболивающих. Она хотела меня подготовить, но это ей не удалось. Папа встретил меня ласково, но в его голосе звучало такое отчаяние, что я едва сдержала слезы. Он сказал, что мечтает увидеть малыша и надеется, что он родится на этой неделе, иначе он его уже не увидит, как и отец Сержа. Мы обнялись, и мне пришлось спрятать лицо, уткнувшись ему в пижаму, чтобы он не заметил, что я плачу. Я больно ущипнула себя, стараясь остановить слезы. В ту субботу, чем сильнее действовали обезболивающие, тем печальней становился папа. Он вдруг принялся благодарить меня

за всякие пустяки, которые я для него делала, хотя их и сравнить невозможно с тем, что он сделал для меня. Он сказал, что, когда я выходила замуж, ему было плохо – физически плохо, и именно это послужило толчком к появлению язвы и развитию болезни. Вот так, сами того не замечая, мы способны ранить своего отца. Я об этом понятия не имела, но так вышло, что я причинила боль единственному на свете человеку, ради которого перевернула бы землю и небо, лишь бы избавить его от страданий. Он сказал, что очень любит Сержа, и попросил принести его фотографию, чтобы поставить себе на тумбочку. Еще он добавил, что мне с ним повезло и что со стороны Сержа было очень любезно прийти его навестить. Я счастлива, что он любит его так же, как я, и видит в нем то же, что вижу я. В 16 часов Сержу пришлось уйти, и я проводила его в аэропорт. Ужасно, что я не смогла остаться с ним до последней минуты. Он оказал нам огромную поддержку и повел себя как истинный джентльмен, например, подарил папе свои часы – очень красивые, с рисунком на деревянном корпусе. На удачу.

Линда отвезла меня в мой домик на Чейн-Роу[122], и я сразу пошла спать. Я с огромным интересом рассматривала коллекцию журналов Playboy и Penthouse, которые собирал Серж. Когда его со мной нет, я сплю в его спальне.

11 июня

Завтра уезжаем из Лондона. Вчера я разговаривала с папой. Операцию ему назначили на 23-е, так что я надеюсь, что он сможет провести с нами пять дней на острове Уайт. Серж присоединится к нам в понедельник утром. Вчера я навестила мать Сержа. Она выглядит лучше, но по-прежнему сильно горюет и кажется немного потерянной. Не думаю, что Серж уговорит ее поехать вместе с нами на остров Уайт. Она не хочет покидать Париж. Я очень люблю ходить к ней. Я уверена, что ее необходимо как-то отвлекать от мыслей об отце Сержа.

Серж водил меня ужинать к Люка Картону – это старинное и весьма рафинированное французское семейство. По пути мы зашли выпить по стаканчику в «Максим». У меня была с собой корзиночка черешни. Они предложили вымыть ягоды и переложить на серебряное блюдо, но я люблю есть черешню немытой, теплую и чуть запыленную. Так я ее и съела, прямо из корзинки. Серж выпил бутылку шампанского, захмелел и сделался невероятно мил. Наш скрипач, как всегда, играл для нас «Грустный вальс» Сибелиуса. Серж сказал ему, что его отец, который был в «Максиме» пианистом, умер полтора месяца назад. Бедняга страшно расстроился. Он печально щипал струны своей

скрипки, готовый заплакать. После этого я весь вечер думала об отце Сержа и о том, как он был бы рад сидеть вместе с нами у «Максима». Он ведь так ни разу сюда и не пришел. Мы собирались пригласить их с матерью Сержа на ужин, но не догадывались, что у нас оставалось так мало времени. Я не писала про этот ужасный уик-энд, случившийся почти два месяца тому назад, потому что была слишком потрясена. Бедный Серж, для него это было страшным ударом, но он вел себя очень мужественно и, как мог, поддерживал мать и сестер, которые были вне себя от горя.

Это случилось в четверг 22 апреля в 8 часов утра

К нам в спальню прибежала Джоанна[123] и сказала, что звонит Жаклин. Было еще очень рано, и я не вполне проснулась, но Серж вскочил мгновенно и бросился к телефону. Позже он говорил мне, что его кольнуло предчувствие чего-то серьезного и нехорошего. Он разговаривал очень тихо, но по звуку его голоса я поняла, что и правда происходит что-то ужасное. Он сказал что-то вроде: «Сейчас» – и повесил трубку. В спальне было темно, но я частично видела его лицо – по щекам бедного Сержа текли слезы. Каким-то детским голосом он сказал: «Мой папа умирает». У меня нет слов, чтобы описать его лицо и этот голос. Я никогда не видела так близко такой боли, потому что, когда умерли мои бабушка с дедушкой, со мной не было папы и мамы и я не видела на их лицах того выражения шока, какое сейчас наблюдала на лице Сержа. Жаклин только что сообщила ему, что их отец умирает. Почему, отчего – этого я не знала и не хотела его расспрашивать, чтобы не причинять лишнюю боль. Я попыталась внушить ему надежду: «умирает» еще не значит «умер». Но он сказал, что положение безнадежное. Врач объяснил Жаклин, что сделать ничего нельзя. Поезда на 11 часов не было, а ждать мы не хотели, и тогда я предложила поехать на такси. Так мы и поступили. С. не хотел брать меня с собой, потому что я была беременна, но когда еще человек, которого ты любишь, так нуждается в твоей помощи, как не в такие минуты горя и отчаяния? В общем, я быстро оделась и дала слово, что буду держаться в сторонке. Мы заехали за Жа-клин. Она села на заднее сиденье рядом с Сержем. Все два часа пути мы плакали и боялись, что приедем слишком поздно.

Но вот наконец и Ульгат. Серж и Жаклин бросились в дом. Меня Серж попросил подождать их в кафе. Я присела на крыльце, опершись спиной о чемодан Жаклин. Так прошло полчаса. Я думала о том, что пообещаю ему сделать все что угодно. О том, как я его люблю. О нашем ребенке. Мне хотелось, чтобы он знал о

моей любви, о том, что я во всем готова ему помогать и буду всегда заботиться о нем.

На углу улицы появился Серж. Он был бледен и шел медленным шагом. Я вскочила ему навстречу, чтобы спросить, как отец. «Он умер, – ответил он. – Умер еще сегодня утром, в восемь часов». Оказалось, врач не решился сразу сообщить эту весть, но в 8 утра все уже случилось.

Я хотела зайти в дом, но Серж взял с меня обещание, что я этого не сделаю. Его мать сидела в углу, крошечная, подавленная – в лице ни кровинки. С ней была Жаклин. Тоненькая, хрупкая, она показала себя такой храброй и сильной, как я не смогла бы никогда. Мать Сержа снова и снова рассказывала, как все произошло. Они провели чудесный день на пляже; он говорил ей, что у него такое ощущение, словно у них второй медовый месяц. Она собирала ракушки. Ко времени чая они устали и вернулись в арендованный дом. Пообедали мидиями, и он сказал ей, что счастлив, но ему немного нездоровится. Поэтому они решили на ужин никуда не ходить. У них была газовая плитка, они приготовили себе легкий ужин и легли спать. Около полуночи он проснулся от острой боли. Мать Сержа подумала, что это простое несварение и что он переел мидий, и не слишком встревожилась. Он сказал, что ему правда нехорошо, и снова лег. Тут она увидела на простыне и на полу, там, где он ходил, следы крови – оказывается, его вырвало. Она хотела вызвать врача, но он сказал, что ничего страшного с ним не происходит, и снова заснул. Около пяти часов утра он проснулся; его опять начало рвать кровью. «Быстро вызови врача! – сказал он. – У меня страшные боли в желудке». Она побежала к владельцам дома, чтобы они помогли ей найти врача. Когда она вернулась, он лежал на полу в луже крови. Она положила его голову себе на колени. «Врач придет?» – спросил он, и она ответила: «Да». Ей вдруг стало страшно. Она принялась хлопать его по щекам и кричать: «Ты не можешь меня бросить! Скажи что-нибудь!» Но больше он ничего не сказал. Он умер через несколько минут. Врач пришел слишком поздно.

Отец Сержа

Я любила вас, милый человек, но не успела вам это показать; я не успела сказать вам, что люблю вас, милый человек

Вы лежите в гробу и кажетесь таким спокойным

Я так и не успела ничего вам пообещать

Слышите ли вы меня?

Мой ребенок шевелится у меня в животе, прямо напротив вашего лица

Какой покой после пережитого страха, какой одинокий покой

Что вы делаете в небесной выси

20 июля. Рождение Шарлотты

Я в больнице. Колыбель готова. Теперь мне остается одно – произвести на свет ребенка. Мы с Габриэль и Эндрю пообедали в ресторанчике на Кингс-Роуд. Говорили о супружеской верности и о мужьях – мало утешительного. Потом я пробежалась по Кингс-Роуд, надеясь ускорить начало родов, но это не сработало, и Серж снова отвез меня в больницу.

Мы оставили свои вещи в клинике и пошли на Харли-стрит к доктору Боссу – накануне Серж обжег палец азотной кислотой. Потом навестили папу в больнице Эдуарда VII. Операция прошла успешно, и завтра его выписывают. Мы вернулись в мою больницу и стали ждать, когда меня осмотрит доктор Шнайдер. Он сказал, что головка ребенка достаточно опустилась, что все идет нормально и что мы можем пойти куда-нибудь поужинать. Мы отправились в заведение под названием «Маленький Монмартр», в котором все официанты – итальянцы. До чего приятно было сидеть там с мамой и Сержем! По возвращении в больницу я приняла две таблетки снотворного.

Я уже так люблю своего ребенка! Девочка это или мальчик, мне не терпится его увидеть и сказать ему, как я его ждала и как он мне дорог, потому что это так и есть. *Sweet*[124] Серж так волнуется! Он просто ангел! Он боится, что мне будет больно. Я сказала ему, что, когда очень хочешь чего-нибудь, боль не страшна. Он принял таблетку снотворного. Надеюсь, он выспится. Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы с моим ребенком все было в порядке!

Моя любимая Шарлотта родилась 21 июля в 10:15. Она весит 3,4 килограмма, и у нее на головке шапка черных шелковых волосиков. Она – самое прекрасное из того, что я видела в жизни. Мы с ней были связаны серо-розовой пуповиной. Я видела, как они перерезали эту пуповину, а потом протянули мне малышку. Какая же она крохотная и какая хорошенькая! Мне хотелось, чтобы Серж посмотрел на нее, пока она еще была привязана ко мне, но они с Эндрю ждали за дверью. Он сказал, что счастлив тому, что у нас родилась девочка. Мама сказала, что он был страшно возбужден. А Габриэль, которая оставалась со мной до последней минуты, добавила, что от радости он был просто вне себя. Серж и Эндрю отправились вместе отпраздновать это событие!

* * *

Во время родов Серж стоял за дверью на четвереньках, приложив к стене стетоскоп, чтобы слышать все, что происходит в родильном зале. Он заранее предупредил меня, что не хочет видеть, как я рожаю, потому что после этого никогда не сможет со мной спать. Эндрю был рядом с ним. Я подозреваю, что они опустошили в баре напротив больницы все запасы спиртного, включая банановый ликер. Когда мне впервые показали Шарлотту – желтенькую, с раскосыми глазами, – я решила, что виной тому наша недавняя поездка в Японию. Мне казалось логичным, что в результате она пожелтела. Мы назвали ее Шарлоттой по просьбе Сержа; мне больше нравилось имя Люси. В конечном итоге ее назвали Шарлоттой Люси, и я иногда называла ее Люси, а иногда – Йойотой. Но Серж был прав: имя Шарлотта гораздо красивее, что на английском языке, что на французском.

* * *

Воскресенье

Мистер Шнайдер посоветовал нам показать Шарлотту педиатру. Желтушка у нее все не проходит. В Мидлсекской больнице нам предложили сделать ей переливание крови. Серж так волновался, что остался на ночь в расположенном напротив ужасном отеле. Нас навестили Юл Бриннер и Жаклин. Он назвал ее «Шарлоттой с абрикосами», потому что она вся желтая, и, как крестный отец, подарил ей браслет. Мне принесли ее попрощаться. У меня чуть сердце не разорвалось, до того она была маленькая и беззащитная – крохотное желтое личико и черные волосики… Потом у меня спросили, какого она вероисповедания[125]. Я думала, что умру. Серж побледнел. По щекам у него текли слезы. Он сам отвез их вместе с медсестрой в Мидлсекскую больницу на такси. В полной панике я позвонила папе, и он тут же примчался, несмотря на послеоперационные швы. Мой любимый папочка был со мной, когда вернулся Серж, насквозь промокший: он шел пешком через весь Лондон под проливным дождем.

* * *

Серж часто повторял, что эта прогулка под дождем была самым счастливым событием в его жизни, потому что в Мидлсекской больнице ему разрешили посмотреть на Шарлотту, хотя могло быть иначе, ведь ее записали как «младенца Биркин».

Когда Серж явился в отделение реанимации, он выглядел каким-то бродягой: многодневная щетина, выпученные от страха глаза, взлохмаченные волосы и, полагаю, ощутимый дух бананового ликера. Но они сжалились над ним и, хотя днем раньше некий маньяк убил в одной английской больнице нескольких недоношенных младенцев, позволили ему через стекло наблюдать за Шарлоттой. После этого он и отправился в пеший поход через Лондон!

* * *

Только сейчас могу что-то написать. Потому что знаю, что с ней все хорошо. Сегодня я видела ее в маленькой палате Мидлсекской больницы. Причина желтухи по-прежнему остается загадкой. Завтра в 5:30 утра опять поеду ее кормить.

Понедельник 1 августа

Сегодня выписываюсь из больницы. До чего грустно уносить с собой детские одежки и одеяльца без ребенка! Серж прошел пешком от Мидлсекской больницы до Челси: Оксфорд-стрит, Риджент-стрит, Трафальгар-сквер, наконец, Букингемская площадь… Только там он сел в такси. Назавтра, измученный этим долгим переходом, он приехал меня забирать. Заплатил 250 фунтов, и мы отправились домой. Серж потратил все свои французские деньги, но даже не мог взять на руки собственного ребенка!

* * *

Опубликованные во французской прессе фотографии Тони Фрэнка, на которых мы с Сержем – счастливые родители – запечатлены с переносной колыбелью в руках перед моим домом на Чейн-Роу, производят впечатление полной идиллии, но на самом деле колыбель была пустой, потому что Шарлотта лежала в больнице. Но это был наш секрет.

* * *

Дома мы смотрели по телевизору на людей, делающих первые шаги на Луне. Из парка вернулась Кейт. Я волнуюсь, не станет ли для нее травмой появление в семье маленького

ребенка.

Я позвонила в больницу. Мне сказали, чтобы я приехала к 10 часам утра. К этому времени доктор Харт решит, когда можно будет забрать Шарлотту домой. Надеюсь, что Серж, который уехал ночным поездом, чувствует себя хорошо и что ему дали теплое одеяло. Вечером разговаривала с Габриэль. Она обещала узнать, где я могу купить бультерьера, чтобы подарить ему на Рождество. Он говорил, что раньше не хочет – из-за Шарлотты.

* * *

Серж хотел именно бультерьера, потому что когда-то в молодости видел в ресторане «Фуке» шикарного мужчину, который пришел как раз с такой собакой. Ему казалось, что у бультерьеров доисторические морды. Тогда он сказал себе, что, если в один прекрасный день заведет собаку, то это будет бультерьер.

* * *

В четверг вернулся Серж. Кейт целый день провела с двумя детьми Габриэль. Думаю, через год она почувствует себя лучше. С самого рождения она была одна, а теперь у нее появится компания, свой детский мир. Для нее это очень важно. Серж принес темно-синюю английскую коляску от *Silver Cross*. Она стоит целое состояние. Вместо того чтобы работать с Роланом Пети[126], он накупил кучу вещей. Он пошел в дорогущий бутик на авеню Виктора Гюго, где его встретили возгласами: «Поздравляем!» До чего он был мил, когда сошел с поезда с огромной коляской в руках, широко улыбаясь. Я так им горжусь, им и его отцовскими чувствами.

Воскресенье 15 августа

Мы все собрались в Ле-Туке[127]. В среду выписали из больницы Шарлотту. Хорошо, что она дома. Серж забронировал столик на пятницу. Я совершенно забыла внести имя Шарлотты в свой паспорт, и нам пришлось побегать, чтобы ее зарегистрировали. Но мы сделали все необходимое, и в 14:30 наше небольшое веселое семейство село на пароход. Мы с Сержем раздавали пассажирам автографы, а примерно через полчаса все вокруг уже блевали от качки.

Октябрь

Вот и осень. Шарлотте уже три месяца. В субботу нас навестил папа. Мы ходили в школу на ежегодное родительское собрание, посмотрели класс, в котором будет учиться Кейт. Судя по всему, она успевает не хуже других, особенно по рисованию. Она левша и иногда пишет задом наперед, но в остальном с ней все в порядке.

Мы с папой и Кейт ходили на чай к матери Сержа. Она чувствует себя хорошо. Чай был превосходным. Вместе с нами были Жаклин, Ив и Изабель. Папа обожает мать Сержа. Она была в отличной форме, много шутила и смеялась, если не считать моментов, когда мы вспоминали отца Сержа.

На ужин ходили в «Оранжери». Угадай, кого я там увидела! Художника Фрэнсиса Бэкона! Я чуть не умерла, но набралась смелости и попросила у него автограф. Он был очень мил и сказал мне, что я хорошенькая. Он поставил автограф на 100-франковой купюре для Сержа и уже убирал ручку, когда я сказала: «И мне тоже!» Он расписался еще раз. Тогда я сказала: «И для моего папы!» Он засмеялся, но исполнил мою просьбу.

* * *

Я помню, что, пока он расписывался на денежной купюре и на клочках бумаги, я, чтобы потянуть время, спросила, где он выставляется. Он не хотел отвечать – из скромности. Но я настаивала: «Послушайте, я живу на улице Вернёй, может, вы выставляетесь где-нибудь неподалеку?» Тогда он ответил: «Я выставляюсь в Гран-Пале». Бедняга, он был в ужасном настроении, потому что за несколько дней до открытия выставки в Гран-Пале его любовник Джордж Дайер повесился в отеле на улице Сен-Пэр.

* * *

Вторник

Мы с папой проснулись поздно. У меня было паршивое настроение, поэтому мы стали друг друга смешить. На выставку Моне решили пока не ходить, и правильно сделали: был понедельник, и все музеи были закрыты. Мы выпили кофе в кафе «Дё-Маго». Потом пошли в кино. К нам присоединился Серж, измученный работой. Ужинали в «Куполь». Пока папа с Сержем объедались устрицами, у мужчины за соседним столиком

случился сердечный приступ. Кто-то из посетителей надел ему на голову пластиковый пакет. И он очухался. Почти никто не видел, как он упал на лавку. Не хотелось бы мне пережить сердечный приступ в «Куполь». Слишком мало шансов, что тебя спасут.

Декабрь

По случаю дня моего рождения Серж устроил грандиозный праздник. Он купил безумно дорогие старинные китайские и английские тарелки, бокалы по 20 фунтов за штуку и серебряные блюда. Какая изысканная роскошь! Были Юл с Жа-клин, месье и мадам Азан, Зизи с Роланом, Ив Сен-Лоран и Пьер Берже.

В четверг я водила Кейт в зоопарк. Потом мы пошли к Сен-Лорану на примерку платья, которое мне шьют для бала у Ротшильдов. Сен-Лоран нарисовал его специально для меня – ради Сержа. Не представляю, во что это обошлось бедняге Сержу. Но это была его идея. Он просто прелесть.

* * *

С Ивом мы познакомились на мюзикле с участием Зизи. Мы с Сержем сидели у нее в гостиной на золоченых стульчиках, и Серж шутки ради выбирал платья из тафты. Ив Сен-Лоран сшил мне кружевное платье для знаменитого бала Пруста, который Ротшильды устраивали в замке Феррьер.

Нас пригласили на званый ужин по случаю дня рождения Мари-Элен. Мы с Сержем заказали три дюжины белых роз, но их не доставили. Все подарки были разложены на большом столе, чтобы именинница открыла их после ужина. Мы страшно расстроились, не увидев там своих роз. Когда мы сидели за столом, Мари-Элен развернула салфетку и обнаружила в ней изумруд размером с кулачок младенца. «Какая прелесть!» – сказала она барону де Реде. Я сидела рядом с великим пианистом Рубинштейном, который трепал меня по коленке. За десертом я шепнула Сержу: «Тип по соседству пытается играть у меня на коленке!» Серж ответил: «Пусть играет, Жаннет. Он гений».

* * *

Только что вернулся Серж. Он придумал отличное название для альбома Ванье: «Дитя – убийца мух». Потрясающая идея! Ванье дал ему послушать разрозненные куски, состоявшие из музыки и других звуков, и попросил помочь с названием. Серж

справился блестяще. Последняя композиция диска называлась «Смертоносная для детей бумага», а предыдущая – «Вальс короля мух». Серж был генератором гениальных идей. Многие способны на красивую оркестровку, но, если нет идеи, все это ничего не стоит. Талант Сержа проявился в том, что сначала он сочинил стихи для альбома *Melody Nelson* и только потом написал для него музыку. Это была великолепная реализация концепции.

* * *

Melody Nelson считается самым лучшим альбомом Сержа Генсбура. На обложке помещено мое фото работы Тони Фрэнка: я стою в рыжем парике. Серж нарисовал у меня на лице веснушки. Я не могла как следует застегнуть джинсы, потому что, в отличие от Мелоди Нельсон, мне было не 14 лет и я была беременна Шарлоттой, примерно на пятом месяце. Чтобы прикрыть молнию, я держу в руках Манки. Мелоди погибла в авиакатастрофе по пути в Сандерленд. Когда я вместе с Эндрю в первый раз услышала аранжировку, особенно финальные барабаны, я поняла, что никогда раньше не слышала ничего столь же великого. Никто еще не додумался, что можно композиционно выстроить альбом на основе какой-то истории. Эндрю пытался распространить диск через пиратские радио, но никто им не заинтересовался. Для меня стихи Сержа в аранжировках Ванье стали вершиной его творчества, как и «Человек с кочаном вместо головы», написанный несколькими годами позже. Ни та ни другая композиция не вошла в список бестселлеров, но сегодня их наконец-то признали. «Особняк» – это в некотором смысле отель «Боз-Ар»; в одном из его номеров действительно была кровать на столбиках в виде негров, держащих факелы. Рыжие волосы были позаимствованы у Люси – дочери Габриэль; черты лица – у Лолиты Набокова. Сегодня странно думать, что, помимо «Восковой куклы» и убойной «Я тебя люблю…», ни одна песня Сержа не вошла в Top-10. Разве что *«Sea, sex and sun»*[128], но, откровенно говоря, она никогда не относилась к числу моих любимых. Только в 1983 году *Melody Nelson* наконец стала золотым диском. Мы к тому времени уже расстались, но Серж подарил мне диск со словами: «Все-таки он наш!» На вершины чартов он попал с песней «К оружию, и т. д.» и позже, с американскими композициями *«Love on the Beat»* и *«You're under Arrest»*[129], когда стал «мистером Генсбарром» и получил платиновый диск. Популярность пришла к нему в 60 лет.

* * *

14 декабря, мой день рождения

Серж подарил мне гардению и устроил пышное празднество. Гости собрались к девяти часам вечера, одетые с иголочки. Я была в платье от Сен-Лорана, которое мне подарил Серж. Он страшно нервничал и без конца бегал на кухню, где Мамаду колдовал над двумя индейками. Весь день мы носились по магазинам, докупали ножи и вилки, купили тонну икры, огромную бутылку водки, гигантскую голову стилтоновского сыра и гору мандаринов. Пили шампанское и отличный портвейн. Ужин прошел великолепно. Сен-Лоран был молчалив и казался робким. Мы в первый раз устраивали ужин дома.

* * *

Мамаду был мажордомом Сержа. Я его обожала. Он прожил с нами довольно долго, готовил нам мафе[130], наотрез отказывался застилать постель няни и мечтал о том, чтобы открывать двери нашим знаменитым гостям. Впрочем, гости бывали у нас редко. Тот день рождения стал для него поводом блеснуть своими талантами. Он и правда был настоящее сокровище. Если мы получали письма с оскорблениями, он брал их к себе в спальню и там на них мочился. Мы с Сержем искренне верили, что он обладает даром снимать сглаз. Когда родилась Шарлотта, он подарил ей томик Аполлинера в издании «Плеяд».

Джейн и Эндрю вместе с матерью, Джуди. 1950

Джейн и Джуди во время визита королевы Елизаветы II на кружевную мануфактуру «Биркин Лейс» в Ноттингеме

Джейн с Манки на руках, Эндрю и Линда в машине; рядом – их отец, Дэвид. Паддингтонский вокзал, 1958

Джейн в 1963 г.

Джейн в Баттерси-парке, 1964

Эндрю и Джейн. Лондон, 1964

Джейн Биркин и Джон Барри в день свадьбы. Лондон, 16 октября 1965. (Photo by King/Sunday Mirror/Mirrorpix/Getty Images)

Джейн и Джон Барри в Чейн-Гарденс, 1966

Лондон, 1965

Джейн на берегу Сены, во время съемок «Слогана». Октябрь 1967

Джейн и Кейт, 1968

Джейн, Серж и Кейт в Сен-Тропе во время съемок «Бассейна», 1968

Серж и Джейн в Каннах, 1969

Джейн, Серж и Режин. Довиль, май 1969

Джейн, Серж и Кейт в Каннах, 1969

Джейн, Серж и Кейт в Оксфорде, август 1969

Серж Генсбур и Джейн Биркин в фильме «Марихуана» (1970). (Photo by Sunset Boulevard/Corbis via Getty Images)

Джейн с Шарлоттой. Лондон, июль 1970

Серж и Джейн с новорожденной дочерью Шарлоттой. Лондон, июль 1970. (Photo by Tony Frank/Sygma via Getty Images)

На гала-концерте Союза художников и артистов. Париж, апрель 1969. (Photo by Keystone-France/ Gamma-Keystone via Getty Images)

Даже на Каннском фестивале (1974) – с «фирменной» плетеной корзинкой, предшественницей легендарной сумки «Биркин», которая будет создана специально для Джейн, а затем станет мечтой всех модниц планеты. (Photo BestImage)

Памятная церемония на пляже Бонапарта. Сентябрь 1975 г. Джейн, ее отец Дэвид (в очках); слева от него – Джо Менги

Эндрю и Джейн на берегу озера Серпентайн. Лондон, июнь 1976

1972

[131]

* * *

Начиная с этого времени я, как мне кажется, начала понемногу влиять на имидж Сержа, чем немало горжусь. Мне казалась дурацкой его манера слишком тщательно бриться, из-за чего он выглядел слишком моложавым, прилизанным, гладким. И наоборот, если у него отрастала трех-четырехдневная щетина, да еще и неровная, он делался похож на татарского хана. По моему совету он купил машинку для стрижки волос и с ее помощью поддерживал на лице свою ставшую знаменитой трехдневную щетину. Ему шли украшения, потому что на теле у него волосы не росли. Кроме того, я убедила его не носить носки: вид мужчины в носках вселяет в меня уныние. Однажды я пошла в магазин *Repetto*, принадлежавший матери Ролана Пети (Серж писал песни для его жены Зизи). Возле кассы стояла корзина с уцененной обувью. Я, как обычно, купила себе туфли-балетки, а в корзине обнаружила мужские туфли, мягкие, как носки. Серж страдал плоскостопием, и не мог носить неудобную обувь, а эти туфли идеально ему подошли. Я притащила домой всю корзину, и с тех пор он только в этих туфлях и ходил. Обычно он носил джинсы, но мне нравилось, когда с ними он надевал элегантный пиджак в тонкую полоску. Как-то в Челси, в бутике *Antique Market*, мы наткнулись на дамский пиджак с вытачками спереди, который сел на него идеально. Специально под этот пиджак я заказала для него костюм у Ланвена. Тогда же я уговорила его носить очки в металлической оправе: в них он напоминал русского профессора – эксцентричного длинноволосого чудака.

У него был подаренный мной черный дипломат фирмы *Vuitton*. Однажды я в припадке ревности довольно сильно его помяла. Серж не стал отдавать его в починку; ему нравились «шрамы» на теле дипломата. Внутри лежали деньги (он не любил выходить из дома без денег), одежки моей обезьянки Манки и письма с оскорблениями, читать которые он обожал («у вас глаза ударенной током жабы, и ради вас я разорился на почтовую марку за 1 франк»), а также письмо от членов Почетного легиона с требованием снять фальшивый орден, потому что он не имел права его носить. Будь они поумнее, сами наградили бы его, но они и не догадывались, с каким уважением он относился к этому

ордену и никогда не позволил бы себе над ним насмехаться. Свой Орден искусств и литературы он всегда держал на почетном месте. После того как я от него ушла, он начал носить камуфляжную куртку («Ты только посмотри, Жаннет, что они для меня сварганили! Ничего себе видок, а?»). Мне он нравился элегантным, а тут он принялся изображать из себя какого-то хулигана. Он отобрал у меня часы, самые маленькие в мире («Конфисковано!»), заключил их в платиновый корпус и носил вместе с огромными авиаторскими часами. Он начал коллекционировать шерифские и полицейские бляхи… Так он постепенно превратился в мистера Генсбарра.

В тот год я снималась с Бернадетт Лафон в фильме Ришара Бальдуччи «Слишком красивые, чтобы быть честными». Мы жили в каком-то ужасном загородном доме в одном из современных испанских городков. Однажды вечером мне захотелось пойти поплавать в море в полночь. Плаваю я плохо, и, если бы не Бернадетт, точно утонула бы. Перед отъездом в Испанию Серж уволил нашу няню, потому что она плохо обращалась с детьми, и попросил свою мать посидеть с Шарлоттой. После окончания съемок мы – Серж, Кейт, Шарлотта, мать Сержа и я – собрались уезжать. В аэропорту я вдруг заметила, что со мной нет Манки. Я сказала об этом Сержу, и он ответил, что без Манки ни за что не сядет в самолет, потому что это слишком опасно. Я схватила Шарлотту и прыгнула в такси. Два часа пути в один конец! Я перерыла весь дом, проверила даже помойку. И вот на ленте, которая ползла к мусоросжигателю, увидела свою обезьянку. Я сунула Шарлотту водителю и бросилась спасать Манки. Еще два часа дороги – и мы в аэропорту. Я торжествующе подняла над головой Манки, и тогда мать Сержа со своим русским акцентом спросила: «Так это просто плюшевая игрушка?» Пришлось Сержу объяснять ей, что это нечто большее, чем просто плюшевая игрушка. На свой рейс мы безнадежно опоздали, и Серж, который панически боялся летать, взял напрокат машину и повез нас в Раматюэль.

В то лето Серж арендовал шато Вольтерра – огромное поместье на мысе Камара, принадлежавшее Сюзи Вольтерра. Раз в неделю мы ездили в Сен-Тропе снимать в банке деньги, чтобы платить за этот роскошный замок. Мы собрали всю родню. К нам присоединились мои мама с папой, Эндрю, Линда, мать Сержа, Лилиана и Жаклин – каждая с двумя детьми. Не успели мы устроиться, как мне позвонил Вадим с предложением сняться в «Дон Жуане» вместе с Б. Б. Разумеется, я согласилась, и неделю спустя мы уже были в Париже, оставив всех своих родственников на частном пляже.

Во время работы над «Дон Жуаном», накануне съемок постельной сцены с Бардо, Серж устроил мне бурный скандал на почве ревности к Вадиму. Возле двери у нас стоял медвежонок под стеклянным колпаком. В разгар ссоры он упал, и Серж, нахлобучив его мне на голову, протащил меня по полу. Он сделал это нарочно, чтобы на следующий день я не могла появиться на площадке. Я убежала из дома в расположенный напротив отель «Пон-Руайаль». Наутро за мной заехал ассистент режиссера. Я всю ночь проплакала; лицо у меня опухло, глаза болели. Гримироваться я отказалась. Вот почему в этой сцене я такая красивая – без кошмарного макияжа в стиле 1970-х. Бардо вела себя со мной образцово – никакого снобизма, никакого высокомерия, не то что другие актрисы. Работе на площадке она предпочитала пропустить стаканчик в баре. В утро съемок нашей знаменитой сцены она пришла во всем своем великолепии. Это было потрясающе – видеть ее рядом с собой, не на экране, а в жизни. Я оглядела ее с ног до головы, пытаясь отыскать хоть какой-нибудь недостаток, и не нашла ни одного. У нее даже ступни были красивые. Я предложила ей переплести наши ноги, чтобы было непонятно, где чьи. Вадим дал сигнал начинать съемку. Он просто сказал: «Поехали!» Мы не знали, что должны делать. Бардо улыбнулась: «Может, споем «Я люблю тебя, я тебя тоже нет»?» – «Или лучше *“My Bonnie Lies over the Ocean”*![132]» – подхватила я.

Эта постельная сцена с Бардо была единственным приятным для меня моментом за все время съемок. Я до сих пор отношусь к ней с большой нежностью. Каждый раз, когда я отправляю для ее фонда по защите животных чек даже на небольшую сумму, она обязательно присылает мне собственноручно подписанную открытку. Серж тоже продолжал с ней дружить; иногда они вместе ходили обедать. После того как мы с ним расстались, он снова повесил у себя в гостиной ее фотографии, снятые в натуральную величину Сэмом Левином. Позже, когда мы с Жаком Дуайоном жили на улице Тур, мне позвонил Серж. «У меня для тебя плохая новость», – начал он. «Говори скорее, что случилось!» – «Мне позвонила Брижит. Она хочет, чтобы мы записали оригинальную версию «Я тебя люблю…», а деньги направили в ее фонд». Он, конечно, согласился, и поступил правильно. С тех пор существуют две версии диска. Мне кажется, что Бардо всегда очень им дорожила.

В ноябре[133] я впервые в жизни приняла участие во французской манифестации. У меня была назначена встреча с Дельфиной Сериг в ее квартире, которая выходила на площадь Вогезов. Сами Фрей приготовила нам яйца всмятку, чтобы

морально поддержать нас перед поездкой в Бобиньи. Меня это страшно тронуло, потому что на улице Вернёй всю эту историю восприняли крайне враждебно. Мы побаивались, что собравшиеся мужчины устроят беспорядки и это обернется катастрофой, потому что процесс проходил при закрытых дверях. Я помню, что в толкучке выронила свою корзину и ползала, собирая свои вещи. Помню чувство солидарности, объединившее не знакомых между собой женщин. Разумеется, я выступала за легализацию абортов, понимая, что женщины из богатых семей легко могли позволить себе поехать в Англию или в Швейцарию, не заботясь о расходах и не мучась угрызениями совести.

* * *

1973

* * *

После того как у Сержа случился сердечный приступ, я сняла два очень простых коттеджа в Бретани, подальше от побережья, потому что сердечникам противопоказано море. Пока Серж лежал в американской клинике, я снималась в «Частном показе». Однажды вечером я пришла домой и обнаружила, что у нас в гостиной сидят месье и мадам Азан. Это сразу показалось мне подозрительным. И правда, выяснилось, что у Сержа был сердечный приступ. Мы с Габриэль помчались в больницу, в отделение реанимации. Серж отключил всю аппаратуру, и на мониторе появилась ровная линия, как будто он умер. Поднялся страшный шум. К нему в палату сбежались медсестры. Мы с Габриэль подоспели как раз к этому моменту. Серж присел в постели и сказал: «Бу!» Это он решил так пошутить. В реанимации он не курил, хотя успел захватить с собой два блока сигарет «Житан». Пока его укладывали на носилки, он извернулся и протянул руку за одеялом от *Hermes* – это грело его эстетическое чувство. Вскоре его перевели в отдельную платную палату. Я была уверена, что он бросил курить, и только удивлялась, зачем он просит меня в таких неимоверных количествах приносить ему дезодоранты и очистители воздуха. После выписки санитарка выдвинула ящики его тумбочки и обнаружила там груду пустых флакончиков из-под таблеток: в каждом было налито немного воды, а в ней плавал окурок! Однажды утром я, к своему удивлению, увидела фото Сержа на первой полосе газеты *France-Soir*. Я поднималась по черной лестнице и столкнулась с Энрико Масиасом, который шел к своей жене. Влетев в квартиру, я бросилась в комнату Сержа, размахивая газетой и возмущаясь: «Вот сволочи!» Но Серж неожиданно покраснел как девушка и сказал: «Я сам им позвонил. Никто не знал, что я чуть не умер».

* * *

Бретань, 17 июля

С четверга мы на маленькой мельнице. Машину – небольшой «фольксваген» – вела я. Серж в первый раз выбрался из дома. Путь занял семь часов. Мы остановились пообедать, съели жесткую

барабульку, поссорились, выпили черного кофе, и я снова села за руль. Серж страшно нервничал из-за того, что ехать придется в моей маленькой машине, и я нервничала не меньше его. Он всю дорогу ворчал и давал мне ценные указания. Мы оба были в ужасном настроении. Примерно через час после выезда из Парижа меня остановила полиция. Дело в том, что у меня без конца глох мотор и машина производила жуткий шум. Они спросили, почему в моей автомастерской мне посоветовали ехать на первой передаче, как будто я постоянно поднимаюсь в гору? Я привыкла ездить на машине с автоматической коробкой передач и понятия не имела, что передачи надо переключать вручную. В машине воняло горелой резиной, спидометр замер на отметке 75 км в час, и я испугалась, что полицейские догадаются о моем невежестве. Но они только удивленно подняли брови и отпустили меня восвояси. Короче говоря, до места мы добрались в 21:30. За нами следовал «мерседес» с мадам Ремонд[134] и детьми. Их вез шофер. Серж не скрывал облегчения, что мы доехали целыми и невредимыми.

Наш дом – это небольшой коттедж на берегу речушки. Рядом есть пруд. Серж – ни дать ни взять Джереми Фишер[135] – ходит ловить рыбу, хотя пока что ничего не поймал. Лягушки при его появлении бросаются врассыпную. Серж каждый день катается на лодке с веслами. Мне нравится наблюдать, как он выплывает из-за камышей, готовясь причалить к берегу.

* * *

Тогда я не подозревала, что он уплывает с глаз долой, чтобы выкурить сигарету. Однажды я заметила у него на переднем зубе крохотную дырочку, и в эту дырочку забилось что-то черное. «Это табак!» – сказала я. «Нет, это перец! – возразил он. – Я делал себе “Кровавую Мэри”. Но без водки!»

* * *

Сегодня он с помощью Кейт и мадам Ремонд соорудил в лесу шалаш с кровлей из папоротника. Было очень весело. Я играла с Шарлоттой, которая забавляется, хлопая меня по щекам. Она просто прелесть. Каждый раз при виде Сержа она говорит: «папа», а когда он ее целует, лопочет что-то вроде: «Папик-папа». Она не слезает у меня с рук. Стоит оставить ее хоть на минутку, начинает рыдать.

У Кейт наступил трудный возраст. В отличие от Шарлотты она постоянно не в духе. Сегодня у нас залило туалет. Я спросила ее, дергала она спуск или нет. Она поклялась, что не дергала. Серж сказал, что она лжет; я встала на ее защиту. Он развернулся и ушел. Он говорит, что я подрываю его авторитет, когда спорю с ним перед детьми, и что мы с Кейт настроены против него. По-моему, он слишком к нам строг. С другой стороны, не думаю, что Кейт на него обижается. Она знает, что он такой, какой есть. Он переживает из-за своего несчастного «авторитета». Он считает, что я должна всегда с ним соглашаться, особенно перед Кейт. Я часто слышала, как мои мама с папой ссорились по той же причине: «Только не перед детьми!» Как бы то ни было, сейчас все хорошо, все помирились.

Слава богу, Серж чувствует себя намного лучше. Он неукоснительно выполняет все рекомендации врачей. По многу часов выгуливает Нану[136]. Она плавает в озере, напоминая собой доисторическое чудовище: из воды торчат только уши и маленькие глазки. Когда она в первый раз нырнула, Серж ужасно испугался и поплыл на лодке ее спасать, выронил весло, но все-таки втащил ее в лодку. Теперь она каждый день бегает плавать и попутно жует сорняки. Эта собака рождена для воды.

В понедельник мы с Сержем ездили на рынок. Это было очень весело! Все его узнали, чем я страшно гордилась. В своих резиновых сапогах он неподражаем. Сегодня трудно поверить, что всего два месяца назад он был так болен, а я так за него волновалась. Дети уснули. Мы с Сержем у себя в спальне,

слушаем шум водопада за стеной. Здесь так спокойно – никаких телефонных звонков. Настоящие каникулы! Сержу все это на пользу. Собираемся купить палатку и ночевать на улице. Здравствуй, детство!

Среда

Дорогой Манки!

Кажется, я узнала, что такое извращение. Серж – величайший в мире извращенец. Ему захотелось сыграть в лошадки. Я бросала кубик за него, а он – за меня, и так вышло, что я своими руками позволила ему меня съесть! Отвратительная идея! Какое-то декадентство! Я отказалась играть по таким правилам.

Сегодня вечером разговаривала с мамой. Возможно, они с Эндрю поедут в Германию на съемки фильма «Салон Китти». Папа на чьей-то яхте отправился на северное побережье Бретани, из чего я делаю вывод, что скоро от него придет сигнал *SOS*. От души надеюсь, что у него все хорошо. Он очень храбрый. Честно говоря, я не думаю, что ему так уж хотелось идти в это плавание. Вчера вечером разыгрался сильный шторм. Хорошо бы этот самый Николсон, или как его там, высадил его неподалеку от нас. Чтобы он мог нас навестить.

Четверг

Только что вернулись с обеда с Франсуа де Ла-Гранжем.

Утро прошло в суматохе. Самка яка должна была разродиться детенышем, и мы все – Серж, Шарлотта, Кейт и я – отправились на это посмотреть. Но несчастное животное, которое до того два часа ловили, было совершенно измучено. Бедняжка тяжело дышала, и ее огромный живот то вздымался, то опадал. Она явно была слишком молода, а теленок слишком крупный. Ветеринар засунул ей внутрь руку по самое плечо и стал тащить теленка, пока не показались копытца. Тогда они привязали к ним веревку и стали тянуть уже все вместе. Мамашу привязали к дереву. Когда показалась головка, кто-то крикнул: «Потише, не тяните!» Наконец теленок выскользнул наружу. Мать слишком ослабла, чтобы тужиться, и еле дышала. Когда появился теленок, как раз всходило солнце. Но малыш не шевелился. Он родился мертвым. У нас мгновенно улетучилась вся радость и все возбуждение от того, что мы присутствуем при рождении нового существа. Пошел дождь. На маленькое коричневое тельце, лежащее на траве, падали капли влаги. Мать так никогда и не увидела свое дитя – его сразу погрузили на тачку и увезли. Мы дождались, пока ей не сделают укол снотворного, и только тогда ушли. Не удивлюсь, если после этого она навсегда потеряет доверие к людям.

Впрочем, догадываюсь, что без помощи людей она тоже умерла бы. Кейт горько плакала. Первая встреча с матушкой природой оказалась для нее не слишком веселой.

21 июля, день рождения Шарлотты!

День рождения Шарлотты прошел замечательно. Серж подарил ей куклу с трубкой, как у дедушки; я – игрушечную тачку; дед – куклу, которая умеет смеяться и плакать. Кейт подарила ей очень красивый золотой браслет с рубинами и сумочку: очень практично!

К нам на чай пришло девять детей; они принесли цветы и подарки. Девочка и два мальчика с фермы и четыре дочки владельцев дома: три страшненькие, а одна – красотка. Гости угощались огромным шоколадным тортом, который я заказала у местного булочника, с надписью «Шарлотта, с днем рождения!», мороженым, печеньем и т. д. Потом все пошли играть, и за столом остался только самый маленький мальчик, сынишка фермера, который никак не мог оторваться от мороженого. Мадам Ремонд объяснила мне, что он попробовал его впервые в жизни. Дети пробыли у нас до семи часов вечера. После их ухода Кейт и Шарлотта рухнули спать, совершенно без сил. Мы с папой и Сержем пошли в ресторан рядом с зоопарком, расположенный в *chateau-manoir* – замке с поместьем. Там как раз праздновали свадьбу: мы видели, как съезжались приглашенные дамы в длинных платьях. Еще на подступах нас начали одолевать любители автографов. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, мы незаметно пробрались в ресторан через сад.

Пятница

Я в отвратительном настроении. Волнуюсь за папу из-за его операции и за Сержа – из-за сигарет. Сегодня он признался доктору, что снова начал курить, еще в октябре. Это был ужасный год. Умерли Шон Кенни и Джек Макгоуран. Умерло много других знаменитостей: Ноэл Кауард, Бинки Бомон. Джек Хоукинс, Пикассо… Кто-то из знакомых сказал мне по телефону: «Заставь Сержа держаться за жизнь, это единственное, ради чего стоит сражаться». Последнее меня просто убило. Я помню, когда он лежал в этой чертовой больнице, я без конца плакала, потому что была уверена, что все меня обманывают, а на самом деле он умирает.

Папа и Серж – вот за кого я больше всего беспокоюсь. Раньше я даже не задумывалась над тем, что Серж может умереть в 45 лет.

Воскресенье

150 лягушек! Именно столько мы Сержем насчитали сегодня днем, когда гуляли вокруг озера. Вчера вечером ужинами с де Ла-Гранжами. Серж боялся, что они решат, что стали нашими друзьями и нам придется приглашать их к себе в Париже. Поэтому мы предпочли отдать им долг гостеприимства здесь. Серж – странный человек. Ему не нужны друзья. Он их боится.

Мы уезжаем в четверг. И то сказать, пора. Серж сделал все что хотел, к тому же он терпеть не может лягушек. Думаю, перемена обстановки пойдет ему на пользу, хотя сомневаюсь, что в отеле он будет следовать режиму, который ему предписал врач. Вроде бы здесь неподалеку есть бунгало на двоих, и Серж хочет, чтобы мы с ним поселились там, а детей устроили в отеле.

Понедельник вечером

Мы с Сержем ходили на рынок в Кестамбере. Я покупала еду, еду и еще раз еду и бессчетное число раз расписалась на клочках бумаги, которые мне со всех сторон протягивали дети. Я решила родить еще одного ребенка, в марте или апреле. Тогда беременность придется на зиму, и, может быть, у меня родится мальчик. Томас Дэвид Джо Генсбур – звучит неплохо, а? Я бы назвала сына Иудой, но Серж говорит, что это уже слишком.

От папы никаких вестей, но я думаю, что с ним все в порядке. В отеле наверняка будет телефон, и я смогу звонить ему в любое время.

После обеда мы с Сержем сладко спали.

Пятница

Вот и новый переезд! Слава богу, мы не стали селиться в ужасном придорожном отеле. Когда мы добрались до своего коттеджа, то с облегчением обнаружили, что он окружен небольшим садиком, а рядом есть озеро. Детей мы устроили в кухне, а сами заняли спальню. Здесь есть ванная комната, чтобы купать Нану, туалет и все необходимое.

Вчера вечером мы жарили в саду барбекю, извели два мешка углей, несколько коробков спичек и страшно надымили. Реклама утверждает, что достаточно нескольких минут, чтобы угли раскалились, но у нас спустя час едва-едва затеплился слабенький огонек. Чтобы он не потух, Серж отчаянно размахивал над ним газетами. Зато потом мы лакомились сосисками и свиными отбивными, а на десерт приготовили даже бананы фламбе.

Это Серж на велосипеде. Он выгуливает Нану. Он едет, а она трусит за ним.

Почти каждый вечер мы ходим ужинать в отель. Там готовит женщина, которая помогла нам снять коттедж. Народу в зале почти не бывает. Еда не очень-то подходящая для Сержа – все слишком соленое. Даже когда мы специально просим не класть в блюдо соль, повариха все делает по-своему. За четыре месяца она перенесла два сердечных приступа. Она жутко толстая и без конца что-то жует. Мы с Сержем и детьми играем в боулинг – Серж от него просто в восторге. Я каждый вечер пыталась дозвониться до Поль-Эмиля, но безуспешно. В конце концов я поехала в город и встретилась с ним там. Он приезжает на следующей неделе. Будет присматривать за Сержем, пока я буду в Лондоне.

* * *

Поль-Эмиль Седман и англичанка Жинетт Спанье были потрясающей парой. Он работал врачом, а она руководила модным домом «Бальман». Он говорил по-русски и играл в шахматы. Они с Сержем вели интеллектуальные разговоры на литературные и другие темы, в которых я не участвовала. Оба они обладали феноменальным чувством юмора и смешили нас до слез. Жили они в огромной квартире, если я ничего не путаю, на

авеню Марсо. На их коктейли собирался весь английский театральный мир. Именно у них я познакомилась с сэром Лоренсом Оливье и сэром Джоном Гилгудом. Во время войны на них донесла их же консьержка, и им пришлось удирать через всю Францию на велосипедах. Маленькое черное платье Жинетт с каждым днем все больше напоминало тряпку. В один из последних дней войны Поль-Эмиль вдруг соскочил с велосипеда и сказал: «Все, приехали!» Жинетт решила, что он тронулся умом, но на самом деле он просто увидел в луже пустую пачку сигарет *Craven A* и понял, что здесь уже американцы.

* * *

Бедняжка Шарлотта! Сегодня ей сделали прививку от туберкулеза. Я воспользовалась случаем и попросила смерить Сержу давление. 120 на 80! Гениально! Чтобы отпраздновать хорошую весть, он накупил кровяной колбасы, бекона и свиных отбивных. Сейчас он уехал кататься на велосипеде. Дети спят. Серж выглядит намного лучше и меньше нервничает, в том числе когда я за рулем. В воскресенье здесь будет праздник, и Сержа пригласили вручать призы. Наверное, будет весело.

Мне надо съездить в Локмине, купить статуэтку негритенка. Он видел в витрине галантерейной лавки рекламу игрушечной одежды, и ему понравились кукольные штанишки.

Кейт и Шарлотта смотрят по телевизору какой-то дурацкий фильм с Грейс Келли. Подумать только, сколько снято плохих фильмов! Но даже хорошие фильмы – это не главное в жизни. Главное – быть с теми, кого ты любишь, и никогда с ними не разлучаться. Это единственная вещь на свете, которой стоит дорожить.

Суббота

Пикник под проливным дождем. Серж и мадам Ремонд все утро о чем-то шушукались. Я уж заподозрила, что они готовят какой-то розыгрыш. Мы взяли с собой крутые яйца, сидр и даже кофе в бутылках из-под кока-колы. И что же? Полил дождь! Он все шел и шел, и было непонятно, когда он кончится. Мы сидели посреди поля, раскинув над Шарлоттой красный зонт.

Понедельник

Вчера последовало продолжение истории. Серж углядел в витрине статуэтку негритенка. Он зашел в лавку и предложил за него хозяину 50 франков. Но тот – старик-бретонец – сказал, что статуэтка не продается, потому что она принадлежит его семейству уже 60 лет. Дети и взрослые восхищаются им в витрине и покупают кукольные штанишки. Таких статуэток больше не делают, добавил он. Я испытала настоящую гордость за этого старика, который не пожелал продать богатому парижанину семейную реликвию. Я спросила, нельзя ли написать на фабрику в Бельгии и заказать статуэтку у них, но он ответил: «Нет, нельзя. Они их уже давно не выпускают. У меня она сохранилась только потому, что эта лавка существует уже семьдесят лет». Все

ценники в лавке написаны от руки чернилами, и сама она выглядит так, словно на дворе времена Диккенса. Но Серж завелся. Ему захотелось во что бы то ни стало заполучить статуэтку. «Тысяча франков!» – объявил он. Эх, надо было видеть лицо старика-бретонца. «Старых?» – пробормотал он. «Нет, новых».

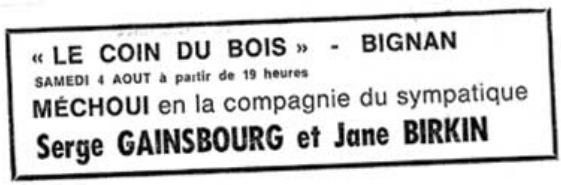
У старикана дернулась щека. Серж взял лист бумаги и написал две цифры: сумму в старых и в новых франках. Старик и его помощник, который все это время сидел в глубине лавки, разбирая счета, не сводили с него глаз. А из витрины на них смотрел негритенок.

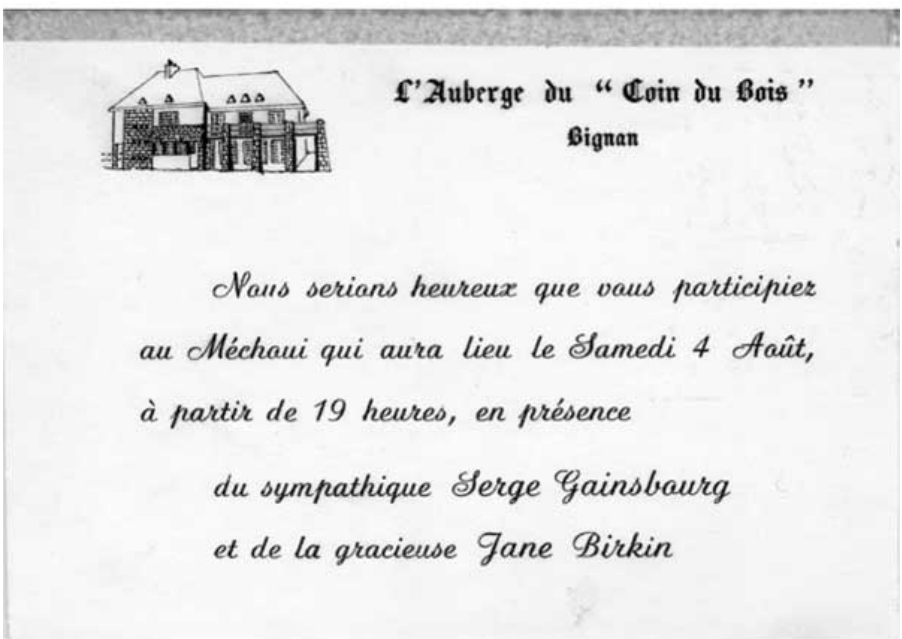
«Я должен спросить у патрона», – сказал старик и захромал по лестнице на второй этаж. Я ушам своим не верила. Серж только что предложил сто фунтов за гипсовую статуэтку. Но я была уверена, что они не примут его предложение. В конце концов, это был их талисман, он украшал их витрину на протяжении десятилетий. Тут спустился владелец лавки. Они о чем-то пошептались со стариком, и начался торг. В какой-то момент Серж испытал приступ паники: ему показалось, что он предложил не тысячу франков, а тысячу фунтов. В итоге ударили по рукам. «Еще не поздно передумать», – твердила я про себя, пока они доставали статуэтку из витрины. «Еще не поздно передумать», – повторяла я, пока они выкладывали ее на стол. Старик погладил гипсовое личико и сказал: «Прощай, дружок. Сколько лет мы с тобой были неразлучны!»

Нет! Увы, да. Он завернул статуэтку в газету, положил в обувную коробку и завязал шпагатом. Старик бормотал, что обязан хорошенько упаковать покупку, что он уважает своих клиентов и не желает быть перед ними в долгу. «Нас, бретонцев, не купишь», – приговаривал он, завязывая шпагат. Серж достал две банкноты по 500 франков и добавил к ним несколько монет за три салфетки, которые выбрала я, и мы попрощались.

Мне было ужасно грустно. По-моему, и Серж тоже огорчился, хоть он и добился своего. «Всех можно купить», – заметил он. Как бы мне хотелось, чтобы он ошибался! На обратном пути мы проехали мимо той же лавки. В витрине лежали пыльные коробки с кукольными штанишками, но тебя, негритенок, там не было. Вскоре ему предстояло занять свое место на рояле в Париже. Интересно, думала я, уйдет ли от них удача вместе с талисманом? Дети больше не будут глазеть на витрину старой лавки. Разве старик увидел бы столько детских лиц, если бы не статуэтка маленького негритенка, возле ног которого крутятся два щенка, пытаясь стянуть с него белые штанишки?.. Серж говорит, что я читаю слишком много дамских романов. Не знаю,

возможно, но печаль не отпускала меня весь день. Я и на следующей неделе буду думать о том старике. Тысяча франков, от которых они с владельцем не могли отказаться, быстро испарится, и тогда они станут жалеть, что так дешево продали своего друга. И детские лица больше не будут заглядывать в их витрину… Надо бы оставить им наш адрес. Вдруг они все же передумают? Вдруг от неожиданно свалившегося на них богатства владелец умрет, и его жена умрет, и помощник, разбиравший чеки в глубине лавки, тоже умрет… Куда будут смотреть люди, если в витрине станет пусто? Они будут идти мимо и даже не повернутся в эту сторону.





«Лесной уголок» – Биньян
Суббота 4 августа с 19:00
Мешуи в обществе симпатичной пары
Серж Генсбур и Джейн Биркин

Таверна «Лесной уголок»
Биньян

Будем счастливы видеть вас на ужине мешуи, который состоится в субботу 4 августа, в 19:00, в компании симпатяги Сержа Генсбура и милейшей Джейн Биркин

Чуть не забыла про прошлую субботу! Мы пригласили журналистов на огромный мешуи! Званый ужин с несъедобной бараниной! Гости смотрели на нас как на психов, а уж когда мы отказались подпевать: «Ди-ду-да», которую как раз передавали по радио, окончательно окрысились!

* * *

Мой первый сингл, написанный Сержем, намекал на моего отца, мою обезьянку и мою плоскую грудь. На той же пластинке записано еще несколько милых песенок, сочиненных под впечатлением от пребывания вместе с моими родителями в Брайтоне. «Любовь моя – поцелуй» была одной из любимых песен Этьена Дао. На самом деле это не такая простая песня, потому что в ней ничего не говорится прямо: поцелуй в губы, сладкий поцелуй, поцелуй, поцелуй, поцелуй… По существу, во всех этих песнях фигурирует образ девушки, которая спит с кем попало, даже не получая от этого никакого удовольствия; мужчины с определенными намерениями преследуют ее до порога квартиры, она оборачивается: «Опять он!» Он создал этот образ немного печальным, немного нелепым. Он просил меня, чтобы я пела как можно ближе к микрофону, чтобы был слышен звук дыхания, и поражался, как я беру такие высокие ноты. Если я не ошибаюсь, годом раньше вышла песня «Декаданс», которая нравится мне даже больше, чем «Я тебя люблю…». Серж даже изобрел танец, по ходу которого партнер переворачивает партнершу. Впрочем, неважно. Я пела эту песню как гимн.

* * *

Воскресенье, Жослен

Мы выехали кортежем около 11:30. Женщина из «Лесного уголка» с кучей чемоданов, следом – я с Кейт, Шарлоттой и горой игрушек, замыкающими – Серж с Поль-Эмилем.

19:00. Вот мы и на месте. Серж и Поль-Эмиль играют в шахматы. Дети со шмыгающей носом мадам Ремонд отправились пройтись по деревне. Я приготовила ланкаширское рагу без соли – ради Поль-Эмиля. Он ест пасту без соли, без мяса, без масла! Брр! Вот что значит истинный швейцарец!

Собака счастлива. У нее свое место в гостиной, в старой бретонской колыбели. Наша с Сержем спальня внизу, возле лестницы. Ее оформили специально для нас, чтобы она гармонировала с моей соломенной шляпой, набором шахмат, бутылками и разными мелочами. Детей поселили наверху, в спальне с четырьмя кроватями. У Поль-Эмиля – своя спальня, в которой он развесил свои шесть твидовых костюмов фирмы *Huntsman*. Где он собирается их носить? Он очень тихий и славный. С собой он привез целый чемодан консервов без соли и медового печенья. У него есть даже сардины без соли!

Понедельник

Спала днем вместе с Сержем. Это было прекрасно! Что бы я без него делала? Даже думать страшно, что могло бы случиться. Ну и не стану об этом думать – ничего же не случилось.

П.-Э., Серж и я до полуночи играли в лошадки. П.-Э. постоянно меня смешит. Я дала ему горячий маршмеллоу, обжаренный на газовой горелке, и спросила, как ему понравилось. Он сделался пунцово-фиолетовым и сказал, что это напомнило ему несчастных крестьян из «Андрея Рублева», которым монголы заливали в глотку расплавленный свинец. Они с Сержем хохотали до слез и разговаривали по-русски. Смотреть на них было одно удовольствие. П.-Э. ненавидит играть в лошадки. Серж разозлился, когда мы обвинили его в том, что он жульничает (он и правда жульничает), и сказал: «Значит, больше не играем?» П.-Э. прямо просветлел лицом и, не веря себе от счастья, переспросил: «Правда?»

Вторник 14 августа, время чая

Событие года! Серж принял ванну! Первую за три месяца. В

последний раз это было 13 мая. Не могу сказать, что он сделал это добровольно и без сопротивления, но он это сделал.

* * *

Серж был безупречен во всем. Мылся он частями, в биде, запершись на ключ, и никогда не потел. Я ни разу не чувствовала, чтобы от него чем-нибудь пахло. Когда я спрашивала его, как это у него получается, он отвечал: «Потому что я – чистый дух!» Он никогда не расхаживал по квартире обнаженным – только в халате. Дети пытались подловить его, подсмотреть за ним, но у них ничего не вышло.

* * *

Мы с Поль-Эмилем ходили за покупками. Серж неважно себя чувствовал. К тому же было очень жарко. *Goodness me!*[137] Мы накупили кучу всякой всячины, в том числе картофель и лук для *irish stew*[138], которое собирался готовить Серж. Мы знали, что завтра все магазины будут закрыты. Серж получил открытку от моего папы. Это был ответ на посланную ему Сержем кошмарную бретонскую *леди* – матерчатую почтовую открытку с кружевами в виде традиционной бретонской юбки. Серж написал, что если папа приподнимет юбку, то увидит кое-что интересное!

Среда 15 августа

Вчера вечером к нам заходил бедный старый фермер. У нас выбило пробки, и мы не могли найти место, где они включаются, поэтому позвали его на помощь. Бушевала страшная гроза. Серж сердился: он уверял, что искать переключатель надо на столбе в поле, напротив дома. Я сказала: «Нет, ни за что». Лил дождь, и я боялась, что его, мокрого, ударит током. П.-Э. хотел посмотреть фильм про то, как человек на плетеной лодке отправился через океан в Южную Америку. Серж шлепал по грязи и все больше раздражался. Я даже засмеялась: было видно, что он немножко трусит, – во всяком случае, он то и дело возвращался в дом. В конце концов он попросил меня пойти с ним и убедиться, что на столбе переключателя нет. Так мы добрели до скромного дома нашего соседа, в окнах которого горел свет, и спросили его, не знает ли он, где находится этот самый переключатель. Он был пьян в стельку, но сумел пробормотать, что все, что связано с электричеством, закопано под землей. Тут на Сержа снизошло

вдохновение. Мы вернулись к себе в дом, он пошел к ванной комнате и нажал на кнопку, под которой было написано «Свет». И свет тут же загорелся! Мы угостили нашего пьяного соседа пивом. Он раскраснелся и страшно возгордился, как будто это он нашел переключатель. Я заметила, что рука у него замотана чудовищной грязной повязкой. В ответ на мой вопрос он рассказал, что его двинула копытом корова. Бедняга был так пьян, что едва ворочал языком. Но все же он объяснил, что это произошло шесть дней назад и ему тогда же надо было обратиться в отделение социального страхования, а сейчас уже поздно: никто не оплатит ему лечение. Его повязка выглядела ужасающе. Я позвала П.-Э., который сидел перед телевизором. Он осмотрел рану и сказал, что надо сделать рентген и ввести противостолбнячную сыворотку. Этого фермер позволить себе не мог и начал умолять нас, чтобы мы никому ничего не говорили, иначе он потеряет работу. Серж был сама забота. Он пообещал фермеру, что завтра мы к нему зайдем и принесем лекарства. Но я сказала: «Не завтра, а сегодня!» Он ушел, а мы собрали аптечку и около 22:30 уже стучались к нему в дверь. Открыла нам женщина. Она никак не желала понять, зачем мы явились. Я сказала, что мы принесли бинты и мазь для фермера. «Я думала, вы приходили насчет электричества, – подозрительно на нас глядя, сказала она и тут же спросила: – Он что, жаловался, что поранился?» – «Нет-нет!» – воскликнул Серж, и мы хором подтвердили, что не слышали от фермера никаких жалоб. Мы испугались: а вдруг это хозяйка фермы, и наш новый знакомый и правда потеряет работу. «Господи, да мы просто принесли ему чистые бинты. Сейчас ведь поздно, и аптеки закрыты, а у меня есть аптечка, – сказала я. – Вот мы и решили ему помочь». Я сознательно заговаривала ей зубы. «Мы оставим вам аптечку, – пробормотала я. – Наверняка она вам для чего-нибудь пригодится». Мы с Сержем потащились к себе. Возможно, это была мать фермера, подумала я. Я гордилась тем, как повел себя Серж. Несмотря на поздний час, он согласился пойти со мной и вообще отнесся к фермеру очень внимательно. Он и правда за него волновался. Как выяснилось, они уже встречались пару дней назад, вместе пили сидр, и Серж проникся к парню искренней симпатией. Мне он сказал, что я добрая душа. Серж только прикидывается циником. На самом деле он очень добрый.

Я водила Кейт и Шарлотту в Жослен; мы осмотрели замок и церковь. И очень красивый склеп, в котором похоронены супруги. Кейт спросила, как их хоронили: в одежде или без. Шарлотта ела шоколадку в форме ведьминой метлы, и мне пришлось ее отшлепать: я запретила ей есть шоколад до обеда. Вдруг до меня

дошло, что мы стоим в церкви, а я ору на ребенка. Я наклонилась к дочке и злобным шепотом сказала ей на ухо, что, если она не прекратит, получит по попе еще раз. Бедная Шарлотта, она никогда на меня не сердится!

Сегодня вечером будет шествие в честь Богоматери. Я пообещала девочкам, что свожу их туда.

1 час ночи

Шествие началось в 21 час.

Из церкви вынесли статую Девы Марии в белом платье, с золотыми украшениями. Впереди шли два мальчика, кюре и глашатай. За ними толпой следовали жители, распевая псалмы. Честно говоря, процессия не произвела на меня впечатления пышного и радостного праздника, на которое я рассчитывала.

Мы зашли в кафе напротив церкви. Я подписала несколько автографов прямо на счетах. Мы пили кока-колу и ели блинчики. К тому времени, когда началось шествие, я позволила себе стакан сидра. Пока процессия двигалась мимо нас, я заставила девочек встать. Потом мы пристроились в ее хвосте и вместе со всеми дошли до двора замка. Кейт пристроилась к симпатичной монахине, и та помогла ей протиснуться в первый ряд. Шарлотту, которая воспринимала происходящее очень серьезно, я взяла на руки. Как только священник, служивший мессу, дошел до слов: «Покайтесь в своих грехах! Не поддавайтесь искушению деньгами и имуществом!» – моя крошка громко потребовала: «Денежку!» Я нашла в кармане монету в два франка, полученную в кафе в качестве сдачи, и сунула ей в руку, пока мой малолетний Шейлок не сорвал службу. Многовато сетований и призывов к покаянию, но в целом все было очень красиво. На Кейт обряд произвел очень сильное впечатление, и вечером она даже сказала, что хочет помолиться. Я не возражала, только попросила, чтобы она помолилась еще и за Сержа и за дедушку.

Мы вернулись к своему «фольксвагену» и в прекрасном настроении поехали домой. Серж уже приготовил свое *irish stew* – очень вкусное. П.-Э. выпил сидра с симпатичным фермером и его матерью. Они такие славные. Оказалось, они ни разу не были в Париже. Мы предложили в выходные свозить их туда. Серж подарил им бутылку сент-эмильона, чем окончательно их растрогал. Рука у фермера болит уже меньше, и опухоль спала. Неудивительно, что он постоянно напивался, бедняга. Что это за жизнь – на крошечной ферме, с одной матерью, без жены и детей? А ведь он уже не мальчик. Кто о нем позаботится, случись что?

16 августа

Эта чертова собака разбудила нас ни свет ни заря – начала скрестись в дверь спальни. Из-за этого я весь день чувствовала себя разбитой. Мы с Сержем ездили за покупками. После обеда я решила сводить детей посмотреть замок. К нам присоединился П.-Э., который обожает замки. Кроме того, мне надо было забронировать билет на самолет до Лондона, и он предложил мне свою помощь. Мы зашли на почту. Там мне вручили телеграмму: с 24 по 28 августа меня вызывали в Париж на озвучивание фильма[139]. Я позвонила Ольге[140], и та посоветовала мне связаться с режиссером. Проблема заключалась в том, что члены профсоюза не работали по выходным. Я сказала, что точно не смогу сидеть в городе без дела весь уик-энд. Режиссер сказал, что постарается убедить профсоюзных деятелей выйти на работу в субботу и воскресенье и разыскать моего партнера по фильму Жан-Люка Бидо.

Дети все это время развлекались как могли, подняли страшный шум и вообще превратили помещение почты в какой-то салун! Кейт каталась на дверях телефонных кабин, а Шарлотта мычала как голодный теленок. Потом Кейт захотела в туалет, и очень милая сотрудница почты ее проводила. Мы с П.-Э. не чаяли, как поскорее оттуда вырваться. С почты мы отправились в турбюро Жослена, чтобы купить мне билет. Я как раз объясняла, что мне требуется, когда скандал устроила Шарлотта: оказалось, ей тоже надо в туалет. С ней пошла Кейт, дав мне возможность изучить расписание паромов и авиарейсов. Я немного побаиваюсь летать, особенно самолетами никому не известных компаний, как, например, та, что предлагает нерегулярные рейсы из Динара. Я им не очень-то доверяю. Потом я стала смотреть, какой паром отходит из Роскофа, и узнала, что он называется «Посейдон». Звучало не слишком вдохновляюще, и я не стала брать на него билет. Тут раздались крики: это шумела Шарлотта, не желавшая, чтобы сотрудница фирмы вместе с ней заходила в кабинку туалета. В результате мы вернулись на почту, и я позвонила в компанию *Flash*. Кейт и Шарлотту я на сей раз оставила в машине с П.-Э., предупредив их, чтобы хорошо себя вели.

Вдруг я услышала пронзительный вопль, от которого леденела кровь. Его звук проник ко мне в телефонную кабину, расположенную в глубине почты. Я бросилась на улицу, и что же я увидела? П.-Э. стыдливо прятался на переднем сиденье, а красная как помидор Шарлотта, сидевшая сзади, пинала ногами спинку его кресла и орала как резаная. Кейт лупила ее почем зря, требуя, чтобы она замолчала. Это было нечто! Я кубарем скатилась с лестницы почты и, как фурия, налетела на маленьких скандалисток. Вся деревня с огромным интересом приникла к

окнам, наблюдая за этой живописной сценой. Подозреваю, они решили, что П.-Э. – какой-нибудь злобный дядюшка, который истязал бедных крошек, пока не выскочила негодяйка-мамаша, с бранью не нырнула в машину и не дала по газам, чтобы поскорее убраться подальше с места преступления.

Мы приехали в замок. Билеты стоят 4 франка с человека, для детей вход бесплатный. Я сказала кассиру, что он плохо знает моих детей, иначе потребовал бы за каждую двойную плату. Я как в воду глядела. Шарлотта наотрез отказалась идти с нами. Я пригрозила, что брошу ее одну, и она принялась плеваться и топать ногами. Вокруг нас собралась небольшая толпа. Люди смотрели на нас неодобрительно и отпускали обидные реплики. В конце концов мне пришлось взять Шарлотту на руки. Но, как только мы оторвались от нежелательных свидетелей, я влепила ей затрещину, и она пошла как миленькая. Мне стоило немалого труда удержаться и не бросить ее в колодец XII века или не зашвырнуть за крепостную стену. Мой материнский инстинкт куда-то подевался, и я с удовольствием сбагрила бы ее первому встречному, пожелай он ее у меня забрать. По-моему, П.-Э. в жизни не переживал такого замешательства; он намеренно отстал от нас метра на два и делал вид, что не имеет к нам никакого отношения. Шарлотта все-таки настояла на своем, и я несла ее на руках. Как только я ее подняла, то обнаружила, что она описалась. Ну конечно: она же отказалась идти в туалет в турбюро! Теперь я была не только в мыле, но и в детской моче. И разумеется, в ярости.

Все время, что мы ходили за экскурсоводом, я несла мокрую Шарлотту на руках, и вскоре она уснула. Кейт развлекалась тем, что подлезала под ограничительные ленточные ограждения и трогала руками предметы, трогать которые запрещалось. В какой-то момент я имела неосторожность буркнуть себе под нос, что мне не нравятся выражения лиц древних персонажей на портретах, украшавших стены. «Ну и уродина!» – чуть слышно произнесла я, но *good old*[141] Кейт, у которой ушки всегда на макушке, разумеется, не могла оставить мои слова без внимания. «Кто уродина?» – на весь зал переспросила она. Я принужденно засмеялась, но вызвала лишь новую волну недовольных перешептываний у себя за спиной, нарушивших здешнюю торжественную, почти священную тишину. П.-Э. был на грани истерики: я видела, как его колотило. Он старательно отворачивался от нас, вперяя взор то в один, то в другой предмет, но крепко сжатые губы выдавали его возмущение. Не помню, чтобы я еще когда-нибудь так же смеялась, если не считать того случая, когда Эндрю на кремации тети Мэдж с грохотом свалил

со стола сборник псалмов. Кейт присела в каждое старинное кресло и пыталась играть в классики на наборном паркете. После всего этого мы зашли в чайный салон и купили детям мороженое. Здесь они вели себя как два ангелочка. «Это был кошмар!» – сказала я, обращаясь к П.-Э. «О нет! – ответил он. – Это была *анфилада* кошмаров!»

Воскресенье

Вот и настал этот день. Как не хочется расставаться с Серджо! Я знаю, что с ним сейчас все хорошо и он больше во мне не нуждается, но я терпеть не могу оставлять его одного. Паковать свой чемодан, проверять паспорт… Для меня это ужасно.

Серж заснул. Мне тоже надо поспать. Завтра мне вставать в 7:15 утра. Бедного папочку будут оперировать в 18:00. Сейчас поцелую Сержа. Спокойной ночи!

Вечер понедельника, Лондон

Лежу в папиной кровати, в доме 65 на Деодар-Роуд[142]. Как здорово быть с мамой и Линдой. Мы провели тихий спокойный вечер. Ужинали дома.

В аэропорт мы с П.-Э. ехали вместе, и дорога заняла два часа. Потом я села в самолет. Мужчина на соседнем кресле сказал, что страшно боится взлета и посадки; я ответила, что меня больше пугает то, что происходит между первым и вторым. Короче говоря, полет обещал быть сплошным удовольствием. Самолет был не реактивный, и нас изрядно трясло. Я все время потела, и меня даже вырвало. Не удивлюсь, если мое фото появится в самом жалком виде на обложке какого-нибудь таблоида. Когда я спускалась по трапу, меня шатало. Не полет, а кошмар. На такси я доехала до Патни. Линда была дома. Мама уехала в больницу к папе. Мы с Линдой часок посидели в саду. Пригревало солнышко, что было замечательно. Вскоре вернулась мама. Она выглядит сногсшибательно. Волосы у нее отросли и стали более мягкими. Врач полтора часа осматривал папу и пообещал сделать все, что в его силах, но только в том, что касается больного глаза. Он сказал, что папа сможет читать в очках. Или он имел в виду лупу?

Мы с мамой и Линдой навестили папу в больнице. Он со смехом рассказал нам про своего анестезиолога, который сегодня днем приходил, чтобы подготовить его к операции. Как выяснилось, тот понятия не имел, что у папы проблемы с легкими, да и вообще ни о чем не имел понятия! Папа сказал, что его лицо показалось ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где его видел. Может, это какой-нибудь нацист, от которого он прятался на бретонском побережье? Я так счастлива,

что я с ними! Я дала папе Манки – на удачу. Мы много смеялись. Папа – очень храбрый, я ведь знаю, как он боится этой операции. Анестезиолог принес ему кофе с печеньем, что выглядело довольно странно: папе ведь не разрешили даже завтракать. Пока шла операция, мы ждали в чайном салоне; пили чай с булочками. Я послала Сержу телеграмму; написала, что пока все идет хорошо и что я его люблю.

Я хотела зайти к папе после операции, но он спал. Медсестра сказала, что навестить его можно будет только завтра. Но это не страшно, главное, что с ним все в порядке.

Мы с мамой и Линдой поужинали сосисками и отличной яичницей с беконом. За столом я рассказала им историю про негритенка, которая показалась им очень грустной. Потом мы обсудили «Салон Китти» и поездку мамы и Эндрю в Берлин[143]. Поговорили об этой ужасной стене. Чтобы через нее перебраться, требуется не меньше двух часов – при условии, что у вас есть паспорт, виза, особый пропуск и все прочее. Как на грех, полицейские заметили в машине Эндрю телефон. Он не работал уже несколько месяцев, но попробуй им что-нибудь объяснить! Только после того, как он взял отвертку и у них на глазах разобрал телефон, они его пропустили. В городе они нашли тот самый отель, в котором перед войной мама останавливалась со своим отцом. Это был любимый отель Гитлера и одновременно – бордель мадам Китти!

Ложусь спать. Надеюсь, что у Серджо все хорошо. Он мне так *необходим*. Я хочу, чтобы он вел себя правильно. Не пил слишком много, не объедался и не прятал пачку сигарет. Меня успокаивает, что с ним остался П.-Э. Он за ним присмотрит, я уверена. Завтра снова напишу.

Как приятно быть с мамой и Линдой! Я снова чувствую себя девчонкой!

Вторник

Звонил Эндрю, беспокоился насчет папы. Он прислал нам из Германии замечательную телеграмму. Со своим непередаваемым чувством юмора он написал: «Хайль, майн Брат!» Мы ужасно хохотали. Он делал вид, что говорит по-немецки! Надеюсь, его телефон не поставили на прослушку. Возможно, в сентябре он приедет в Париж. Как бы то ни было, было очень приятно с ним поговорить. Он обрадовался, что с папой все в порядке. Эндрю – хороший мальчик.

Среда

У папы плохой день. Он неважно себя чувствует, и

настроение у него так себе. Я просидела у него до десяти часов вечера, читала ему вслух Вудхауса. Мы смеялись до слез.

Утро пятницы, Париж

Мне удалось попасть на ночной паром, и в 9:15, с опозданием на час, я уже была в Париже. К счастью, я успела передать сообщение, и меня уже ждала машина, присланная продюсером. За мной приехал Ролан, и мы сразу отправились в Бийанкур и в 9:35 уже были на месте. Я работала весь день без перерыва, а потом пошла купила бутылку скотча для Жинетт, жены П.-Э. Я знаю, что она его обожает. С этой бутылкой я и поехала на авеню Марсо. Это подлинный рай для потерянной души! Жинетт просто божественна. Она встретила меня как родную. Налила выпить, приготовила ванну. Попыталась дозвониться до этого, как его? Пьера Барьера? К моему облегчению, он не отвечал. И мы провели сказочный вечер вдвоем, как я и рассчитывала. Ужинать пошли в ресторан на Елисейских Полях, устроились на террасе и с наслаждением созерцали красоты старого Парижа. Мы очень веселились. Она настояла, чтобы я заказала самые дорогие блюда и напитки. Я выбрала свежую лососину, копченый паштет и говядину. Плюс бутылку вина. О, блаженство! Мы основательно перемыли кости своим мужчинам. Я хохотала в голос. Потом владелец ресторана пригласил нас в «Кастель». «Это что, похищение?» – поинтересовалась я, и мы ушли в сопровождении его приятеля. Домой я вернулась около двух ночи, совершенно никакая.

На следующий день, *oh dear*[144]! Жесточайшее похмелье! Глаза у меня не открывались, я умирала от жажды, про свой вид даже и не говорю. К 10 часам я пошла на работу. Это был трудный день. Жан-Люк Бидо был, как всегда, обворожителен, но, господи боже мой, нельзя же быть таким перфекционистом! «Пожалуй, эту реплику надо перезаписать. Мне кажется, мой персонаж произносит ее чуть более сухо, правда?»

Домой меня отвез Франсуа Летеррье. Я спросила, оставит ли он для моей героини, Элен, мой собственный голос. Он ответил, что параллельно делает озвучку моей роли с французской актрисой и выбор сделает в последний момент. Так что не исключено, что вся эта работа впустую.

Я позвонила хозяйке «Лесного уголка» и сказала, что приеду в Ванн в 14 часов. Получила от Сержа прелестную телеграмму: «17 поцелуев. Серж». До чего мило! Я так гордилась этой телеграммой, что оставила ее на столе у Жинетт. Там она до сих пор и лежит!

31 августа

Последний день месяца. Каникулы кончились. Последняя неделя с Сержем, П.-Э. и детьми пронеслась как одно мгновенье. Не успела я вернуться, как у меня появилось чувство, что все уже позади. Да и погода испортилась. Сержа от департамента Морбиан уже мутит, и П.-Э. не терпится вернуться домой. Лондон и Париж отравили нам эту последнюю неделю.

5 сентября, в самолете

Снова лечу в Англию, на сей раз для участия в шоу Рассела Харти. Скоро посадка. Утром попрощалась с Серджо и Кейт. Она еще была в ночной рубашке. Милые мои!

У Сержа дела идут неплохо. По всей видимости, он больше не будет, как раньше, работать на износ. Сейчас он сочиняет музыку для специальной телепередачи с моим участием и пишет книгу. Вчера я обедала с Мишелем Девилем («Медведь и кукла»), и он предложил мне роль в своем новом фильме с Трентиньяном. Я в полном восторге, тем более что сценарий просто отличный. Я должна играть проститутку, которая влюбляется в героя Трентиньяна, а он влюбляется в меня. Я помогаю ему превратиться в опытного соблазнителя, после чего выхожу замуж за богача, с которым знакомлюсь в ресторане «Прюнье». В конце я, разумеется, возвращаюсь к Трентиньяну. Сцена свадьбы: я в соломенной шляпке. Последняя реплика звучит так: «Может быть, пойдем смотреть на идущие мимо поезда», и это не случайно, потому что с этой же реплики начинается фильм. Мне идея страшно нравится. Наконец-то я получу роль в духе Ширли Маклейн.

В прошлый четверг мы, к великому облегчению Сержа, покинули Бретань. Деревенская жизнь его достала. По пути остановились в каком-то снобском отеле, где нас попросили расписаться в книге почетных посетителей. Мы оставили свои автографы непосредственно под подписью президента Пом-пиду. Неплохо!

Сержу хотелось заехать на свою старую ферму в департаменте Сарта, где он жил в начале войны. Деревню мы разыскали без труда. Дома здесь построены из розоватого камня – ничего общего с тем, что мы видели в Бретани. По мере того как мы приближались к дому, Серж все заметнее нервничал. «Стой, сейчас покажется колокольня церкви!» – закричал он, и правда, мы ее увидели. Церковь располагалась на площади, рядом с кафе. Серж узнавал окрестные дома: «Сюда я бегал за конфетами!» Он довел нас до фермы, которая оказалась крошечной. Он сам поразился, до чего она маленькая. С улицы он показал мне

«комнату Терезы», в которой эта самая Тереза когда-то расчесывала себе волосы, а он за ней подглядывал. Ему было тогда 12 лет, ей – 19. В доме никого не оказалось. Серж поговорил с соседкой, и та рассказала, что старик умер, его старшая дочь в больнице – ее парализовало, а муж младшей умер два месяца назад. Дом они продали два или три года тому назад. «Вы меня помните, Люлю? – спросил Серж. – Я пять лет приезжал сюда каждый год». Конечно, она его помнила. Но от знакомой Сержу семьи не осталось никого.

Какой-то мужчина подстригал живую изгородь. Как выяснилось, это новый владелец фермы. Серж тихо сказал ему: «Я бывал здесь, когда дом принадлежал такому-то». – «Может, так, – холодно ответил тот, – а может, и нет». Он не узнал Сержа и не предложил нам зайти на ферму. Мы просто заглянули в окна, и Серж сказал, что там все изменилось.

Мы вернулись на площадь и зашли в церковь. В детстве Серж перед Рождеством раскрашивал картонные фигуры ангелов, которые священник поставил по обе стороны от алтаря. Откуда ему было знать, что ангелов раскрасил еврейский мальчик, которому вскоре придется спасаться бегством?

Серж узнал кошмарного вида гипсовые статуи католических святых – Марии и Терезы – и страшно обрадовался. Священника в церкви не было. Продавщица из скобяной лавки Сержа не признала. Она сказала, что живет здесь уже пятьдесят лет, но если дети запоминают лица стариков, то старики детских лиц не помнят. Бывшая хозяйка фермы умерла. Вся их семья похоронена на местном кладбище. Остался только брат Терезы, он теперь мэр деревни.

Мы пошли его навестить. Серж сказал ему, что очень опечален тем, что все его родственники или покинули родную деревню, или переселились в мир иной. На что Жан справедливо возразил, что, будь его родители живы, им сегодня было бы по сто лет. Бедный Серж. Думаю, он пожалел, что мы сюда приехали. Мы выпили с Жаном по стаканчику. Он обращался к Сержу на ты. У него сохранился рисунок Сержа, на котором тот изобразил себя в поле с лошадьми. Они даже вспомнили, как звали старого коня, – Барашек, и расхохотались. Я сняла их на «поляроид». Мне показалось, что приятелю Сержа будет приятно получить на память снимок. Серж написал на обороте карточки: «Моему другу Жану в память о минувших временах». Я сделала еще один снимок, уже для Сержа. Жан спросил нас, успели ли мы пообедать, и мы солгали, что да. Нам не хотелось ему навязываться. Он был настроен очень дружелюбно, но нисколько с нами не сюсюкал; вообще он человек совсем не

сентиментальный, на что имеет полное право. Тем не менее Серж был явно огорчен, и эта встреча заставила его в очередной раз вспомнить об умершем отце. К нашему возвращению дети были дома. Мадам Ремонд сделала генеральную уборку, и дом сиял чистотой. Мы с Сержем почувствовали себя счастливыми.

* * *

Его сестры, Лилиан и Жаклин, прятались в монастыре в Лиможе. Но ни один мужской монастырь не согласился укрыть Сержа – это было слишком рискованно. Поэтому его отправили в пансионат неподалеку от Орадура. Там ему однажды пришлось прятаться в лесу, и другие дети приносили ему еду, – прямо как в сказке про Красную Шапочку. Жаклин рассказывала мне, что эта история продолжалась всего два дня, когда кто-то донес на их родителей, и их арестовали и допрашивали, но со слов Сержа я поняла, что он провел в лесу гораздо больше времени. Он говорил, что свою желтую звезду воспринимал как звезду шерифа. Жаклин утверждала, что все они очень хорошо понимали, какая опасность им грозит, хотя, если послушать Сержа, все это было каким-то приключением, чуть ли не игрой. Позже, когда он написал «К оружию, и т. д.» и подвергся антисемитским нападкам, в нем проснулась мстительность. В сущности, все они спаслись чудом. И после этого стать мишенью злобной критики такого ультраправого писателя, как Мишель Друа? Этот человек сравнил Сержа с выхлопной трубой автомобиля, которая взрывается посреди туннеля, отравляя собственных единоверцев. Мишеля Друа – а он был членом Французской академии – обвинили в расизме. Серж впервые в жизни увидел свое имя напечатанным на второй полосе газет, в разделе «Политика». Он притворялся, что это доставляет ему удовольствие.

* * *

Самолет заходит на посадку. Допишу сегодня вечером. Мне очень хотелось, чтобы Серж поехал со мной, но он не смог из-за работы.

Меня переполняет гордость. В этом месяце журнал *Union* назвал меня образцом красивой женщины с маленькой грудью. У меня сегодня праздник! Я листала страницы читательской почты и вдруг наткнулась на эту заметку. Гениально! Прощайте,

комплексы!

13 сентября

Вернулась из Англии. Истерзанная, да еще и с похмелья.

Шоу Рассела Харти обернулось настоящим адом – из-за того, что я страшно психовала, ну и из-за кое-чего еще. Я так напилась, что едва стояла на ногах. Когда мне сказали, что мои родители собираются присутствовать в зрительном зале, я попросила девушку, которая рассаживала гостей, передать им, что «Джейн так волнуется, что вам лучше не попадаться ей на глаза, а посмотреть передачу отсюда», – и она пригласила их в режиссерскую аппаратную. От себя она добавила, что если я их увижу, то «окончательно растеряюсь». Но я все же подозревала, что они окажутся в числе зрителей, что не улучшило моего состояния. Одним словом, когда я увидела свою очень сердитую маму, то начала вспоминать, что такого я могла ляпнуть во время шоу, хотя была уверена, что не сказала о них с папой ни единого дурного слова.

– Ваши родители принадлежат к классу буржуа, которых очень просто вывести из себя?

– Нет, ничего подобного.

И дальше я рассказала, что в день моей свадьбы, когда мы с папой ехали на церемонию, он сказал мне: «Знаешь, еще не поздно все отменить». После рождения Шарлотты мама, которая не скрывала, что счастлива, спросила: «Когда ждать следующего?» Проблема заключалась в том, что я была мертвецки пьяна, но хотя бы не выглядела надутой и даже сумела до конца допеть песню, не переврав ни одной ноты.

Мама с папой сидели в режиссерской аппаратной, где обычно во время записи на телевидении меня ждет Серж. Это крошечная комнатка с телевизором. Папе хватило такта сказать, что ему очень понравилось смотреть шоу в этой конуре и что само шоу было великолепным, но вот мама смертельно обиделась. В ресторане мы с ней поссорились. Она утверждала, что я ее стыжусь и стыжусь того, что она актриса. Но меня даже не спрашивали, чем занимается моя мать! Когда я обедала с продюсером, я все скрыла. Что моя мать – актриса и что это именно она помогла мне получить мою первую роль; она взяла меня с собой на вечеринку, где присутствовал продюсер Бинки Бомон. Я назвала ее сценическое имя – Джуди Кэмпбелл. Но за те несколько минут, что длилось интервью, мне не задали о ней ни одного вопроса. Меня не спрашивали даже о фильмах, в которых я снималась! Это их не интересовало. Говорили в основном про «Я тебя люблю…» и обсуждали мою репутацию скандалистки.

Ужин превратился в адскую муку. Я видела, что мама глубоко оскорблена, хотя я не сделала ничего плохого и меньше всего хотела ее ранить. Когда она спросила, можно ли им с папой присутствовать на шоу, я ответила, что буду счастлива видеть их в числе зрителей. Почему же я запихнула их в эту каморку? Я не понимала, что тут такого, ясно же, что все это – просто недоразумение. Мама добавила, что песня ей понравилась, но о моем интервью не обмолвилась ни словом, пожалела только, что меня не расспрашивали о фильмах. Даже на следующий день, когда они провожали меня в аэропорт, я видела, что она все еще дуется. А у меня с похмелья трещала голова. Папа водил меня в галерею «Художники Челси», и я купила портрет Сержа его кисти[145].

Мне очень жаль, что я так обидела маму. У меня такое ощущение, что в последнее время это повторяется все чаще – за исключением тех случаев, когда с нами Серж. Стоит мне остаться одной, и я все порчу. Мы с мамой не ссорились уже целую вечность, и вдруг на тебе! Две последние стычки были особенно ужасными. Я честно старалась ей угодить, мне казалось, я делаю все, чтобы доставить ей удовольствие. В общем, в Орли я прилетела с жутко опухшими глазами. Какое облегчение снова быть с Сержем, в стране, где меня любят.

С тех пор от мамы никаких вестей – полное радиомолчание, зато папа прислал два замечательных письма. На одно из них я сегодня ответила. Он так меня поддерживает. У него потрясающее чувство юмора. Благодаря шоу, которое показывали в воскресенье, я получила предложение новой роли. Судя по отзывам, я «была собой» – что бы это ни значило!

У Кейт сегодня первый учебный день в школе для «больших». Она ушла утром в страшном возбуждении и вернулась домой в том же состоянии. Никогда не видела, чтобы ребенок так радовался, что идет в школу. Другие дети плакали, но только не Кейт! Она бегом побежала к школьным дверям. От Жан-Пьера Касселя она вернулась с каким-то дерматитом, похожим на лишай. Прекрасно, ничего не скажешь! Но она счастлива, что ей разрешили провести неделю в гостях у мальчика.

Я пытаюсь использовать месячную паузу в съемках фильма с Трентиньяном и вклиниться в картину Моки с Пьером Клеманти. Не знаю, получится ли. Как говорится, это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Всегда так происходит. Ровно в тот день, когда я подписала контракт на съемки в «Частном показе», мне позвонил Моки и предложил роль.

Дети смотрят телевизор. Серж работает над песней к «Частному показу», которую должна петь Франсуаза Арди. Пока

выглядит симпатично.

Вчера ходили с Сержем к врачу. Он велел ему окончательно бросить курить – коронарная артерия у него до сих пор забита. Курение для него смертельно опасно. Я позвонила мадам Азан и попросила ее заранее связаться с доктором Бенсе и предупредить его, что Серж надеется, что ему разрешат снова курить. Хорошо, что доктор проявил твердость.

Октябрь, Венеция

Сижу в невероятно элегантной гостиной с видом на Большой канал. Под окном тарахтят моторные лодки. Сейчас 11 утра, но меня слепит зимнее солнце. Пришлось задернуть шторы, иначе невозможно писать. Серж принимает ванну (чудеса случаются!). Я сижу одна в огромной голубой комнате, оформленной в стиле рококо, и чувствую себя абсолютно счастливой. Мы с Сержем все же устроили себе медовый месяц. Кошмар, связанный с его болезнью, остался в прошлом. В квартале Салюте ничего не изменилось, и на меня волей-неволей нахлынули воспоминания о нашей предыдущей поездке, пять с половиной лет назад. Мы с Сержем специально поселились в том же самом отеле, где останавливались в первый раз.

Мы приехали сегодня утром, в 7 часов. Бедный Серж ночью почти не спал, как, впрочем, и я. Задремала буквально на минутку, и мне приснился ужасный сон: как будто Эндрю везет нас на какой-то остров и ведет в дом с привидениями. Я знаю, что дом обречен и понимаю, что он вот-вот обрушится прямо нам на головы. Между тем Эндрю как ни в чем не бывало играл с детьми. Я бежала к ним какими-то бесконечными коридорами, чтобы их спасти.

Когда мы сошли с поезда, стоял собачий холод, хотя светило солнце. Я стояла, залитая солнечным светом, и ждала катер, который отвезет нас в отель «Гритти». Венеция предстала перед нами во всей своей красе; город просыпался, расцветая у нас на глазах.

Мы пытались вообразить себе, какой у нас будет номер. Он оказался очень милым – оформленным в пастельно-розовых тонах, – но не совсем таким, о каком мы мечтали. Серж не скрывал разочарования и пошел узнавать, нельзя ли его поменять. Нам ответили: «Да, конечно, но не раньше 10 часов». Тогда мы пошли завтракать в маленькую столовую с окнами на канал. В конце концов нам предоставили другой люкс, который был голубой копией предыдущего. Хотя нет, здесь у нас была необыкновенная, божественная гостиная, выдержанная в чисто венецианском духе. Высокие потолки, спальня со светло-

абрикосовыми стенами, большая кровать, на стенах – полотна романтиков с изображением ню в золоченых рамах. Очень сексуально! Мраморная ванная комната изумительной красоты. Особенно меня порадовало, что большая кровать состояла из двух близко сдвинутых односпальных, значит, Серж мог сколько угодно ворочаться во сне. Зная склонность Сержа к перфекционизму, я видела, что поначалу он был разочарован, но теперь заметно повеселел. И даже отправился принимать ванну! Потом он надел свои новые брюки, в которых выглядит сногсшибательно, но тут же снял их и натянул джинсы. Он сказал, что для него брюки – это слишком «шикарно».

Суббота

Я проснулась поздно. Мы с Сержем обедали в прелестном рыбном ресторане на мосту Риальто. Ели маленьких крабиков с зеленой фасолью. Разумеется, Серж заказал себе все, что врачи категорически ему запрещают. Он говорит, что каникулы есть каникулы.

После обеда мы сели в гондолу и отправились в старый город, в квартал Гетто. Синагога, конечно, была закрыта – суббота. Мы осмотрели главную площадь, плотно застроенную домишками, наползающими один на другой.

В сувенирной лавке торговал старик, который сам делает украшения. Я купила для матери Сержа звезду Давида; она лежала в пластиковой коробочке на розовой вате и выглядела прелестно. Мне показалось, что Сержу удалось в какой-то степени проникнуться настроением детей, которые играли на площади; это не была печальная картина, светило солнышко, но все же Венеция предстала перед нами немного другой, очень бедной, и даже мне стало тоскливо. А день был прекрасный, небо голубело, и в воздухе пахло счастьем. Серж в отличной форме. Я только что вернулась из парикмахерской, вся в кудрях!

Понедельник

Проснулась последней. В 11 часов Серж принес мне завтрак в постель. Обедать мы пошли в бар «Гарри». Полчаса поездки на моторной лодке – и вот мы сидим на залитой солнцем террасе. На обратном пути мы завернули на остров, где есть монастырь, но у монахов настал час сиесты, и внутрь нас не пустили.

Под великолепным зимним солнцем Венеция вся искрится. Мы заскочили в отель «Даниэли» узнать, правда ли номер, в котором мы останавливались три года назад, был перестроен в современном духе, как о том говорила мадам Азан. Вроде бы это был десятый номер, с темно-зелеными стенами, в котором мы

прожили всего два дня по возвращении из Сараева. Его атмосфера была эротичной и барочной. Зимой они не подают коктейлей с шампанским и персиками, как пять лет назад, когда во время съемок «Лозунга» я страдала в отеле «Даниэли».

Мы пешком дошли до площади Святого Марка, и я заметила вывеску аквариума, в который Сержу очень хотелось зайти. Какие-то несчастные рыбы и музыка, как в лифте. После того все пошло наперекосяк. Я имела глупость обратить внимание на афишу с Джорджем Сигалом. Он хороший актер, но я не его поклонница, тем не менее я сказала: «Какой прекрасный актер! В картине “С шиком” он снимался вместе с Глендой Джексон».

Я думала, что Сержу будет интересно об этом поговорить. Дело в том, что ему предложили написать к фильму песню, о чем он совершенно забыл. Не знаю, по какой причине, но он жутко на меня разозлился. Сказал, что я слишком часто произношу имя этого актера, хотя он полная бездарность. Его потолок – изображать шаги за сценой. Никакой индивидуальности. И вообще вся актерская братия гроша ломаного не стоит и так далее, и тому подобное. Я тоже разозлилась и в ответ наговорила ему колкостей, включая вещи, которых на самом деле не думала. Кстати, напомнила, что он сам когда-то был актером, чего он не отрицал. Короче говоря, мое самое горячее желание – получить возможность заново прожить этот день. Тогда я даже не заикнулась бы об этом дурацком фильме! А теперь Серж раздул из него целую историю! Я была мрачнее тучи. Мы молча дошли до отеля «Феличе», в котором останавливались во время съемок «Лозунга». Оттуда пешком вернулись в свой нынешний отель. И вот сейчас я сижу в своей великолепной комнате, смотрю на воду под окнами и жду звонка из Парижа. Какое жалкое завершение столь прекрасно начавшегося дня! Знать бы, как себя вести, чтобы самой себе не портить жизнь!

Все наладилось. Перед ужином мы одновременно попросили друг у друга прощения. Мы были в ссоре ровно пять часов.

Серж сказал: «Про…»

Я подхватила: «…сти!»

Среда

Сегодня уезжаем. Боже, какую восхитительную ночь мы провели! Как в настоящий медовый месяц! Сейчас пишу, сидя в спальне, и смотрю на нашу прекрасную гостиную. До чего не хочется отсюда уезжать! Все было просто идеально, даже лучше, чем я надеялась. Необходимость уезжать ввергает меня в уныние, но у Сержа, разумеется, возникла очередная безумная идея. Вчера вечером мы завернули в бар отеля «Даниэли», и Серж спросил,

будет ли у них завтра свободен десятый номер. Поэтому нам нечего бояться, что ровно в полдень нас вышвырнут из гостиницы – мы проведем еще один день в нашем старом номере. По-моему, это гениально. Мы уезжаем вечерним поездом в 21:30, но до тех пор у нас будет еще целый день, и уж мы им воспользуемся…

Вторник

Смена обстановки! Мы с Сержем и детьми в Эвиане, в прелестной квартире. Благодаря моей невиданной щедрости у всех поголовно бронхит.

Я в качестве приглашенной звезды участвовала в передаче «Праздник спорта». Накупила кучу книг о Тиме Биркине и показала мамины фотографии. Если бы она видела передачу, была бы довольна.

* * *

Родственник моего отца был самым знаменитым в Англии автогонщиком и победителем гонки «24 часа Ле-Мана». Впоследствии он умер от сепсиса. Он носил усы, шикарный шейный платок зеленого цвета и ездил на «бентли». В Англии, если я называю свою фамилию, меня часто спрашивают: «А вы не родственница Тиму Биркину?»

* * *

Серж встречался со своими двумя детьми. Надеюсь, его жена приедет вместе с ними в понедельник, чтобы они познакомились с Шарлоттой. Я уверена, что полюблю его сына – у него такой же разрез глаз, как у Сержа. Мама и папа сейчас в Испании с Энджи[146]. На Пасху мама приедет в Париж. Вот здорово!

* * *

Детей Сержа от его второго брака с Беатрис Панкрацци звали Наташа и Поль. Чтобы получить развод, Сержу пришлось заплатить немалую сумму. Кроме того, он не имел права видеться с детьми в отсутствие их матери.

1974

Март, улица Вернёй

Я в своей комнатке, которую обожаю. Перенесла сюда свой диван, и здесь теперь очень мило. Мы ужинали с рыжеволосым и усатым графом д'А. Несколько лет тому назад я донимала его по поводу отмены смертной казни и надеялась, что он поможет мне добиться права посещения тюрем и прочего, но он ограничился тем, что приглашал меня на коктейли. Сержу не хотелось идти на этот ужин, но он человек вежливый. Я вступила во французскую ассоциацию борьбы за отмену смертной казни, и сделала это самостоятельно. Потом написала господину Помпиду высокопарное письмо, которое завершила словами: «Господин президент! В ваших руках – жизни людей. Прошу вас проявить к ним христианское сострадание». Что он сможет на это возразить? Серж не очень верил в успех моей инициативы, но поддержал меня и помог исправить в письме орфографические ошибки. Кстати, идею завершить послание словами о «христианском сострадании» предложил именно он. Я так им горжусь.

В среду выходит «Обезумевший баран». Мое имя стоит на афише рядом с именем Трентиньяна, а моя фотография – рядом с его фотографией. Роми Шнайдер умрет от злости!

Сегодня утром Серж сдавал анализы. Режим, предписанный ему врачами, стал для него пыткой. Ему нельзя есть ничего из того, что он любит, а то, что ему можно, он ненавидит до смерти.

Серж читал мне «Адольфа» Бенжамена Констана. Эта книга не имеет ничего общего с «Мадам Бовари», о которой ты подумал. Мы оба плакали. Сержу стоило немалого труда продолжить чтение – он хлюпал носом, а из глаз у него катились слезы. Вчера вечером мы закончили «Татарскую пустыню». Мы ведь ужинали с Буццати в Милане всего за год до его смерти. При одной мысли об этом меня охватывает грусть.

Кейт и Шарлотта ведут себя как ангелочки. У них настал хороший «период». Теперь они вместе играют, чему я страшно рада, и Кейт учит Шарлотту писать. «Чтобы она не была в школе такой отстающей, как я», – заявила Кейт. До чего мило с ее стороны. Она совершенно не ревнует к Шарлотте. Зато Шарлотта – ужасная хитрюга и врет как дышит. При этом она невероятно забавная.

Жильбер К. д'А отныне известен как Бейзил Браш – в честь знаменитого лиса, персонажа телевизионного кукольного шоу. Это господин ультраправых взглядов! Я назвала его «негодяем», не подозревая, что он приятельствует со всеми правыми

политиками, и добавила, что со стороны Помпиду было очень невежливо проигнорировать мое письмо. В ответ меня снисходительно похлопали по коленке: «Ах, вы просто прелесть!» Мне целовали руку, приговаривая: «Дорогуша». Вот во что выливается любое доброе дело, даже в «Панда-клубе»! Президент и генеральный директор сказал мне, что есть очень важные темы, которые стоит обсудить. И предложил подвезти меня до дома. По дороге он попросил: «Отмени свою завтрашнюю трехчасовую встречу. Мне нравятся женщины, которые знают, чего они хотят». Когда мы затормозили на красном светофоре, он погладил меня по руке и добавил: «Мы можем сделать столько полезного для Всемирного фонда дикой природы…»

13 мая, Сен-Тропе

Я в ночном поезде, на довольно удобной полке на втором, если можно так выразиться, этаже, и сверху смотрю на Сержа, который устроился на нижней полке напротив. Он читает книгу о горах – готовится к воскресному «Празднику спорта». Мы на два дня едем в Сен-Тропе, на запись телепередачи.

Перед отъездом я читала детям сказки: Кейт – «Золушку», Шарлотте – «Мисс Мопетт».

Утром приехали в Сен-Тропе. В поезде я почти не спала. Серж тоже чувствует себя паршиво. Потрясающе красивое небо. Сейчас лежу в постели: я час провела на солнце, и у меня страшно обгорело лицо. Из Сен-Рафаэля в Сен-Тропе мы доехали на машине в довольно приятной компании. Вышли на Пляж-де-Таити, где обнаружили, что все закрыто. Персонал работал, но никто ничего не слышал о том, что для нас забронирован номер. Похожий на зомби портье крайне нелюбезно сообщил нам, что хозяин отеля на весь день уехал в Марсель, а хозяйка принимает ванну! Вне себя от злости, мы покатили в отель «Библос». Сколько воспоминаний! Девушка за стойкой регистрации сумела даже назвать номер нашей любимой комнаты, в которой мы жили шесть лет назад. И вот мы снова здесь!

Я позвонила домой, узнать, как у них дела. Бедняжка Шарлотта! У нее кашель, насморк и высокая температура. Это я ее заразила. Я позвонила врачу. Умоляла ее зайти осмотреть Шарлотту. Она отказалась, и тогда я попросила ее принять Шарлотту у себя в кабинете. С тех пор я звонила домой еще два раза. Вроде бы дело пошло на поправку. Кейт поинтересовалась, как поживает Серж, и сказала, что целует его. Я впервые услышала от нее подобные слова и очень обрадовалась.

Здесь Клод Франсуа – кошмарный лощеный певец, вечный подросток 35 лет, который лезет во все дырки и, к несчастью,

безумно популярен. Я познакомилась с ним на шоу «Тарататата», и он, как ни странно, вел себя со мной чрезвычайно любезно, даже назвал меня «своей чашкой чая». Поэтому мы с Сержем решили, что его надо пригласить на мою программу. Он в принципе согласился, но при одном условии: ты – мне, я – тебе: «Пусть Джейн сделает что-нибудь для моего нового журнала *Absolu*. Я задумал его как образец “секси”. С фотографиями Ги Бурдена это будет *класс*!» Я ответила «Ладно» и дала интервью одной бывшей подружке Сержа, против которой у меня было определенное предубеждение, потому что как-то раз он ударил ее по лицу, а потом вступил в связь с ее сестрой! Но она оказалась очень милой, и наше интервью затянулось. Два часа *chit-chat*[147] на всякие личные темы: о моих подростковых комплексах, о моем взгляде на мир и так далее. С девушкой вместе пришла ее довольно мужеподобная подруга, которая попросила разрешения меня сфотографировать для иллюстрации статьи. Я не возражала, но сразу предупредила: никаких снимков «секси». Но могу сняться, например, в мужском костюме со строгим галстуком – так сказать, для контраста. Они вроде бы согласились, и мы простились. А неделю спустя мне звонит секретарь Клода Франсуа. «Нет, я не буду фотографироваться обнаженной», – сразу отрезала я. «Здесь какая-то ошибка, – принялась втолковывать мне девушка. – Клод сказал, что с вами обо всем договорились. “Джейн не против” – это его слова…»

Ничего подобного, ответила я, пусть он сам мне позвонит, и я все ему объясню. И он, конечно, позвонил! Долго рассказывал, что Ги Бурден задумал серию потрясающих фотографий, по смелости не сравнимых ни с чем, что я делала до сих пор. Он хочет «зайти за грань». «Никакой обнаженки», – снова повторила я, но он меня не слушал. «Ги Бурден – гениальный фотограф! У нас великолепная студия! Это просто фантастика – естественное освещение, все абсолютно натурально…» И прочее в том же духе.

Если он читал мое интервью, сказала я, он все поймет. Я терпеть не могу голых фотографий, потому что нахожу их скучными. И нисколько не сексуальными. Я снимаюсь в духе «секси», но никогда – полностью обнаженной. Например, в джинсах и плаще – и это совсем другое дело.

Он сказал, что его журнал против извращений.

А я сказала, что я – за.

Он сказал, что это его не удивляет. Пришлось мне объяснить, что я и в самом деле снималась обнаженной, но в таких позах, что ничего не было видно. Если он откроет последний номер *Elle*, то обнаружит мою фотографию, на которой я действительно без одежды, но сижу на корточках, так что ничего не видно, и это

производит впечатление чистоты.

В его голосе прорезалось раздражение. «В этом нет ничего нового», – буркнул он.

На что я ответила, что фотография была сделана специально для *Elle* и напечатана на развороте в рубрике «Кино», что фотохудожник сделал акцент на моем колене, руке, ноге и глазу, – нечто подобное печатает *Vogue* в разделе «Красота». И что я не знаю ни одной актрисы, которая до меня снималась бы в таком виде.

– Значит, ты хочешь, чтобы я «зашла за грань»? – уточнила я. – Надеюсь, ты не имеешь в виду необходимость выставлять напоказ лобок?

– Почему бы и нет? Почему бы, например, не раздвинуть ноги?

Я на миг утратила дар речи. Он и правда этого добивался.

– Что может быть прекраснее, – продолжил он, – чем женская ***?

О, ужас! Он смотрел на меня как на созревший плод – протяни руку и сорви! Но я давным-давно решила, что никогда и никому не покажу то, что находится у меня между ног. Это мое и навсегда останется только моим.

– Ты обманываешь своих зрителей, – сказал он.

Я чуть в обморок не грохнулась. И сказала ему, что ни одна актриса не раздвигает ноги ради фотографии в журнале. Зато в Америке, возразил он, это делают, просто мы во Франции отстаем года на три-четыре, а его журнал не зря называется *Absolu*, потому что он стремится к абсолюту во всем, и прочее бла-бла-бла. Он упомянул интервью какого-то депутата Национального собрания, и какого-то психиатра, и мое собственное. Кому еще ты такое предложишь, поинтересовалась я и добавила, что модели могут сколько угодно выставлять себя напоказ, но я не сделаю этого никогда, даже ради Ги Бурдена, к которому, кстати, прекрасно отношусь. Но маньяк по прозвищу Клокло не желал сдаваться: «Ты все же приходи на фотосессию, а там посмотрим. Может быть, между вами с Бурденом возникнет взаимопонимание».

Я еще раз сказала, что готова сниматься в духе «секси», но при жестком условии: никакой полной наготы. Он пообещал, что даст мне самой выбрать фотографии и отбраковать те, что мне не понравятся.

– Я приду с Сержем. Так мне будет удобнее.

– Пожалуйста! Может быть, он убедит тебя зайти за грань.

Это был разговор с сумасшедшим. Я понимала, что должна была прекратить его сразу после того, как он заговорил про женскую ***. Но каков наглец!

Сегодня я позвонила Ги из Сен-Тропе и спросила, какие у него идеи по поводу фотографий. Он сказал, что хочет, чтобы я лежала на диване, раскинув ноги, в задранном подвенечном платье, и делала вид, что сплю. Какой ужас. Потом он добавил, что его первоначальная идея слишком скабрезна, чтобы он мог поделиться ею со мной. Но я настаивала и в конце концов он сдался. Итак, он хотел, чтобы я лежала на диване с широко раздвинутыми ногами, поставив между ними телевизор, на экране которого красовалась бы огромная задница или еще что похуже. Меня это просто убило.

Он назвал бы фото «Женщина-автомат».

Я сказала, что не пойду на это. Потом позвонила Клокло и то же самое сообщила ему. Если их устраивает, я могу сфотографироваться в мужском костюме (кстати, эта мысль понравилась Ги). Но Клокло заявил, что одетая – в мужскую или женскую одежду, неважно, – я никого не интересую.

Мы мгновенно перешли с «ты» на «вы», и он закончил разговор, бросив: «Пока». Он был страшно раздосадован. Этот тип – настоящий псих. Разумеется. Я не стану включать его в свою программу. Серж позвонил Карпантье и попросил связаться с ним, чтобы предупредить о нашем решении. Пусть знает, что нам на него наплевать. Шантажировать меня моей ***! Мы вне себя от изумления.

* * *

В конце концов он все же принял участие в нашей программе благодаря содействию четы Карпантье, выступившей продюсерами. Он прибыл на «роллс-ройсе». Я танцевала вместе с его «клодеттами», что было неимоверно трудно, но он, одетый в серебристый атлас, выглядел просто шикарно.

* * *

Вечер пятницы

Плохо себя чувствую. Обострился бронхит. Из-за кашля сегодня на пляже чуть не умерла. Мы пошли к врачу; он сказал, что у меня хронический бронхит, и сделал мне укол в задницу. Температура упала. Завтра он снова зайдет и сделает еще один укол. Мы все же закончили съемку для телевидения. На главной площади Сен-Тропе поставили большую кровать, и я пела в ней «Этого хочет сама жизнь». Серж сидел сзади и читал газету.

France-Soir напечатала потрясающий отзыв о фильме «Обезумевший баран». Я названа «дивной *JB*»! Еще одна отличная рецензия в *Le Figaro*. Второй раз за эту неделю случайно встретилась с Шарлоттой Рэмплинг, сегодня – в великолепном рыбном ресторане.

Снова воспоминания… И какое прекрасное солнце! Обидно болеть. Серж так внимателен ко мне, он просто чудо.

Суббота

Сидим с Сержем на террасе бара с видом на бассейн. Солнце печет. У меня еще держится температура, но чувствую себя немного лучше.

Обедали в старом порту. Просмотрела *France-Soir*. Еще одна рецензия, даже лучше предыдущей. Надо бы вырезать их и вклеить в свой дневник. Вдруг больше никто никогда так обо мне не напишет? Солнце греет, сегодня суббота, я сижу с Сержем на солнце. Это ли не счастье?

Как-то один журналист спросил меня, как я понимаю счастье. Я ответила, что для меня счастье – это состояние души. Не знаю, как его описать, да это и неважно, главное, что я его переживаю. Я уверена, что счастье не связано с работой. Может быть, для кого-то счастье в детях? Для меня оно – в любви. В этом я не сомневаюсь.

Вчера мне позвонили от Отто Премингера, предложили встретиться в среду. Обычно я от таких предложений отказываюсь. Америка меня пугает. Англия приняла меня холодно. Я выбрала Францию потому, что Франция выбрала меня. Здесь я чувствую себя счастливой и в безопасности. Франция меня удочерила. Я никогда не завидую французам – это было бы просто глупо. Если какую-то роль отдают французской актрисе, я говорю себе: «Ну конечно, это нормально». Я понимаю, что все, что я делаю, другие могут сделать лучше. Но только не в случае «Барана». Я сразу поняла, что эта небольшая роль для меня. Роль влюбленной женщины и неудачницы, роль смешная и грустная. У меня не было никаких амбиций, потому что со мной играли актеры и актрисы классом выше меня. Я очень старалась им соответствовать, и все они мне помогали.

Вторник, по возвращении из Сен-Тропе

«Тебя здесь кормят, и поят, и дают крышу над головой», – заявил сегодня вечером Серж. «У меня ничего нет», – ответила я. Моя комната – это моя комната, но он решил сунуть нос в мои бумаги и еще возмущался, что у меня в них бардак.

Первое. Это не бардак. Второе. Даже если в них бардак, тебя

это не касается. В большинстве домов есть уютная гостиная. В нашем доме вместо гостиной – великолепный музей. Стоит мне поставить свою корзину на его рояль, он негодует, утверждая, что я его поцарапала. Тот факт, что я сама нашла и подарила ему ковры, бронзовых крыс и коллекцию заводных обезьян, не в счет.

Все здесь принадлежит ему, а я не имею права даже слово сказать. Я сижу на стуле и боюсь шевельнуться – вдруг что-нибудь сломаю. Особенно если он в комнате. Впрочем, заходить сюда в его отсутствие мне запрещено. Я могу находиться на кухне или у себя в комнате. Я всегда считала эту комнату своей и купила сюда у Марлен Кастен шторы и покрывало. С какой стати он на меня орет? Это покрывало в стиле пэчворк, я сама его выбирала. Почему он позволяет себе говорить, что это рванье? Я заплатила за него свои деньги. В нем мне дорога каждая деталь, за это я его и люблю. А мои бумаги – вырезки из газет, письма, счета? Если они лежат грудой на столе, это еще не делает их грязными. Если уж говорить о грязи… На себя бы посмотрел! Четыре месяца не принимал ванну! Ноги просто черные! Он же хранит бумаги в библиотеке, так почему я не имею на это права? Он говорит, что работает моим секретарем. Но вместо того чтобы заполнять за меня банковские чеки, лучше научил бы меня делать это самостоятельно. Я плохо разбираюсь в денежных делах. Он говорит, что по своей доброте дает стол и кров мне и моим детям. Господи, он что, забыл, что один из этих детей – его собственный? Когда он предложил мне переехать к нему, он взял на себя ответственность и за Кейт. Почему сейчас он пытается обернуть это против меня?

Скорее всего, он рылся в моих бумагах в поисках секретной переписки. Он уже вскрывал мое письмо Эндрю, которое я оставила на столе, – держал его над паром. В любом случае он читает большую часть моей почты. Но факт остается фактом: у меня в этом доме нет своего места. Он вынужден жить с женщиной, склонной к беспорядку, а я – с маньяком, помешанным на вещах. Для меня это тоже нелегко.

Он вошел ко мне с восклицанием: «О-ля-ля!» – но я не поддалась на его уловку. Я куплю себе коттедж, и, когда он будет ко мне приходить, ему придется соблюдать мои правила. Но у меня нет денег. Все, что у меня остается, уходит на оплату дома на Чейн-Роу. Джон никогда не дал на Кейт ни гроша. Одним словом, я не в том положении, чтобы вкладывать средства в старые камни. Интересно, когда-нибудь у меня появятся деньги на покупку своего дома? Дома, в котором я смогу проводить выходные так, как мне хочется, и который обставлю по собственному вкусу? Пусть это будет очень скромное жилище, но

оно будет мое?

Как мне себя жалко! Шесть лет прожить с человеком, который цедит тебе сквозь зубы: «Тебя здесь кормят». По-моему, это слишком. У меня такое ощущение, что и после десяти лет совместной жизни он будет внушать мне то же самое, пока я не пойму, что не значу для него ровным счетом ничего.

Среда, Довиль

Ну мы и посмеялись! Я повела детей в конный клуб, чтобы они покатались верхом. Какой-то старикан очень грубо и высокомерно сказал мне, что Кейт слишком мала, чтобы садиться на лошадь, разве что на Кастора, который недавно повредил копыто и в любом случае не может долго носить седока. Мы все же решили попробовать, и Кейт проскакала два круга, постоянно соскальзывая с седла, которое никто не догадался под ней как следует закрепить. Я попыталась посадить на лошадь и Шарлотту, но она все время сползала с седла. Тогда я подсадила ее к Кейт, у нее за спиной, и это Шарлотте тоже не понравилось: она заверещала, чтобы ее спустили на землю. Я собиралась оставить персоналу чаевые, но они и так содрали с меня 20 франков – это за пять минут катания на злобном хромом пони! На улице похолодало; похоже, будет снег. Мы решили не ходить в бассейн. Он открытый, а значит, мы там заледенеем. Серж сказал, что на поле для гольфа осталась всего одна лунка, да и в той засел крот, который потерял свой телефон!

Я взяла напрокат два велосипеда, и мы с девочками поехали кататься. Шарлотта сидела у меня на багажнике, а Кейт, *poor thing*[148], была вынуждена большую часть пути толкать свой, потому что у него ослабла цепь и ехать он мог только по асфальту. Когда мы выбрались на главную дорогу, выяснилось, что тормоза у него тоже не работают. Спрашивается, как его остановить? Кейт вышла из положения с моей помощью, правда содрав мне ноготь и обильно оросив окрестности материнской кровью. Вместе с деревенскими мальчишками мы скатились со склона холма и поехали к врачу. Он сказал, что Кейт завтра лучше побыть дома, а Шарлотте надо продолжать принимать лекарство. У меня астматический бронхит, и мне опять прописали кортизон. В субботу, если не будет улучшения, иду на рентген.

Ужинали мы дома, под включенный телевизор. В ту самую минуту, когда передавали кошмарную рекламу сосисок, Кейт вырвало прямо на стол. Серж решил, что это из-за рекламы. Он ужасно разозлился, потому что Кейт стянула что-то с тарелки Шарлотты. «Ты собралась размазать паштет по столу?» – крикнул он. Бедную Кейт вырвало еще раз – на куриные эскалопы.

Пятница

У нас новые приключения. Мы с Сержем и девочками отправились в отель «Кло де Садекс» – это примерно в часе езды. В машине Шарлотту вырвало мне на руку. Ну что за наказание! Наш номер – это две большие пустые комнаты, точно, как в Югославии. Здешний персонал – поголовно испанцы. Завтрак они подают с 7 до 10, обед – с 12 до 14, ужин – с 7 до 9 вечера! В столовой жуткий холод. Нас обслуживает официант-испанец, к тому же заика. Сержа он не узнал и предложил ему местного вина, а девочкам – воды. Когда Серж попытался закрыть у нас в номере тяжеленные зеленые ставни, один из них упал. Слава богу, номер на первом этаже. Мы с Сержем смеялись до колик, пытаясь водрузить ставень на место. Он – Ромео – стоял внизу на цветочной клумбе со ставнем на голове, а я – Джульетта – высунувшись из окна, старалась насадить петли на штыри. Дети хохотали над своими старыми дураками родителями как безумные. Когда Серж сказал: «Черт, я уронил ставень», я ему не поверила, но это была правда, чистая правда.

Понедельник 1 апреля, Лозанна

Наконец-то мы купаемся в роскоши! *Sweet* Серж, которого допекла деревенская жизнь, снял самый огромный и шикарный люкс в лозаннском отеле «Бо Риваж». Наш номер занимает целое крыло второго этажа. У детей – две смежные комнаты с отдельной ванной. Есть просторная гостиная, небольшой будуар и еще одна спальня с ванной комнатой. Серж бегло оглядел холл в стиле рококо и остался доволен. Прощай, ад сельской жизни, прощай, убожество гостиницы на берегу озера! Теперь он обходит один за другим фешенебельные бары в самом большом палаццо Лозанны.

Сегодня днем мы ездили кататься на моторной лодке. За штурвалом сидел Серж. Разрешения на вождение не требовалось, потому что это относительно тихоходная лодка. Было очень весело. *Good old*[149] Серж! Под конец каникул он всегда

придумывает что-нибудь необыкновенное. Я сижу пишу письма с призывом остановить убийство детенышей тюленей. Мне обещали, что его зачитают на швейцарском телевидении. Завтра у Сержа день рождения.

2 апреля

Только что вернулась с детьми с праздничного ужина: именинный пирог, свечки, подарки… Включила телевизор, и вдруг – срочная новость: умер Жорж Помпиду. Сегодня в 9 утра, в своем парижском доме. Кейт расплакалась, она у нас сентиментальна, а мы с Сержем ошеломлены. Это случилось слишком неожиданно. Бедный старина Помпиду! Стоит только вспомнить, как все потешались над его геморроем: *«Don't the pile be like the tree stopping you from seeing the forest»*[150]. В новостях сообщили, что он знал, что серьезно болен, но не думал, что болезнь смертельна. Значит, пока мы с Сержем, Кейт и Шарлоттой лакомились именинным пирогом, бедный Помпиду прощался с жизнью. Серж очень доволен подарками. Шарлотта преподнесла ему белую розу и носки; Кейт – металлический сапожок, на который он мог прикрепить свои часы, точнее говоря, это был детский сапожок из мягкой кожи, как у Дали, с подметкой на гвоздях, – мы купили его на рю Юниверситэ. Я подарила японскую статуэтку слоновой кости, изображающую женщину с ребенком, – нашла ее буквально в последний момент и моментально в нее влюбилась. Надеюсь, Сержу она тоже понравится. У женщины – идеальная фигура, а у малыша – пухлая попка. Кейт нарисовала открытку, очень похоже изобразив Сержа. Я вклею ее в дневник. По радио без конца передают сообщение о *смерти Помпиду*. И это в день рождения Сержа!

Мы покрасили вареные яйца голубой и розовой краской; ели салями, сыровяленую говядину, шоколад и пончики. Дети были счастливы, и Серж тоже. День выдался прекрасный, солнечный. У Шарлотты раскраснелось личико, как у русской матрешки. Я побаиваюсь за ее здоровье, у нее часто поднимается температура.

Серж полагает, что смерть Помпиду может нести угрозы для Франции. Грустно думать, что мы все насмехались над его внешностью и лишним весом, говорили, что он обжора, а на самом деле он, бедняга, в это время умирал.

Пятница 12 апреля, Париж

5:30 утра. Я опять одна. Б. уговорил бедолагу Сержа лечь в Американскую больницу. Мы поужинали в ресторане, а потом пошли в кино на фильм «Ночной портье» с потрясающе красивой Шарлоттой Рэмплинг. Картина довольно скучная, но критики писали о ней взахлеб. Пока мы сидели в кино, Серж принял одну из своих розовых таблеток, а в половине первого ночи, когда мы вернулись домой, он сказал, что у него болит грудь в области сердца. Мы выпили травяного чаю; ему было все так же нехорошо, он принял еще одну таблетку, но боль не отпускала. Около часа ночи он позвонил Поль-Эмилю, а тот позвонил Б. Все это заняло не один час. Но Серж был в прекрасном настроении и только переживал, что мы беспокоим людей по ночам. Наконец перезвонил Б. и сказал, что скоро приедет. Если боль не проходит в течение полутора часов, добавил он, к этому нельзя относиться легкомысленно. Серж носился по квартире, побежал в ванную

мыть ноги в биде. Я помогла ему их вытереть, и он побрызгал на них духами. Он попросил меня самой открыть дверь Б., боясь, что он будет сердиться, если увидит Сержа красиво одетым. Когда Б. пришел, он сразу сказал, что Сержу надо в больницу, потому что оставаться на всю ночь дома опасно. Серж отказался, Б. настаивал. Я подумала, что, если с ним что-нибудь случится, я никогда себе этого не прощу. Следующий приступ может обернуться ужасными последствиями и двухмесячной госпитализацией. В конце концов Серж согласился. Я уложила в небольшой чемодан его пижамы, зубную щетку и Манки. Б. вызвал скорую помощь, а сам уехал на такси. Серж был в ужасном настроении. Ему тут же сделали электрокардиограмму. Английский врач не обнаружил никаких отличий от предыдущих и сказал, что не видит угрозы нового приступа, но простая осторожность требует, чтобы Серж остался в больнице на ночь, а утром прошел все необходимые обследования. Серж был сердит и подавлен. Ему казалось, что мы раздуваем из мухи слона.

Только что звонила в больницу. Серж не спал всю ночь и даже принял снотворное. Терпеть не могу оставаться дома без него. Какого страху я натерпелась за последние недели! Надеюсь, что к Пасхе он вернется домой. Он постоянно обещает бросить курить, а сам выкуривает по три пачки в день. Разве стоит пара затяжек или лишняя рюмка такого риска? Бедный Серж… Только что он сказал мне по телефону: «Я больше ни на что не гожусь…» И голос его звучал очень грустно.

За ужином у меня было отвратительное настроение. Я чувствую себя заброшенной и старой. Подобные события всегда на меня так действуют.

Июнь, Экс-ан-Прованс

* * *

Мы были в Провансе на съемках фильма «Горчица бьет в нос». Мы – это мои родители, дети, няня, Серж и, конечно, я. Когда Клод Зиди предложил мне роль старлетки, в которую влюбляется тип, похожий на Киссинджера, я сказала: «Пригласите лучше Брижит Бардо. Так будет смешнее. Она ведь настоящая звезда». – «После этого фильма ты сама станешь настоящей звездой», – ответил Клод и оказался прав. Фильм побил в прокате все рекорды и прославил нас с Пьером Ришаром во всем мире, даже в России. Съемки в Эксе проходили прекрасно. Мы жили в небольшом отеле с садом, и у меня сохранились фотографии, на

которых мы с Сержем и детьми то плаваем в бассейне, то качаемся в гамаке.

Во время съемок сцены с Авой – моей подругой и парикмахером на всех фильмах – мне на голову свалилась дверца трейлера. Накануне ее использовали для смешного эпизода, по ходу которого она должна без конца хлопать. Но один из актеров не явился на площадку, и режиссер сказал: «Давайте пока снимем сценку с Джейн и Авой». Ну и сняли… Дверца была красного дерева и в падении щеколдой рассекла мне надбровную дугу. Пьер Ришар потом говорил мне, что я помогла ему неплохо заработать. Дело в том, что, если на площадке происходит несчастный случай, все, кроме пострадавшего, извлекают из этого немалую выгоду: съемки останавливают, но актерам продолжают платить. Из-за моей травмы простой продолжался целую неделю. Потом меня уговорили вернуться на площадку, замаскировав рану челкой. Мы пересняли сцену пресс-конференции со всеми комарами. На распухший гонорар Пьер Ришар купил себе спортивную машину!

* * *

Лежу в постели. Швы только сняли, но пошевелить бровью я до сих пор не в состоянии. Прошла неделя с того проклятого дня, когда мне на голову свалилась эта чертова дверца. Как же я перепугалась! Я и не подозревала, что у крови есть свой запах, а главное – что она такая горячая. Даже с закрытыми глазами я понимала, что по щекам у меня струятся не слезы, а кровь. Я орала как резаная и отталкивала женщину, которая пыталась приложить к моей ране лед. Все вокруг охали и ахали: «О-ля-ля!», «Ну и ну!» – из чего я вывела, что видок у меня еще тот. Кто-то сказал, что надо вызвать скорую, потому что рана глубокая. На мне расстегнули рубашку, сняли с меня шерифские сапоги. Клод Зиди проявил ко мне настоящую доброту. Он поехал со мной в больницу, по дороге держал меня за руку и не уходил, пока мне делали рентген головы и искали хирурга, который будет делать операцию. Ее назначили на 14:30, и я попросила Аву найти Сержа. Больше всего меня ужасала мысль, что мой лоб будет обезображен шрамом. Клод вел себя безупречно. Позвонил Клод Берри. Он сказал, чтобы я не волновалась, потому что здесь прекрасные врачи, иначе он отправил бы меня самолетом к своему личному хирургу в Париж. Наконец пришел Серж. Я попросила его заглянуть мне под повязку. Он подтвердил, что рана глубокая, но не широкая, и поцеловал меня. Пациент из

соседней палаты – очень милый человек – принес мне букет цветов: «От вашего поклонника». Это немного подняло мне настроение. Я попросила Сержа сообщить обо всем папе. Операцию должны были делать под общим наркозом, и мне хотелось поговорить с ним до того. Папа пришел, и вскоре меня уложили на каталку и перевезли в операционную – комнату, залитую слепящим светом. Серж и папа остались ждать меня в палате. Поздно вечером того же дня меня выписали. После наркоза в голове стоял туман. Забирали меня папа и Серж. Серж принес большой пакет шоколадных трюфелей. Такой я и приехала домой: полголовы в бинтах, шерифский костюм заляпан кровью.

Теперь я понимаю, что чувствует папа, глядя на мир одним глазом. Это ужасно! Трех дней в роли циклопа мне вполне хватило! После того как мне сняли швы, врач велел еще неделю соблюдать постельный режим. Поэтому вернусь на съемки только в понедельник.

Без даты

Фильм с Пьером Ришаром вышел на экраны. Шазаль в своей рецензии написал обо мне чуть ли не с нежностью. Надо будет послать ему коробку конфет. Всего за два дня картина вышла на первое место в прокате, побив рекорд «Аферы».

Шарлотта целыми днями играет со своим жемчугом и выглядит совершенно счастливой. Придется ей в будущем стать богачкой: ее явно интересуют только деньги и украшения. Мадам Ремонд сказала, что она как-то выскочила из коляски, чтобы подобрать монетку в десять сантимов, которую кто-то обронил на улице. Серж ею гордится. Эта ее страсть стала у нас предметом шуток. Не знаю, может, она нарочно ему подыгрывает, но выглядит это ужасно забавно.

После возвращения в Париж Серж чувствует себя намного лучше. Он совершенно переменился. Пишет роман о человеке, обладавшем даром по желанию испускать газы, и сценарий фильма.

Надеюсь, что в понедельник мы с Сержем сможем поехать в мой кукольный домик. Мне до сих пор не верится, что я смогла купить этот маленький дом священника в Крессвее за 15 тысяч франков. Как я счастлива! Я выкрашу его в бледно-розовый цвет, а стены обобью ситцем в мелкий цветочек. Не дом, а мечта! Никогда не забуду то воскресенье в Довиле и агента по недвижимости, который сказал мне: «Да, вчера выставили на продажу небольшой дом священника». Я боялась, что дом окажется слишком мрачным и будет мне не по карману, потому что я хотела купить его на свои деньги, не прибегая к помощи

Сержа. Мы проехали мимо крошечной церквушки и расположенного в долине кладбища и наконец его увидели! Невысокий, серый, невзрачный… Окошки забраны ставнями. Внутри лесенка, ведущая на второй этаж, в четыре малюсенькие спальни. За одним из ставней обнаружилось птичье гнездо. Я влюбилась в домик с первого взгляда и наговорила кучу вещей, которых ни в коем случае нельзя говорить агенту по недвижимости. Чтобы не упустить дом, Серж пообещал, что в случае необходимости снимет деньги со своего счета. Всю неделю мы названивали в агентство, повторяя: «Мы на вас рассчитываем». В субботу вечером я позвонила в Экс-ан-Прованс еще раз, и мне сказали, что дом мой. Я немедленно отправила им чек. Теперь у меня за душой ни гроша, пока не придет гонорар за фильм. Я хочу засадить садик розовыми и белыми цветами – моя детская мечта! Если дом будет готов к Рождеству, это будет счастье!

* * *

Перед тем как купить этот домишко в Крессвее, я подыскивала коттедж в Морване. Мы с Сержем и детьми сели в большую машину, и шофер повез нас в Авалон. В отеле «Пост» нам дали номера с милыми названиями, например «Элоиза и Абеляр». Вечером мы уложили детей и пошли ужинать в шикарный ресторан. Сомелье по имени Леон, невероятно элегантный в своем фраке, торжественно наливал нам вино. Он показался нам очень симпатичным, поэтому, когда он предложил нам выпить еще по стаканчику в баре отеля, Серж немедленно согласился. Там мы и встретились, и едва узнали Леона. Свой фрак он сменил на свитер и уже обращался к нам по-приятельски. И началось. «Теперь я угощаю»; «Нет, сейчас моя очередь угощать»; «Нет, моя»; «А теперь точно моя» – и так далее. В конце концов Леон пригласил нас к себе – «на самый последний стаканчик», – и мы сами не заметили, как оказались в его малолитражке. Я села впереди, Серж – сзади, и мы покатили сквозь густой туман Морвана. «Леон лапает меня за коленку», – шепнула я Сержу, но он ответил: «Не обращай внимания, Жаннет, мы все равно пропали!» У себя дома Леон заставил нас надеть тапочки и все время повторял: «Тсс!» – чтобы мы не разбудили его жену. Мы страшно проголодались. Леон взял электрический фонарь и повел нас на второй этаж. Там он начал открывать двери спален и говорить в темноту: «Смотри, кого я привел! Генсбура и Биркин!» Потом он снял с крюка окорок, который, как я поняла, хранился на зиму, и повел нас вниз, прихватив по пути

тарелки. Он нарезал ветчину и налил нам местного вина. Вдруг он схватил со стены ружье, наставил его на Сержа и заорал: «А сейчас ты встанешь на стул и споешь “Дружок Кауэт”!» Что оставалось бедному Сержу? Он уже собрался петь, когда, благодарение Господу, в комнату влетела жена Леона. Она была в ярости, потому что: 1. Ее разбудили; 2. У нее на глазах происходило уничтожение неприкосновенного запаса ее ветчины; 3. Ее муж целился из ружья в двух *незваных гостей*. Нас спас подоспевший на шум владелец отеля. На следующее утро мы уехали еще до завтрака, не столько от страха, сколько от стыда за свое поведение минувшей ночью. Дети уселись в лимузин, не понимая, что стряслось, и мы покатили искать другой дом, подальше от туманов Морвана и чудачеств его обитателей.

* * *

Июнь

Я купила Сержу надувную куклу. Это был щедрый подарок, потому что за те же деньги я могла приобрести наручники и целый дамский эротический набор. У меня было всего 100 франков, потому что накануне старуха-цыганка выманила у меня 250 франков. 150 – за гадание по руке и еще 100 – «чтобы сердце успокоилось». Я не могла отказаться, потому что постоянно беспокоилась из-за Сержа. В результате она нагрела меня еще на сотню. Мы обедали с Авой, а потом пошли на рю Сен-Дени купить соломенную шляпку, которую так и не нашли. По соседству с бутиком располагался секс-шоп. Мы заглянули туда, и Ава назвала мое имя. Продавец окинул меня недоверчивым взглядом: он решил, что нас снимают скрытой камерой. В витрине я увидела одну штуку – мечту любой женщины! Это были кожаные трусы на заклепках, из разреза на которых выглядывала розовая задница. Я залилась краской и уговорила Аву спросить, сколько это стоит. Продавец ответил, что пока не знает цену, но это очень дорогая вещь, потому что трусы сделаны из натуральной кожи. Я сказала, что согласна на любую цену, и предложила 100 франков. Он открыл витрину и достал это сокровище, чтобы я могла рассмотреть его во всех подробностях. «Прелесть, – сказала я. – Сможете упаковать мне это в подарочную бумагу?» Мне не хотелось, чтобы моя покупка выглядывала у меня из корзины. Стоявшая здесь чернокожая проститутка поинтересовалась у Авы, зачем мне это надо. Пока они хмыкали и фыркали, я с недоумением увидела, как продавец вынимает из трусов задницу. «А что же я туда положу?» – огорченно спросила я, вызвав взрыв

хохота со стороны каких-то потасканных мужиков, которые стояли возле полки с порножурналами и внимательно прислушивались к нашему разговору. Оказалось, это мужские трусы, а надувная задница сделана из каучука. «Как жалко», – посетовала я, ввергнув Аву в смущение. Чтобы не выглядеть *дилетантками*, мы осмотрели витрину с наручниками и вторую – с цепями. Каждый предмет стоил по 100 франков, но ни один не вызвал нашего интереса. Никаких тебе крюков, чтобы вбивать в стену или прикручивать к спинке кровати, никаких замков со сложным запорным устройством, чтобы Серж приковал меня и оставил умирать… Для фанатов латекса у них было только несколько надувных кукол. В итоге мы попрощались с продавцом, который по-прежнему хранил уверенность, что вся эта сцена была подстроена, и сказал, что обожает мои фильмы. Мы пожелали хорошего дня чернокожей проститутке, беседовавшей о чем-то с долговязой блондинкой, и ушли раздосадованные. У меня все еще оставались мои 100 франков, и я так ничего и не купила. Поразмыслив, мы с Авой заглянули в другой секс-шоп, и там я прямиком направилась к надувным куклам. Я немного поколебалась, чему отдать предпочтение – кукле или дамскому эротическому набору, но решила проявить благородство и позаботиться о Серже. Я вручила свои 100 франков китайцу, который оказался японцем и объяснил мне, что кукла сделана в Японии, и с пакетом под мышкой прыгнула в такси.

Дома мне стоило неимоверных усилий не проболтаться о том, что у меня в сумке лежит «безотказная любовница». Я дождалась, пока кончится матч по теннису и фильм, который Серж сел смотреть после него, и только тогда сказала: «Иди в спальню. У меня есть для тебя подарок». Кукла была сущий кошмар: розовая, с крашеными волосами. Я подумала, что она будет чуть презентабельней, если ее надуть, и взялась за дело. Процесс надувания сопровождался громким шумом. Возилась я не долго, хотя время от времени приходилось делать перерыв, потому что меня душил смех. Надутая она была еще отвратительней. Резиновая уточка выглядела бы соблазнительней. Ростом она была метра полтора, страшная как смертный грех и при этом чрезвычайно респектабельная: почти без груди, с плоской задницей, в одежде и с таким выражением лица, от которого бросало в дрожь. От нее воняло пластиком. Когда я показала ее Сержу, он пришел в ужас. Мы с ним долго смеялись. И правда, трудно вообразить себе нечто столь же отталкивающее, как эта кукла. Чистое мошенничество. Я сказала, что вряд ли решусь пойти и потребовать назад свои деньги. Серж умолял меня сдуть это страшилище. Не хватало еще, чтобы в

нашей постели лежал резиновый труп и чуть ли не подмигивал: «Чего изволите?» Мы сдули ее вместе. А если почитать, что они пишут на упаковке! Короче говоря, меня в очередной раз провели, и не думаю, что меня одну. Наверное, такими штуками пользуются только какие-нибудь одинокие старики…

В тот же день, в 1:30

Серж работает. Через два месяца ему надо сдавать книгу, и он пишет без передышки. Это история парня, который становится знаменитым артистом и сочиняет стихи, испуская газы. Чтобы их записать, он пользуется прибором для снятия электроэнцефалограммы. В конце концов он умирает во время операции, потому что при контакте электричества с кислородом и водородом происходит взрыв.

15 июля

Вчера вечером мы с Сержем водили детей на празднование 14 июля. Он предложил замечательную идею: отправиться ужинать в ресторан на Эйфелевой башне. И правда, представление было интересное. Один артист при помощи рук показывал театр теней, другая артистка с завязанными глазами угадывала, какой предмет вы прячете за спиной. Шарлотта, как всегда, зажала в ладошке деньги. Мы как раз вернулись от мамы Сержа, у которой пили чай, когда Серж сказал, что ему удалось забронировать столик. Мы не успели даже переодеться. Серж был в шикарном костюме и при галстуке, что немного компенсировало наш с девочками вид – мы были в джинсах. В 22 часа начался салют, а мы были совсем близко и отлично все видели. Поймать вечером такси оказалось невозможно, и нам пришлось возвращаться пешком.

Серж работает над книгой «Реактивный человек» и почти не выходит из спальни, поэтому я теперь чаще всего пишу здесь. Надеюсь, что на выходные мы поедем в Нормандию, отметим день рождения Шарлотты и заодно подпишем документы на мой дом. Я хочу его сфотографировать, чтобы потом мечтать в свое удовольствие, каким он станет.

Завтра иду покупать одежду для фильма Бенаюна[151]. Съемки начнутся через месяц. Думаю, Серж все-таки отпустит меня с 1 августа в Англию. Я ходила в консульский отдел, чтобы оформить паспорт Шарлотте. Сказали, будет готов через неделю. Вот что значит старые добрые британские порядки! Достаточно вспомнить, что я шесть лет ждала, когда мне предоставят вид на жительство в Париже… Завтра иду к врачу. Вид на жительство мне продлили еще на пять лет.

22 июля

Вчера Шарлотте исполнилось 3 года. Мы были в Довиле, устроили пикник на лужайке, прямо напротив моего кукольного домика. В Довиль мы приехали в субботу утром, и это чудо, что мы здесь. У меня чудовищно болело горло и раскалывалась голова, но за нами заехал Жан-Франсуа Б. из *Jour de France* и отвез нас на вокзал. Мне было неловко все отменять, и мы все же уехали. Серж, который сильно кашлял, Кейт, Шарлотта, Нана, Жан-Франсуа, Люк – фотограф – и я. Сначала лил страшный дождь, но потом выглянуло солнце. Мы пообедали в ресторане на пляже, отбиваясь от охотников за автографами. Кейт успела дать кому-то свой, пока я не схватила ее за руку! Леона Зитрона растрогало, что я, прочитав его статью, написала благодарственное письмо, и он заплатил за наш обед и прогнал парня с фотоаппаратом, который нас снимал. Он кричал, что парень в сговоре с рекламодателями и снимает коробку сигар у него в руке. Он даже вытащил пленку у него из аппарата – обыкновенного любительского Instamatic. У меня самой точно такой же, и я сильно сомневаюсь, что несчастный парень работал на рекламщиков. Чем-то Леон напомнил мне Бардо в Альмерии. Он всех вокруг подозревает в интригах и заговорах против себя. По-моему, у него бред преследования. Бедолага-фотограф нисколько не походил на бандита и только приговаривал: «Я хотел сфотографировать артистку!» Он хотел сфотографировать меня!

Июль, Париж

Какой ужасный день. Вечером, когда я вернулась домой, Мишель сказала мне, что сегодня в парке Кейт отвратительно себя вела. Я не придала ее словам особого значения, пока не вмешался Серж. Он объяснил мне, что Мишель повела Кейт и Шарлотту в Люксембургский сад, где Кейт завела разговор с другими детьми. Мишель слышала, как она рассказывает: «Моя мама – Джейн Биркин. Я живу с Сержем Генсбуром, но он не мой настоящий отец. Моего настоящего папу зовут Джон Барри, но мама с ним развелась, и мы уже пять лет живем на улице Вернёй». Только тут до Мишель дошло, что вокруг Кейт собралась небольшая толпа незнакомых детей, среди которых было несколько взрослых, включая сомнительного вида стариков. Мишель велела Кейт замолчать, но та как ни в чем не бывало продолжала свой монолог и вслух называла наш адрес. «Здорово! – отвечали дети. – Мы к вам обязательно зайдем!» Наконец Мишель сообразила схватить Кейт за руку и вместе с

Шарлоттой увести домой. На обратном пути Кейт возмущалась: «А что я такого сказала? Это же все правда!» Судя по всему, она так и не поняла, что они с Шарлоттой могут стать жертвами похитителей.

Сержа эта история ужасно огорчила. Он всегда относился к ней как к родной дочери. Каково ему было услышать, что он ей «не настоящий папа» и что она просто живет в его доме, как будто это гостиница.

Несмотря на то что меня часто показывают по телевизору, я ничем не отличаюсь от других людей, говорила я Кейт, и у нее нет никаких причин гордиться тем, что она – моя дочь, а не дочь какого-нибудь врача. Потом я рассказала ей, что такое киднэппинг и как много детей каждый год погибает от рук всяких сумасшедших. «А ты первому встречному на улице даешь свой адрес!» – негодовала я. Наконец мы добрались и до истории с отцом. Я пыталась объяснить ей, что стать отцом легко, достаточно переспать с матерью будущего ребенка. Но настоящий отец – это тот, кто с ним живет, утешает его, когда ему плохо, бранит, когда он плохо себя ведет, любит его и воспитывает – неделю за неделей, год за годом. К концу своей речи я чуть не расплакалась, а Кейт оставалась совершенно спокойной. Она слушала меня молча – никаких «Я не хотела» или «Прости, я больше не буду». По-моему, она сама не понимала, почему вспомнила Джона Барри. На самом деле единственным, из-за чего я на нее сердилась, было то, что она обидела Сержа. Он никогда не говорил: «Кейт – не моя дочь». Через несколько минут она уже как ни в чем не бывало играла внизу. Так продолжалось два дня. Я заставляла ее повторять таблицу умножения. Серж был страшно уязвлен. Он был зол из-за возможных похитителей, но главное – оскорблен ее холодностью. Она могла бы подойти к нему, сказать хоть что-нибудь или просто его поцеловать, но нет, ничего этого она не сделала. И ему оставалось терзаться мыслью, что девочка, которую он принял как родную, хвалится своим отцом, хотя не видела его уже шесть лет.

Я поехала забирать ее из школы и на улице раздавала автографы. «Это Джейн Б. и ее дочка»; «Как она на нее похожа!». Наверное, я была с ней слишком строга. Во мне говорила моя личная обида на Джона, который не заботился о Кейт, никогда ей не звонил и никогда не спрашивал меня, как у нее дела. Зачем вообще вспоминать о нем, если отца заменил ей Серж? Я злилась на нее потому, что она обидела Сержа, а это еще хуже, чем если бы она обидела меня. В конце концов, мне она не сделала ничего плохого, но я так хотела, чтобы они полюбили друг друга. Почему все так повернулось? Надеюсь, между ними все наладится.

Август, Лондон

В последние дни я только и делала, что занималась детьми. В зоопарке Чессингтона было очень весело. Мы поехали туда в 11 утра на машине Габриэль, под проливным дождем. С нами были Эмма, Люси, Кейт и Шарлотта – они вчетвером уселись на заднее сиденье. В зоопарке мы сразу пошли в обезьянник. Огромный орангутанг задумчиво ковырял у себя в носу, а потом поедал результаты своих раскопок. «В точности, как я!» – воскликнула Шарлотта. Второй орангутанг сидел, прижавшись к стеклу своим толстым розовым задом, и, похоже, спал. Эта картина меня растрогала. Потом полил дождь, и мы бросились в ресторан, в котором было не протолкнуться из-за толпы детей. Мы съели по сэндвичу и сосиске и вернулись к обезьянам. Одна из них – самец – мастурбировала на глазах у восхищенной ребятни. Невероятное зрелище – его штуковина набухала и снова съеживалась в течение нескольких секунд. Габриэль его сфотографировала.

Потом – цирк. Бесконечные дрессированные собачки и одни и те же артисты во всех номерах. Потом – парк аттракционов. Мы с Эммой и Кейт забрались на колесо обозрения. Нас посадили в какую-то кошмарную лодочку. Мне было ужасно страшно, я чуть не плакала. Кейт и Эмма пытались меня успокоить, но у них ничего не получилось: меня буквально трясло. Эмма держала мои ноги, а Кейт утирала слезы у меня с лица. Я чуть не перевернула эту проклятую лодочку. Нас продержали наверху не меньше десяти минут, и, когда мы наконец спустились, нас шатало. Своим страхом я напугала Кейт, которая намертво вцепилась в меня. Милая моя! Хорошенькая картина: две девчонки утешают психованную мамашу! Габриэль повела Шарлотту и Люси на знаменитый аттракцион «Призрачный поезд», а в завершение мы все впятером пошли прыгать на батуте. Бедная Габриэль после всего этого вела машину, а Кейт и Эмма на заднем сиденье беспрестанно ссорились. Когда мы остановились на красном светофоре, Габриэль шлепнула рукой по руке Эммы, но та успела за секунду до хлопка отдернуть руку, и Габриэль хлопнула по пустому сиденью. Она скривилась от боли, а Кейт с Эммой расхохотались как безумные.

Пятница

Водила Эмму, Люси, Кейт и Шарлотту в Баттерси-парк. Замечательно! Эмма и Люси остались у нас ночевать. Около 11 часов приехала мама, и мы всей компанией пошли к ней. Девчонки нарядились и показали нам балет. Кейт была королевой, а Шарлотта – нимфой. Она единственная не

танцевала, а просто сидела, чем была страшно довольна. Эмма и Люси изображали злую и добрую фей соответственно. Мама отдала им на разграбление свои украшения, юбки и старые платья. Получилось чудесно. Несмотря на дождь, мы все пошли к бассейну в дальнем конце сада. Вода была ледяная. Но даже мама с нами поплавала…

Воскресенье

Сегодня воскресенье, и мы поехали в Данкс-Грин навестить родителей Габриэль. В машине Кейт четыре раза вырвало. Я взяла с собой пакет, но Кейт не предупреждала, что ее тошнит. Впрочем, несмотря на такое неприятное начало, все прошло отлично. Серж, который был в мрачном настроении, пришел в восторг, когда увидел Дейзи – бультерьера родителей Габриэль. Дети играли с ней целый день. После прекрасного обеда, обильно запитого пивом, Серж пошел в сад кататься на подвешенной автомобильной шине, но эти «качели» под ним сломались. Мы с Кейт с криками бросились к нему. Он лежал на лужайке и не двигался, но, к счастью, не пострадал. При падении он ударился головой – хорошо, что она у него крепкая. Родители Габриэль нисколько не изменились. Ее отец, он врач, убедил Сержа показаться кардиологу.

1 сентября, Франция

Провели с Сержем восхитительный уик-энд наедине. Я после съемок уехала из замка Рамбуйе, а он точно в тот же час, как в кино про Джеймса Бонда, выехал из Парижа. И вот мы сидим в деревенской чайной, пьем китайский чай и объедаемся пирожными – ни дать ни взять две пожилые леди!

13 ноября

Дорогой Манки!

Я так устала от молчания, что должна поделиться хоть с кем-то. Если бы еще я сделала что-то стыдное! Но я не сделала ничего дурного. Я люблю этого человека. Я люблю Сержа больше всего на свете и не хочу потерять его любовь, но иногда у меня возникает чувство, что он может забыть обо мне как о чем-то несущественном и даже неприятном. Такое впечатление, что ему нужна не я, а кто-нибудь, кто занимал бы то место, которое сейчас занимаю я. Если я вдруг сделаю что-нибудь нехорошее – или то, что покажется ему нехорошим, – он вообще забудет обо мне и заменит меня первой встречной. Вот как, я думаю, он рассуждает: «Малышка Биркин – мое творение, и ничто не мешает мне сделать с нее столько копий, сколько мне понадобится, да

еще улучшенных и более молодых. Но без меня все они – ничто». Вчера вечером он заявил, что я пью только потому, что он позволяет мне пить, и живу только потому, что он позволяет мне жить. Я – его *кукла*, со своими *кукольными мыслями и чувствами*, легко воспроизводимыми, – надо лишь подобрать материал получше. Не знаю, может быть, он пытается защититься от моих чувств, но я уверена, стоит мне сделать один неверный шаг, и он от меня откажется. Если я допущу хоть одну *ошибку*, между нами все будет кончено.

Сегодня вечером я эту ошибку допустила. Она заключалась в том, что я опоздала на ужин. Я честно сказала ему, что собираюсь зайти в бар с К., после чего присоединюсь к нему в ресторане. Это было в 20:00, а в ресторан я пришла в 21:30. Он сказал, что сам будет там около 21:00, то есть я опоздала всего на полчаса.

Мне очень хотелось поговорить с К. Мне 27 лет, скоро 28. Кажется, я, сама того не желая, поставила его в затруднительное положение. Не знаю, чего он от меня ждет. Я сказала ему, что люблю Сержа и никто не заставит меня его разлюбить. Я прекрасно отношусь к К., он мне нравится, и я хочу, чтобы мы с ним были друзьями. Почему мне нельзя иметь друга? Он никогда со мной не флиртовал. Я привлекаю его как личность. Ему интересно узнать, почему я делаю то или это и не делаю того или другого; почему я не похожа на картонную куклу, какой меня считает большинство людей. Мне хотелось, чтобы он понравился Сержу, а Серж понравился ему… Но я слишком часто говорила о нем Сержу. Если б только я умела держать рот на замке! Похоже, я веду себя почти как Бобби[152], который делился с кузиной Фредой своими любовными неудачами в надежде, что она его пожалеет. Все это я понимаю. Я не собираюсь утверждать, что отношусь к К. как к подружке. Но многие делают вещи и похуже, только втихаря, и все у них прекрасно. Все вокруг изменяют, только не я. Так с какой стати я должна расплачиваться за то, чего не делала? Мне не нужен *любовник*, не нужна эта *пошлость*. У меня ничего не было с Трентиньяном. Почему? Из-за Сержа. Я не хотела разрушить наши с Сержем отношения.

Серж спит как ни в чем не бывало. Я не исключаю, что у него как раз была куча *интрижек*, только ему хватило хитрости никогда мне о них не говорить. Как ни странно, я думаю, что, окажись это так, я бы это пережила. Я все равно продолжала бы его любить. Разумеется, я бы жутко разозлилась и почувствовала себя оскорбленной, но не до такой степени, чтобы с ним порвать. Я слишком его люблю. Я и представить себе не могу, что буду проводить каникулы, делить воспоминания и встречать старость с кем-нибудь другим. Все остальное не имеет значения. Я не хотела

бы выглядеть идиоткой, которая мирится с тем, что у ее любимого есть другая женщина, но, если это будет *проститутка* или мимолетная связь на одну ночь, я точно не умру. Я счастлива, я люблю Сержа и твердо стою на ногах. Я выпила, вероятно, потому, что это было мне необходимо; мне надо было с кем-то поговорить, и я с ним поговорила. Через десять лет мне конец, меня никто больше не полюбит. Я стану старой и *страшной*. Мои проблемы перестанут кого-либо интересовать; я выйду из *моды*. Мне будет не 27, а 37, а это конец. Не хочу стареть. Отказываюсь стареть. Серж будет пялиться на 17-летних девчонок, а если я начну ревновать, бросит мне: «Я же не запрещаю тебе делать то же самое, старушка». Но для меня будет уже слишком поздно. Никто не захочет пригласить меня выпить с ним стаканчик. Никто не предложит мне даже дружбу. Тогда до меня дойдет, что моя жизнь позади, и я буду кусать себе локти и твердить про себя: «Если бы я раньше знала…»

Когда Сержу было 27 лет, он не отказывал себе в развлечениях и крутил романы со всем Парижем. Я этого не требую. У меня нет цели за один уик-энд перетрахать весь Париж. Все, что мне нужно, – это ощущать себя желанной, не испытывать стыда и не чувствовать себя вздорной старухой. Если после шести лет совместной жизни ты позволяешь себе немного опоздать на свидание, а тебе дают понять, что ты пустое место, забывая обо всем, что ты сделала, включая общего ребенка… Мне казалось, что Серж все-таки любит меня немножко больше, но иногда, если судить по тому, что он говорит, и по тому, чего не говорит, у меня возникает ощущение, что для него эти шесть лет – пустяк, ерунда, что я для него – не более чем очередной эпизод в ряду его многочисленных увлечений. Он имеет полное право так думать и гордиться собой. Конечно, я не чета Далиде, или Греко, или Бардо, не говоря уже о его бесценной супруге – ведь на ней-то он женился.

За малейшую провинность он выставит меня вон и все начнет сначала. Я на самом деле верила, что наша любовь продлится вечно, что я, Джейн, со всеми моими недостатками, значу для него больше, чем любая другая. Но это не так. Во всяком случае, я больше не питаю подобных иллюзий. «Ты меня любишь?» – спросила я его. «Конечно, – ответил он. – Иначе я давно бы тебя выгнал». И это после шести лет, после всего, что мы вместе пережили. Вот что я для него такое.

Рождество

Няня сказала, что Кейт кричала в метро: «Я живу в прекрасном доме Сержа Генсбура, а Джейн Б. – моя мама». Кроме

того, она говорила, что я хочу выйти замуж за Сержа, потому что у него много денег. Все это настолько ужасно, что мне не верится, что это может быть правдой. Я не выхожу за Сержа замуж потому, что он этого не хочет. Даже если мы проживем вместе еще десять лет, мы предпочитаем оставаться влюбленной парой. Я не представляю себе жизни без него. Стоит нам расстаться всего на один день, и я чувствую себя глубоко несчастной. Я люблю его больше всего на свете. Я готова последовать за ним хоть на край света, потому что не смогу без него жить. Но у меня есть и свои потребности. Например, у меня нет друзей, если не считать Габриэль. Есть еще мадам Азан, но с ней мы не настолько близки.

* * *

Серж решил, что нам пора пожениться. Он задумал устроить пышную свадьбу в ресторане близ Лионского вокзала, чтобы после брачного пира мы могли сразу сесть на поезд и уехать. Он хотел, чтобы все гости пришли одетыми по моде 1900-х. К несчастью, для обсуждения всех деталей мы пригласили в этот самый ресторан моего брата Эндрю. Когда он услышал, что во Франции перед официальным заключением брака жених и невеста должны сдать на анализ кровь, его это ввергло в ступор. Тогда Серж сказал, что если мне жалко ради него пожертвовать капелькой своей крови, то, наверное, он для меня ничего не значит. Что до меня, то мне по ходу обсуждения все меньше нравилась идея этой свадьбы, приобретавшей размах Каннского фестиваля. Предполагалось, что Жорж Кравенн будет «продюсировать» это мероприятие, все больше напоминавшее мне рекламную акцию. Не видя с моей стороны воодушевления, Серж быстро сдулся. Мы решили, что все останется как есть.

* * *

Вся моя жизнь – это Серж, Кейт, Шарлотта, папа, Эндрю, мама и Линда. Их я люблю, и больше мне никто не нужен. Я знаю, что никто на свете не сможет мне их заменить. Ради них я готова на все. Из суеверного страха я не хочу, чтобы Серж писал завещание. Мне не нужны его деньги, я хочу, чтобы он жил вечно. Когда люди составляют завещание, это означает, что они не исключают возможности близкой смерти. У меня есть работа, я пытаюсь добиться независимости. Мне противно думать, что меня кто-то содержит. Если со мной что-нибудь случится, например, я

погибну в авиакатастрофе, у Кейт и Шарлотты останется мой дом в Нормандии. Но душой я неразрывно связана с Сержем.

1975

Вымышленная история

Мне 30 лет. Я замужем. У меня трое детей. У нас свой дом, есть деньги. Мой муж – умный и заботливый. Ему 50, и он постоянно в отлучках. В нашем большом доме всегда пусто. Я – человек общительный, но у меня нет друзей. У нас всегда порядок, неважно, при моем участии или без него. Я – часть отлично организованного уклада, лишенная всякой индивидуальности. Иногда у меня возникает чувство, что я – единственный здесь бесполезный предмет. Я не такая умелая, как служанка; не так любима детьми, как их няня; не так необходима, как автоответчик; не так красива, как обои; не так совершенна, как статуя у входа. Мне повезло – у меня все есть. Я должна быть счастлива, но я не чувствую себя счастливой. Наверное, я не права. Люди говорят, что мне повезло в жизни. Я так не думаю, из чего следует, что я избалованная неблагодарная свинья. Мне очень хочется заболеть, но я побывала у лучших специалистов и прошла самое полное обследование и убедилась, что здорова. Со мной что-то не так. Мне плохо, но я не понимаю почему. Если у меня депрессия, мне надо куда-нибудь уехать. Но куда я поеду? А главное, с кем? Каникулы созданы для тех, кто работает, кто их заслужил, кто имеет право на усталость. У меня такого права нет. Я замужем десять лет. Я вышла за него потому, что он сделал мне предложение. Он был у меня первый. Это была блестящая партия, и я чувствовала себя польщенной. Наверное, я была хорошенькая, но не более того. Он был моим первым мужчиной. Я и до него влюблялась, но дело никогда не доходило до постели, потому что мне не хотелось производить впечатление легкодоступной девушки. Я оставалась девственницей до 20 лет – скорее всего, единственной среди своих ровесниц в Челси. Помню, что после того, как он сделал мне предложение, он на руках понес меня – я довольно много выпила – в спальню. Я брыкалась, но больше для вида, хотя мне было страшно. Помню, как это бывало раньше. С тебя снимают туфли, нащупывают молнию на брюках, ты бросаешься к телефону, вызываешь такси и пулей мчишься домой. На сей раз я просто смотрела в темноту широко раскрытыми глазами. Я удивилась, что было так больно, и немножко всплакнула. Он выполнил свое обещание и в сентябре на мне женился. Я помню ощущение счастья, когда я надела белое гипюровое платье и слишком ярко накрасила глаза. Мне казалось, что он это уже переживал. Как выяснилось, он переживал это уже дважды. Все было прекрасно организовано. Я вернулась домой с

сестрой, прыгая по набережным, как коза[153].

9 января, Венеция

Серж привез меня в Венецию. Мы остановились в отеле «Даниэли», в шикарном люксе: стены с позолотой, причудливой формы старинная мебель, мутные зеркала в грязных золоченых рамах – красота! Холодное венецианское солнце льет свет в два окна, выходящие на Большой канал. Наш номер занимает целый угол отеля «Даниэли», самый темный. Обстановка располагает к интиму.

Я думала, что мы никогда сюда не доберемся. В 10 утра мы сели на самолет Париж – Милан, где должны были пересесть на самолет до Венеции. Но лететь пришлось не из Милана, а из Рима. Все рейсы из Милана отменили из-за тумана. В Рим мы прилетели с опозданием на час, и нам предложили рейс до Триеста, в 15:00. В полном расстройстве мы пошли в ресторан аэропорта, и, пока жевали несъедобный стейк, Сержа осенила гениальная идея. Если поехать на машине, то мы прибудем в Венецию к 18:00. Так мы и поступили.

Не успели мы тронуться, как меня вырвало. Хорошенькое начало! Туман стоял такой густой, что в метре ничего не было видно. Ужас! Мы радовались, что у нас такси с дизельным мотором, потому что автомобиль меньше дергало. Мы следовали за светом фар шедшей впереди машины скорой помощи и к половине девятого наконец были в Венеции. Ночной портье при виде нас едва не упал в обморок: все рейсы были отменены и он меньше всего ожидал, что кто-нибудь сумеет пробраться сквозь такой плотный туман. Венеция как будто плавала в гороховом супе, который привел бы в замешательство даже Шерлока Холмса. Не видно было даже церкви Салюте на Большом канале. Мы пешком двинулись в сторону бара «Гарри». Все происходило как во сне: мяукали невидимые кошки, из ватной тьмы выныривали фигуры в шляпах и перчатках; у всех изо рта вырывались облачка пара, как у курильщиков; у всех – иначе говоря, у тех четырех человек, что встретились нам по пути. Город-призрак.

Изумительный ужин в баре «Гарри». Из посетителей – всего несколько американцев и англичан. Оттуда – назад, в отель. Серж едва опустил голову на пышную подушку, как мгновенно уснул. Странное ощущение испытываешь, когда спишь не на своем постельном белье. Мне оно нравится. Простыни были жестковатые – примерно на таких я спала в гостях у Ротшильдов, когда натерла себе кожу из-за монограммы на наволочке. Утром мы быстро расправились со скромным венецианским завтраком и с тех пор уже полтора часа ждем звонка из Парижа, чтобы узнать,

как наша милая пресса приняла диск Сержа. Мой фильм[154] выходит на экраны 15-го, *какой ужас*!

Мама с папой продали дом на острове Уайт. Эндрю страшно удручен, да и я, признаюсь, огорчена. Но мне лучше помалкивать – все-таки у меня теперь есть дом в Нормандии. Приятно думать, что у Кейт и Шарлотты будут общие воспоминания о каникулах, какие есть у нас с Эндрю и Линдой. Маме с папой нужны были деньги на содержание дома в Челси, так что выхода не оставалось. Ничего не поделаешь.

Не успели мы вернуться, как Серж уволил М. за то, что она плохо смотрела за детьми. Лучшее подтверждение его правоты – тот факт, что она в ответ и глазом не моргнула: ушла, даже не попрощавшись с детьми, а ведь прожила с ними целых три года. Нам и правда надоело, что Шарлотта вечно сидит одна в углу, а Кейт часами чахнет над тарелкой; Шарлотта вечно хнычет и не отлипает от телевизора. Когда с ними мы с Сержем, они ведут себя идеально и во всем нас слушаются. Шарлотта смеется и не писается по ночам, а когда мы куда-нибудь собираемся, идет с нами с удовольствием – вместо постоянных пререканий с М. В конце концов до нас дошло, что наши дети – вовсе не неуправляемые монстры, как нам внушала М. Просто они ее не любили, и Шарлотта намеренно писалась в постели, подавая нам сигнал. Теперь за дело снова взялась мадам Ремонд, и все в доме повеселели.

1976

30 августа

Дорогой Манки!

Я только что вернулась из Лондона. Провела три недели с папой. Операция вроде бы прошла успешно, но как раз перед моим отъездом в Германию он подхватил инфекцию, и отъезд пришлось отложить. Он вел себя невероятно мужественно, и мама тоже. Операция длилась пять часов. Мы с мамой, Пемпи и Линдой все это время просидели в соседнем кафе. За пять минут до того, как его увезли, он вдруг помрачнел и расплакался. Мне так хотелось быть сильной, но я не смогла. Видеть его таким полным жизни и знать, что они там сейчас с ним делают… Стоит только вообразить себе, как ему больно… Даже думать об этом невыносимо. Они должны разрезать ему спину, разделать его как тушку и извлечь легкое… А если он не выживет? А если у него не выдержит сердце? Когда я увидела слезы у него на лице, увидела, как он хватает руками пустоту перед собой, мне захотелось умереть. Лучше бы я оказалась на его месте. Лучше бы они проделали все это со мной. Он сказал: «Если со мной что-нибудь случится, позаботься о маме». Я знала, что он боится. Но что я могла сделать? Только пообещать ему, что сделаю все, о чем он просит, и спрятать лицо, чтобы он не видел, как я плачу.

Пемпи проявила чудеса доброты и заботы. Бедная мама была в ужасном состоянии, но, как всегда в трудные минуты, собрала всю свою храбрость. Линда единственная из всех нас верила, что все будет благополучно. А *poor*[155] Эндрю и сам лежал в больнице с язвой и только без конца звонил по телефону, как и Серж. Но все прошло хорошо. Хирург остался доволен операцией и сказал, что теперь все зависит от папы. Язык у него распух, и он совсем не может говорить. Но даже в реанимации он вел себя как ангел и ни разу не пожаловался. Через два дня его перевели в палату. И вот тут-то начались боли.

Мы с Мангой[156] дежурили у него по очереди. Днем я читала ему Вудхауса, вечером приходила мама, и наоборот. Он слушал с удовольствием, и мы оба смеялись. Не представляю себе, как он терпел боль, когда ему обрабатывали шов. На четвертый день он уже пытался вставать – невиданное дело! – а на шестой начал ходить по коридору.

Через десять дней его выписали из больницы. Все было хорошо, но на шестнадцатый день он подхватил инфекцию. Надеюсь, антибиотики ему помогут. Хорошо, что я оставалась с ним и хоть немножко его веселила.

Мы с Эндрю водили детей в Хай-парк. Катались на лодке по озеру и заплыли в запретную зону. Как будто вернулись в деньки нашего детства на острове Уайт! Эндрю ничуть не изменился, он все такой же веселый и добрый. Он ясно видел, что дальше заплывать нельзя, но никому ничего не сказал, а я заметила табличку с запретом, только когда мы возвращались обратно. «Я решил, что не стоит вас понапрасну волновать!» – сказал он. Мы сошли с лодки. Он был босиком – в его спортивные туфли мы набрали ежевики. Ее столько, что мне хватит на пирог на восемь человек.

Серж наконец познакомился с Пемпи. Я очень этому рада, потому что раньше у них никак не получалось встретиться, а они прекрасно поладили. Фреда нашла его невероятно *attractive*[157], и он такой и есть! Бедняжка Пемпи, без Кэрола[158] ей так одиноко в ее доме на Кингс-Роуд. Он кажется опустевшим, да он и правда опустел. Пемпи выглядит потерянной и какой-то испуганной. Но она собралась с силами, пригласила к себе на каникулы французского мальчика 13 лет и повсюду его водила. Даже ездила с ним на метро на стадион Уэмбли, на футбольный матч. Я подарила ей несколько дисков Сержа, чему тот очень порадовался.

Накануне отъезда Сержа они с Эндрю страшно поссорились. Поводом стала неудачная шутка. Серджо не понял его юмора и оскорбился до глубины души. Эндрю чуть не заплакал. Он сказал, что любит Сержа и последнее, к чему он стремился, было его обидеть. Серж ушел к себе, но вскоре вернулся весь в крови. Он взял бритву и вырезал у себя на запястье букву А[159], чтобы показать, как сильно Эндрю его ранил. Что оставалось бедному Эндрю? Только рыдать. Я перепугалась до смерти, что он сделает то же самое со своей рукой. В конце концов мы все залились слезами и обнялись. Серж сказал, что он так любит Эндрю, что не понимает, зачем тот так его обидел. Я предположила, что он порезался, чтобы, в свою очередь, обидеть Эндрю, но Серж ответил: «Нет, я сделал это, чтобы показать, как я его люблю».

А дети! Надо было видеть, какими глазами они смотрели на все это – Серж в крови, и взрослые плачут!

Мы поговорили с Линдой. Ее красавчик ее бросил, и она совершенно раздавлена. Узнаю свою Линду! Она долго никому ничего не говорила и даже защищала его, но как-то вечером немного разоткровенничалась. Мы вспомнили все наши комплексы и согласились, что они у нас одни и те же. У нее золотое сердце. Она ничуть не изменилась, все такая же честная и независимая. Впрочем, никто из моих родных не меняется, и от этого после встречи с ними я чувствую странную тоску.

Потом мы с Сержем уехали в Германию. Я очень волновалась за папу, но больше всего переживала, что не могу остаться с ним. Жизнь снова отрывает меня от моих корней. Мы ездили на съемки фильма «Я тебя люблю…» За три дня пришлось побывать в четырех немецких землях. Вернувшись домой, мы двое суток проспали без просыпу. Сейчас, когда я вышла из спячки, мне ужасно не хватает детей. Всегда так: или все, или ничего. В данный момент – ничего.

* * *

Несмотря ни на что, за два года я снялась в восьми картинах, в том числе в трех, которые считаю своими лучшими. Это «Не упускай из виду», «Семь смертей по рецепту» и восхитительная «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет» с прекрасным Джо Далессандро, которую снимал Серж и которая не сходила с экранов несколько лет. Мы жили в старом замке, полностью предоставленном в наше распоряжение. Мы – это Серж, Эндрю, Кейт, Шарлотта и я. Каждый вечер мы собирали у себя всю съемочную группу, и Серж играл для нас на рояле. Детей мы взяли с собой, потому что у них были каникулы. Для роли Джонни Джейн мне должны были коротко остричь волосы, но Серж возражал, чтобы мне стригли их по-настоящему. Он не хотел, чтобы я появлялась с той же прической в других фильмах.

Во время съемок «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет» Эндрю нашел в Юзесе заброшенный дом. Мы взяли с собой Кейт и пошли на него посмотреть. Парк весь зарос колючим кустарником, точь-в-точь как в «Спящей красавице». В сарае стояли кареты. На стенах вдоль лестницы виднелись надписи на немецком, оставленные солдатами во время последней войны. Потом мы поднялись на чердак, и тут вдруг Эндрю закричал не своим голосом: «Джейн, что я нашел! Тут все дело Дрейфуса!» И правда, в одном из чемоданов хранились номера газеты *La Libre Parole* с колонками Дрюмона. Их явно никто не читал – они были сложены ровными стопками. Мы унесли с собой сколько смогли, а назавтра вернулись туда с Сержем и нашим продюсером Жак-Эриком Строссом и забрали остальные. Самую лучшую Эндрю подарил Сержу, и тот вставил вырезку из нее в рамку. Статья называлась «Долой предателей, долой евреев». Я помню, как тряслась от страха. «Нас хорошо знают во Франции, – говорила я Эндрю. – Что, если нас застукают?» Но в душе я гордилась своим братом. Ему всегда давались удивительные находки. Еще в

Хэрроу он как-то нашел китайскую бронзовую тарелку, которая теперь хранится в Британском музее. Когда мы были в Германии, он звонил маме из бункера Гитлера – вернее, из того, что осталось от бункера. Неудивительно, что Стэнли Кубрик пригласил его на роль своего ассистента в картине «Космическая одиссея 2001», а затем привлек для сбора материалов при подготовке к съемкам «Наполеона». Неудивительно, что он писал очерки о Дж. М. Барри, о Питере Пэне, о Наполеоне и Жанне д'Арк. Как археолог, он восстанавливал мельчайшие детали истории других людей. Вот почему Серж так его любил и так ценил его общество.

Непосредственно перед «Я тебя люблю…» я снялась в одном из своих любимых фильмов – «Семь смертей по рецепту». На пробы меня пригласил Мишель Пикколи. Режиссером картины был Жак Руффио, а моим партнером – тогда никому не известный, а ныне знаменитый Жерар Депардьё. Впоследствии он снялся также в «Я тебя люблю…» – за ящик шампанского!

Пока шли съемки, мы потеряли нашего бультерьера. Мы жили в Мадриде, в отеле, и вечером пошли ужинать – Эндрю, Депардьё, Серж и я. Когда мы вернулись, оказалось, что Нана куда-то исчезла. Позже мы узнали, что она запрыгнула в такси, и водитель обнаружил ее у себя в машине только после конца смены. Он отвез ее в собачий приют, который держала пожилая англичанка. Всю ночь мы с Депардьё, моим братом и Сержем ходили по отелю и под каждой дверью останавливались и звали: «Нана!» Дверь одного номера неожиданно для нас распахнулась. На пороге стоял американец. Я пробормотала, что мы ищем потерявшуюся собаку. «Мне плевать на вашу собаку, – ответил он. – Хоть бы она сдохла!» Депардьё не сдержался и несколько раз ударил американца кулаком в живот. Тот заорал жене: «Глэдис, вызывай полицию!» Надо понимать, что это происходило в Испании времен франкизма. Мы вернулись к себе и, трясясь от страха, стали ждать, когда нас арестуют, но Депардьё сказал, что бояться нечего, потому что он умеет бить так, что не остается синяков. Две или три недели спустя мы с Сержем принимали участие в передаче на испанском телевидении и там показали фотографию нашей Наны. Сержа очень огорчало, что у нас с собой был всего один ее снимок, на котором она стоит в дурацкой соломенной шляпе. Серж считал, что тем самым мы унижаем ее достоинство. После этого нам весь вечер звонили разные люди и говорили, что нашли нашу собаку. Мы с Сержем объездили несколько адресов, где нам предлагали лабрадоров, сенбернаров, далматинов… Наконец, позвонила женщина, которая сказала, что

ей привезли собаку, похожую на свинью. Она дала ей кличку Палерма, потому что она вся белая. Это была наша Нана. Она не очень-то нам обрадовалась. Видимо, жизнь на воле нравилась ей больше, чем бесконечные поездки в ночных поездах или сидение взаперти на улице Вернёй. Потом она удрала от нас еще раз, и мы нашли ее на Левом берегу, в бассейне Делиньи. Снова какая-то дама позвонила на телевидение и попросила передать нам, что наша собака у нее и с ней все в порядке. После своего перформанса в фильме «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет» Нана прожила с нами еще несколько лет, а потом окончательно нас покинула.

Я снялась в очень плохом фильме (наверное, не единственном) итальянского режиссера Джорджио Капитани «Опаленные жгучей страстью». Мы с Авой жили в пригороде Милана. Я звонила Сержу из телефонной кабины, дверь которой закрывалась гармошкой, и уверяла его, что наш отель – просто блеск и что будет здорово, если он к нам приедет. Мы с Авой выпили неимоверное количество самбуки. Это итальянский ликер, в который добавляют кофейные зерна, а потом поджигают. Пить его надо с осторожностью, чтобы не обжечься. Серж и правда приехал в наш задрипанный отель, стоящий на пустыре. Он страшно злился и занял номер напротив моего. В наших номерах не было даже ванной комнаты – она располагалась в конце коридора, одна на весь этаж. Вместо затычки приходилось использовать колпачок от шампуня. Я играла крестьянку и раскатывала на велосипеде, а Серж дулся и писал «Человека с кочаном вместо головы». Очевидно, источником вдохновения ему послужили убогие условия нашего существования и красный огнетушитель, который висел у нас в коридоре. Полагаю, и я в какой-то степени способствовала тому, что у него появились мысли об убийстве! По вечерам он с нетерпением ждал моего возвращения и устраивал для съемочной группы целое представление, изображая ударника и вместо барабанов используя кухонную утварь. Я нашла фотографию, на которой они с моим братом снялись в женской одежде. Из этого я делаю вывод, что после окончания съемочного дня мы там неплохо веселились.

* * *

1977

Сентябрь, «Смерть на Ниле»

Мы с Сержем улетели семичасовым рейсом. В самолет мы садились с тяжелым сердцем, потому что оставили детей с новой няней. Меня предупредили, что в Египте полно заразных болезней, и я сделала пять прививок против всех мыслимых бактерий. Еще мне сказали, что пить воду из Нила смертельно опасно, потому что она отравлена, что там в изобилии водятся змеи, а температура составляет 50 градусов в тени.

Мы летели бизнес-классом. Билет Сержу я купила сама, потому что категорически не хотела лететь туда одна. Еще один билет я забронировала для папы, надеясь, что он присоединится к нам, если немного спадет жара. Мы переночевали в ужасном современном отеле. Дышать в нем было совершенно нечем. Рейс на Асуан вылетал на следующее утро, в 5 часов, но мне хотелось посмотреть на пирамиды, поэтому мы с Сержем вызвали такси и к вечеру туда поехали. В сумерках все выглядело скорее идиллически: отовсюду слышится незнакомый говор, и вдруг перед тобой вырастают три горы. У меня на шее висело колье из цветков жасмина. Вокруг витали тяжелые восточные ароматы. Пыльные пирамиды, сфинкс, словно возникающий из песка… Честно говоря, пирамиды не показались мне такими уж огромными, особенно по сравнению с небоскребами, которые мне случалось видеть. Только задним числом я поняла, насколько они необыкновенные…

Серж испугался, когда наш проводник захотел показать нам захоронения. Он не испытывал ни малейшего желания лезть в какую-то черную дыру с зажигалкой в качестве единственного источника света. Но я все-таки решила пойти. Там было довольно мрачно. Серж подозревал, что проводник задумал что-то недоброе. Короче говоря, я сказала: *«Hum how lovely!»*[160] – и быстренько выбралась наружу.

На следующий день мы улетели в Асуан. Стояла страшная, удушливая жара. Самолет вылетал с военного аэродрома, и нам не позволили сделать ни одной фотографии: вдруг мы израильские шпионы? Серж немного нервничал, все-таки он еврей[161]. В Асуане от окружающих пейзажей волосы шевелились на голове. Мы ехали в машине со скоростью 200 километров в час. Ни одного верблюда нам не встретилось – только песок, песок и песок. Нас привезли на побережье Нила, через который мы переправились на пароме. В шикарном отеле «Обе-рой», которым управляли индийцы, нас уже ждала вся съемочная

группа, в том числе Саймон Маккоркиндейл и Лоис Чайлз. Нам предоставили очень хороший номер, и я даже пожалела, что не привезла детей, – все выглядело очень цивилизованно.

Сняли мою первую сцену на пароходе – ту, в которой я нахожу труп и с воплем выбегаю из каюты. Первый ассистент режиссера Тед Стёрджес вел себя безупречно, зато Гиллермин только и делал, что орал: *«Walkfuckingfaster, Jane!»*[162] От жары и от страха меня трясло. Эту сцену сняли и перешли к следующей: «Она в истерике бежит на палубу». Вроде бы он остался доволен. Сказать, что обстановка на площадке была напряженной, значит не сказать ничего. Из-за бесконечных «факов», которые Гиллермин раздавал направо и налево, весь технический персонал и все его помощники постоянно находились в стрессе. Вместо того чтобы сказать: «Повернись направо», он предпочитал формулировку: «Направление север-северо-восток». Человеку, не имеющему ни компаса, ни морского опыта, довольно трудно понять подобные инструкции.

Серж сидел в баре и спокойно потягивал какой-то ядовитого вида напиток.

Все ждали появления «шишек»: Бетт Дейвис, Питера Устинова, Миа Фэрроу и остальных. Они приехали через неделю. Гиллермин за это время показал себя с более человечной стороны, и я стала относиться к нему намного лучше, во всяком случае, когда мы встречались в баре. У меня сложилось впечатление, что он сам побаивается приезда «шишек».

Но вот они прибыли. Мы выворачивали шеи, стараясь рассмотреть каждого и каждую. Устинов жутко страдал от жары, но выглядел жизнерадостным; Нивен вел себя как истинный джентльмен (в нем я не сомневалась); мисс Дейвис постоянно где-то пропадала. Как-то я поднималась по лестнице, когда меня догнал Дэвид Нивен и обнял со словами: «Ну хоть кто-то для поднятия настроения! Как поживаете, *lovely*[163]?» Как мило с его стороны, подумала я, особенно учитывая, что мы не знакомы.

Каждый день перед нами вставал один и тот же вопрос: за каким столом и в какой компании есть? По отелю сновали туда-сюда туристы, среди которых, по-моему, не было ни одного моложе 80 лет. Ночью у одной пассажирки открылось кровотечение, и вся палуба была заляпана кровью. Технические специалисты были душки, особенно парень по имени Чанки Хьюз. Если он видел, что нервничаю, всегда говорил: «Да не волнуйся ты так, лапочка».

Наконец приехала Миа Фэрроу со своим сыном Флетчером, приемной дочерью кореянкой Сун-И и няней. Я снова пожалела, что не взяла с собой своих детей. Если я не снималась, делать

весь день было решительно нечего, разве что торчать в баре, потому что возле бассейна было слишком жарко. Миа оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла: ни капли сексапильности, просто девочка. Ей нравился Эндрю, и поэтому со мной она вела себя очень приветливо. Ее дети не отличались большой воспитанностью, например, обожали плеваться в незнакомых людей. Я думаю, она очень смелая. Во всяком случае, рядом с ней я чувствую себя трусихой. В ней есть что-то от Питера Пэна. Плюс чувство юмора.

* * *

Как-то раз Джон Гиллермин крикнул: «Все, кто не занят никакой хренью, марш на другой борт!» Миа, точно повторяя его интонации, шепнула мне на ухо: «Как думаешь, а на другом борту мы сможем продолжать не заниматься никакой хренью?» Гиллерман услышал ее шепот и сказал: «Мисс Фэрроу, когда вы научитесь снимать кино, будете вставать в четыре утра. Завтра снимаем вашу сцену». Я стояла, уставившись на носки своих туфель.

* * *

Туристы донимали Сержа вопросом, не собирается ли он дать концерт в Асуане. Они спутали его с Андре Превином[164], что совсем его не радовало.

А потом случилось чудо. Приехала Мэгги Смит. После долгого путешествия она была сама не своя, тем более что по дороге потеряла чемодан, в котором у нее хранилась обувь и лекарства. «Darling[165], ни одной пары туфель. Эти bloody[166] итальяшки сперли мой чемодан. В Торонто был шторм. Кошмар, *nothing to discuss*![167]» Это было ее любимое выражение.

Она была такая тоненькая, такая хрупкая, ужасно *camp*[168] и забавная. А вдруг окажется, что она сволочь, подумала я и ужаснулась этой мысли.

– На вас балетные туфли? – удивилась она. – Вы что, будете исполнять балетный номер?

– Нет, – ответила я. – Я ношу их специально, чтобы все думали, что я балерина.

По крайней мере, она не будет считать меня вруньей.

За ужином она сказала:

– Я согласилась сниматься только ради денег. Даже сценарий

не читала – так, пролистала наскоро. Понятия не имею, кто она такая, эта мисс Бауэрс.

Этими словами она меня покорила. Миа сказала, что она тоже снимается ради денег и всю жизнь мечтает о театре.

– А я – ради славы, – сказала я, и Мэгги расхохоталась.

С этой минуты благодаря Мэгги и моему любимому художнику по костюмам Энтони Пауэллу[169] моя жизнь пошла куда веселей. Вместе с Миа и ее детишками мы устраивали прогулки вдоль берегов Нила и словно переносились в весенний Кенсингтон-Гарденс – не считая того, что здесь термометр показывал 50 градусов в тени. Потом приехала мисс Дейвис – в парике и моряцкой шапочке. Она внушала мне священный ужас. Когда однажды мне удалось с ней поздороваться, она ответила: «Добрый день! А кого вы играете в этом фильме?» – «Служанку, мисс Дейвис», – ответила я. *«Oh… How nice!»*[170] – и она отвернулась к своей тощей секретарше Пегги.

После обмена многочисленными телексами было решено, что в воскресенье к нам приедет папа. Вот это радость! Я помчалась в аэропорт. Сын лорда Бребурна провожал нашего художника-декоратора Терри, который чуть не плакал, так ему не хотелось уезжать. Но жена написала ему, что бросит его, если он немедленно не вернется в Англию. Папин самолет сел, и папа вышел на яркое солнце, свежий как огурчик и невероятно элегантный в своем темно-синем пиджаке. Наплевав на запрет, я выскочила на летное поле и побежала ему навстречу. За последние четыре недели он не прислал мне ни одного письма, и вдруг я вижу его в аэропорту Асуана! Мне хотелось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что это не сон! Я быстро обрисовала папе ситуацию. Терри, весь в слезах, улетает, а милейший Тед Стёрджес уехал два дня назад в состоянии нервного истощения, вызванного придирками «парня с трубкой», как окрестил Дж. Г. Питер Устинов.

Одним словом, атмосфера на площадке напоминала мятеж на «Баунти» и могла бы быть еще хуже, если бы не Серж, который по вечерам играл нам на рояле. Он по четыре часа не вставал из-за инструмента, играл старые английские военные песни и *«Land of Hope and Glory»*[171], доводя до слез весь технический персонал. Серж был героем дня! Лорд Сноуден тоже попытался выступить, но был изгнан Дж. Г. Тут вмешались продюсеры и попросили его остаться, чтобы сделать несколько фотографий. Он небрежно прохаживался по бару, неподражаемый и в стельку пьяный, брал людей под руку и жаловался на непонимание со стороны Дж. Г. – «парня с трубкой». Выглядело это забавно и не раздражало.

* * *

Тони Сноуден был нашим фотографом и невероятно обаятельным человеком. Он назначал нам свидания за пилонами Карнакского храма (что-то типа: «Через полчаса встречаемся возле третьей колонны слева»). И мы, в костюмах по моде 1900-х, по очереди удирали к Тони, который фотографировал нас для приложения к газете *Sunday Times*. Разумеется, Гиллермину не нравилось, что его актеры смываются с площадки, нарушая рабочий график съемок. Обозленный, он уволил Тони, но тот не собирался уезжать и остался жить в отеле, где устроил тайную фотостудию, которую все мы посещали. Однажды они с Сержем отправились гулять по барханам, и Тони сделал снимок, который потом был напечатан на обложке диска «К оружию, и т. д.». Вообще наши посиделки в баре я помню гораздо лучше, чем сами съемки. Как-то вечером мы, как всегда, собрались вместе, дегустируя местные напитки, когда от рояля, возле которого сидели Мари Мадлен – она же Оливия Хасси – и Сун-И, раздался громкий вопль. Миа немедленно подхватила девочку – мы даже не поняли, что там произошло, – и объяснила Оливии, что она с ней сделает при помощи куклы и иголок. Мэгги Смит пробормотала: *«There goes a woman far from well!»*[172] Второй ребенок Миа – Флетчер – обычно проводил время под стойкой бара, возле стены, в которой был крысиный ход; наверное, он надеялся, что обитатель норы выглянет наружу – какое-никакое, а развлечение! Это был очень белокожий мальчик, похожий на маленького Иисуса из детской библии с картинками, которую нам давали читать в младшей школе.

* * *

Я познакомила папу со всей съемочной группой. Он сразу подружился с бригадиром рабочей группы Альбертом, который во время войны был в Портсмуте, неподалеку от тех мест, где воевал папа. Его очень тепло приняли Мэгги и мой любимец Тони Пауэлл. Нам выделили прекрасный двухэтажный номер; мы с Сержем устроились наверху, папа – внизу. Он провел с нами в Египте полтора месяца, и мы ни разу не слышали от него ни одной жалобы.

1978

3 марта, отель «Иттол», Австрия

Завтра наш последний день здесь. Мы прекрасно провели время. Катались на лыжах с 10 утра до четырех часов дня. Кейт и Шарлотта барахтаются в снегу и чувствуют себя как рыбы в воде. Шарлотта, с раскрасневшимися щечками, съезжает с горы, подпрыгивая, как резиновый мячик. Кейт, которой неведомо чувство страха, скачет, словно олененок Бэмби, выставив локти и согнув коленки, и ухитряется сохранять равновесие. Я обычно лечу вверх ногами, только лыжи сверкают. Кейт ждет меня и помогает подняться. Шарлотта в это время уже скрывается за ближайшим холмом. Наш инструктор говорит, что у Шарлотты настоящий талант. Это и так видно. Мы с Кейт тоже стараемся, и кое-что у нас получается – у нее лучше, чем у меня.

Я вся красная, как вареный рак. Серж надо мной потешается. Я объяснила ему, что в фильмах мужчина, просыпаясь рядом с женщиной, обычно говорит ей: «Ты с каждым днем все прекраснее!» А что я слышу от него? «Ты розовая, как поросенок, *Fraulein*». Или: «Надень солнечные очки, у тебя уже волдыри на лице». Или: «Как дела, хрюшка?» Или: «Ты как, Гретхен?» Сплошные оскорбления. Это правда, я немного *растолстела*. Серж уверяет, что меня расперло ровно вдвое, во всех местах, кроме груди: *«Muchos jamon con dos huevos»*[173]. Он говорит, что задница у меня, как у женщин на полотнах Рубенса. Выходя из ванны, я тоже заметила, что стала похожа на рубенсовскую героиню, если не считать обметанные губы. Все это продолжалось десять восхитительных дней. После занятий спортом мы обжирались как свиньи. Серж написал сценарий «Затемнения». Странный текст. Я не в состоянии набраться смелости и сказать ему об этом. Что-то меня удерживает. Обычно я говорю: «Очень хорошо», хотя мне кажется, что это ужасно. Но идея отличная, и все три персонажа выписаны с пугающим правдоподобием.

Завтра наш поезд. Я иду на телешоу *«Ex-Fan des sixties»*[174].

* * *

На записи в Лондоне *«Ex-Fan des sixties»* Серж дико на меня разозлился, потому что я никак не могла попасть в ритм припева: там надо было сделать паузу и только потом спеть: *«Ex-Fan des sixties»*. Он на меня наорал и пытался отлупить линейкой, пока не вмешался наш художественный руководитель Филипп Лериком.

Он сказал, что у меня что-то заело и лучше перенести запись на сентябрь. В оригинальной версии песня заканчивалась словами: «…и бедная Дженис Джоплин». Но два месяца спустя Серж добавил к этому имени еще два: группу *T-Rex* и Элвиса. Когда умер Элвис Пресли, мы с Эндрю взвыли от боли, а папа, который был с нами в Крессвее, сказал: «Жалко беднягу».

* * *

Серж заканчивает работу над сценарием. Иногда мне очень не хватает Мэгги. Мне приснился сон, как будто она – белка и ей грозит опасность, а я стараюсь схватить ее своими огромными руками и защитить от Лос-Анджелеса. Это глупо. Она настолько сильнее меня, и у нее комический талант. В Голливуде ей понравится. Она очень странная, Мэгги. Хотелось бы мне быть ей в чем-нибудь полезной, например, помочь забронировать номер в отеле.

Я хочу вернуться в Париж, повидаться с мадам Азан. Мне кажется, она нуждается в моей помощи. Хорошо бы у меня была пышная грудь, и она могла бы уткнуться в нее головой, как в «Шепотах и криках» Бергмана. Я чувствую себя какой-то недоделанной, как будто я – голый скелет, а ей требуется материнская мягкость.

Подобные мысли бродят у меня в голове всю последнюю неделю. Люди такие разные. Неважно, что они говорят, потому что в действительности для них главное – это их амбиции. Женщины всегда ищут какой-нибудь прием, позволяющий им почувствовать себя самодостаточным существом – не приложением к кому-нибудь другому, не его «дополнением», а собой. Почему считается, что быть «обыкновенным» – нормально? Может, это как раз другие – заурядные пустышки? Какое счастье знать, что ты не один. Мои собственные страхи, которые я под влиянием близкого мне человека считала безумными, на самом деле просто неудобны для других людей. Слава богу, что у меня есть Кейт, Шарлотта и Серж. Они не всегда понимают меня, но они всегда рядом, и это не дает мне ощутить себя какой-то чудачкой.

Я до сих пор так и не повзрослела. Нечасто встретишь такого человека, как Серж, который позволяет тебе совершенствоваться, подняться над собой; он не слишком интересуется тем, что со мной происходит, зато он на меня и не давит. Я думаю, что он меня любит, как я люблю его. Я ни на что не способна, если не чувствую на себе его *взгляда* – одобрительного или осуждающего.

Мне нужен его *взгляд*, нужна его сила, даже если порой он внушает мне стремление пойти против его воли. Он должен быть рядом, потому что помогает мне стоять ногами на земле, а иногда – и воспарять в небеса.

Пятница

Серж закончил работу над «Затемнением». Он нашел твист, который долго искал. Выглядит довольно театрально и в то же время мрачно. Париж кажется отсюда таким далеким… Я слышу звон колоколов с кладбища, на котором воздвигнуты величественные памятники погибшим в войнах 14–18-го и 39–45 годов. Полагаю, такие же стоят и в Крессвее. Над церквами видны луковки куполов.

Вчера вечером я сунула Кейт под подушку целый пакет сладостей – накануне у нее выпал молочный зуб. Скоро у нее все молочные зубы сменятся… Я чуть не устроила в отеле пожар, когда пыталась подпалить пакет, чтобы он выглядел так, словно его и правда обгрызла мышка. Австрийская мышка, которая оставила на пакете надпись: *«Meine Kinder»*. Получилось неплохо!

Только что в вагон заглянул проводник из поезда на Инсбрук с приклеенным к губе окурком и сказал, что в Швейцарии кто-то выкрал из могилы тело Чарли Чаплина. Он сказал об этом небрежно, словно речь шла о похищенной сумочке.

Пишу в постели. Дети хихикают в соседней комнате. Какое счастье быть такими юными! И как мне повезло, что они у меня есть. Собственное детство представляется мне таким далеким, оно кончилось двадцать лет назад, а я и не заметила, как оно пролетело. Хорошо бы объяснить им, как важно не терять в жизни ни секунды.

16 марта, Вена, отель «Захер»

Два восхитительных дня. В пятницу уехали с Сержем. Выпили в баре с Одиль и Луи и вернулись к себе в люкс. Поначалу мы просто хотели снять двойной номер. Но когда мой русский князь увидел салон, обитый красным атласом, он не смог устоять, даже под угрозой разорения. Все выглядит очень эротично и тонко, в духе Висконти. Как давно мы не оставались одни. Египет, Лондон, потом мое турне с сольным диском… Нам предстоит компенсировать полугодовой дефицит близости.

Завтра Одиль ведет нас осматривать Вену. Я – с загипсованной ногой; спасибо уроду, который налетел на меня в «Ка-стеле»! Здесь повсюду сплошной Климт, но я предпочитаю его картины раннего периода, пока он не начал добавлять в них золото. Мы побывали на могиле Малера, очень строгой – только

имя и даты жизни и смерти. Меня она странным образом взволновала. Осмотрели замечательный дом, построенный Отто Вагнером, в котором жил богатый художник Эрнст Фукс. Потом побывали в доме Зигмунда Фрейда. Это две крошечные комнатки с восстановленным интерьером, видели его черную шляпу и такого же цвета чемодан. Серж и Луи оставались в отеле, куда мы и направились. Ужинали с Нана Му-скури в небольшой комнате; музыкант играл на цитре тему из «Третьего человека». Я вспомнила Кэрола и расплакалась.

Провели с Сержем восхитительную ночь. Он заметно продвинулся в работе над сценарием и кажется счастливым. К нам в номер пришла Одиль. Ей не спалось, и мы заказали розового шампанского. Наверное, официант решил, что мы собираемся устроить дебош! Я была в бледно-розовой ночной сорочке, и мы все трое лежали на диванах.

Назавтра мы навестили Одиль и Луи у них в номере. С нами была Нана. Без косметики она похожа на девочку. Узнали о смерти Клода Франсуа – он погиб в собственной ванне от удара током. Мы потрясены этой новостью – ему было всего 39 лет, и энергия била в нем ключом. Говорят, что он умер из-за того, что дотронулся мокрыми руками до электрической лампочки. Поневоле задумаешься о краткости человеческой жизни и о том, сколько осталось каждому из нас. Трудно вообразить себе умершим человека, который вообще не умел стоять на месте.

Видели полотна Кранаха. Больше всего мне понравился Веласкес, потому что на его картинах изображена принцесса Маргарита-Тереза, похожая на Кейт. Это сходство трудно определимо, но для меня совершенно очевидно: какая-то печаль в глазах, очертания рта… Я смотрю на портрет принцессы в 4 года – это Кейт. Другой портрет, на котором принцессе 6 лет, – снова Кейт. Принцессе 11 лет – я вижу Кейт. Носы у них разные, и, когда я показала Кейт фотографию портрета, принцесса ей не понравилась, но они все равно очень похожи. Кстати, Веласкес любил эту девочку больше других королевских отпрысков. Она такая нежная, такая утонченная. Я надолго застыла перед этими полотнами.

Ужинали в «Захере» с Луи, Одиль и Наной. Потом я помчалась на кладбище Центральфридхоф посмотреть на могилы музыкантов. Здесь похоронены Брамс, Бетховен, Штраус. На могиле последнего воздвигнута очень необычная статуя. Еще более странная статуя на могиле Гуго Вольфа: видишь перед собой то ли блаженного, то ли полусумасшедшего… Я настояла, чтобы по пути в аэропорт мы заехали на ярмарку и посмотрели на колесо обозрения, построенное Кэролом. Мы с Сержем его

сфотографировали. Как все это странно: колесо на месте, а Кэрола уже нет. Мы перешлем фотографии Пемпи.

Смерть Наны, бультерьера Сержа

В субботу умерла бедняжка Нана. Я и подумать не могла, что буду так горевать, не видя рядом этой глупой прожорливой морды. В каждой комнате, в каждом углу зияет пустота. Ее толстая белая тушка постоянно крутилась под ногами; ты то об нее спотыкаешься, то нагибаешься ее погладить, а она увертывается. Теперь она увернулась навсегда. Я вспоминаю ее и плачу, но что толку плакать? Ей было всего пять с половиной лет. Мы даже не помогли ей умереть. Как она могла уйти от нас вот так, без предупреждения? Почему мы всегда слишком поздно понимаем, что такое любовь? Почему все всегда кончается смертью? Вернись, прошу тебя. Бедный малыш, что с тобой было не так? Почему я не догадалась, что тебе плохо? Почему я ничего не видела?

20 мая, отъезд с Чейн-Роу

* * *

Джон Барри перестал оплачивать аренду дома на Чейн-Роу, а поскольку после нашего развода он не давал мне ни гроша на воспитание Кейт, то этот дом стал для меня последним связующим звеном между мной и прошлым. Судья доказал, что я живу в Париже с Сержем, и потребовал в кратчайшие сроки освободить дом. В противном случае от меня могли потребовать, чтобы я вернула его в том же состоянии, в каком он находился во времена предпоследнего арендатора, то есть 20 лет тому назад. Я так перепугалась, что, даже ни с кем не посоветовавшись, принялась быстро собирать вещи.

* * *

Навсегда прощаюсь с Чейн-Роу. Навожу порядок в детской. Выбрасываю детали пазлов, кукол с оторванными ногами, сломанные игрушки. Комната выглядит как после авианалета. Старые рождественские елочки, гирлянды, серебряные шары… Я не удержалась и заплакала. Разумеется, я должна отсюда уехать, это самый разумный выход, да другого выбора у меня и нет, но боль накатила слишком неожиданно. Список литературных

новинок за последние десять лет, воспоминания о рождественских праздниках, пережитых здесь радостях… Всему этому приходит конец. Я сама себя чувствую персонажем литературы. Звонят церковные колокола, но их звон меня больше не касается; мимо идут по залитой солнцем улице люди, а я прощаюсь с жизнью, которая больше никогда не будет прежней: дом, воспоминания, солнце, Эндрю в подвале, мама и папа на той стороне улицы – все навсегда остается в прошлом. Линда вчера вышла замуж; Эндрю купил себе квартиру, а я живу в Париже. У мамы с папой меня всегда ждет моя комната, но все теперь по-другому. Я приезжала сюда редко, только на Рождество и иногда на каникулы, но я знала, что у меня есть на земле любимое место, любимое убежище. Скоро здесь отключат телефон. Номер *FLA* 6078 перестанет быть моим. Мне больше не придется раздражаться на детей, которые топочут в комнате у меня над головой; не придется варить Эндрю кофе; не придется перебегать через дорогу, чтобы поздороваться с мамой и папой. Такое чувство, что в один миг исчезает целый кусок моего прошлого. Скоро начнут бледнеть и стираться мои воспоминания; еще неделя – и все будет кончено. Если у человека болит отрезанная нога, это ужасно, но как мне убедить себя, что я должна сама себе отрезать здоровую ногу? Это примерно то же, что похоронить человека. Что может быть хуже смерти? Смерть – это конец, и никакое время не в силах смягчить боль утраты. И такое происходит все чаще и чаще. Тебя отрывают от твоих корней. Это нормально. Но, Боже мой, как же это больно.

Август, Довиль, 14 часов

Позавчера Кейт проявила чудеса храбрости. Мы – Кейт, Шарлотта и я – были на пляже в Вилье-сюр-Мер, близ Кабура. Я высмотрела кусочек пустынного пляжа подальше от толпы, и мы двинулись туда мимо двух старых дотов, упавших со скалы. Кейт сказала мне, что заметила двух парней, которые странно смотрели на Шарлотту, и она даже велела ей отойти от них подальше. Я оглянулась и увидела за камнями двух парней лет двадцати и с ними двух девиц. Они устроились довольно близко от нас, хотя в их распоряжении был большой кусок пустого пляжа. Но я решила, что это мои очередные любопытные поклонники, и сказала девочкам, чтобы не обращали на них внимания. Кейт попросила разрешения искупаться. Было холодновато, но только что выглянуло солнце, поэтому я согласилась и стала натягивать купальник – Кейт держала полотенце, которым я обернулась. Мы пошли в воду, но я время от времени посматривала на берег, где осталась моя корзина, а в

ней – все наши вещи. Но потом мне это надоело, и я решила спокойно поплавать. На всякий случай я сказала Кейт: «Посматривай за нашими вещами». Вдруг Кейт завопила: «Грабят!» – и бросилась к берегу. И правда, по пляжу удирали двое парней… Мы с Шарлоттой тоже выбрались из воды и обнаружили, что моя корзина исчезла. Я велела Шарлотте сидеть на месте, а сама побежала догонять парней. Кейт уже летела впереди меня, да так быстро, что почти настигла одного из парней, белобрысого. Я добежала до парковки. О, ужас, ни одного полицейского, который хлопал бы по спине Кейт и вручал ей *Victoria Cross*[175]. Хуже того – ни следа самой Кейт. Вокруг меня начала собираться толпа. Я рыдала. Но тут кто-то спросил: «А это не она?» Я обернулась и увидела свою дочь, которая радостно махала мне рукой. Она сказала, что корзина у Шарлотты. Мы вернулись к ней; она сидела вся в слезах из-за того, что мы бросили ее одну на пляже. Но какова Кейт! С такой смелостью броситься догонять злоумышленников! Надеюсь, в будущем ей никогда не придется проявлять подобную отвагу!

Час ночи

Писала в дневник до трех часов ночи. Мы все подготовили к приезду Эндрю, но в 15 часов он позвонил и сказал: «Катастрофа! Я не смогу выбраться раньше вторника». Ему надо было закончить статью о Дж. М. Барри для *Sunday Times*. Кейт расплакалась от досады, да и мне хотелось разреветься. Мы так его ждали! И так расстроились!

Две недели назад произошел неприятный случай с Шарлоттой. У нас гостили дочери Габриэль – Эмма и Люси. Еще были мать Сержа, мои папа и мама и Линда, – одним словом, полный дом народу. Я отвела девочек в бассейн Довиля, а когда после чая пришла их забрать, они рассказали мне, что Шарлотта ударилась головой о бортик бассейна. Мы помчались в аптеку. Аптекарша посмотрела на Шарлотту и сказала, что есть опасность внутричерепной травмы и лучше всего отвезти ребенка в больницу. Мы несколько часов просидели в очереди на рентген. Я не знала, что предпринять: Кейт хотела остаться и ждать вместе со мной, но с нами была Люси. Вдруг Шарлотта побледнела. Я попросила Эмму сходить позвонить в ресторан и предупредить Сержа. Он примчался. На нем лица не было, так он встревожился. Наконец вынесли снимки, но как раз в эту минуту Шарлотту начало рвать. Интерн посоветовал нам оставить ее в больнице до утра. Я сказала, что хочу остаться с ней. Мы расцеловались с Сержем и девочками, они пожелали нам спокойной ночи и ушли. Через какое-то время Шарлотта, которая успела прийти в себя,

сказала, что хочет посмотреть телевизор. Чтобы его включить, надо было опустить несколько монет, а у меня оказался с собой всего один франк. Тогда мы стали играть в «морской бой». Шарлотта выиграла у меня три раза подряд. Она всегда выигрывает в карты и в любые другие игры, где требуются мозги. Мы славно провели время, а утром, собираясь уходить, тщательно проверили, не забыли ли чего, как будто покидали не больничную палату, а номер в «Хилтоне»!

Три часа ночи

Последний день и последняя ночь. Мне ужасно грустно, как будто я оставляю здесь кусок себя. Как мне было хорошо здесь, в своем доме, с Кейт, Шарлоттой и всей нашей семьей. Приехал Макс – сын Пемпи и Кэрола. Они с Сержем быстро нашли общий язык и пропадали в местном казино, которое называется «Клуб 13». Я до трех часов ночи плавала с детьми нагишом в бассейне; по вечерам Серж играл на рояле, а я пела; Серж с Максом играли в кафе в шахматы, а я сидела рядом, вспоминая Пемпи и Кэрола. Сегодня днем звонил из Парижа Эндрю. Он придет на ужин в «Золотой орел». Я счастлива, что повидаюсь с ним хоть пару часов. Он показывал мне пробный экземпляр своей книги с еще не разрезанными листами. Подумать только, в декабре или январе она уже выйдет, и на обложке будет напечатано его имя. Я уже не говорю про цветное приложение к *Sunday Times* с серией его очерков, посвященных Дж. М. Барри. Надо будет чем-нибудь его побаловать, хотя бы на скорую руку.

1979

Пятница 13 марта

Нана умерла почти год назад. У меня до сих пор слезы подкатывают к глазам, стоит наткнуться взглядом на ее фото или посмотреть видео, на котором она мелькает. Она по-прежнему здесь, с нами. Пять лет съемок, и в каждом фильме – она. Шарлотта решила нарисовать ее для Сержа и расплакалась. Она вообще странный ребенок, никогда не знаешь, о чем она думает. Кейт гораздо более… Она, например, верит в жизнь после смерти – в отличие от меня. Она говорит, что в противном случае невозможно жить. До чего странно наблюдать, как твой собственный ребенок рассуждает о жизни и смерти. Интересно, кем станут мои дочки. Иногда у меня возникает предчувствие, что я никогда этого не узнаю – просто потому, что не доживу до того времени, когда они станут взрослыми. Если и правда так произойдет, лучше я опишу их такими, какие они сейчас.

Кейт – это моя Кейт. Меня терзает страх, что она бросит меня и уйдет к своему отцу Джону. Он словно горящая лампочка, на свет которой стремится мой бедный мотылек. Он сулит ей ковбойские сапоги, ранчо с дикими пони и прочее. Какой ребенок против этого устоит?

Но довольно про Джона Барри! Меня интересует сама Кейт и ее жизнь. В апреле ей исполняется 12 лет. Я поведу ее в ресторан «Распутин», и ровно в полночь мы разобьем свои бокалы – на счастье. Она танцует как одержимая. У нее потрясающее чувство ритма, я ни у кого не видела ничего похожего. Преподаватель школы танцев при американской церкви говорит то же самое. Она легко впадает в гнев, часто злится и бурчит – в точности, как я. Она очень обидчивая и страшно упрямая. Любит командовать, но я сама в детстве помыкала Линдой. Все эти ее черты объясняются тем, что она *insecure*[176]. Ее романтичность оборачивается инфантильностью. Ей трудно говорить о себе, из-за чего она жутко расстраивается и ведет себя непоследовательно. Зато она способна на такую любовь, что это греет меня даже в самые ужасные дни. Она всем все прощает, как какая-нибудь святая; она способна восхищаться чужими успехами и не ведает зависти – в отличие от меня. Когда тебе плохо, нет никого лучше нежной и доброй Кейт, чтобы тебя утешить. Я с наслаждением наблюдаю за тем, как она мчится сквозь детство. Кейт – такой человек, который судит других не по словам, а по делам. Она терпеть не может слабости. Ей не понравилось, когда в Нормандии я убила морского петуха, зато как она гордилась мной, когда в Африке я

отвезла в больницу незнакомого мальчика. Вот какой я ее вижу. Ее недостатки – это всего лишь признаки слишком гордого характера, не переходящего в высокомерие. Она так и осталась англичанкой. О *my darling* Кейт! Я люблю тебя такой, какая ты есть. Я слишком часто кричу на тебя, слишком часто показываю, что я тобой недовольна. Если можешь, пойми меня. Я – человек настроения и слишком многие вещи принимаю близко к сердцу. Прости мне мои слабости. Надеюсь, ты сумеешь найти себе дело по душе и не изменишь себе. Работа должна захватывать человека целиком. Попробуй все, что тебе интересно. Не поддавайся отчаянию. Спи с кем хочешь, но не теряй достоинства. Наверное, я слишком старомодна и рассуждаю неправильно, но мне кажется, что это очень важно для нас обеих. Мужчина должен заслужить то, что ты готова принести ему в дар, – твой ум, твою душу. Если после случайной ночи ты сознаешь, что поддалась слепому порыву, это больно ранит твое сердце и твою гордость. Мне не хочется, чтобы ты получила такой опыт. Женские журналы внушают нам комплексы: «Я только дотронулся до ее груди, и она испытала феерический оргазм»… Нам остается только порадоваться за эту девушку и за всех, кому посчастливится иметь с ней дело, но штука в том, что это все вранье. Подобные статьи пишут мужчины для других мужчин, которым возбуждение поднимает настроение. Никогда не забывай: мужчины уязвимы. Мужчине необходимо демонстрировать свою мужественность, а если это ему не удается, он становится жертвой насмешек. Его обзывают «импотентом», что несправедливо. Просто иногда у него и правда не получается, но в этом нет ничего страшного. Это ведь не происходит автоматически, и порой часть вины за неудачу лежит на нас, женщинах. Даже мертвое тело имеет свою ценность. Внешность имеет большое значение, а внешность уязвима – в силу своей банальности, отсутствия тайны. Настанет день, когда тебя полюбят мужчины. Если твоя любовь к одному из них будет пронизана страстью, считай, тебе повезло.

Ладно, дорогая Кейт, пора кончать эту «историю болезни». Мне хотелось бы быть откровенней со своей матерью, но это невозможно. Пожалуй, это даже к лучшему. В любом случае родители всегда все делают шиворот-навыворот. Ты уж отнесись к нам с пониманием.

Шарлотта, *darling*, завтра напишу тебе. Это работа не на полчаса – на целую ночь. Описать тебя – неимоверно трудная задача, особенно для тебя самой.

Вечер вторника

Шарлотте 7 лет. Ее словно окружает некая аура. Когда она

входит в комнату, все оборачиваются к ней и спрашивают, кто она такая. Обычно она с полным чувством собственного достоинства отвечает: «Меня зовут Шарлотта Генсбур». Она страшная индивидуалистка и обожает взрослую компанию. В Нормандии у нее есть дружок, Дидье, ему 15 лет, и он обращается с ней как с королевой! Если она задает вам вопрос, то требует подробного ответа, иначе пускается в слезы. Она перфекционистка – вся в Сержа. Если она рисует или пишет, то ее рисунок или письмо должны быть идеальными. У нее потрясающий почерк: буковки мелкие, ровные, с одинаковым наклоном – настоящее чудо каллиграфии. На ее рисунках видна каждая деталь, что бы она ни рисовала – бронзовую крысу со стола Сержа, лампу, старинный шприц 1900 года…

Как-то я попросила ее изобразить четыре стихии. Сначала воду. Она нарисовала ровный квадрат и провела в середине его прямую линию. «Что это?» – спросила я. «Вода. В ванне». Потом я попросила ее нарисовать огонь. Она снова изобразила квадрат, а внутри его – какие-то мелкие штуки. «Это огонь в камине». Землю? Еще один квадрат, внутри – две одинаково изогнутые параллельные линии. «Это крот прорыл ход в земле». Воздух? Толстощекий херувим, который старательно куда-то дует.

«Что такое акупунктура?» – как-то спросила Шарлотта. «Это такой способ, который помогает людям бросить курить», – объяснил Серж.

Они смотрели по телевизору передачу про кабинет акупунктуры, в котором лечили собак. «Но эти собаки не курят!» – возразила Шарлотта. Ее способность рассуждать логически, как взрослый человек, порой ставит меня в тупик. Шарлотта всегда абсолютно искренна. Она не умеет притворяться, даже если это оборачивается бестактностью. На самом деле я сделала это открытие после того, как умерла Нана. Все мы ужасно горевали. Серж плакал, Кейт рыдала в голос, я ходила с опухшими глазами. Серж перешел спать на диван, где обычно лежала Нана. Шарлотта? Она играла на кухне в мячик.

– Нана умерла, – сказала я. – Это очень печально, тебе не кажется?

– Конечно, печально, – ответила она спокойным голосом, который я приняла за равнодушный. – А почему папа плачет?

– Потому что Нана умерла. Ты же знаешь, Шарлотта.

– А, понятно.

Вот и вся ее реакция. Два месяца спустя мы перезахоронили Нану в моем саду в Нормандии. Жизнь продолжалась.

…Я услышала громкий плач, доносившийся с вершины холма, и выскочила на улицу. Шарлотта рыдала взахлеб, и Кейт

тщетно пыталась ее успокоить. «Что случилось?» Кейт рассказала, что, когда они поднялись на холм, Шарлотта вдруг побледнела и расплакалась: она увидела могилу, в которой была похоронена Нана. Бедная девочка принялась скрести ногтями землю и причитать: «Ее больше нельзя потрогать! Ее больше нельзя потрогать!» Она столкнулась с реальностью смерти. Не с болезнью, не с похоронами, а с простым фактом: умершего больше нельзя потрогать.

В другой раз, когда мы сидели в ресторане, она нарисовала собаку – разумеется, это была Нана. Она хотела подарить рисунок Сержу.

– Если я дам ему рисунок, он расстроится? – спросила она.

– Нет, не думаю, – ответила я.

Серж посмотрел на рисунок и заметил:

– Ты забыла нарисовать ей соски.

И Шарлотта принялась старательно дорисовывать недостающие детали. Вдруг на лист бумаги упала крупная слеза. Шарлотта вспомнила, как выглядели эти розовые кнопки на пузе собаки, и не сдержалась. Так она устроена. Скрытная, вся в себе, но очень верная и ничего не забывающая. Я уверена, что она неосознанно завидует Кейт. Она часто говорит, что Кейт повезло, потому что она несколько лет была единственным ребенком в семье и ей ничего не надо было делить на двоих. Честно говоря, эта мысль раньше никогда не приходила мне в голову. Я думала о переживаниях Кейт, о том, как она воспримет появление младшей сестры, но только не о чувствах Шарлотты. Сейчас я ее понимаю. Я часто беру ее куда-нибудь с собой, только ее одну, и о чем-нибудь ей рассказываю. Она помнит каждое сказанное мной слово, каждый мой поступок по отношению к ней. И все это она держит в себе.

Сколько раз я невольно обидела тебя? Моя маленькая *Йотма*, мое грустное сокровище. Я знаю, что у тебя светлая душа. И такая яркая личность, что порой мне кажется, что ты живешь на земле давным-давно. Ты такая умная, что рядом с тобой я иногда чувствую себя полной дурой. Такая утонченная, что я выгляжу неотесанной деревенщиной. Я думаю, что у тебя много разных талантов, и каждый из них уникален.

У Шарлотты очень своеобразное чувство юмора, редко встречающееся у детей. Она умеет смешить людей как профессиональный клоун. Очень ранимый клоун. По-моему, она прекрасно знает себе цену и нисколько в себе не сомневается. Она ленивая. Она хочет всегда и во всем быть первой и злится, когда это у нее не получается. Иногда она помогает Кейт. В свои семь лет она умеет быть не менее саркастичной, чем Серж. Стремление

во всем быть лучшей, самой хитрой, самой умной избавляет ее от страха. Она нисколько не боится Сержа и разговаривает с ним на равных. Она понимает, что ничем не рискует, тогда как Кейт приходится вести себя осторожно.

Знаешь, Шарлотта, в один прекрасный день мы с тобой вместе посмеемся над всем этим, в том числе над твоей ревностью к чужим воспоминаниям.

Если я заговариваю о каком-нибудь событии, случившемся много лет назад, или о старом фильме, она непременно спрашивает: «А я тогда уже родилась? Или была одна Кейт?»

В тот день, когда ты родилась, ты сделала своего отца счастливым. Как, разумеется, и меня. Целую тебя. Я тебя люблю и буду любить всегда.

* * *

В то лето Анн-Мари Рассам, жена Клода Берри (мы с Сержем дружили с этой парой) посоветовала Мишелю Пикколи предложить мою кандидатуру на главную роль в фильме «Блудная дочь» некоего Жака Дуайона. Почему-то я решила, что это пожилой седовласый протестант, чем-то похожий на Алена Рене. Каково же было мое удивление, когда, открыв дверь на звонок в нашем доме, я увидела на пороге невероятно красивого молодого мужчину с горделивой, как у индейца, осанкой. «Что вам угодно?» – спросила я и услышала в ответ, что его зовут Жак Дуайон и что он пришел поговорить со мной о сценарии его будущего фильма. Он хотел предложить мне сыграть роль главной героини – молодой женщины, влюбленной в собственного отца и переживающей глубокую депрессию. Я пригласила его войти. Кажется, я сразу провела его в свою комнату – свое убежище, где хранились мои вещи, детские сувениры, фотографии, мои дневники и письма, – чтобы он понял, что я не игрушка Сержа, а самостоятельная личность. Серж в это время был внизу, заказывал лучший столик в лучшем ресторане, намереваясь, как всегда, «дирижировать» (его выражение) ужином. Возможно, я даже поцеловала Жака, чем немало его удивила. Но во мне горело желание заинтересовать его собой, дать ему понять, что на самом деле мне очень близка депрессивная героиня из его потрясающего сценария.

* * *

Сентябрь

Моя депрессия пошла на спад. Я в поезде, еду в Париж.

Только что вышел фильм, который мы снимали в Лугано[177]. Чертовы прокатчики настроены хуже некуда. Не верю, что фильм до такой степени плох. Вчера я спросила у одного из них по телефону: «Рецензии появились?» И услышала в ответ: «Чем позже они появятся, тем лучше. Так у фильма будет хоть какой-то шанс на прокат». Очень смешно. Во всяком случае, достаточно, чтобы единственная в картине звезда поспешила покрасоваться на телеэкранах и нараздавать интервью. Но даже если фильм провалится, что за катастрофа? Все когда-нибудь переживают неудачу.

Мне прислали сценарий американского сериала, в котором мне предлагается вскарабкаться на Эйфелеву башню. Интересно, как они планируют заставить меня на это пойти, даже если заплатят два миллиона! И Ольге, если она рассчитывает на свои 10 процентов, придется заняться альпинизмом.

Серж расстроен тем, как движется работа над фильмом. У нас уже неделю живет сын Моше Даяна, пишет вместе с Сержем сценарий. Лично я думаю, что фильм Сержа должен оставаться фильмом Сержа, а не превращаться в плод компромисса. Не знаю, что будет дальше. Может, он поищет другого продюсера? У них все меняется каждый день, и я в их дела не вмешиваюсь, тем более что Арнон[178] и Серджо ведут себя как влюбленная пара. Ты критикуешь А., и Серж с тобой соглашается, но потом тебе звонят и объясняют, как ты не права, потому что А. – прекрасный человек и умеет находить звезд. Сержу все это льстит. Эта история тянется уже месяц.

Суббота 22 сентября

Я замерзла. На улице солнечно, а я вся дрожу. Делать ничего не могу и только бесцельно слоняюсь по комнате. Пытаюсь размышлять о своей жизни, но мне так страшно и одиноко, что хочется лечь и уснуть. Я трусиха.

Серж, который в Нормандии вел себя ужасно и пил как сапожник, сейчас изменился. Он всем доволен. Это правда, все его мечты постепенно осуществляются: фильм, книга и особенно диск[179], который пользуется бешеным успехом. Ко мне он очень внимателен и с пониманием относится к тому, что я меняюсь по-своему. Я странно себя чувствую. Не знаю, чего я хочу, – если забыть, что я хочу всего.

В то же время я понимаю: что бы ни произошло, я никогда не буду счастлива без Сержа. Если я от него уйду, я всю жизнь буду жалеть, что бросила уникального человека. Но возможна ли

жизнь втроем? Не знаю. Но каким-то образом чую, что Серж не способен ни с кем меня делить, даже в мыслях. Впрочем, я и сама на это не способна. Вчера мы с ним говорили об этом. Мы вместе ужинали. Мне было так хорошо рядом с Жаком и Сержем. Возможно, это могло бы стать самым счастливым днем в моей жизни. Если бы Серж полюбил Жака и они ушли бы от меня вдвоем, я не слишком горевала бы, зная, что они вместе и счастливы. Я не хочу приходящего любовника и не хочу терять друга. Я хочу ЖИТЬ. А еще в августе мечтала о том, чтобы умереть.

Меня изумляет, что меня любят. Что такой милый человек находит меня интересной. Может, все это мне снится? Мне нравится сидеть рядом с ним, ходить рядом с ним, держать его за руку и видеть, как они с Сержем смеются. Хорошо, что Сержу удается рассмешить этого грустного парня. Но мне страшновато от этого нового чувства. Я трогаю свои губы и сама себе задаю вопрос: это улыбка или открытая рана?

Четверг

Полдень. Я одна дома. Отпустила Сержа одного в отель «Элизе-Матиньон», потому что у меня бронхит. Время идет. Жак хочет, чтобы мы виделись каждый день. Судя по всему, ему все еще не надоело наблюдать за этим нерешительным созданием, которое вечно колеблется между доводами духа, материи и совести. Когда его нет рядом, я чувствую себя потерянной. Может, во мне говорит тщеславие? Он играет для меня роль зеркала. И ему удается убедить меня, что я красивая. Смотрю на свою руку, которой заполняю эту страницу, и вижу, что она довольно уродлива. Я же знаю, что забыть обо мне ничего не стоит. Когда Серж рассказывает какую-нибудь историю, он всегда говорит: «Я тогда был в Индии» или «Я тогда был в Югославии». Я была там вместе с ним, но он не считает нужным об этом упоминать.

Октябрь, Австрия, Ава

* * *

На самом деле Аву звали Морисеттой. Она работала с месье Александром. Надо было видеть, как она работала ножницами – босая, с красными волосами… Ее мать рассказывала мне, что, когда Ава была совсем маленькой и жила в Шалон-сюр-Саон, она брала фибровый чемоданчик, садилась в автобус, подходила к какой-нибудь даме в меховом манто и просила отвезти ее в

Париж.

Я увела ее у Франсуазы Фабиан, познакомившись с ней на съемках «Частного показа», и с тех пор только она «колдует» над моей головой. Именно она соорудила маленький парик, в котором я снималась в «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет», подрезав мне волосы так, чтобы челка осталась моей собственной. Под париком она заплетала мне волосы в два десятка косичек, из-за чего у меня менялся разрез глаз. Это больше соответствовало образу Джонни Джейн, которую я играла. Она завивала мне волосы щипцами. Я считаю ее чемпионкой Франции по завивке щипцами, как, впрочем, и ее родителей и брата, которые держали в Шалоне салон красоты. Мы работали с ней на всех фильмах. Когда мы летели в Вену, то, как обычно, купили в дьюти-фри баночку икры и маленькую бутылку водки. Но мне уже тогда показалось, что она выглядит как-то странно. Через несколько дней я заметила, что у нее пожелтели глаза. Вскоре она умерла, там же, в Вене. Она была моим другом и конфиденткой на всех съемочных площадках.

* * *

Концерт в маленьком ресторане. Ава в больнице, у нее вирусный гепатит. Сегодня она была вся желтая, и я сказала продюсеру: «Похоже, у нее желтуха». Ее сразу отправили к местному врачу. Через полчаса меня выгнали из гримерной, предупредив, что съемок не будет, и вместе с Авой запихнули в машину. От нас шарахались как от прокаженных. Бедная Ава! Вот почему она последние три дня так плохо себя чувствовала. Я таскала ее смотреть Климта и Шиле, но ей было уже не до того. Потом я водила ее в кафе. Я обжиралась пирожными, а она смотрела на меня печальными глазами. Мы объездили несколько больниц, и только в третьей по счету, действующей при женском монастыре, нашлось свободное место. Но и там нас не приняли. Нам объяснили, что берут только тех больных, которых привозят на скорой, – таков закон! – а мы приехали своим ходом. Мы не слишком огорчились: очень уж там было мрачно. В конце концов мы сумели устроить ее в больницу с видом на кладбище. Помню, что на деревьях сидели тысячи ворон… После осмотра нам сказали, что Аву необходимо госпитализировать на два-три месяца. Месяцы в больнице! Мне хорошо известно, что это такое. Стоит к ним попасть, они ни за что тебя не выпустят. Я настаивала, чтобы они позволили перевезти ее в Париж. Мне пообещали, что в понедельник, когда будут готовы анализы

крови, мне разрешат забрать ее – на свой страх и риск. Только предупредили, чтобы в самолете она надела солнечные очки. Ее положили в палату к старенькой английской леди. Несмотря на отсутствие одного легкого и проблемы с сердцем, та не утратила чувства юмора. Узнав, что у Авы инфекционное заболевание, она воскликнула: «Ну вот, как раз этого мне и не хватало!»

Врач сказал, что я должна сделать прививку. Если у Авы гепатит А, что выяснится только в понедельник, то делать прививку раньше нельзя. Если же у нее гепатит В, то он может сделать ее немедленно. Ну, а если в понедельник окажется, что это гепатит С, то делать вообще ничего не надо. Он предупредил, что прививка очень болезненная, но я ответила: «Давайте уже с этим покончим». Так мы и поступили. Процедура длилась десять долгих минут. Он старался причинить мне как можно меньше мучений и назвал меня «отважной *Fraulein*». Бедная медсестра! Думаю, следы от моих ногтей останутся у нее на руках как минимум на неделю!

Завтра приезжают Серж и мадам Азан. Я поеду встречать их в аэропорт с моим симпатичным водителем. В среду на пять дней приедут Шарлотта и Изабель[180], а несчастная Ава отправится в Париж. Сегодня вечером я чувствую себя немного странно, но, возможно, все дело в печальных мыслях и в одиночестве. Как коротка жизнь тех, кого ты любишь! Моя собственная жизнь интересует меня все меньше; я за нее не цепляюсь. Если бы не дочери… Но с ними все в порядке, и я не исключаю, что для них будет лучше, если их память сохранит меня такой, какая я сейчас, чем если я доживу до старости и превращусь в зануду, не умеющую смеяться. Отними у меня чувство юмора, и что от меня останется? Я люблю их смешить, но на кого я стану похожа в 40 лет? Мне и в тридцать нелегко. Говорят, что надо продолжать жить во что бы то ни стало. О-ля-ля! Иногда я так устаю от себя самой, что только чужие «взгляды» заставляют меня вставать по утрам. Внезапно выясняется, что я живу исключительно ради этого «взгляда». Получается, что я постоянно смотрю на себя чужими глазами и оцениваю себя со стороны. И прихожу к выводу, что в наблюдаемом мной объекте нет ничего привлекательного: какое-то красное существо, которое почему-то еще дышит, как в плохом фильме.

Без даты, Вена

Лежу в постели, уютно накрывшись пледом, и смотрю телевизор. Ужинала я тоже лежа: мне нельзя надевать джинсы, потому что от них на моем совершенном теле могут остаться следы[181]! По сравнению с прекрасными юными – и

пышногрудыми – созданиями, которые вьются вокруг меня, я чувствую себя старой калошей. Я замазала растяжки на ногах – и за работу! Сейчас семь, а снимаем мы до полуночи.

Утром приехали Шарлотта и Кейт. Кейт положила в коробочку свой молочный зуб и теперь ждет ответа от австрийской мышки. Художник-постановщик написал для нее записку на немецком языке, чтобы она поверила, что за зубом и правда приходила мышка. Завтра она найдет принесенные взамен сладости и игрушки (Серж постарался). Мне не терпится услышать ее рассказ о знакомстве с австрийской мышкой.

У девочек каникулы, и завтра я хочу отвезти их на кладбище: пусть приобщаются к культуре. 1 ноября здесь отмечают День поминовения усопших; думаю, будет выглядеть впечатляюще. Мадам А. вернулась в Париж. Серж водил детей ужинать в ресторан «Захер», в котором музыкант играет на цитре. Вчера мы провели восхитительный вечер с Шабролем и его хорошенькой любовницей, как всегда как две капли воды похожей на его жену! Пили до двух часов ночи и хохотали по поводу и без повода. Серж спросил: «Хочешь на ужин хельмут-бургер?» – на что Шаброль ответил: «Спасибо, нет, мне его и в кино достаточно».

Вчера был прекрасный день. Я водила Изабель, Кейт и Шарлотту на Центральное кладбище Вены, где есть Аллея композиторов. Громкие имена – Бетховена и других – произвели на них большое впечатление, но все же не такое, как белки, скакавшие по могилам. Жалко, что мы не прихватили с собой орешков, а то могли бы их погладить. Потом мы пошли на еврейское кладбище, гораздо менее ухоженное и романтичное. Мы углублялись все дальше, по тропкам, заросшим сорной травой. Шарлотта стянула с какой-то могилы венок и положила его на другую, заброшенную. Погода была пасмурная; каркали вороны. Вдруг я увидела, как из могилы с каким-то бульканьем встает полуразложившийся труп. Господи, как же я заорала! Кейт и Шарлотта тоже закричали. Изабель застыла на месте, окаменев от ужаса. «Труп» – это был огромный фазан – поднялся над нами и улетел. На наши вопли сбежались редкие в этой части кладбища посетители, в том числе полицейский с собакой. Убедившись, что нас никто не убивает, он объяснил нам, что на кладбище принято вести себя тихо. Я, как могла, пыталась изобразить фазана: хлопала руками, как крыльями, и повторяла: «Я испугалась, я испугалась!» – «Идите выпейте чего-нибудь», – посоветовал он, и мы, сгорая со стыда, двинулись в ресторан, где нас уже ждал Серж. Потом мы вернулись в отель, где нам сказали, что по случаю праздника все музеи закрыты. Мы решили сходить

в парк аттракционов и покататься на колесе обозрения. Серж с нами не пошел. Колесо оказалось огромным. Шарлотта верещала от страха, я закрыла лицо руками, зато Кейт была в восторге. Потом, движимая материнской любовью, я согласилась забраться на орудие пытки: штуку, которая вертелась вокруг своей оси и не желала останавливаться. Под конец мы заглянули в тир и постреляли по мишеням. Это мне понравилось.

Возвращение в отель «Захер». Ужин в чопорном, но великолепном красном баре. К нам присоединился Матьё Карьер[182], ради такого случая даже нацепивший галстук. Мы с Шарлоттой собрали все зубочистки и играли в микадо. Шарлотта соорудила из них дом своей мечты, а потом выложила из них же буквы «милая мамочка». Я была тронута, а Серж смешал все зубочистки в кучу, потому что Шарлотта не написала «папа». После ужина Серж с Матьё и его невестой отправились исследовать ночную Вену, а я пошла укладывать Шарлотту спать.

Не могу заснуть. Время два часа ночи, а Сержа все нет. Я приняла таблетку ноктрана, но сна ни в одном глазу. А мне вставать в семь утра! Серж вернулся в 2:15 и начал пересказывать мне свои ночные похождения. Через четыре часа зазвонил будильник. Я проглотила яичницу-болтунью – и бегом на работу!

Ава по-прежнему в больнице, бедняга. Серж уезжает в воскресенье; Кейт и Шарлотта – в понедельник. Значит, я снова останусь одна. Жак каждый день присылает мне письма. Он растерян и опечален, а я не знаю, что мне делать. Это я во всем виновата. Я получила от него не меньше восьми писем, и все ужасно грустные. Хорошо бы они с Сержем вместе поужинали в Париже; это подняло бы ему настроение. Серж слишком много пьет. Надеюсь, в Париже он в мое отсутствие будет вести себя осмотрительно. Мадам А. обещала за ним присмотреть, но разве за ним уследишь, если он в четыре часа утра отправляется на площадь Пигаль? Хо-хо, хотела бы я знать, что мне делать.

Декабрь. Ава умерла

Я проснулась поздно, вся в поту. Вчера после работы я легла спать. Не ужинала, не завтракала. Чувствую себя заледеневшей и выжатой как лимон. Меня преследует образ Авы. Когда я просыпаюсь, моя первая мысль – о ней. Днем мне без конца напоминают о ней самые незначительные вещи. Вчера в кафе случайно забрела группа солдат. Аве нравились солдаты. На съемочной площадке полно статистов в солдатской форме. Я расплакалась. Гример на меня наорал. Сегодня мне почудилось, что пахнет Авой, уже заболевшей Авой, и этот запах исходил от меня. Я разодрала на себе ночную сорочку; точно, это был тот же

самый запах. Я испугалась, но в то же время хотела вдыхать его снова и снова, почувствовать ее присутствие, увидеть ее обметанный язык, ее глаза, ее пожелтевшее лицо, похожее на полную луну туманной ночью. Я хочу, чтобы она была жива! Это не надежда, это нечто большее. Слушай, ты не можешь взять и умереть! Она знала, что умирает? Она это знала? Ей было страшно? Я никогда этого не узнаю.

1980

8 января, несчастный случай в Лондоне

Кажется, я знаю, что хуже всего на свете. 24 декабря я была с детьми в Лондоне. У Сержа был концерт в Париже. Мы прилетели днем и поехали к маме. Позвонил Эндрю и предложил сводить детей на ночную службу в собор Святого Павла. Я одобрила эту идею, потому что намеревалась приготовить им рождественские подарки. Кроме того, я была уверена, что служба в соборе будет очень красивой. Эндрю зашел за ними в 23 часа. Кейт не очень хотела идти – она неважно себя чувствовала, но сестра и Барнаби[183] все-таки ее уговорили.

Я прогулялась с папой и посмотрела «Поющие под дождем». Потом позвонил Макс. Я перебежала через дорогу, чтобы выпить с ними по стаканчику. Было весело, потому что Трейси, дочка Пемпи, тоже набивала подарками рождественские носки для детей. Я чувствовала себя усталой и почему-то грустной, какой не была со времени возвращения из Вены. Около полуночи раздался звонок в дверь. Папа. По его лицу я сразу поняла, что что-то случилось. И я не ошиблась.

– Они попали в аварию.

– Они ранены? Что с ними? Где они? Что произошло?

В больнице. Мои бедные девочки в больнице. Папа сказал, что в детской Вестминстерской. Я должна туда ехать. Никогда в жизни я не была так напугана. Бедные Кейт и Шарлотта. У меня словно ад под ногами разверзся. Полицейский сказал, что с ними ничего страшного. Это точно? Он это гарантирует? У меня было одно желание: быть с ними, видеть их. Мы плохо знали, как туда ехать. Какой-то пьяный шотландец указал нам путь, подчеркнув, что «это совсем рядом», но мы крутились вокруг еще целую вечность. Наконец я бросилась к дверям. О, эти больничные двери! О, эти детские рисунки на стенах и печальные взгляды больных детей! В душе у меня поднимался беззвучный вой. Пока мы ехали через Темзу, я думала только о том, что меня обманывают, а на самом деле с моими детьми случилось нечто ужасное. Я умру, твердила я себе, я не смогу дальше жить, я умру. Мама увещевала меня, демонстрируя чудеса выдержки и рассудительности. Мы приехали в отделение неотложной помощи. На каталке лежала моя Шарлотта. Ее одежда была в крови. Увидев меня, она испуганно закричала: «Мама, мама!» Ее прелестное личико пересекали царапины, один глаз почернел и распух, лоб уродовали наложенные швы. Она вся дрожала, но была жива! Бедная маленькая Шарлотта! «Эндрю не виноват!» –

простонала она. К нам подошла медсестра и сказала, что Шарлотте надо сделать рентген головы. Господи, подумала я, неужели у нее черепная травма?

Из соседнего бокса раздался еще один голос: «Мама!» Кейт. Я объяснила Шарлотте, что должна пойти проведать Кейт, и она согласилась. Мой папа взял ее за руку и не выпускал все время, пока ей делали рентген. Кейт, моя любимая Кейт, лежала бледная и испуганная; изо рта у нее стекала струйка крови. Моя ненаглядная девочка лежала с рассеченной губой. Она волновалась за Шарлотту; они обе волновались друг за друга. Кейт повезли в операционную, зашивать губу. Я закрыла ей глаза марлевой повязкой и пообещала, что ей не будет больно. Господи, какой страх на этом побелевшем личике! Они сделали ей укол, но я боялась, что он не подействует. Они закрыли ей лицо белой больничной бумагой, вырезав вокруг рта отверстие. Она вела себя очень мужественно, но не давала до себя дотронуться, пока в операционную не пустили меня. Когда все закончилось, ее отвезли в процедурный кабинет. Я спросила, можно ли мне пойти посмотреть, как там Шарлотта. Кроме того, требовалось еще заполнить кучу бумаг: имя, фамилия, вероисповедание и прочее. Они делают это на всякий случай. С Кейт осталась мама, а я побежала в кабинет рентгенологии, узнать, что у Шарлотты с головой. Я пообещала, что останусь с ней на ночь и прослежу, чтобы все было хорошо. Особенно ее пугал глаз, который опух так, что не открывался. Она постоянно трогала его своими маленькими дрожащими пальчиками. Рентген показал, что у нее ничего не сломано, но ее начало рвать и рвало без конца.

Ее кровать передвинули к стене, и я прилегла рядом с ней. Затем разыгралась душераздирающая сцена. Шарлотта увидела Кейт, которая шла из процедурного кабинета. Шарлотта села на кровати, раскинула руки и закричала: «Кейт, Кейт!» В ее голосе звучало столько любви и страха за сестру! Кейт подошла к ней, и они обнялись. Я еще никогда не видела, чтобы мои девочки проявляли друг к другу такую теплоту и заботу. Незабываемая картина: Кейт, прихрамывая, идет к Шарлотте, а та машет руками ей навстречу. «Кейт, Кейт», – всхлипывала Шарлотта и гладила измученное лицо старшей сестры; Кейт в ответ успокаивала младшую. В тот миг я поняла, что я – самая счастливая мать на свете: мои дети живы и утешают друг друга. Шарлотта потребовала, чтобы ей объяснили все: что с ней делают, где наложены швы и так далее. Она даже пыталась перейти на английский язык.

Кейт, казалось, заботит только состояние Шарлотты и ее глаза. Она пережила настоящий кошмар, когда увидела, как

Эндрю берет на руки окровавленную и кричащую Шарлотту. По всей видимости, авария произошла около 23:30. Они спокойно ехали, когда их ослепил свет фар мчащейся по встречной полосе машины. «О нет!» – охнул Эндрю. Кейт сказала, что никогда раньше не слышала, чтобы он говорил таким голосом. Она подумала, что сейчас все они умрут, и тут раздался грохот. За рулем врезавшейся в них машины сидел ямаец. Он даже не попытался свернуть в сторону. Бедный Эндрю! Думаю, он не скоро забудет эту картину: четверо насмерть перепуганных окровавленных детей! Мне разрешили остаться на ночь с моими дочерями. Слава богу, Кейт заснула. Ее лицо напомнило мне лик виденного мной когда-то египетского фараона – израненное, но невыразимо прекрасное. Шарлотта все время плакала. У нее болел живот, болела голова… Бедная крошка, ей было так плохо. Она просила воды, но медсестра запретила ее поить – на тот случай, если ее все же решат оперировать. Я все время с ней разговаривала. Она отвечала мне сквозь слезы, но вполне связно и логично, что я сочла хорошим признаком. Она в подробностях изложила все обстоятельства аварии. Медсестры убеждали меня дать ей отдохнуть, но что я могла сделать? Они и меня уговаривали поспать, иначе завтра я ничем не смогу помочь своим детям.

Примерно в половине шестого в больницу приехали Эндрю и Би. Они привезли детям подарки – ведь наступало утро Рождества. Эндрю был бледен, на лбу у него виднелась глубокая ссадина. Первое, что он мне сказал: «Ну почему на месте девочек не оказался я?» Детей Би поместили с другой стороны от приемного покоя. Барнаби спал, но Мелисса всю ночь не сомкнула глаз; ей тоже зашивали губу. Мы ненадолго прилегли прямо в приемной. Медсестры были с нами очень добры и терпеливы, хотя я без конца вскакивала и бежала в туалет: меня беспрестанно рвало. Я боялась, что они примут меня за истеричку и не позволят остаться с детьми.

К шести утра стали появляться люди в домашних халатах. Это были родственники пациентов – матери, братья и сестры. Они ночевали в спальнях, оборудованных на втором этаже, чтобы быть ближе к больным детям. Прекрасная больница! В семь часов, после обхода медсестер с градусниками, началось празднование Рождества. Шарлотта проснулась веселая, хоть и с забинтованной головой и заплывшим глазом. Она открыла свои подарки; медсестры принесли ей еще. Кейт проснулась позже. Она проспала всю ночь, но чувствовала себя плохо, и ее состояние ухудшалось с каждым часом. Медсестры сказали, что это последствия шока. Так продолжалось целый день. К вечеру у

Шарлотты снова началась рвота. Ее всю трясло, и она стонала.

10 часов. Би забрала своих детей, которые уже пришли в себя. Мне врач сказал, что пока не может выписать Кейт и Шарлотту, потому что они все еще в состоянии шока. Надо позвонить маме, чтобы она знала, что сказать Сержу, если он позвонит из Парижа. На Олд-Чёрч-стрит[184] всю ночь никто не брал трубку; то же самое повторилось утром. Я решила позвонить Жаклин. Она сообразит, что делать. Звонить Сержу я не хотела, чтобы не пугать его. Лучше, если с ним свяжется она и объяснит, что произошла небольшая авария, но ничего страшного не случилось, и даст ему номер приемного покоя больницы. Тогда он сможет сам сюда позвонить и поговорить с девочками. Это его успокоит. Так он и сделал. Кейт и Шарлотта сказали ему, что с ними все в порядке. Слава богу, он не видел, как их выворачивало, не видел их лиц.

Около полудня пришли мои мама с папой. Они очень поддержали девочек. Нас навестили Линда с Майком. Они поиграли с Шарлоттой, пока я носила Кейт в туалет, потому что ее опять рвало.

К шести часам вечера им стало получше. Они даже поиграли, перебрасывая друг другу с кровати на кровать белый воздушный шар. Я поговорила с Эндрю. Он выглядел неважно. У него ныли все кости и страшно болела голова. Он рассказал, что скорая и полиция прибыли на место буквально через три минуты после происшествия. Я позвонила маме, папе и Сержу, сказала, что у нас все нормально. Мне стало немного спокойней, и я даже немного поспала. Отец мальчика с соседней кровати угостил меня джин-тоником. Когда девочки уснули, я приняла снотворное.

На следующее утро нас выписали. Я позвонила маме, сказала, что можно ставить в духовку индейку. Отпразднуем Рождество с опозданием на один день. Позвонила Сержу, сообщила, что мы едем домой, и призналась, что Кейт и Шарлотта не отделались просто синяками, но нас уверили, что шрамов у них на лицах не останется. Дети бурно радовались подаркам. Это было чудесное Рождество.

А я теперь знаю, до чего страшно быть матерью.

Январь, Канны, Серж

Мы с Сержем в Каннах. Он получил пять наград. За лучшую песню, за лучший альбом[185], за лучшую роль, за лучшее всё. Сегодня вечером летим частным джетом в Женеву вместе с Даниэлем Филипаччи и его женой. Это лучше, чем трястись ночным поездом. Не знаю почему, возможно, из-за того, что Жак Дуайон не оставляет меня в покое, но меня переполняет чувство,

похожее на нежность, какого я не испытывала уже очень давно.

Я собиралась написать Аве. Мне иногда кажется, что она жива. На работе я поговорила с парнем, который познакомился с ней на съемках одного из фильмов Зиди. Он сказал, что до сих пор не в состоянии поверить в ее смерть. Как будто она куда-то уехала, но обязательно вернется. Хотелось бы мне тоже так думать.

Серж подружился с Жан-Мишелем Жарром, женатым на Шарлотте Рэмплинг. Сегодня они проговорили до шести часов утра. В четыре я ушла спать. Я плохо себя чувствовала: слишком много выпила. Приняла таблетки от болей в желудке, которые мучают меня со времени поездки в Вену. Утром Даниэль Ф. пригласил нас покататься на своей лодке. Мы согласились, несмотря на жуткое похмелье. Ужинать остановились на острове. Я сижу в баре и пью чай. Больше никакого «Черного русского». К этой отраве меня пристрастил Лабэ. Очень вкусно, но больше ни капли!

Ждем героя. Заказали ему апельсиновый сок. Серж спел «Марсельезу» – в оригинальной версии, выбросив вперед руку со сжатым кулаком, один против толпы бывших десантников, которые грозились набить ему морду. При всей своей уязвимости он производил впечатление огромной силы. Из-за происков крайне правых сегодняшний концерт отменили. «Вам вернут деньги. Лично мне никому не надо доказывать, что у меня есть яйца. Поэтому я прошу вас встать и вместе со мной спеть „Марсельезу“». Зрители встали по стойке «смирно» и запели вместе с ним. Серж сделал непристойный жест в сторону своих оппонентов и раскланялся. После этого мы уехали в Брюссель. О поступке Сержа взахлеб рассказывали все газеты и телеканалы. Люди аплодировали его смелости. Он не побоялся выйти на сцену, несмотря на обилие полиции, получившей сообщение о том, что зал заминирован. Его коллеги – ямайские музыканты – не вышли с ним на сцену. Компанию ему составил только Стики[186]. Обстановка в зале была взрывоопасной. Я тряслась от страха. Вдруг выскочит какой-нибудь маньяк и нападет на Сержа? Кто мог знать, сколько психов собралось в огромном концертном зале? Как бы то ни было, наблюдать за противостоянием Сержа и бывших вояк было и страшно, и увлекательно.

Идиоты. Люди слишком боятся себе подобных. Они пытались его шантажировать: «Если попробуешь спеть эту песню, мы тебя убьем». Что это, как не форма индивидуальной цензуры? Нельзя поддаваться таким угрозам, особенно если они исходят от ультраправых расистов. Тем не менее от них просто так не отмахнешься. Сержу позвонил Брассенс и поздравил его с

выступлением. Когда мы были в Страсбурге, Серж позвонил в Париж, узнать, как там дети. Он слышал по радио, что в отеле, где мы остановились, заложили бомбу.

Надо будет перед отлетом дозвониться до детей – на тот случай, если наш самолет взорвется в воздухе.

11 февраля

Сидим в ожидании ужина в баре шикарного ресторана. Мы в Италии, в Кортине, в отеле «Кристалл». Мы думали, что обстановка будет соответствовать названию, но здесь очень холодно и полно американцев. Не то что в маленьких уютных австрийских гостиницах. Серж никуда не выходит, сидит в номере и пишет. Мы с Кейт и Йоттой каждый день катаемся на лыжах. Я жутко боюсь. Сегодня я все утро ныла, что не хочу никуда идти. Но девочки демонстрируют чудеса храбрости. Им никакой страх не ведом.

Ночью я плакала, потому что вспомнила Аву. Вспомнила, что у нас с ней одновременно начинались «дела». Вспомнила, как на съемках фильма Сержа мы пи́сали в пустую бутылку из-под минералки. Про это никто не знает и никогда не узнает. Еще я заплакала на *ski lift*[187], сама не понимаю почему. Просто мне вдруг захотелось вернуться назад. Днем стало немного лучше, и я покаталась с детьми. Кейт была очень внимательна и ждала меня. Потом на них с Шарлоттой напал приступ смеха. Ну и пусть, главное, что им весело. И еще Кейт запустила снежком в инструктора.

14 февраля

Ну вот, нас вышвырнули из отеля. Прелестно! Говорят, больше нет мест. Что касается меня, так я даже рада. Завтра переезжаем. Еще два дня покатаемся на лыжах и поедем в Венецию. Если хватит денег, проведем в Венеции вечер. А у девочек будет возможность лишний день покататься на лыжах.

15 февраля

Вчера мне приснилась Ава. Она лежала в больнице в Англии и выглядела неплохо. Несмотря на мутные окна, я видела, что щеки у нее порозовели. Я вошла к ней в палату. «Ой, это ты?» – спросила она. «Да, ты в Англии». – «А, теперь понятно, – улыбнулась она. – Значит, я больше не в Вене. Но как я здесь очутилась? Не помню, чтобы я переезжала. Наверное, все проспала». Во сне я подумала: как объяснить ей, что она летела в грузовом отсеке, в ящике из-под апельсинов? «Ты прилетела на вертолете», – сказала я и позвала ее мать, которая ждала в

коридоре вместе с ее отцом и Бижу. «Ей лучше», – сказала я им, а сама подумала, что это плохой знак, потому что она точно так же выглядела перед смертью. Проснувшись, я вспомнила, что ее больше нет, но обрадовалась, что видела ее во сне и разговаривала с ней. Очень странное ощущение. Надеюсь, она будет сниться мне часто, веселая и здоровая, как при жизни.

Мы сегодня перебрались в отель «Европа». Встретили нас очень радушно, не то что в предыдущем. Завтра уезжаем в Венецию. Мы с Сержем сняли в банке достаточно денег. Зря я не доверяла банковским картам! Мы с Кейт и Йоттой катались на лыжах без инструктора. Спрашивается, зачем мы заплатили ему 3000 франков, если прекрасно без него обходимся? Дети скакали по трамплинам, как блохи. Поругалась с Кейт, которая карабкалась вверх по склону навстречу другим лыжникам, которые летели вниз на бешеной скорости. Но мы скоро помирились и вместе хохотали над Шарлоттой. Она носится по горам как красный чертенок и вопит на лету. Смотреть на это без смеха невозможно.

13 марта, Джон Б. / Кейт

Не спала всю ночь, волнуюсь из-за Кейт. Судя по всему, Дж. Барри вскоре собирается звонить Кейт из Калифорнии. Габриэль слышала это от Майкла; он уезжает вместе с Джоном и берет с собой Эмму и Люси. Габриэль не может это ему запретить. Что до меня, то при одной мысли о Джоне Барри мне делается дурно. Я знаю, что он строит дьявольские планы и после тринадцати лет полного отсутствия мечтает забрать у меня Кейт. Что ему терять? Прекрасная дочь-подросток, которой он за 12 лет даже открытки на Рождество не прислал. Иногда мне хочется, чтобы Беверли-Хиллз провалился в тартарары. Что, если Кейт выразит желание с ним увидеться? Я ведь не смогу ей помешать. Я должна думать о ней, а не о себе. О, *dear, dear*, развод – это отвратительно. Ты радуешься рождению ребенка, ты его воспитываешь, а потом его с тобой разлучают. Теперь мне всю жизнь придется мучиться из-за Джона. Если я умру, он получит право отобрать Кейт у Сержа и Шарлотты. Габриэль рассуждает о завещаниях, и выглядит все это очень мрачно.

8 апреля, 1 час ночи

Сегодня моей маленькой Кейт исполняется 13 лет. Моей крохе, моей милой любимой Кейт. Она плачет, бедняжка, что ей больше никогда не будет 12. Я зашла к ней в комнату, чтобы поцеловать ее и пожелать ей спокойной ночи, а она вдруг вцепилась в меня, словно прося защиты. Я думала, она

переживает из-за потерянных сережек, но она вдруг прошептала: «Мамочка! Я не хочу, чтобы мне исполнилось тринадцать лет! Я хочу всегда быть твоей маленькой дочкой!» По лицу у нее текли слезы. Я стала ее утешать, говоря, что она всегда останется моей маленькой дочкой – и в 30 лет, и в 60; я целовала ее покрытый испариной лобик. Оказалось, подружка в школе рассказала ей, что в 13 лет девочки «отдаляются» от матери. Кейт испугалась, что буквально с завтрашнего дня ей придется самой отвечать за все, что будет с ней происходить. «На некоторые фильмы в кино не пускают детей до тринадцати лет, – продолжала Кейт. – Значит, и правда все меняется?» Моя бедная любимая малышка! Надеюсь, мне удалось тебя успокоить. Я повторяла ей, что невозможно от кого-то «отдалиться», если ты сам этого не хочешь, и нечего морочить себе голову мыслями о какой-то «ответственности». «Посмотри на Изабель, – говорила я, – ей уже двадцать, а она живет себе и радуется и думать не думает, что должна за что-то отвечать». Люди не меняются за одну ночь, твердила я ей, и завтра ничем не будет отличаться от сегодня; каждый возраст по-своему хорош, потому что привносит в жизнь что-то новое. Не надо бояться. Я просила у нее прощения за то, что не всегда была идеальной матерью: «Для меня ведь это тоже в первый раз». Я заверила ее, что она в любой момент может прийти ко мне, чтобы я ее обняла. И я ее обниму, потому что я ее люблю. Я баюкала ее как маленькую, и вскоре моя милая Кейт перестала дрожать, как перепуганный птенец, и заснула. А я поняла, что и в самом деле ничего не меняется и дети всегда остаются детьми. Мы, взрослые, видя, как растут наши дети, стыдимся нежничать с ними по-прежнему, нам кажется, что это их обидит, но мы ошибаемся. Они все так же нуждаются в нашей ласке, а если не просят нас о ней, то лишь потому, что тоже стесняются. Милая Кейт! Если когда-нибудь у тебя будет 12-летняя дочь, прочти эти строки. Знай, что ты для меня – источник радости и удовольствия. Пусть твоя дочь будет такой же нежной и любящей, какой ты всегда была для меня. И не забывай: ты – мое дитя, и мне все равно, сколько тебе лет. И в 60, и в 100 – если ты почувствуешь, что я тебе нужна, приходи, и я опять, как в детстве, возьму тебя на ручки. А если меня уже не будет в живых, но ты в свои 100 лет захочешь, чтобы я тебя обняла, вспомни эту ночь. И тогда ты поймешь, что я с тобой навсегда. Если тебе станет плохо, я приду тебя утешить, погладить и поцеловать там, где болит. Я не в состоянии видеть, что ты несчастна. Милая Кейт, пожалуйста, не грусти. Поверь, в твоей жизни будет много веселья и радости. Господи, как я тебя люблю.

22 часа

Я в отеле «Интерконтиненталь». Катрин Денёв поет песню Сержа. Мероприятие затянулось, и я решила посидеть в баре со своим дневником – все лучше, чем терпеть приставания телохранителей и выслушивать их идиотские рассуждения о том, какая из звезд нравится им больше. Мне грустно и одиноко. Мне очень грустно. Кажется, я все делаю не так. Все пошло наперекосяк, и виновата в этом только я. Как бы мне хотелось верить, что я не одинока.

Май, вечер субботы

Дома, в Англии, с мамой, папой и Сержем. Ужин прошел весело. Перед сном читала папе Вудхауса, а потом два часа разговаривали с мамой. Удивительно, до чего этот разговор с глазу на глаз меня успокоил. Мы обсудили и ее проблемы, и мои. Папа и Серж во многом похожи друг на друга. Как я люблю свою маму! Мне нравится спать с ней. Она такая теплая и мягкая, как ребенок. На публике мы с ней держимся отстраненно, соблюдая дистанцию, но на самом деле мне хочется одного: прижаться к ней всем телом и убедиться, что она в первую очередь – моя мать. Другой у меня нет, а мне порой так нужно, чтобы она поняла меня и защитила.

Май, среда

Мне очень грустно. Не знаю почему. Может быть, потому, что вчера вечером я в разговоре вспомнила Аву. Печаль охватывает тебя постепенно, к глазам подступают слезы, ночью не можешь заснуть, потому что в голове крутятся самые черные мысли. Это даже не страх, это печаль и одиночество, нечто ужасное и одновременно бесстрастное. Я не в силах отделаться от сожалений. В прошлом ничего не изменишь. Больше я никогда ее не увижу. Может, все обернулось бы иначе, если бы я сразу отправила ее во Францию? Не знаю, может быть, для того, кто уходит, смерть – это еще не конец, но для тех, кто остается, – это конец. Возможно, для того, кто умер, после смерти наступает что-то еще, – во всяком случае, я на это надеюсь. Но для матерей и отцов, для братьев и друзей никакой надежды нет.

Вчера вместе с детьми смотрела небольшой фильм, который мы снимали в Вене, на кладбище, по которому бегали белки. Я хорошо помню это воскресенье четыре месяца назад. Тогда у меня была надежда, что она выкарабкается. А потом начался весь этот кошмар. Не думаю, что когда-нибудь снова буду смотреть в будущее с тогдашним оптимизмом…

Пятница 9 мая, Барышников

Сегодня весь день хожу как в тумане. Причины – перепой и недосып. Вчера вечером ходила на день рождения Армеля Исартеля[188]. Публика собралась потрясающая. Был Миша (а-а-а-а!) Барышников. Веселый, бородатый, и пьет как бочка. Полан-ски (землеройка!) был в прекрасном настроении. Он явился с девицей, похожей на нимфу, и такой же курносой, как он сам; правда, она симпатичнее. Были барон и Райшенбах, который и организовал эту вечеринку в честь Армеля. Мы слишком поздно сообразили, что заняли лучшие места, а сам Райшенбах оказался где-то в углу, чуть ли не на задворках. Но Сержа это ничуть не расстроило, потому что он его не любит.

Я заметила на улице, возле ресторана, вспышки света и решила, что это подъехала скорая. Идиотка! Я не увидела, что в другом конце комнаты, прямо напротив нас, сидит Кристина Онассис – смуглая, сияющая, веселая, – и не узнала ее, пока Миша не сказал мне, кто это. Вскоре к нам присоединился Мик Джаггер. Я уставилась на него, не в силах отвести глаза, – в точности, как Кейт. Короче говоря, никакой скорой не было, просто у дверей ресторана собралась толпа журналистов. Они весь вечер караулили мисс О., терпели голод и холод, готовые накинуться на нее, едва она покажется на улице. Серж в тот вечер записывал песню с поп-группой, поэтому меня на вечеринке опекали Роман и Миша. Роман без конца рассказывал польские анекдоты, активно жестикулируя, и расхаживал по ресторану, размахивая руками. Я еще никогда не видела его в таком состоянии. Может, он это от счастья?

Потом Роман, Миша, Нимфа и я отправились в «Латинский рай». С нашей стороны это выглядело не слишком вежливо, потому что мы смылись, едва успев попробовать «горячее». Но Роман настаивал на том, что ему обязательно надо поговорить с Мишей, который сегодня уезжает в Америку. Мы сели в шикарный «мерседес» Романа и на скорости 100 километров в час понеслись по городу, игнорируя запрещающие знаки и красные светофоры. Я тряслась от страха, тем более что никакой причины так спешить не было – мы же не из-под бомбежки убегали!

Путь от «Ами Луи» до «Латинского рая» занял семь минут. Жан-Мари Ривьер[189] сразу нас узнал. Да иначе и быть не могло. Не успели мы войти, как на нас направили прожектор; вокруг на все лады повторяли имена Полански и Барышникова. Потом я удивительным образом выиграла кролика и заслужила новую порцию яркого света. «Тореадор», выступавший на сцене, бросил мне бычье ухо, которое две секунды спустя подхватил его ассистент. После этого нам принесли огромный торт со свечками

и надписью «С днем рождения!». Торт был картонный, но нас попросили задуть свечки – разумеется, под прицелами фотокамер. Никто из нас не праздновал свой день рождения, но все это представление затеяли ради публики. Реклама прежде всего!

Роман сиял от счастья. Я подозреваю, что он пообещал Жану-Мари, что к 23 часам приведет к нему в заведение всемирно известного танцовщика, то есть Мишу. Вот почему он так гнал машину, подвергая нас смертельному риску. То-то я недоумевала: зачем было умыкать нас с вечеринки Армеля и везти в «Латинский рай». Теперь мне все стало ясно. Но получилось симпатично. Роман и Миша выглядели вполне довольными. Потом мы все же вернулись в «Элизе-Матиньон» выпить еще по стаканчику. Я перебросилась парой слов с Миком Джаггером, который, как обычно, принялся жестоко высмеивать меня за мой безнадежно устаревший британский акцент. Мы танцевали с Мишей. Я безумно боялась наступить на его бесценные ноги – я ведь не бестелесная балетная примадонна. Именно это я шепнула ему на ухо, в третий раз толкнув его в коленку, но он сказал, что предпочел бы, чтобы его партнерши были такими, как я! Деликатный человек. По-моему, он был пьян в стельку, но это совершенно не важно. Никогда не повредит получить комплимент от наклюкавшегося русского, и я от смущения залилась краской. Потом мы с ним оторвались от толпы гостей и уединились на втором этаже для приватного разговора. Но тут появился Серж – на мой взгляд, слишком рано. Смутное желание затащить этого красавчика в ванную комнату только-только начало обретать в моем сознании более или менее определенные формы, как нате вам! Мы всей компанией пошли в «Ла-Кальвадос» – перекусить и выпить шампанского. Было пять утра, и бедный Миша еле стоял на ногах, а из бара ему предстояло идти в класс, к станку. Поэтому мы не стали засиживаться, и к семи утра я вернулась домой, успела поздороваться с девочками и отправилась спать.

* * *

Это вошло у нас в привычку. Серж говорил, что смотреть на девочек по утрам – это все равно что наблюдать за пробуждением птиц. После завтрака девочки уходили, а мы ложились спать. В половине четвертого я просыпалась, быстро собиралась и ехала забирать их из школы.

Не помню, через какое время после этого начались съемки в

Турвиле «Блудной дочери». Впервые мне зачесали назад волосы и одели меня в мужскую рубашку, застегнутую на все пуговицы, и новые джинсы на два размера больше, чем надо. Над моим обликом работала замечательная Мик Шеминаль – художник по костюмам и первая ассистентка Жака. Моего отца играл Мишель Пикколи; ему приклеили усы и надели соломенную шляпу, похожую на ту, которую носил мой отец. Жак заставил его делать вид, что он пишет картины, в действительности написанные моим папой. Работа на площадке была очень напряженной. До того мне никогда не приходилось произносить в кадре так много текста. Жак удивлялся: он искренне верил, что я нарочно так плохо говорю по-французски и делаю так много ошибок. Когда съемки фильма, который я считаю одним из лучших в моей карьере, закончились, мы с Жаком простились на парковке. Это было душераздирающее прощание. Он сказал мне: «Пожалуйста, возвращайся к Сержу, но только если ты будешь с ним счастлива. Я больше не желаю сталкиваться с тобой, мертвецки пьяной, в ночном клубе в четыре часа утра». И я вернулась на улицу Вернёй, к Сержу. Как-то вечером, когда Серж по обыкновению сидел в «Элизе-Матиньоне», я смотрела на кухне телевизор; я точно помню, что шел фильм «Сезар и Розали». Я тогда подумала: «Это про меня! Это про меня!» Серж чувствовал, что что-то происходит, но не знал, что я решила с ним порвать. Каждый вечер он уходил в «Элизе-Матиньон» и пил там до трех-четырех часов утра. Мне кажется, что его превращение в Генсбарра началось после ошеломительного успеха «К оружию, и т. д.». Его приглашали на все телепередачи, и рейтинг каждой тут же взлетал до небес; всех интересовало, как он выскажется по тому или иному поводу. Сейчас все это представляется мне немного инфантильным, но милым, хотя тогда я перестала узнавать в нем человека, которого любила. Возвращаясь под утро, он шел спать не в нашу спальню, а в мою маленькую, и только повторял, что ему не в чем себя упрекнуть.

* * *

Без даты, полночь

Не знаю, что мне делать. У меня такое ощущение, что из-за меня в Серже просыпаются его худшие черты. Я пытаюсь убедить его бросить пить, но понимаю, что мне это не по силам. Теперь я все чаще возвращаюсь домой одна. Он просиживает в барах до утра, и ему все равно, с кем пить. Он потом ничего не помнит, а если рассказать ему, что он вытворял, он отвечает, что это его

жизнь и кто я такая, чтобы донимать его своими нравоучениями. Два дня назад мы страшно поссорились.

Май, 22 часа

Господи! Что вчера было! Я ужинала с Дианой Дюфрен. Мы выкурили косяк и, разумеется, перебрали со спиртным. Вдруг у меня появилось жуткое ощущение, что я нахожусь не здесь, а где-то далеко-далеко. Я смотрела на свои колени, и они надувались у меня на глазах. Я попыталась заговорить, но язык не слушался. Несмотря ни на что, мы потащились в «Элизе-Матиньон» на день рождения к Ростроповичу. У меня кружилась голова. Я села, и мне снова показалось, что стул подо мной проваливается. Ростропович положил мне руку на плечо, но я даже не подняла на него глаз; я не отдавала себе отчета в том, что рядом со мной маэстро. Потом мне стало по-настоящему плохо, очень-очень плохо, я вскочила и бросилась к дверям. Диана, добрая душа, вышла со мной, якобы «подышать». Но и на улице мне не стало лучше. Я поехала домой, и там меня вывернуло наизнанку. Примерно в пять утра я приготовила себе рубленый бифштекс и легла спать, так и не дождавшись Сержа. Он вернулся около восьми и сказал, что я проявила неуважение к Ростроповичу, которого я обожаю, тем, что отказалась с ним сфотографироваться и позорно сбежала. О-хо-хо! Но я не в состоянии соревноваться с Сержем в пьянстве.

Май

Два дня назад в церкви Сен-Жермен прошла поминальная служба в память об Аве. Никто из киношников не явился, хотя я развесила объявления повсюду, во всех студиях вплоть до Эперне. Никто не пожелал потратить час своего времени, чтобы помянуть человека, который на протяжении месяцев делал их счастливыми. Пришли только Ян Ле-Масон и месье Александр. Они оба любили Аву и высоко ценили ее талант. Месье Александр повел себя очень любезно, что невероятно тронуло родителей Авы, которые этого не ожидали. Священник оказался настоящим артистом, но, пожалуй, чуть переигрывал. Он ведь лично не знал Аву, поэтому его пафос выглядел слегка натянутым. Впрочем, до начала службы родители Авы целый час рассказывали ему о своей дочери, так что я не исключаю, что он был вполне искренен. В любом случае это несущественно, главное, что все это было бесконечно далеко от того, что произошло в Вене. Он говорил о Божьем милосердии, а у меня перед глазами стояло ее посиневшее лицо с остановившимся взглядом, морг, кафель туалета и запотевшие от холодной воды трубки под ее телом,

лежавшим на мраморном столе. Все кончено. Гроб, могильные черви – все это не имеет никакого значения, если я больше никогда не увижу ее мягкой ласковой улыбки. В одну секунду все вокруг меня исчезло, осталось только ее восковое лицо, смотревшее на меня с немым упреком. Так что мне было за дело до слов кюре? Если родителям Авы они приносят облегчение, тем лучше, пусть черпают в них утешение, но только я знаю, что это ненадолго, потому что очень скоро тоска вернется и они вспомнят, что больше никогда не смогут ее потрогать. Все, что было ее жизнью, отныне отсечено навсегда. Смерть – это стена, огромная темная стена, дверь в которой исчезает, как только в нее уходит умерший; в этой стене нет окон, нет света, нет надежды на весточку. Жена Бижу, брата Авы, потеряла сознание. Ее отправили домой и вызвали врача. Пришел Ив, и родители Авы, которые едва держались на ногах от горя и усталости, были страшно ему благодарны. Серж проводил нас в ресторан напротив, где мы поужинали, а потом отвез родителей Авы в отель. Они были не в себе и нуждались в отдыхе. Бижу плохо себя чувствовал; служба произвела на него угнетающее впечатление. И он, и Эвелина выглядели неважно, оба мертвенно-бледные. Странно, но меня не покидала мысль, что Ава не обиделась бы на меня за то, что я не плакала. Я хотела, но не могла. У меня в голове все как будто заледенело, церковь, священник – все казалось мне каким-то не таким, хотя я видела, что он старается. Накануне я плакала от бессильной ярости, пока как сумасшедшая носилась по Парижу со своими объявлениями, которые писала в такси и обводила черной рамкой. Я заходила в те места, где мы с ней бывали вместе, понимая, что больше никогда ее здесь не увижу. От горя меня будто скрутило изнутри, я пыталась преодолеть охватившее меня отчаяние и продолжала свою гонку по редакциям газет – *France-Soir, Le Figaro, Le Monde, Matin*, – чтобы успеть опубликовать объявление. Пока я так бегала, у меня было чувство, что я приношу ей какую-то пользу, но потом вновь нахлынуло ощущение пустоты. Этому горю ничем не поможешь. Знаешь, Ава, иногда я тебе завидую – ты стала свободной. Я не так уж часто радуюсь тому, что еще жива, – разве что ради Кейт и Йотты, но теперь я понимаю, каково это – терять любимого человека. Я не могу не задаваться вопросом: кто следующий. Мама? Папа? Серж? Когда зазвонит телефон? Во мне поселилась уверенность, что он зазвонит. Что это только вопрос времени.

28 мая, Дуайон

Вернулась в Париж поездом. Мы с детьми ехали в разных вагонах. Идет дождь. Только что отметили Троицу. Были Кейт со

своими друзьями, Шарлотта и ее подружка Сунита, похожая на больного кролика. Бедняжка, у нее аллергия на лошадей, а что я для них придумала? Верховую прогулку!

Вчера вечером у нас ужинал Ригидель[190], который снова отправляется в кругосветку. Честно говоря, у меня было паршивое настроение, и ужин показался мне невыносимо скучным. Надо было мне тоже пригласить кого-нибудь из своих друзей. Серж на студии, делает запись с Денёв и Депардьё. Днем я с ним разговаривала. Он четыре дня не пьет и от этого страшно подавлен. Абстинентный синдром. Сумеет ли он когда-нибудь преодолеть свою тягу к спиртному? Его пьянство – это мой кошмар. Алкоголь делает его совершенно другим человеком, чужим и страшным. Иногда он говорит, что теперь, когда у него есть все – слава, деньги, популярность, – ему для остроты ощущений не хватает одного: совершить убийство. Раньше он никогда так не говорил. Не представляю себе, чем это все кончится. Мне так плохо, что хочется умереть. Пусть убьет меня. А что? Я так устала от жизни с ее бесконечными трудностями. Мне кажется, что я все делаю неправильно. Я замечаю, что он как будто отодвинул меня в сторону, давая мне понять, что я могу начать все сначала с кем-нибудь другим. Но я не хочу ничего начинать сначала. Лучше умереть. Серж по-своему любит меня, и никакой другой любви я за последние 12 лет не знала. Не думаю, что я понимаю, как можно любить по-другому. Уже слишком поздно. Я чувствую в себе странное и необъяснимое желание быть битой. Только так меня можно наказать за эту судорожную жизнь, не признающую никаких правил. Рано или поздно мне придется за это заплатить, так почему не сейчас? Разве я способна хоть кому-нибудь из живущих на земле объяснить, что со мной происходит? Если бы еще у меня внутри не сидел судья-морализатор! Но он там сидит, и это причиняет мне невыносимую боль. Мне 33 года, скоро я стану старухой, но вот появляется человек, настолько влюбленный в меня, что у меня почти нет сил сопротивляться, до того мне хочется узнать, что же это такое – быть по-настоящему любимой. Я знаю, что никогда не изменюсь. Я точно знаю, что никогда не смогу полюбить другого так же сильно, как я люблю Сержа, – несмотря на всю его спесь и высокомерное равнодушие. Или как раз поэтому?

Два дня назад Серж сказал мне: «Ты – женщина моей жизни». Раньше он никогда и никому такого не говорил. «Ты моя, и я убью любого, кто попробует тебя у меня отнять. Я прощу тебе все твои ошибки, чем бы они ни обернулись. Я – твоя абсолютная любовь. Я – *абсолютная* любовь Джейн». Его слова меня напугали, но в то же время тронули, потому что я знаю, что это правда. Он дразнит

меня Жаком; говорит, что, наверное, в моей жизни настал такой период, когда мне необходимо переспать с другими мужчинами, чтобы почувствовать «страсть». Я ответила: «Нет», и на этом наш разговор кончился. Правда, он добавил, что, если ему что-нибудь станет известно, он советует мне побеспокоиться о своей безопасности. Все это так сложно. Мы попадаем в ловушку, думая, что если человек нас любит, то он готов все нам простить, но это заблуждение. Думать так очень опасно. И потом, нельзя требовать от людей слишком многого, особенно от таких людей, как Серж. Что с нами будет? Что-то будет обязательно. Жак хочет на мне жениться. Он меня не оставляет. Я отвечаю ему: «Я ничего не могу тебе обещать». Или говорю: «Посмотрим. Надо дожить до завтра». Не знаю, что делать. Мне трудно. Я не хочу бросать Сержа и, скорее всего, никогда на это не пойду, если только не пойму, что он меня слишком пугает. Он мне нужен. Необходим. Он так давно наполняет всю мою жизнь. Я все чаще поглядываю на таблетки. Вот способ со всем покончить. Наверное, в конце концов я разочарую Сержа, разочарую своих детей и разочарую самое себя. Но себя я давно потеряла.

Без даты, вероятно в июле

Ненавижу этот фильм. Ненавижу уезжать от Сержа и детей.

Меня не покидает ощущение, что я своими руками разрушаю свою жизнь и жизнь Сержа. Не знаю, до какой степени откровенности я могу с ним дойти. Если сегодня я умру, ему от этого не будет ни жарко ни холодно, но что он будет думать обо мне завтра? А через год? Я хочу с ним поговорить, но, если решусь на это, я его потеряю. Дети меня не поймут и обольют презрением, а я не смогу ничего им объяснить. Пытаюсь представить себе, что со мной будет через 10 лет, и не могу. Настанет день, когда я буду цепляться за Кейт и Шарлотту; в воображении я уже вижу, как они выросли и ушли из дома. Когда это случится? Через пять лет? Однажды и Серж меня покинет, и папа, и у меня не останется воли к жизни… Мне и сегодня жить не хочется. Как мне объяснить другим, что в момент самого глубокого отчаяния я познакомилась с человеком, с которым могла поговорить? Я больше не хотела быть одна. Прошло много дней, и вот снова настал 1959 год, волшебное лето веселья и свободы. Некий парень сажает тебя к себе на велосипед и не желает отпускать. Потом кино «Блудная дочь» заканчивается, и реальность вступает в свои права. Рядом с тобой снова те, кого ты любишь; тоска входит у тебя в привычку, и в то же время ты чувствуешь себя вероломной негодяйкой. Все, что казалось простым, оказывается заблуждением. Тебя охватывает чувство

вины, ты паникуешь, а по ночам сидящий у тебя внутри демон нашептывает тебе: «Это твоя жизнь, и что ты с ней сделала?» Потом вступает голос совести: «Ты поступила очень плохо. Удовольствие – это еще не все, даже мысленное удовольствие. Покайся, и будешь прощена».

Но Бог не знает Сержа. Серж никогда меня не простит. Он от меня уйдет, и на этом моя жизнь кончится. И потом, разве это хорошо – причинять ему такие страдания? Допустим, он узнает, как я мучаюсь. Что это изменит? Способна ли я и дальше терпеть эту боль? А он? Я устала так жить, устала от всех этих сложностей. Если Бог есть, пусть он укажет мне путь или заберет меня к себе. Пусть избавит меня от необходимости принимать решение. Я всегда этого боялась. Не могу думать ни о чем другом, хочу забиться в угол и плакать. Что я ни делаю, выходит только хуже.

26 июля, Крессвей

Что ты мне посоветуешь? Сегодня я совершила переход от холодности и гордого одиночества к унижению. У меня такое впечатление, что я всем мешаю и что мне никогда не избавиться от страха. Серж сказал, что он на грани нервного срыва. Разумеется, по моей вине. Браво! Я не утверждаю, что он сделал это нарочно, но своего он добился. Папа и Серж. Два человека, из-за которых я живу в вечном страхе. Я боюсь за их здоровье, за их жизнь. Надо объяснить, что произошло и почему сегодня мы пришли к тому, к чему пришли. Ровно год назад мы проводили здесь каникулы, и это был ужас. Серж не просыхал и постоянно ссорился с детьми. Ему не нравилось в деревне, и он заливал тоску вином. Не уверена, что это достаточное основание для пьянства. Во всяком случае, мы с каждым днем все больше отдалялись друг от друга. Он пил с Рассамом, пил с кем попало. Если я пыталась увести его из бара домой, он впадал в ярость. Тогда я перестала ходить с ним – я его боялась. На следующее утро он, как обычно, превращался в прежнего милого и доброго Сержа, а вечером кошмар повторялся снова. Он устраивал скандалы на глазах моих родителей, на глазах у детей, однажды вызвал из Парижа такси, но напился и опоздал на шесть часов. У него появилась мания величия. Его фильмы, его диски, его жизнь – только это имело значение. Все остальное должно было застыть и не двигаться, включая меня и детей. За столом он отдавал нам приказы, как себя вести. Он грубо и без причины нападал на Кейт. В нем проснулось мужское превосходство и тяга всеми командовать: «Я так сказал, и точка». Он не видел, что девочки растут и многое понимают. Если я пыталась возмущаться, то

получала по полной программе: да я больная, да я сама изменилась до неузнаваемости, да я вообще – пустое место.

И вот в один прекрасный день я повстречала человека, которому я была интересна. Он был моим отражением, волшебным зеркалом, в котором я видела себя похорошевшей. Он меня смешил – или это я смешила его? Этот сдержанный человек оказался способен на такую нежность, такую доброту, такую преданность… Я и не подозревала, что так бывает. Он в меня влюбился. Я его отвергла, хотя чувствовала себя польщенной. Я продолжала его отталкивать, но все менее решительно, пока не осознала, что больше не могу без него обходиться. Мы проводили время втроем. Я веселилась: пусть Серж напивается, если ему так хочется, у меня теперь есть другой спутник, у меня есть друг – мой друг и больше ничей. Вместо того чтобы отключаться в компании «ночных» собутыльников Сержа, я стала от них уходить. Меня все больше влекло к моему другу. Если раньше это он искал встреч со мной, то теперь и мне не терпелось с ним увидеться. Мы ни от кого не прятались – с какой стати? – ведь я собиралась сниматься в его картине. Серж сам предлагал мне уйти с очередной вечеринки пораньше, даже взять его машину. Потом я уехала в Вену. Еще до отъезда мой друг засыпал меня письмами. Я попросила его больше мне не писать, потому что чувствовала, что ситуация выходит из-под контроля. Мне нужно было время все обдумать. Он предлагал мне разделить с ним жизнь. Но я боялась и не знала, что делать. Итак, я еду в Вену; он ужинает в Париже с Сержем; Серж мне звонит и выпытывает по телефону, было ли у меня с ним «что-нибудь». Я отвечаю, что нет, и обещаю, что больше не буду ему писать и звонить. Потом заболела Ава. С того дня все мои мысли были заняты только ею, и я правда больше ему не звонила – как и он мне. Моей единственной заботой стала Ава. А потом она умерла. Жак узнал об этом от Сержа и позвонил выразить мне соболезнования. Вот и все. Смерть – повсюду, во всем. После всего, на что я насмотрелась, мне было плохо как никогда. Горе утраты, тоска по ней, жалость к ее родителям… У меня было чувство, что вместе с Авой из меня тоже ушла жизнь. Югославия[191], одиночество, запах смерти, страх перед моргами… Я кого угодно пустила бы к себе в спальню, лишь бы не быть одной. Меня терзали запоздалые сомнения: что я сделала не так и чего не сделала, чтобы спасти ее от смерти? Может, это я виновата, что она умерла в венской больнице? Я вернулась в Париж. Серж выступал в Палэ – грандиозный успех! Вернулся и Жак. Серж пригласил его, чтобы немного поднять мне настроение, к тому же мы продолжали вместе работать над фильмом. Потом я уехала в Лондон, и там

Кейт с Шарлоттой попали в аварию. Для меня настала беспросветная тьма, которая не рассеялась и после возвращения из Лондона. Я не общалась ни с кем, кроме Сержа, а он пил и говорил только о себе. Он даже не приехал в Лондон, хотя мог добраться туда за какой-нибудь час. В Вену он тоже не приезжал. Я затаила на него злость, но держала ее в себе. От одиночества я стала скрытной. У меня появился еще один секрет – Ж. Мы с ним увиделись, фильм запустился, и я все больше дорожила Жаком. Я так долго жила в тени Сержа, а этот человек любил меня уже полгода и ни разу не попытался злоупотребить моим доверием. Мне было стыдно. Я чувствовала себя обманщицей. Имею ли я право давать ему надежду? Или я и так уже внушила ему пустые мечты? Я виновата перед ним – я увлекла его за собой на скользкую дорожку. Он теперь тоже страдает. Серж устраивает мне публичные скандалы в «Элизе-Матиньоне», но на сей раз все обстоит еще хуже, потому что я ему уже изменила. Мне стыдно и страшно. Я не хочу его обманывать, но я не смогла устоять. Я понимаю, что обратного хода нет. Он хочет от меня все больше, а я даю ему так мало. Я не хочу потерять Сержа; я делюсь с ним своими страхами; ему плохо и становится все хуже. Его номинировали на премию «Сезар», и мы пошли в «Элизе-Матиньон». Меня пригласил потанцевать Кински, и теперь уже Жак устроил мне сцену ревности. Я ему не перезвонила, и он впал в депрессию. Так прошла неделя. Я захотела его увидеть, но он сказал, что больше так продолжаться не может. Я ничего не ответила. Съемки обернутся кошмаром, поняла я и отказалась от участия в фильме. Все кончено, я уезжаю. Два месяца муки. Серж без конца на меня нападает. Я отвергла Жака, и все, что я получила взамен, – это оскорбления в присутствии дочерей и новые скандалы. Он распускает руки. Я опять погружаюсь во мрак. Мне хочется одного – заснуть и ни о чем не думать. Жак уехал в Южную Америку. Мы с Сержем пошли в бар. Он напился, и я тоже. Я никогда не была так одинока, и никогда моя жизнь не казалась мне такой унылой. Чего я добилась? Я глубоко несчастна. Три месяца спустя, когда мы были в Нормандии, позвонил Жак, вернее говоря, его агент. «Подумай хорошенько, прежде чем отвечать, – сказал он. – Жак хочет знать, готова ли ты работать над фильмом как профессионал?» Я поговорила с Сержем и ответила: «Да». Снова мы увиделись в отеле «Норманди». Это было счастье! И все началось сначала, плюс съемки фильма. Все два месяца я старалась изо всех сил. И вдруг поздно вечером Сержу кто-то позвонил: «Ты в курсе насчет Джейн и Жака?» Я вернулась в Париж, и между нами состоялся тяжелый разговор, правда, на этот раз без рукоприкладства. Серж держался

достойно и выглядел по-настоящему несчастным. Я поняла, что он и в самом деле ко мне привязан. Но было уже слишком поздно. Теперь он со мной почти не разговаривает и только смотрит взглядом, полным упреков. Я хочу от него уйти. Избавиться от чувства стыда. Мне надоело вечно стыдиться. Его горестный вид меня обезоруживает; я опасаюсь за его здоровье; теперь я знаю, что он меня любит. Жак тоже страдает. Он сказал, что хочет на мне жениться, хочет меня похитить, и я ему верю, но сама шарахаюсь из стороны в сторону, не понимая, как себя вести. Шесть часов назад я сказала себе: «Черт, я хочу жить в доме, залитом солнечным светом; хочу, чтобы дети играли в саду; чтобы больше не было никаких запретов; чтобы больше никто не смел мной командовать. Я буду жить одна и говорить вслух все, что думаю. Мне 33 года. Я имею право жить как хочу, никому не подчиняясь, никого не боясь, ничего не стыдясь. Серж никогда на это не пойдет. Он не позволит мне жить в его доме и не слушаться его приказов. Он опять будет орать на детей за столом, будет устанавливать свои правила, мало того – я окажусь во всем виноватой; он будет говорить, что пьет из-за меня. Он меня раздавит. Что мне делать? Я причиняю ему боль, но что мне делать? Дети все замечают, и они его любят. Почему мы не можем поступать так, как нам нравится, не причиняя зла другим? Я никогда не была свободной, и я понятия не имею, каково это.

* * *

Во время записи с Жюльеном Клерком Серж, как всегда, заказал для всех шампанское. Там был его агент, Бертран де Лабэ. Я взяла свою корзину и вышла из студии. Остановила такси и попросила отвезти меня в отель «Пон-Руайаль». Он был переполнен из-за Салона кожи, и мне предложили номер в отеле «Норманди» на другом берегу Сены. Оттуда я позвонила де Лабэ и попросила передать Сержу, чтобы он не волновался и что со мной все в порядке. Затем я начала листать телефонный справочник и искать Дуайонов. На первый же звонок трубку сняла какая-то женщина. Я спросила, знает ли она Жака, и она ответила, что это ее сын. Я спросила, где он сейчас, и услышала, что он спит рядом с ней… В тот день, когда Серж записывал диск с Жюльеном Клерком, мои девочки находились в Ирландии, с моей сестрой. По их возвращении мы поселились в отеле «Хилтон», что стало для них первым сюрпризом. Серж не хотел, чтобы мы с детьми жили в двухзвездочной гостинице, где нас постоянно подкарауливали бы репортеры. Мы безвылазно сидели

у себя в номере, выбираясь только в школу, куда я возила их на «порше», подаренном мне Сержем за несколько месяцев до того. Мне казалось, он все понял и только ждал, когда я сведу счеты с жизнью. Этот мотив прослеживается в его песне *«Charlotte for Ever»*[192]. Он заходил к нам в «Хилтон», в совершенно расхристанном виде. В то время Катрин Денёв уже снялась в фильме «Я вас люблю» с Трентиньяном, Депардьё, Сушоном и Генсбуром. Возможно, как раз тогда она со свойственными ей невероятной мягкостью и тактом и взяла на себя заботу о Серже. Она его спасла. В самый разгар нашего горестного расставания они вместе записали песню «Бог курит гаванские сигары». Я навсегда сохраню к ней и к ее доброте бесконечную признательность.

* * *

15 сентября, выбор

Дорогой любимый Манки!

Мы с девочками в отеле «Хилтон». Впервые в своей жизни я пишу тебе, не понимая, что сейчас происходит и что произойдет завтра. Шарлотта и Кейт спят на большой кровати, а я устроилась на раскладушке, потому что Кейт брыкается во сне. Только что от нас ушел Серж. Не могу сказать, что меня угнетает чувство одиночества – я ведь не одна, а с детьми. Серж воспринимает все происходящее как кошмар. Я смотрю на него как на бесценное существо, которое я своими руками искалечила, потому что это я во всем виновата. Я смотрю на него, но не шевелюсь и не дотрагиваюсь до него. Бедный Серж, за эти двенадцать лет он так и не научился кусаться, все, на что он способен, – это словесный отпор, но тут уж он старается как может. Поначалу он делал вид, что ему все равно, но сейчас я знаю, что это не так. К сожалению, уже слишком поздно. Что я хотела доказать, когда ушла из дома? Что я тоже живой человек? Я первая от него отвернулась, но я его не осуждаю. Я не могу держать на него зла, потому что понимаю, как сильно ущемила его гордость. Наверное, он больше никогда не сможет любить меня как прежде, да и я сама больше не та, что была прежде. Я отказалась от его всеподавляющей любви, от его власти, от его превосходства. Я хочу знать, что такое моя собственная жизнь. Я должна это узнать.

Ну вот, Манки, теперь я все тебе рассказала. Изложила все свои нравоучительные взгляды. Описала невыносимую жизнь с Сержем, его пьянство, его эгоизм, его стремление превратить меня в послушную марионетку. Сейчас я нанесла ему глубокую

рану; думаю, наша жизнь уже никогда не будет прежней. Жаку тоже плохо, он тоже хочет разделить со мной жизнь. Оба они меня любят, и я между ними – словно книга, зажатая в подставке. Убери одну часть – и я упаду; убери обе – я тоже упаду. Вот к чему я пришла. К упорному желанию жить своей жизнью, без опоры ни на одного из них. Господи, помоги мне! Хотя с какой стати ему мне помогать? И в чем помогать? Перестать ощущать свою вину? Не утратить навсегда любовь Сержа? Смягчить страдания Ж.? Что за *rubbish*[193]! Они оба несчастны, и все это из-за меня.

Слава богу, есть такая вещь, как сон. Я могу заснуть и видеть сны, как король-трус Ричард II. Теперь мне ясно, почему он всегда так мне нравился, надменный и одинокий король-неудачник.

1981

8 апреля, каникулы в Дакаре

День рождения Кейт! Мы ехали в красном микроавтобусе. За рулем сидел Жак. Вдруг впереди блеснула река. Какой-то прохожий указал нам путь до заповедника и объяснил, где спрятаться, чтобы посмотреть на крокодилов. Ни одного крокодила мы так и не увидели! Потом пошли к буйволам – ни одного буйвола на горизонте! Зато побывали в прекрасном лесу, похожем на декорации к фильму про Тарзана, и наблюдали за обезьянами, которые скакали с ветки на ветку. Пять часов пути – и мы в турагентстве *Club Med*. Купили Кейт майку с бахромой, серебряный пояс и бикини, а мне – крем от солнца. Я сожгла ноги и теперь не в состоянии ими пошевелить. Первый день здесь обернулся катастрофой, и ближайшую неделю мне нельзя даже показываться на солнце.

Вечеринка в честь дня рождения Кейт. Мне удалось пригласить африканских певцов. Я заплатила сто франков танцорам в перьях, чтобы они отнесли Кейт в хижину, но она не захотела. Шарлотте вплели в волосы перья, и она играла на тамтаме. Были огнеглотатели, и народная музыка, и вообще получилось очень здорово. Кейт выглядела настоящей красавицей: Шарлотта подарила ей губную помаду и серебристые тени для век, а Жак – духи *Joy*. Несмотря на боль в обожженных ногах, спала я хорошо.

9 апреля

Пасмурно. Висит туман. Но это к лучшему, потому что мы все – свекольного цвета, готовые пациенты ожогового отделения. Ходили в *Club Med* за открытками и по пути видели зеленого попугая и голых мужчин на пляже. Волнующая картина! Шарлотта с Жаком играют в петанк, а я пишу. Настроение у меня неважное; видела в газете фотографию Сержа. Он на ней – само обаяние. Покурить бы. Уже три дня сижу без сигарет.

Кейт и Лола ушли купаться. Мне нельзя – на ногах такие ожоги, что я еле двигаюсь. Небо серого цвета. Надо пойти прогуляться, попробовать очистить свое сердце от паутины.

Газетная фотография Сержа навела меня на мрачные мысли. Почему нам нельзя было жить втроем? Милый Серж… И Жак, который сейчас вместе с детьми охотится на крабов. Он мне тоже нужен, но… За последние 13 лет я ни разу не проводила каникулы без Сержа. Разумеется, это странно, но мне его не хватает, хотя осуществилась моя мечта: я в Африке, вокруг

земляные хижины, со мной дети, Жак и его любовь; мы гуляем вдоль берега моря, взявшись за руки. Но где сейчас Серж? Может, сидит в каком-нибудь баре? Дегустирует местные коктейли и ждет нас? Нет, его здесь нет. В баре пусто, и никто никогда не сумеет занять его место.

Жак заходит в море против прибоя. Он похож на индейскую женщину, высокий и смуглый. Я помахала ему рукой; он помахал мне в ответ. Я знаю, что сейчас он подойдет ко мне. И правда, он уже идет по берегу, слегка покачивая бедрами – апач с походкой юной девушки. Хорошо бы мне было 12 лет, и мы с ним сегодня познакомились. Или 14, как Кейт, и он стал бы моей первой любовью, может быть, не единственной, но первой. Хотелось бы мне стать девчонкой-подростком и влюбиться в него. Только, боюсь, он не обратил бы на меня внимания. Интересно, он бросит меня, когда мне стукнет сорок? Полагаю, что да. Он для меня слишком молод, а я для него слишком стара.

Щиколотки у меня как диванные валики – красные и опухшие. Кажется, еще чуть-чуть, и кожа на них лопнет. Выглядит не очень-то соблазнительно.

10 апреля

Проснулась рано. Лола[194] орала как резаная – ее укусил гигантский муравей. Шарлотта дулась, потому что я не побежала по первому зову качать ее в гамаке. Только Кейт была в хорошем настроении. Колени у меня густо-фиолетового цвета и все в каких-то пятнах. Настоящий ожог! Мы наняли пирогу вместе с парнем с урановой шахты. Мне показалось, что совесть у него нечиста. Он без конца болтал, обращаясь к Кейт. Подозреваю, он имел какое-то отношение к водородной бомбе… Его зовут Жан-Ми, жена у него блондинка, и он ходит в шортах. Я представила себе, как на сафари он выскакивает из джипа, чтобы сфотографировать тигра, а жена кричит ему из машины: «Осторожнее, Жан-Ми!» А он отвечает: «Черт, у меня пленка кончилась!» Короче говоря, мы кое-как разместились в четырехместной плоскодонной лодке. Жан-Ми пытался снять пролетавшую мимо экзотическую птицу, но не успел. Наш чернокожий провожатый, сидевший на веслах, смотрел на нас с бесконечным терпением. Нам показалось, что рядом плывет крокодил, и мы дружно заорали. Наконец мы причалили к острову, на котором женщины добывали соль из глины. Все – сплошь красавицы, не старше двадцати лет, и у каждой за спиной или на груди привязан младенец. Работают по пояс голые. Ни одного мужчины в поле зрения, только эти девочки с грудными детьми… Провожатый объяснил нам, как делают вино из сахара,

содержащегося в коре деревьев. И правда, на стволах вокруг висели бутылки из-под минералки. Жак-Ми и его спутница ничего не поняли, и тогда нам показали, как кто-нибудь садится под деревом, надев на талию обруч, и по каплям собирает смолу… Мы с детьми рассмеялись, очевидно, не выдержали нервы… Жан-Ми со своей мадам растоптали муравейник, и оттуда врассыпную бросились сотни разъяренных муравьев, похожих на уховерток. Но это были термиты! Мы вернулись в лодку. Господи, я что угодно готова отдать за сигарету!

11 апреля

Провели день на пляже. Я замоталась в купальные полотенца, но девчонки не вылезали из воды. Много снимались. Кейт делает отличные высокохудожественные фото.

15 апреля

В самолете. Летим в Париж. У меня на коленях – обугленная Шарлотта. В последний день на мысу Скирринг встретили на пляже Жан-Пьера Сабара с женой и дочерью. Мы пригласили их на обед в наш отель, а ужинать отправились в тот, где остановились они, это в часе ходьбы. Отлично прогулялись! Шарлотта, Лола и Жак. Кейт, разумеется, ушла вперед с новой подругой, дочкой Сабара, которой 13 лет. Отель у них шикарнее нашего, но официанты не такие внимательные. Высший класс, не то что наше скромное, но уютное гнездышко. Как бы то ни было, хорошо провели время в прекрасной компании!

16 апреля, улица Тур

Я купила дом и продала свой *чудный подарок.*

Чувствую себя негодяйкой. Как я могла продать такую красоту, подарок Сержа, преподнесенный мне с любовью и пожеланием счастливой жизни вдали от него. Мысль о том, что я продаю его, чтобы купить себе независимость, даже не пришла ему в голову. Он счел бы ее ужасной и непристойной. Когда он подарил мне эту роскошную машину – обивка из натуральной красной кожи, откидывающийся верх, – он думал, что осуществил мою мечту, а я боялась, что он хочет моей смерти. Он уже тогда кое о чем догадывался. Я приняла подарок, чтобы с помощью этой дорогой игрушки испытать судьбу. И вот теперь я ее продала. Мне следовало сохранить ее навсегда, даже если бы я осталась без гроша. Я поступила как человек разумный и мелкий; он – как безрассудный и великий.

9 мая, «Зло под солнцем»

Я на Майорке, на съемках фильма «Зло под солнцем».

Какое счастье снова оказаться среди друзей! Снова встретиться с Мэгги Смит! Я сама не своя. Энтони Пауэлл, Барри Мелроуз – я не забыла, как они опекали меня в Египте. Какое удовольствие видеть их всех! Питер Устинов ничуть не изменился. Есть и новенькие, например Родди Макдауэлл. Он рассказывает потрясающие истории из жизни Чаплина и Мэри Пикфорд, а также Бастера Китона. Это очень грустные истории. Завтра приезжает Джеймс Мейсон.

Мне страшно не хватает Сержа. В последние дни я совсем не спала, но снотворных не принимаю. Если у меня будет ребенок, зачем его травить? Я очень устала, а жара усиливается с каждым днем. Как там Серж? Все ли у него в порядке? Мне хочется с ним повидаться и поговорить. Я спросила Жака, понимает ли он, что, случись что-нибудь с Сержем, я не смогу с ним оставаться. Я никогда не избавлюсь от невыносимого чувства вины, даже если узнаю, что он просто болен. «Ты что же, полагаешь, что я совсем о нем не думаю?» – ответил Жак. Почему-то я никогда не задавалась вопросом, а как он себя чувствует. Я уделяю ему слишком мало внимания, все мои мысли заняты Сержем и собой. Как будто на свете нет ничего, что могло бы изменить наши чувства друг к другу. Без конца пытаюсь представить себе, что с нами будет. Я знаю одно: я люблю его всем сердцем, но не могу сказать ему об этом, не обидев Жака. Жак удивился, когда я призналась ему, что предпочла бы умереть, а не продолжать жить. «Даже теперь?» – спросил он, и я ответила: «Да». Но это означает, сказал он, что я не особенно дорожу не только им, но и детьми. Я попыталась объяснить, что это не так и что я ничего не имею против него и детей, но, кажется, он обиделся. Короче говоря, лучше мне об этом помалкивать[195], чтобы не причинять лишней боли тем, кому я ее уже причинила.

Все это очень странно. Ты уходишь от человека, потому что тебе невыносимо сознавать, что ты ему изменила и закрутила роман с другим. Тебе говорят, что ты об этом еще пожалеешь, потому что тот, другой, никогда не будет любить тебя, как первый, и скоро бросит; но этот самый другой тебя любит, нуждается в тебе, и вы решаете жить вместе. Это похоже на бегство из дома. Так проходит год, и постепенно тебе начинает не хватать его лица, его манеры говорить, ты прощаешь ему все его дурные поступки и вспоминаешь только хорошие, мало того, ты задумываешься, почему ты от него ушла. Истинные причины забываются, ты смотришь на тогдашнюю невыносимую ситуацию словно со стороны и чувствуешь, что снова стоишь перед выбором. Я не могла принять другое решение. Я сбежала без

предупреждения. Я устала бояться и стыдиться, мне хотелось быть с кем-то другим. Я была вынуждена уйти: пока Серж был рядом, его присутствие лишало меня способности здраво рассуждать. И вот теперь, когда я с Жаком, я могу все обдумать. Я люблю их обоих. Так бывает. Именно это я чувствую. Если б только можно было жить втроем! Увы. Я тоскую по Сержу. Год назад он тоже тосковал по мне, но сейчас привык, что меня нет. Во всяком случае, я на это надеюсь.

Надо постараться заснуть. Уже три часа ночи, а съемки начинаются в 8. Завтра вечером наконец приезжают дети!

15 июня

Как же мне хреново. Мне слишком не хватает Сержа. Я все хуже обращаюсь с Жаком. В субботу я видела в Париже Сержа, и с тех пор только о нем и думаю. Вот к чему мы пришли через год после расставания. Я сама сделала этот выбор, все это – моих рук дело, но мне не хватает его лица. Я не желаю посещать те места, в которых мы бывали с Сержем. Я стараюсь делать то, что должно понравиться Жаку, а когда он реагирует не так, как Серж, это меня огорчает.

Я не выношу, когда мне говорят, что я должна и чего не должна делать, в том числе в отношении детей. Вчера, например, Жак сказал, чтобы я выбросила старые кроссовки и купила себе точно такие же новые, и я жутко разозлилась. Меня бесит, когда мне противоречат. Я начинаю орать, что с меня хватит, что я не позволю обращаться с собой как с девятилетней девочкой, что мне 34 года и я не нуждаюсь ни в чьих советах. Джон, Серж, Жак… Каждый из них критиковал мой образ жизни и пытался перестроить его в соответствии с собственными представлениями. Если я говорю, что еду в Лондон с девочками и хочу, чтобы они пригласили с собой своих друзей, Жак возражает: «Лучше, если они проведут это время с тобой. Зачем тебе с кем-то делиться?» Он говорит так не со злости, но меня это выводит из себя; я – их мать, и я хочу, чтобы они взяли с собой друзей, потому что знаю, что это доставит им удовольствие. Серж привык, что все мои родственники и друзья говорят по-английски. Жак в этом смысле гораздо менее терпим, и вчера вечером я готовила ужин в гробовом молчании. Я не нахожу ничего хорошего в том, что занимаюсь тем же, чем занималась на улице Вернёй. Может, мне было бы лучше одной? Я не выношу, когда мне указывают на мои заблуждения; я убеждена, что я всегда права. Если уж кто-то должен мной командовать, я предпочитаю, чтобы это был Серж, а не кто-то другой. Я знаю, что поступаю неправильно, слишком часто интересуясь чужим мнением. Иногда я делаю это, потому

что мне правда важно его услышать, а иногда – чтобы сделать человеку приятное, чтобы он почувствовал собственную значимость. Но постепенно люди к этому привыкают и начинают предлагать свою точку зрения, хотя их никто об этом не просит.

Сейчас я поняла, в чем состоит магия Сержа. Она – в его недостатках. Он – эгоист, ревнивец, у него властный характер, но при этом он – веселый человек. Он очень добрый. Даже глупости, которые он делает, всегда изобретательны и оригинальны. Второго такого нет. Его лицо хулиганистого мальчишки, его бесконтрольное пьянство, его сумасшедшее обаяние… Он – самый человечный, самый проницательный, самый открытый, самый сентиментальный. Он сентиментальнее и красивее даже… не знаю кого. На свете не так много мужчин, которых интересует, что думает женщина. Сержа вообще интересует только сам Серж, но он хотя бы этого не скрывает. Он честный человек и никогда не изображает чувства, которых не испытывает. Как мне хочется снова побыть с ним, пусть всего один день, в самый лучший период нашей жизни, когда я верила, что он со мной навсегда. Неужели это было?

31 августа

Мой дорогой!

Сейчас три часа ночи, и мне очень-очень плохо. Меня грызет жуткая, непереносимая боль, вызванная, как я догадываюсь, чувством вины. Скажи, за все эти годы ты хоть раз мог вообразить, что настанет такая ночь? Раньше я испытывала только вечную жалость. Помню, что в конце я ощущала себя мученицей, и думаю, что эта боль, похожая на редкостное наслаждение, не покидала меня на протяжении долгих лет, пока ты не исцелил ее своей любовью. Сегодняшняя моя боль совсем другая. Это боль человека, причинившего зло другому человеку, и бессмысленно напоминать мне, что у меня были на то причины. Кто теперь разберется, веские они были или нет? Мой враг – моя совесть. Я хочу, чтобы меня простили, потому что сегодня я была счастлива, по-настоящему счастлива. День закончился. Я отработала очень хорошо и осталась собой довольна. Рядом был Жак, и я им гордилась. Рядом была Шарлотта, и ею я тоже гордилась. Мы пошли домой. Я легла с ним в постель, мы любили друг друга, и я была счастлива. Я была счастлива без тебя. Я почитала книгу, а потом ты вернулся.

В моих снах ты никогда от меня не уходил, Серж. Мне хочется позвонить тебе или написать тебе письмо. Мне хочется, чтобы ты обнял меня, как отец. Мне хочется услышать от тебя: «Я – твой друг. Я всегда буду тебя любить. Не думай, что ты меня

обидела, потому что я знаю, что ты меня любишь. А сейчас иди спать». Ты ведь знаешь, Серж, что я тебя люблю? Как рассказать тебе о моей любви? Она такая же огромная, необъятная и сильная, как моя любовь к папе, а ты знаешь, как я его люблю, как мне без него плохо. От одной мысли, что его не станет, меня охватывает ужас. Ты можешь любить других женщин, можешь даже жениться, я не ревнива. Но я хочу, чтобы ты со мной поговорил, чтобы я снова могла перед тобой открыться. Сейчас я разговариваю сама с собой, воображая, что ты меня слышишь. Весь этот год я верила, что ты меня слышишь, потому что ты был в моем сердце. Я поддерживала тебя, утешала тебя, хоть ты об этом и не догадывался.

Неужели ты настолько плохо меня знаешь, что поверил, будто я захотела от тебя избавиться? Ты наизусть знаешь все мои мысли – ведь ты сам их сформировал. Одного ты не знал. А я ничего не могла тебе сказать, потому что на тебя было жалко смотреть. Я чувствовала себя такой жестокой… Мадам Азан сказала мне: «Если он тебя увидит, с твоей стороны это будет еще большей жестокостью». Я звонила тебе, но болтала о пустяках. Я не могла сказать тебе, что я тебя люблю. Но? Нет никаких но. Моя жизнь – это история любви к тебе, *my darling.* Любить – не значит спать в одной постели; любовь – это нечто большее, и такой любовью я тебя люблю. Ты – моя вечная любовь, даже если я говорю о ней так неуклюже. Стоит мне тебя увидеть, передо мной все плывет. Я чувствую себя виноватой и злюсь из-за того, что больше не могу тебя обнять. Отныне мне запрещено тебя обнимать. С моими привилегиями покончено. Теперь я должна стучаться, прежде чем войти в твою дверь. И в твое сердце.

Исцелит ли время раны, которые я тебе нанесла? Поймешь ли ты, что твое место в моем сердце никогда не будет занято никем другим? Настанет ли день, когда ты придешь ко мне на чашку чая и мы с тобой вместе над чем-нибудь посмеемся? Ты – часть меня, совершенно отдельная часть, и навсегда ею останешься. Для меня мука не видеть тебя, не иметь возможности с тобой поговорить. Но даже если это мне удается, все наши разговоры сводятся к пошлой истории про «измену» и унижение. Я пыталась вернуть нашу физическую близость, но я слишком долго отсутствовала, и даже одна-единственная ночь оказалась бы лишней. Отныне для тебя все по-другому, но я-то осталась прежней. Я прошу тебя не вычеркивать меня из своей жизни. Сейчас ты думаешь, что это невозможно, но это не так. Если ты преодолеешь свою боль, сможешь ли ты снова подать мне руку и позволить мне жить с высоко поднятой головой? Жизнь слишком коротка, и порой меня охватывает страх, что я умру раньше, чем ты осознаешь всю

необъятность моей любви.

Все это звучит немного двусмысленно, потому что сейчас я с Жаком. Жизнь продолжается. Но скажи, есть ли шанс, что когда-нибудь я стану для тебя кем-то особенным? Сможешь ли ты сказать: «Да, но Джейн не такая, она не похожа ни на кого другого». Любая банальность лучше, чем ледяной тон в телефонном разговоре. Если среди ночи тебе станет плохо, придешь ли ты ко мне под дождем? Я брошусь тебе открывать, чтобы смыть с тебя всю накопленную горечь. Знай, что я всегда приду на твой зов. Наверное, я требую слишком многого, а потому не жду ответа. Не сейчас. В последний раз меня обуяла такая злость, что я наговорила тебе кучу несправедливых и глупых вещей, в глубине души надеясь, что ты поймешь, что они продиктованы тем, с каким презрением ты на меня смотрел. Сколько раз в такие ночи, как сегодняшняя, я плакала, мечтая, что ты меня простишь. Я не жду, что ты примешь меня обратно, нет, я хочу, чтобы ты любил меня на каком-то другом уровне, неважно на каком, главное, чтобы прекратились страдания, разделяющие нас. Я прошу тебя о дружбе. Мы никогда не были друзьями, но ты стал частью моей жизни.

Я пыталась сказать тебе об этом в письмах с Майорки. Мадам Азан сказала мне: «Ты не знаешь, как он страдал, ты даже не представляешь себе, как он пережил то, что его *бросили*. А ты ему даже не позвонила». Но я ведь знала, что одно упоминание моего имени причиняло тебе боль, не говоря уже о созерцании моего лица. Какое «добро» я могла тебе принести? И я решила не звонить тебе, исчезнуть с твоего горизонта, как будто я умерла. Ты видел одно: что я немедленно переехала к Жаку. Я зашла слишком далеко. Я пыталась вспомнить все, что произошло за этот год, и тут до меня дошло, что ты был в больнице, а я думала только о себе. Нет страшнее муки, чем знать, что ты – источник страданий другого человека. Нечто подобное со мной сейчас и происходит. Я не могу говорить об этом со своими друзьями. Что я им скажу? Что я дрянь? А они мне ответят: «Да он тоже дрянь, только он-то выкарабкается».

Ты должен выкарабкаться, Серж. Чтобы в один прекрасный день в тебе тоже проснулась другая любовь ко мне. Постарайся меня понять. Сегодня вечером моя печаль сменилась стыдом. После того как я от тебя ушла, до поездки на Корсику, я вела себя нахально и даже нагло. Ты тоже, но, в отличие от меня, ты имел на это право. Мои ночи – это сплошной кошмар. Меня преследует ужас, что ты больше не уважаешь меня как человека. Я сделала слишком много гадостей; лгала тебе – пусть не в открытую, но тем, что не говорила правды. Такое случается, если ты думаешь,

что тебя больше не любят. Одновременно ты влюбляешься в другого мужчину, который твердит тебе, что он тебя любит. Собственное лицо внушает тебе скуку, постепенно переходящую в депрессию. Ты внушаешь себе, что ни в чем не виновата. А тот, другой, он без конца говорит с тобой о тебе… Мне хотелось, чтобы кто-то открыл меня с этой стороны. Поначалу это была лесть, потом ей на смену пришла теплота, в которой я так нуждалась, и терпение, и нежность. У меня трудный характер, я склонна к грубости, я вечно сомневаюсь в своей красоте; чтобы чувствовать себя уверенно, мне необходимо чье-то восхищение. Ты на меня больше вообще не смотрел, и я думала, что я умерла. Твоя работа, твой дом, твои награды… Мне нужно было что-то для себя, и, когда я это что-то нашла, я попыталась от него отказаться. Следующие четыре месяца стали пыткой. Ты даже не заметил, от чего именно я отказалась, а я отказалась от себя. Я хотела быть собой и сказала: «Нет», но ты думал совсем о другом и презрительно назвал происходящее со мной связью. «Дурочка, это ничем не кончится, он тебя бросит. Ясное дело, ты была заинтересована фильмом. То есть своей ролью в этом фильме. То есть собой. Ну так пользуйся шансом, самоутверждайся». Ты сказал: «Это просто связь, банальная связь, у нее нет будущего, но ради нее ты разрушила наш союз. Без меня ты ничто, у тебя не будет ни работы, ни славы. Это я тебя слепил. А он ввергнет тебя в мрак неизвестности».

Я знаю, что эти слова были продиктованы горечью, но я ответила, что Жак – не первый. Я не хотела, чтобы ты думал о нем плохо. Он вовсе не заурядная посредственность, каким ты старался его представить. Как тебе объяснить, что он ждал полгода, прежде чем решился меня соблазнить? Хотя я была готова поддаться соблазну намного раньше. Я не сказала ему об этом, потому что у меня есть своя гордость, но вполне могла сказать. Я солгала тебе, чтобы ты не судил Жака так строго. Я старалась уменьшить твою боль, приписав себе грехи, которых не совершала, но оказалось, что этим я ранила тебя еще сильнее.

Серж, сегодняшняя ночь похожа на многие другие *бессонные ночи.* Я пишу тебе, но не отправляю этих писем, потому что боюсь причинить тебе новую боль, а это для меня невыносимо. Когда я вижу тебя, вижу твои слезы, я говорю себе: что я натворила? Я люблю тебя и больше никогда и ни за что не причиню тебе зла. Если б только ты мог положить руку мне на плечо, промурлыкать: «По-по-пи-до!» – и рассмеяться, как умеешь смеяться только ты, я бы знала, что ты счастлив, а значит, можешь снова разговаривать со мной. Я не собираюсь возвращаться на старое место, но я не почувствую себя счастливой до тех пор, пока не услышу от тебя:

«По-по-пи-до!» Пока не пойму, что в твоих глазах я снова – *allright girl*[196]. Попробуй как-нибудь. Больше я ни о чем не стану тебя просить.

Пожалуйста, поверь мне: я никогда, никогда не смогу тебя забыть. Я не хочу тебя забывать. Эта ужасная полоса должна когда-то закончиться, ты согласен? Я могла бы ужать это свое письмо до одной строчки: «Моя любовь с тобой навсегда». Знай: если тебе понадобится, чтобы я была рядом, я приду. Моя личная жизнь ничего не меняет в моей преданности тебе. Это разные вещи. Разве мы не в состоянии вырваться за рамки банальности, стать людьми, которые без горечи вспоминают все, что у них было хорошего? Или я требую слишком многого?

Вот, милый Серж, какое письмо я хотела тебе написать, но не знала, как за него взяться.

Джейн

XXX

Лето

Милый Серж!

Шарлотта передает тебе привет и желает приятной поездки. Также передаю тебе письмо, написанное в понедельник вечером. Оно имеет смысл только потому, что предназначено тебе, поэтому я его тебе пересылаю. К счастью, мы с тобой поговорили по телефону, и я поняла, что то, о чем мне рассказала мадам Азан, не вполне соответствует действительности.

Обнимаю тебя, Серж! Не забудь штанишки моей обезьянки.

* * *

Мне невероятно повезло, что он согласился остаться мне близким другом, хотя поначалу это было для него невероятно трудно. Когда у меня родилась Лу, он высказал желание стать ей вторым отцом, то есть крестным. Если у него возникали проблемы, он звонил мне, и я была счастлива его звонкам. Он мог прийти ко мне на улицу Тур в полночь и попросить накормить его ужином. Иногда он приезжал на полицейской машине или на такси. Мы накрывали на стол дважды: в первый раз для меня, Жака и детей, а во второй, в самое непредвиденное время, для Сержа. Иногда к нему присоединялась Шарлотта, иногда – Бамбу. Бамбу стала для меня лучшим человеком на свете. Она не дала Сержу себя разрушить, погубить, она родила ему ребенка, у него появилась новая семья, она была молодая и красивая и не возражала против его манеры с ней обращаться. Она позволила

мне поддерживать с Сержем профессиональные отношения, которые ничем ей не угрожали. Она поняла, что мне необходимо хотя бы частично разделять его жизнь, а ему – иметь друга, с которым можно говорить абсолютно обо всем. И потом, у нас была Шарлотта. Они казались мне ровесницами, способными на одни и те же глупости. По выходным у Шарлотты была своя жизнь на улице Вернёй. Бамбу и Люлю жили в Чайнатауне, в квартире, как две капли воды похожей на ту, что была на улице Вернёй. Серж познакомился с Бамбу вскоре после моего ухода, и с того дня я знала, что он спасен.

* * *

1982

[197]

Рим, ресторан «Babington Tea Room»

Моя ненаглядная Лу вертелась всю ночь, и я почти не спала. Лу[198], ты кто – мальчик или девочка? Скажи, проказница. У тебя такие же черные волосы, как у него? Я на это надеюсь. Я хочу, чтобы у тебя были его брови и его овал лица. Все остальное пусть будет моим. Господи, о чем я только думаю! Что за глупости лезут в голову. Это все жара виновата, или холодный чай, или мысли об обеде с Феррара[199] – как только представлю себе такую толпу продюсеров, голова начинает кружиться. Короче говоря, сижу на площади Испании, у подножия лестницы и пью холодный чай – вместо того, чтобы карабкаться по ступенькам к английской святыне – дому Китса! О нет, слишком жарко для культуры. Здесь, в толпе американских туристов, гораздо уютнее – и душа отдыхает, и ноги. Жак, бедняга, снимает рекламу детских пеленок! Он сказал, что не хочет видеть меня на съемках, потому что ему стыдно. О-ля-ля! Пеленки, жара, приехавшие из Парижа мамаши с трехмесячными младенцами! Это тест на прочность его любви. Лу нужны будут деньги, куда от этого денешься? Лулу, ты как там? Я иду прогуляться!

Об авторе

Джейн Биркин (р. 1946) – британская актриса и певица, в конце 1960-х переехавшая во Францию и позже получившая французское гражданство. Дебютировала в кино небольшой ролью в культовом фильме М. Антониони «Фотоувеличение». В Париже познакомилась с композитором, певцом и актером Сержем Генсбуром, за которого вскоре вышла замуж. Генсбур и Биркин дуэтом исполнили песню «Я тебя люблю… Я тебя тоже нет», которая принесла обоим мировую славу.

В 1970-е Джейн много снималась в кино. Ее партнерами по съемочной площадке были такие звезды, как Питер Устинов, Мэгги Смит, Роми Шнайдер, Брижжит Бардо, Жан-Луи Трентиньян и многие другие.

С конца 1980-х выступает с сольными концертами, исполняя песни, написанные для нее Сержем Генсбуром.

notes

Примечания

1

На эти задания всегда выходило по два корабля. Впоследствии Питер Уильямс стал крестным отцом моего брата Эндрю. – *Здесь и далее, если не оговорено особо, – прим. автора.*

2

Дочь Уинстона Черчилля, актриса и талантливая поэтесса, чья жизнь закончилась довольно-таки трагически. Мы с папой ходили к дому Черчилля в его последний день рождения и, стоя у него под окнами, приветствовали его; позже, в 1965 году, мы с Эндрю влились в толпу, провожавшую его в последний путь; чтобы лучше разглядеть, что происходит впереди, мы забрались на мусорный бак. Больше всего меня потрясло и тронуло, что подъемные краны один за другим опускали свои стрелы, когда мимо проплывала по Темзе баржа с гробом Черчилля.

3

Обещания, обещания (*англ.*). – *Прим. пер.*

4

Комбинезон. Такой в конце жизни носил Черчилль.

Нижняя (*англ.*). – *Прим. пер.*

Верхняя (*англ.*). – *Прим. пер.*

Зд.: урожайные годы (*англ.*).

8

Господь говорит… И я с ним согласен (*англ.*). – *Прим. пер.*

9

Морозильник для задницы (*англ.*) – сленговое название формы учеников Итона и некоторых других престижных мужских школ Великобритании. – *Прим. пер.*

10

Педик! (*англ.*)

Зд.: Люблю тебя (*англ.*). – *Прим. пер.*

12

Jane (*англ.*) – с заглавной буквы означает женское имя, со строчной (jane) – девица, деваха. – *Прим. пер.*

13

В интернате мы, как все, носили трусы, но поверх них надевали черные трико, чтобы, в случае если мы споткнемся и у нас задерется юбка, видны были только эти самые черные трико. Кстати, длина юбки была строго регламентирована: на три сантиметра ниже колена.

14

Книга английского писателя Джона Бакена, автора шпионских и авантюрных романов. – *Прим. пер.*

15

Журнал, выходивший в школе Хэрроу. Не путать с газетой, которую мой брат издавал в одиночку, начиная с подготовительной школы и в которой ругал все подряд. Ее читали даже учителя.

16

Медаль моего отца.

17

Вымышленный персонаж, придуманный моим отцом, – отвратительный тип, чем-то напоминающий капитана Крюка из «Питера Пэна».

18

Оценка, примерно соответствующая «удовлетворительно» на грани с «хорошо». – *Прим. пер.*

19

60 ден! Толстые и плотные! К тому же если на них спускалась петля, ее можно было поднять, – и я до сих пор умею это делать.

Британские железные дороги. – *Прим. пер.*

21

Брат моей матери.

22

Это тетка моей матери. Она жила в совершенно безумном доме, с попугаями и своим верным компаньоном Неллом.

23

Это была гипсовая фигурка горгульи собора Нотр-Дам, купленная в сувенирной лавке. Я до сих пор храню ее у себя. Любопытно, что когда мы с Эндрю и Кейт ездили в Париж на съемки фильма «Лозунг», то жили в отеле напротив Нотр-Дама.

24

Миссис Гриффит была ее экономкой.

25

Spam – spiced ham, то есть консервированная ветчина.

Вы сами вырастили эти цветы? (*англ.*)

27

Девушка, которая жила у нас и помогала по хозяйству за стол и кров. Мама всегда приглашала на эту работу самых красивых девушек, чтобы папа мог их писать. Я хорошо помню двух француженок, Рене и Жаклин; у меня до сих пор сохранились их портреты. Единственное требование, которое к ним выдвигалось, – любить пекинесов.

28

Еще одна тетушка моего отца.

29

Одна из двух горничных моей бабушки.

30

Мой прадед, преподобный Рассел, менял местами головы и туловища чучел, а под экспонатами писал: «Таковы Божьи чудеса».

31

Один из самых знаменитых поэтов Викторианской эпохи.

32

Уолли был шофером. Они с женой, которую звали Мейвис, жили напротив нас и всегда будили наше любопытство, потому что у них не было детей. Именно он приезжал встречать нас на вокзал, он же возил нас по магазинам и на пляж.

33

PDSA (Peoples Dispensary for Silk Animals) – Народная ветеринарная амбулатория.

34

Ночь на 5 ноября известна как ночь Гая Фокса: мы брали старые отцовские вещи, набивали их соломой, сверху прикрепляли шляпу, потом шли к соседям просить «пенни для Гая» и поджигали чучело. Сегодня за неделю до этой даты отмечают Хеллоуин, и старая традиция утрачена.

35

Папин пекинес, которому было 16 лет.

36

Дочь Пемпи.

Пушистая (*англ.*). – *Прим. пер.*

Пирожки (*англ.*). – *Прим. пер.*

39

Сын терапевта, который лечил моих родителей. Через несколько лет он погиб в авиационной катастрофе в Орли.

40

После смерти Кловер он так переживал, что у него родилась эта идея. В конце концов они взяли другого пекинеса.

Отлично. – *Прим. пер.*

Хорошо. – *Прим. пер.*

General Certificate of Education – аналог аттестата зрелости. – *Прим. пер.*

Собственность ее величества (*англ.*).

45

Я должна, я должна увеличить свою грудь (*англ.*).

Полукровка (*англ.*).

47

В дневниках, написанных по-английски, это слово написано пофранцузски.

48

Позже я рассказала эту историю Сержу, и он использовал название фильма в припеве песни «Что»: «Я хотел бы, чтобы Земля остановилась, и я сошел».

49

Модные тогда туфли, которые держались на ноге с помощью маленького ремешка.

Пока (*англ.*). – *Прим. пер.*

51

Круглый пруд в Кенсингтон-Гарденс.

52

Музыкальная программа на Би-би-си, представляющая десятку лучших песен.

53

Черт возьми! (*англ.*)

54

«Убийство в темноте» (*англ.*) – карточная игра, которую во Франции называют «Игра в сардины».

«Видал Сассун».

56

По всей видимости, в честь дня освобождения Парижа.

Из одной из этих газет я и узнала о смерти Мэрилин.

58

Незадолго до этого мы с матерью были на экскурсии по греческим островам. За ней ухаживал один миллионер, а за мной – французский писатель Робер Катрепуэн, который не расставался с гитарой. Потом он писал мне письма, в которые вкладывал засушенные анютины глазки, а затем прислал свою книгу «Дневник человеческого существа».

59

Судя по всему, это был замечательный молодой человек, но я его совершенно не помню. Если он жив, пусть даст о себе знать!

60

Как раз накануне я купила сорокапятку «Все мальчишки и девчонки моего возраста». Если я ничего не путаю, на обложке была изображена Франсуаза под красным зонтиком.

61

В дневнике – по-французски, с ошибками.

62

Большой лондонский магазин.

63

Образ, навеянный нашим соседом Нилом, к которому я многие годы была неравнодушна.

64

Драматургия кухонной мойки – направление в искусстве 1950–1960-х гг., разновидность социального реализма.

Художественная школа (*англ.*). – *Прим. пер.*

«Леди не для костра» (*англ.*). – *Прим. пер.*

Майкл, несмотря на молодость, был знаменитостью, исполнителем главной роли в фильме «Сноровка», удостоенной Золотой пальмовой ветви на Каннском фестивале. Я тоже снялась в этом фильме, сыграв маленькую роль. Затем он работал в Голливуде, снялся в «Хелло, Долли» с Барброй Стрейзанд и в «Забавной истории, случившейся по дороге на форум» Ричарда Лестера с Зеро Мостелом. Он же сыграл главную роль в «Призраке оперы». Они с Габриэль много лет состояли в браке, у них родились две дочери – Эмма и Люси. Все время, пока я была замужем за Джоном Барри, мы вчетвером часто проводили вместе вечера. Впоследствии Габриэль стала моей лучшей подругой.

Мужем и женой (*англ.*). – *Прим. пер.*

Любовница (*англ.*). – *Прим. пер.*

Не вешай носа! (*англ.*)

71

«Все страньше и страньше» – цитата из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла в переводе Н. Демуровой. – *Прим. пер.*

«Долой бомбу!» (*англ.*) – лозунг сторонников Кампании за ядерное разоружение. – *Прим. пер.*

Зд.: «мыслишки» (искаж. *англ.*). – *Прим. пер.*

Толстяк (*англ.*). – *Прим. пер.*

Джон, как истинный ирландец, хотел назвать ее Шивон, но мне показалось, что это слишком мудрено. Его шведскую дочь звали Шанна, а мне нравилось имя Кейт. На острове Уайт у меня была кузина по имени Кейт, довольно взбалмошная особа. В «Генрихе V» (его играл сэр Лоренс Оливье) есть сцена, где король заигрывает с Екатериной, дочерью французского короля. Кроме того, есть мюзикл Кола Портера под названием «Целуй меня, Кэт». Одним словом, имя Кейт представлялось мне очень романтичным.

76

К фильму «Рожденная свободной» Джеймса Хилла.

77

У графа Куэльяра был на Майорке дом, который Джон снимал и в мое время, и после меня вместе с Майклом Кроуфордом и их подругами.

78

Годы спустя, когда мы крестили сына Мишеля Пикколи (крестной матерью была я, а крестным отцом – Патрис Шеро), я выяснила, что эта тактика не работает. Невразумительным бормотанием там не отделаешься!

Крещение в итоге так и не состоялось, и Кейт осталась некрещеной, как, впрочем, и Шарлотта, и Лу.

Дешевкой (*англ.*). – *Прим. пер.*

Зд.: сверхприличной девочкой (*англ.*). – *Прим. пер.*

Зд.: чертовски порядочной (*англ.*). – *Прим. пер.*

83

По-моему, я имела в виду жену продюсера фильмов о Джеймсе Бонде.

Бедняжкой *(англ.)*. – *Прим. пер.*

85

«Пришло время каждому из нас идти своим путем» (*англ.*).

86

Линкольн-Хаусом назывался огромный викторианский особняк в Ноттингеме, принадлежавший моей бабке с отцовской стороны. Его продали и снесли, чтобы построить на его месте многоквартирный дом. В саду срубили большой старый дуб. Эндрю из любопытства и ностальгических чувств съездил туда и привез кое-какие обломки.

87

Аллюзия на шекспировские строки из «Ричарда II»: «Я долго время проводил без пользы, зато и время провело меня». – *Пер. М. Донского.*

88

Кейт и я

Мы обе одиноки /Она и я/ Мы бежали по пляжу/ Две одиночки/ Против потока/ Против дождя/ Держась за руки/ Бежали вдвоем/ Далеко-далеко/ Она и я/ Единственное любимое лицо/ Единственное что я люблю / Зачем я слишком часто ее целовала/ Зачем я пугала ее.

89

Английский режиссер, впоследствии снявший фильм «Огненные колесницы».

«Не беспокоить» (*англ.*). – *Прим. пер.*

Джентльменское соглашение (*англ.*).

При крещении Сержу дали имя Люсьен.

93

Крестики-нолики (*англ.*).

Ни один из дневников за 1969 год не сохранился.

Думаю, мы записали хит (*англ.*).

Долгоиграющая пластинка (*англ.*).

97

Мы жили в этом отеле с Кейт, Эндрю и моими родителями, и именно здесь мы узнали об убийстве Шэрон Тейт. Эта весть означала для нас завершение эпохи беззаботности. Лозунг «Сила цветов» уходил в прошлое, а вместе с ним – свобода и радость. Мы начали скатываться к чему-то другому. Бедный Роман.

98

Луи Азан и его жена Одиль были самыми близкими друзьями Сержа. Луи возглавлял фирму «Фонограм», а прославился в 1975 г., когда стал жертвой похищения. Оба они прекрасно знали творчество Густава Малера. Днем мы с Одиль ходили в кино на немецкие психологические драмы. Я дружила с ними до самой их смерти. В 1970-м Луи Азан начал переводить на французский мои юношеские дневники. Мы общались весь прошлый год, до тех пор, пока его не стало.

99

Наш дальний родственник со стороны отца.

100

Не помню, что это была за операция. Возможно, чистка.

101

По улице Вернёй.

Ссора (*англ.*).

103

Моя милая маленькая Кейт (*англ.*).

Зд.: карикатура (*англ.*).

105

Она всегда казалась мне более яркой, чем я. Такая же высокая, как мои брат и мама, с длинными вьющимися темными волосами… Когда она шла босиком по Кингс-Роуд, прохожие оборачивались ей вслед. Если я была хорошенькая, то она – красавица; я была в моде, а она была ни на кого не похожа. Такой она и остается.

106

Когда операцию делали папе, я, как обычно, отдала Манки ему.

107

Сверкающий (*англ.*).

Сласти (*англ.*).

109

Общепринятое собирательное имя для моряков торгового и военно-морского флота времен Британской империи. – *Прим. пер.*

Пир (*англ.*).

111

Дурачок, простофиля (*англ.*).

112

Имеется в виду фильм «Скажи им, что Вилли-Бой здесь». – *Прим. пер.*

113

Оливер Тобиас.

Рут Майерс.

115

Однажды по пути на натурные съемки мы проезжали мимо цыганского табора, расположившегося у подножия холма. Юл выскочил из машины, замахал руками и закричал: «Мой народ!»

«Цирк Илока» (*англ.*).

117

«Добро пожаловать, мистер Генсбур и мисс Биркин» (*англ.*).

Хаппи – традиционная японская одежда, куртка с прямыми рукавами и рисунком на спине. – *Прим. пер.*

119

Чайный сад (*англ.*).

120

Чайный домик (*англ.*).

121

Пышки (*англ.*).

122

Джон отказался от аренды дома на Чейн-Роу, который был расположен по соседству с домом моих родителей. Мы приезжали туда на каникулы и на Рождество; мой брат устраивался в подвале.

123

Няня.

Зд.: милый (*англ.*).

Помню, что Серж сказал: «Твоего! Я не хочу возненавидеть свое!» Поэтому они записали: «Англиканская церковь». Кроме того, как мне кажется, он думал, что они отнесутся к ней с большей заботой, если будут знать, что она англичанка…

Он репетировал шоу Ролана Пети с участием Зизи Жанмер в «Казино де Пари». Костюмы Ива Сен-Лорана, декорации Эрте, музыка и стихи Сержа Генсбура. Именно для Зизи он написал песню «Элиза». Она была в костюме медсестры; на сцене появлялся настоящий поезд, в котором сидели парни в форме серо-голубого цвета. Они пели: «Элиза, Элиза, солдатская дочь», и поезд медленно уплывал за кулисы. Потом возникала огромная лапа Кинг-Конга, сжимавшая Элизу. Серж обожал Ролана. Эта пара – Ролан Пети и Зизи Жанмер – были нашими единственными друзьями.

127

Мы поехали в Ле-Туке потому, что Серж хотел сводить меня в ресторан «Флавьо» – шикарное заведение при казино, в котором он в молодости подрабатывал пианистом. Он заказал омаров и выбрал самый лучший столик, помня о том, что раньше ему приходилось ужинать на кухне.

«Море, секс и солнце» (*англ.*).

«Любовь в такт», «Вы арестованы» (*англ.*).

Мясное или рыбное рагу под арахисовым соусом. – *Прим. пер.*

131

Дневники за 1972 год утрачены.

132

«Мой милый за океаном» (*англ.*) – народная шотландская песня.

133

В Бобиньи проходил судебный процесс над несовершеннолетней девушкой и несколькими женщинами, которые помогли ей сделать аборт. Их защищала Жизель Алими.

134

Мадам Ремонд была наша новая няня. Серж категорически не желал, чтобы детей везла я.

135

Лягушка Джереми Фишер – персонаж знаменитой детской сказки Беатрикс Поттер.

136

Так звали собаку, которую я подарила Сержу.

137

Зд.: Господи! (*англ.*)

Ирландское рагу (*англ.*).

139

Речь идет о картине «Частный показ» режиссера Франсуа Летерье.

140

Мой агент.

141

Зд.: старушка (*англ.*).

142

Чейн-Гарденс пришлось сказать прощай. Отец хотел купить парусную лодку, чтобы ходить по Темзе; мама мечтала о бассейне. Они прожили год на этой улице со столь неблагозвучным названием. Папа так и не купил себе лодку, но мама все-таки устроила себе огромный бассейн, в котором плавали только они с Линдой. В конце концов они вернулись в Челси.

143

Если я ничего не путаю, Эндрю как раз писал сценарий об Альберте Шпеере. Поэтому ему надо было попасть на ту сторону Берлинской стены.

Зд.: Боже мой! (*англ.*)

Мой отец был талантливым художником, и я думаю, если в истории что-то и останется от Биркинов, то это его картины да еще, пожалуй, скульптуры моей сестры, а вовсе не наши песенки и фильмы.

146

Сестра Пемпи, Энджела Лейкок.

Дружеская болтовня (*англ.*).

Бедняжка (*англ.*).

149

Славный старина (*англ.*).

150

«Пусть груда поленьев не станет деревом, которое мешает тебе видеть лес» (*англ.*). «Грудой поленьев» (*pile*) в английском разговорном языке называют геморрой.

151

«Серьезный, как удовольствие».

152

Бобби Каса Мори, муж папиной двоюродной сестры Фреды Дадли Уорд, имел обыкновение перед сном жаловаться жене на отвергнувших его женщин. Фреда после этого долго не могла уснуть, а он ждал, что она скажет: «Бедный Бобби!»

153

Этот странный коротенький рассказ навеян моей жизнью с Джоном Барри и, возможно, с Сержем. Я жила в его безупречно отделанной квартире на улице Вернёй, в которой мне запрещалось к чему-либо прикасаться. Но все же это скорее воспоминание о первой ночи с Джоном. Его квартира тоже отличалась великолепием, и он был красив, богат и знаменит. И я в самом деле после свадьбы шла со своей сестрой Линдой домой, к родителям, вприпрыжку, на ходу объясняя ей, что надо и чего не надо делать, чтобы забеременеть.

154

«Обезумевший баран» Мишеля Девиля.

Бедный (*англ.*).

156

Моя милая мамочка не хотела, чтобы дети называли ее Грэнни, то есть «бабуля». Она предпочитала «бабушку» – «Гран Ма» (Grand Ma). Но Кейт, у которой была дислексия, стала называть ее Манга.

Привлекательный (*англ.*).

Ее муж Кэрол Рид скончался незадолго до этого.

Первая буква английского имени Andrew. – *Прим. пер.*

Какая красота! (*англ.*)

161

Серж сочинил гимн в честь Шестидневной войны – «Песок и солдат». Он принял эту историю гораздо ближе к сердцу, чем можно было подумать.

Зд.: «Пошевеливайся, Джейн, черт тебя возьми!» (*англ.*)

163

Зд.: красавица (*англ.*).

В то время – муж Миа Фэрроу.

165

Дорогая (*англ.*).

Зд.: проклятые (*англ.*).

И говорить нечего! (*англ.*)

Зд.: старомодная (*англ.*).

169

Потрясающий человек! Он получил не меньше трех «Оскаров», в том числе один – за «Смерть на Ниле». В начале карьеры он был ассистентом Сесила Битона; впоследствии работал над дизайном костюмов на картине «Тэсс». Сотрудничал с Дэвидом Лином, Стивеном Спилбергом, Романом Полански и другими знаменитыми режиссерами.

О, как мило! (*англ.*)

171

«Земля надежды и славы» (*англ.*) – патриотическая песня, многими воспринимаемая как гимн Англии. – *Прим. пер.*

С этой дамой явно не все в порядке (*англ.*).

173

Зд.: «Много ветчины с яйцами» (*исп.*).

«Бывший фанат шестидесятых» (*англ.*).

175

Крест Виктории – высшая британская военная награда за героизм, проявленный в боевой обстановке. – *Прим. пер.*

Неуверенная в себе (*англ.*).

177

«Меланхоличная малышка» Клариссы Габюс.

178

Продюсер фильма.

179

«К оружию, и т. д.».

180

Племянница Сержа, дочка Жаклин.

181

Я играла женщину, чей образ вдохновил Эгона Шиле, и мне приходилось, оберегая свое тело, постоянно сидеть нагишом.

182

Исполнитель роли Эгона Шиле.

183

Эндрю познакомился с Би, когда она была замужем за актером Иэном Холмом, который играл Дж. М. Барри в фильме Эндрю для Би-би-си. У них было двое детей: сын Барнаби и дочь Мелисса. Эндрю влюбился в Би, а заодно в ее детей. Они прожили вместе почти 20 лет. У них родились еще двое детей: Энно и Нэд.

184

Новый адрес моих родителей.

«К оружию, и т. д.».

186

Серж сам попросил их остаться сидеть в автобусе, объяснив, что у них и без того хватает проблем. Но мы с Лерикомом его не бросили и стали свидетелями исторического момента.

187

Подъемник (*англ.*).

188

Владелец отеля «Элизе-Матиньон».

189

Владелец «Латинского рая».

190

Яхтсмен, совершивший одиночное кругосветное путешествие. Меня попросили выступить в роли «крестной матери», когда его судно спускали на воду для участия в «Ромовом рейсе». Я поклялась себе, что больше никогда не соглашусь на что-либо подобное, потому что его яхта столкнулась с паромом и вскоре сошла с дистанции. Мы с Сержем услышали об этом по радио. Поэтому, когда меня просят «окрестить» очередную яхту, я всегда отвечаю: «Вспомните Ригиделя…»

191

Съемки фильма об Эгоне Шиле продолжились в Югославии.

«Шарлотта навсегда» (*англ.*).

Зд.: абсурд (*англ.*).

Лола, дочка Жака, была младше Кейт, но старше Шарлотты. Изумительно красивая девочка! Мой брат Эндрю снял с ее участием короткометражку о скале Лорелеи, настолько она всех нас очаровала.

195

Вплоть до сегодняшнего дня!

Зд.: хорошая девочка (*англ.*).

197

Начиная с этой даты и до 2013 г. дневники частично написаны по-французски.

198

Мы еще не знали, кто у нас родится – мальчик или девочка, – но твердо решили, что назовем ребенка Лу. Жак выбрал это имя в память Лу Андреас-Саломе, я – в честь «Стиха для Лу» Аполлинера, который во время съемок в Риме мне читал Трентиньян.

199

Мой агент.